

Б. Г. Алиев
М.-С. К. Умаханов

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
ДАГЕСТАНА
XVII — нач. XIX в.**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Б. Г. Алиев
М.-С. К. Умаханов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
ДАГЕСТАНА
XVII — нач. XIX в.
(Книга II)

(Историческая география
Южного Дагестана)

Махачкала, 2001

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Р. Шихсаидов (ответственный редактор), А. И. Османов, М. М. Гусаев

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

М. Р. Гасанов — доктор исторических наук, проф.,
Н. А. Магомедов — доктор исторических наук,
Е. И. Иноземцева — кандидат исторических наук.

Б. Г. Алиев, М.-С. К. Умаханов

«Историческая география Южного Дагестана XVII—нач. XIX в.»

Монография является второй частью (книга II) общей работы, посвященной исторической географии Дагестана XVII—нач. XIX в. Речь в ней идет о проблемах исторической географии Южного Дагестана указанного времени.

В настоящем издании читатель найдет сведения о природно-географическом и историко-географическом положении, территории, границах, населении, его этническом составе, расселении, названиях и численности, основных населенных пунктах, исторической экономической географии, исторической политической географии Южного Дагестана в целом и его политических структур.

Работа рассчитана на специалистов-историков, географов, этнографов, а также аспирантов, студентов и читателей, интересующихся историей народов Дагестана.

Рекомендована к изданию решением Ученого совета Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН от 10 марта 2000 г.

ISBN 5-94434-001-0

instituteofhistory.ru

© Б. Г. Алиев, М.-С. К. Умаханов, 2001
© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001
© Издательство типографии ДНЦ РАН, 2001

ВВЕДЕНИЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ. ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ

В условиях распада СССР, неопределенности границ выделившихся из него государств, превращения Дагестана в южный форпост Российской Федерации и в объект геополитических интересов многих стран мира проблема исторической географии Дагестана приобретает большую политическую значимость. Весьма актуально установление исторической территории и границ Дагестана.

В этом плане особенно большое значение имеет установление южных и юго-восточных границ Дагестана, являющихся в то же время южными границами Российской Федерации в целом. Этой проблеме и посвящена работа «Историческая география Южного Дагестана XVII — нач. XIX в.», являющаяся частью общей проблемы «Историческая география Дагестана XVII—нач. XIX в.».

Историческая география Южного Дагестана, как и проблема исторической географии Дагестана в целом, до настоящего времени не стала объектом самостоятельного исследования. Между тем изучение всех аспектов этой важнейшей научной проблемы имеет большое значение для дальнейших исследований общетеоретического характера. Но отсутствие специальных работ по исторической географии Южного Дагестана не означает, что эта проблема осталась вообще вне поля зрения ученых. Многие аспекты проблемы затрагивались и даже более или менее подробно освещались в ряде исследований отечественных и отдельных зарубежных авторов как дооктябрьского, так и советского периодов. Вопросы исторической географии Южного Дагестана разбирались как в работах, посвященных Дагестану в целом, так и в специальных трудах по Южному Дагестану или по отдельным народам этого региона.

Первые известия по вопросам исторической географии Южного Дагестана мы находим в работах авторов XVII—нач. XVIII в. Это сведения членов различных посольств, проезжавших по терри-

тории Дагестана, путешественников и участников военных походов, совершенных царскими войсками в Дагестан. Среди них работы московского купца Федота Котова, немецкого ученого, секретаря и советника голыштинского посольства Крузе и Бругельмана, Адама Олеария, турецкого путешественника Эвлия Челеби, голландского путешественника Яна Стрейса, голландского художника и путешественника Корнелия де Брейна, участника посольства 1715—1718 гг. в Персию А. П. Волынского дворянина А. И. Лопухина, участников похода Петра I на побережье Каспийского моря И.-Г. Гербера и Джона Белла; академика И. А. Гюльденштедта, совершившего по поручению Академии наук путешествие по юго-востоку европейской части России и Кавказу и побывавшего с 1770 по 1773 год на Севере Дагестана и в других регионах Кавказа; С. Г. Гмелина — ученого-ботаника, действительного члена Российской академии наук, обследовавшего прикаспийские области с 1769 по 1774 гг.; Якоба Рейнегеса — немецкого ученого-медика, собиравшего материал по различным вопросам исторической географии Дагестана в 80-е годы XVIII в., и, наконец, труды участников Персидского похода 1796 г. Ф. Ф. Симоновича, И. Т. Дренякина, А. Г. Сереброва, П. Г. Буткова, А. И. Ахвердова¹.

Разумеется, не все работы указанных авторов равноценны по содержащимся в них сведениям по исторической географии Южного Дагестана. В одних из них имеется только простое упоминание тех или иных событий, перечень каких-то фактов, в то время как в других работах содержится довольно значительный матери-

¹ **Олеарий А.** Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; **Челеби Э.** Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подолья / Пер. и коммент. М.: Наука 1979. Вып. 2; М., 1983. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана; **Стрейс Я.** Три путешествия. М., 1935; **Лопухин А. И.** Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. (далее ИГЭД): Архивные материалы / Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. с. 6—59; **Гербер И.-Г.** Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 59—120; **Белл Д.** Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испанию, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т. I—III; **Гюльденштедт И. А.** Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 годах. СПб., 1809; **Гмелин С. Г.** Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. III; работы **Брейна** и **Рейнегеса Я. С.** Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. / Составл., введ., вступительная статья к текстам и примечания проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 145—157; 249—288; работы **Симоновича Ф. Ф.**, **Дренякина И. Т.**, **Сереброва А. Г.**, **Буткова П. Г.**, **Ахвердова А. И.** см: ИГЭД. С. 138—229.

ал по различным аспектам проблемы. Но следует отметить, что, не считая И.-Г. Гербера и участников Персидского похода 1796 г., остальные из перечисленных авторов в основном останавливаются на Дербенте и Дербентском владении, не затрагивая другие части Южного Дагестана. Это делает их работы односторонними, в них дается описание того, что легче, что лежало на их пути, они не проникали дальше прикаспийской низменности.

Но следует подчеркнуть, что все работы XVII—XVIII вв. скорее всего являются для нас не исследованиями, а источниками, ибо они написаны людьми, которые были непосредственно сами в Дагестане, являлись свидетелями его положения и происходивших в период их пребывания здесь событий.

Важны для нашего исследования по той же причине и крупные работы по Кавказу и Дагестану, написанные в первой половине XIX в.: С. М. Броневского, О. Евецкого, П. Зубова, «Обозрение Российских владений за Кавказом», Н. Данилевского, А. Неверовского, И. Н. Березина¹. Особо среди них следует указать на работу С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», написанную в самом начале XIX в. и изданную в 1823 г. С. М. Броневский также был участником Персидского похода 1796 г. и работа его основана на собранном им материале, документах и работах предшественников — авторов XVIII в., как И.-Г. Гербер, А. И. Гюльденштедт и т. д., которые также собирали материал для своих работ сами — будучи в Дагестане. Это и делает работу С. М. Броневского, как и других авторов — участников Персидского похода 1796 г. под командованием ген. В. Зубова, ценнейшим источником по исторической географии и истории Дагестана в целом.

Среди работ второй половины XIX в., в которых также освещается ряд вопросов исторической географии Дагестана в целом, отметим труды А. Берже, П. Петухова, А. В. Комарова, Н. Ф. Дуб-

¹ **Броневский С. М.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I—II; **Евецкий О. С.** Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835; **Зубов П.** Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1835. Ч. 3; **Обозрение Российских владений за Кавказом** в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В. С. Легкобытова. СПб., 1836. Ч. IV; **Данилевский Н.** Кавказ и его горские жители. М., 1846; **Неверовский А. А.** Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847; **Его же.** Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848; **Березин И. Н.** Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850.

ровина, А. И. фон-Плотто, И. Линевица, Е. Вейденбаума, П. К. Услара, П. П. Надеждина, В. Потто, Е. И. Козубского¹, в которых затрагиваются и вопросы исторической географии Южного Дагестана, имеющие определенное отношение и к интересующему нас периоду.

В начале XX в. были написаны и изданы работы К. Ф. Гана по географическим названиям и А. М. Дирра² по названиям кавказских народов, где имеется материал и по Южному Дагестану, а также труд Е. И. Козубского, посвященный Дербенту³.

Ряд вопросов исторической географии Южного Дагестана освещается в работах местных исследователей А.-К. Бакиханова и Г.-Э. Алкадари⁴. Впрочем, и их труды, основанные главным образом на арабских, персидских, тюркских и местных источниках, для нашего исследования могут выступать как источники.

Большой круг вопросов проблемы исторической географии Дагестана в целом и его отдельных регионов, в том числе и Южного Дагестана, освещается или затрагивается в исследованиях отечественных ученых советского периода. Из первых работ этого периода следует отметить труды Б. Ф. Добрынина (1926 г.) и А. Алкадарского (1929 г.)⁵, посвященные географии Дагестана, в том числе и южного его региона.

¹ Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856; Его же. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857; Петухов П. Очерк К.-Табасаранского округа. (В Южном Дагестане) // Кавказ, 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17; Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8; Его же. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1869. Т. I; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. I; Плотто А. И. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4; Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7; Вейденбаум Е. Г. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1884; Его же. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901; Услар П. К. Этнография Кавказа. Кюринский язык. Тифлис, 1896; Его же. Этнография Кавказа. Табасаранский язык. Тифлис, 1879; Надеждин П. П. Опыт географии Кавказского края. Тула, 1891; Его же. Кавказский край. Природа и люди. Второе совершенно вновь обработанное и дополненное издание. Тула, 1895; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб., 1887. Вып. 1. Т. I; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

² Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40; Дирр А. М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.

³ Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

⁴ Бакиханов А.-К. Гюлистан и Ирам. Баку: Элм, 1991; Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала: Юпитер, 1994.

⁵ Добрынин Б. Ф. География Дагестанской С. С. Республики. Буйнакск, 1926; Алкадарский А. География Дагестана. Махачкала, 1929.

Из работ 30—40-х годов к нашей проблеме имеют отношение исследования И. П. Петрушевского, посвященные Джаро-Белоканскому союзу (1934 г.)¹, С. В. Юшкова об особенностях феодализма в Дагестане (1938 г.)², А. Иванова по социально-экономическому и политическому положению Дагестана до завоевания царской Россией (1940 г.)³, П. А. Брюханова по социально-экономическим отношениям народов Дагестана в первый период завоевания Россией (1947)⁴ и М. В. Сандовой, посвященная переходу народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным (1947)⁵. В 40-е годы были написаны этнографические очерки Е. М. Шиллинга и Л. Б. Панек по рутулам, цахурам, агулам и табасаранам⁶, где имеются краткие сведения об их исторической географии.

В 1956 г. был издан сборник статей «Народы Дагестана»⁷, а в 1960 г. крупная работа в двух томах «Народы Кавказа»⁸, где имеются статьи советских ученых о всех народах Дагестана, в том числе о народах Южного Дагестана.

В 50—60-е годы дагестанские ученые издали ряд географических работ, содержащих сведения по ландкарте (географическое положение, территория, границы, рельеф, реки, климат, почвы). Это работы известных дагестанских географов К. К. Гюля,

¹ Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия: Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934; Его же. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934.

² Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута (исторический). Свердловск, 1938. Вып. 1.

³ Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. М., 1940. № 2.

⁴ Брюханов П. А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1941; Его же. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сб. трудов Пятигорского госпединститута. Ставрополь, 1947. Вып. 1.

⁵ Сандова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1947.

⁶ Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996.

⁷ Народы Дагестана. М., 1955.

⁸ Народы Кавказа. М., 1960.

А. Ф. Викторова, В. А. Гиммельрейха, П. Л. Львова, И. Н. Микулича, М. М. Эльдарова, И. М. Кисина, А. А. Тертерова¹.

В 60—70-е годы было издано много работ советских (в основном дагестанских) историков, этнографов и лингвистов, посвященных как непосредственно народам Южного Дагестана, так и освещающих среди других вопросов истории дагестанских народов, различные аспекты исторической географии народов Южного Дагестана. Это прежде всего работы Р. М. Магомедова² и Х.-М. О. Хашаева³, являющиеся фундаментальными исследованиями по истории Дагестана, в которых большое место уделяется рассмотрению различных аспектов исторической географии народов Южного Дагестана.

В 1962 г. вышли статьи Л. И. Лаврова о рутулах⁴ и Б. А. Калосва об агулах⁵, в которых также содержится ряд вопросов исторической географии указанных народов.

Нельзя особо не отметить специальную работу (1964 г.) Х. Х. Рамазанова и А. Р. Шисаидова⁶, посвященную народам Южного Дагестана, где авторы останавливаются на многих вопросах исторической географии всех народов лезгинской языковой группы, начиная с древнего времени до XIX в. включительно, а следовательно, и исследуемого нами хронологического периода.

В 1965 г. была издана крупная монография В. Г. Гаджиева, посвященная роли России в истории Дагестана⁷, где содержится материал по политическим образованиям Южного Дагестана, их

¹ Гюль К. К. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1957; Викторова А. В., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР: Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958; Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тертерова А. А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; Гюль К. К., Кисин И. М., Тертерова А. А. Природа Дагестана: Очерки. Махачкала, 1959; Гиммельрейх В. А. География Дагестанской АССР. Учебное пособие для VIII классов. Махачкала, 1963; Эльдаров М. М. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1980.

² Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957; Его же. История Дагестана. Махачкала, 1961, 1968.

³ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

⁴ Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем // КЭС. М.: Л., 1962. Вып. III.

⁵ Калосов Б. А. Агулы (историко-этнографический очерк) // КЭС. М.: Л., 1962. Вып. III.

⁶ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

⁷ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

структуре, населению, основным занятиям, системе управления, взаимоотношениям и т. д.

Специальная работа по народам Южного Дагестана была издана в 1967 г. дагестанским этнографом М. М. Ихтиловым¹, где в историко-этнографическом плане даются все политические структуры и народы Дагестана. И эта работа представляет собой определенный интерес для нашего исследования.

В 70-е годы вышел и ряд историко-этнографических (Ш. М. Ахмедов, А. И. Исламмагомедов, А. Г. Булатова; Г. Мусаев)² и лингвистических (Г. Х. Ибрагимов, Н. Д. Сулейманов)³ работ по рутулам и агулам, где имеются и отдельные вопросы их исторической географии.

Дагестанский этнограф С. С. Агаширинова в 1978 г. издала крупное историко-этнографическое исследование, посвященное лезгинам⁴, где содержится интересный материал по их расселению не только в Южном Дагестане, но и в Северном Азербайджане. Интерес представляет приложенная к работе карта расселения лезгин. В работе дается и материал по хозяйству, домашнему производству и ремеслу.

Одному из народов Южного Дагестана — табасаранцам посвятил свою монографию М. Р. Гасанов (1978 г.)⁵, где затронуты и освещены многие вопросы их исторической географии.

В 70-е годы был издан ряд работ Р. М. Магомедова. В одной из них, посвященной историческим этюдам Дагестана (1971 г.)⁶, имеется вопрос, посвященный происхождению названия Лезгинистан, а в другой работе, посвященной агулам Дагестана (1979 г.)⁷, содержится материал по многим селам союзов сельских общин Самурской долины и Кюры.

В работе В. Г. Гаджиева⁸, посвященной историографическому

¹ Ихтилов М. М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранов, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.

² Агулы. Махачкала, 1975; Мусаев Г. Из прошлого рутулов // ВИЭД. Махачкала, 1976. Вып. VII.

³ Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М., 1976; Сулейманов Н. Д. Агульцы // Советский Дагестан. Махачкала, 1974.

⁴ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—начало XX в. М., 1978.

⁵ Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XIII—нач. XIX вв. Махачкала, 1978.

⁶ Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. I.

⁷ Магомедов Р. М. По агулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. II.

⁸ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера. «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

анализу сочинения И.-Г. Гербера и изданной в 1979 г., во второй главе, посвященной Дагестану, имеется целый раздел «Южный Дагестан». Пожалуй, работа В. Г. Гаджиева является одним из наиболее крупных исследований, в котором широко освещаются вопросы исторической географии как Дагестана в целом, его политических структур, так и регионов и народов, в том числе и Южного Дагестана. Это такие аспекты проблемы, как название и самоназвание народов, их расселение, этнический состав и численность, историческая география хозяйства, политическая структура, взаимоотношения и т. д. В работе отдельно выделены союзы сельских общин лезгин Самурской долины, Кюра, Табасаран и Дербент.

Весьма плодотворными были для дагестанских исследователей 80-е и в особенности 90-е годы, когда было издано много исторических, историко-этнографических и лингвистических работ, содержащих и вопросы исторической географии различных политических структур и народов Южного Дагестана.

По времени издания первыми можно отметить работы, посвященные татам, авторами которых являются Е. Г. Голотвин и М. Е. Мататов (1981, 1990 гг.)¹, содержащие ряд вопросов исторической географии татов, как одной из народностей, проживающей и в изучаемое нами время в различных политических структурах Южного Дагестана.

Ряд вопросов исторической географии, касающихся расселения народностей, хозяйства, управления и т. д., затронут в работах М. А. Агларова², посвященной сельской общине Нагорного Дагестана, и Б. Р. Рагимовой³, посвященной сельской общине самурских лезгин.

Среди историко-этнографических работ 90-х годов отметим исследование Б. М. Алимовой⁴, посвященное табасаранам (1992 г.), где автор останавливается на ряде вопросов исторической географии Табасарана.

В историческом плане Табасаран изучен М. Р. Гасановым, из-

давшим в 1994 г. очерки истории Табасарана¹. Здесь много вопросов исторической географии, как ландшафта, население, название Табасаран, география хозяйства, интересные сведения о союзах сельских общин. К работе приложена карта Табасарана с выделением его политических структур и отдельных географических регионов.

В 90-е годы стало модным выпускать «Истории Дагестана», авторами которых выступают как отдельные исследователи, так и коллективы ученых. Такие истории изданы коллективом преподавателей Даггоспедуниверситета (1992 г.), Р. М. Магомедовым и А. Р. Магомедовым (1994 г.), М. Р. Гасановым (1994 г.), В. Г. Гаджиевым и М. Ш. Шигабудиновым (1997 г.), Г. Д. Данияловым (1998 г.), М. Г. Магомедовым (1998 г.)². В 1996 г. издан первый том «Истории Дагестана с древнейших времен до конца XV в.» и коллективом ученых Института ИАЭ ДНЦ РАН (М. Г. Гаджиев, О. М. Давудов, А. Р. Шихсаидов)³.

В каждой из указанных Историй Дагестана, конечно же, нашли определенное место и вопросы исторической географии Южного Дагестана.

В 90-е годы вышло много работ и лингвистов Дагестана. Это работа Г. Х. Ибрагимова, посвященная цахурскому языку⁴, об агульском языке издали свои труды Ш. Мазанаев (1990 г.), Н. Д. Сулейманов (1993) и З. К. Тарланов (1994 г.)⁵. В их трудах затронуты и отдельные вопросы исторической географии Южного Дагестана.

Весьма интересный труд по этнонимам Дагестана издан в 1997 г. М. Р. Гасановым⁶. Наряду с другими народами Дагестана, в работе говорится о происхождении названий народов лезгинской языковой группы.

В 1998 г. издана историко-этнографическая работа Г. Мусаева⁷, посвященная рутулам. Здесь автор наряду с вопросами этно-

¹ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

² Магомедов Р. М., Магомедов А. Р. История Дагестана. Махачкала, 1994; Гасанов М. Р. История Дагестана. Махачкала, 1994; Гаджиев В. Г., Шигабудинов М. Ш. История Дагестана. Махачкала, 1997; Даниялов Г. Д. История Дагестана. Махачкала, 1998. Магомедов М. Г. История Дагестана. Махачкала, 1998.

³ Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.

⁴ Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. М., 1990.

⁵ Мазанаев Ш. Агулы // Политический собеседник. 1990. № 6; Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993; Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.

⁶ Гасанов М. Р. Загадки этнонимов Дагестана. Махачкала, 1997.

⁷ Мусаев Г. М. Рутулы (XIX—начало XX вв.): Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997.

¹ Голотвин Е. Г., Мататов М. Е. Таты // Вопросы истории. М., 1986. № II; Мататов М. Е. Татская народность: история и проблемы // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2.

² Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII—начале XIX в. — Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1987.

³ Рагимова Б. Р. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII—нач. XIX в. — Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1987.

⁴ Алимова Б. М. Табасаранцы. XIX—нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.

графин, рассматривает и ряд аспектов исторической географии рутулов.

Ряд вопросов исторической географии одного из народов Южного Дагестана — агулов нашли отражение в кандидатской диссертации И. Г. Ибрагимова «Агулы в XVIII — первой половине XIX в. /проблемы социально-экономического развития и политического устройства/»¹.

В апреле 2000 г. была защищена кандидатская диссертация З. Ш. Закарияевым под названием «Социально-политическое развитие союзов сельских общин Самурской долины в XV—XVI вв.»². В работе имеется специальная — первая глава, посвященная исторической географии Самурской долины в XV—XVI вв., где автор говорит о территории, границах, образовании здесь сильной политической структуры, связях ее с другими политическими единицами, политических процессах, происходивших здесь в указанный хронологический период и т. д.

Проблемам исторической географии Южного Дагестана XV—XVII вв. посвящена и кандидатская диссертация К. И. Пашаева «Историческая география Южного Дагестана (XV—XVII вв.)», защищенная в конце 2000 г.

Такова в общих чертах историография проблемы исторической географии Южного Дагестана. Здесь мы не останавливаемся подробно на работах перечисленных авторов, так как в работе, выполненной нами в предыдущие годы, имеется общая вводная глава, где даны анализ и перечень работ, посвященных исторической географии и Южного Дагестана, а также работ, в которых в той или иной мере затрагиваются различные аспекты данной проблемы. Это дает нам возможность избежать ненужных повторов и в то же время сосредоточить внимание на работах тех авторов, которые более или менее конкретно занимались изучением различных вопросов исторической географии Южного Дагестана.

Что касается источников по исторической географии Южного Дагестана, то и они, как и по проблеме исторической географии Дагестана в целом, имеются нескольких видов. Прежде всего это архивный материал, сосредоточенный в основном в трех архивах. В первую очередь укажем Центральный государственный архив Республики Дагестан. Материал по исторической географии Юж-

ного Дагестана сосредоточен в основном в фондах 2, 21, 126, 130, 150 этого архива.

Ряд материалов по различным вопросам исторической географии Южного Дагестана хранится в фонде Военно-ученого архива (ВУА) Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА) и в фондах 19, 384, 1268, 1276 Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга (РГИА СПб).

Как известно, большое количество архивных материалов по истории Дагестана сосредоточено в фондах Центрального государственного исторического архива Республики Грузия (ЦГИА РГ). Среди них имеются и материалы по исторической географии Южного Дагестана. В частности, такие материалы сосредоточены в фондах 2, 416 и 1452.

Много архивных материалов издано в публикациях, осуществленных в дооктябрьский и в послеоктябрьский — советский периоды. Среди дореволюционных публикаций наибольший материал по исторической географии Дагестана сосредоточен в 12-томном издании «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею», вышедшем в течение 1868—1904 гг. Здесь имеется материал о владениях Южного Дагестана, населении, взаимоотношениях и т. д.

В первой публикации архивных материалов, осуществленной в советский период Г. Е. Грюмбергом и С. К. Бушуевым в 1940 г. под редакцией С. К. Бушуева и Р. М. Магомедова под названием «Материалы по истории Дагестана и Чечни» (Махачкала, 1940. Т. III. Ч. I. 1801—1839), мало материала по исторической географии Южного Дагестана. Имеющиеся материалы в основном относятся к Дербенту и Дербентскому владению начала XIX в. Что же касается сведений о других частях региона, то они поверхностны и немногочисленны, и касаются некоторых вопросов истории Табасарана, Кюринского ханства и союзов сельских общин лезгин Самурской долины.

Весьма насыщен материал по исторической географии Южного Дагестана сборник архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», изданный в 1958 г. под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. О. Хашаева. В нем сосредоточены материалы, извлеченные из различных архивохранилищ страны. Это в основном путевые заметки, работы, составленные по заказу царского правительства, записи и заметки участников походов в Дагестан и военных действий здесь, офицеров царской армии. Среди авторов этих работ А. И. Лопухин, И.-Г. Гербер, Ф. Ф. Симонович, А. Г. Серебров, П. Г. Бутков, А. И. Ахвердов, А. А. Кремский, Ф. Н. Ртищев, М. А. Коцебу, Т. Н. Яишников,

¹ Ибрагимов И. Г. Агулы в XVIII — первой половине XIX в. /проблемы социально-экономического развития и политического устройства /: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

² Закарияев З. Ш. Социально-политическое развитие союзов сельских общин Самурской долины в XV—XVIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг, П. Ф. Колоколов, Ф. А. Шнитников, К. К. Краббе, Ф. И. Гене, А. Ф. Десимон¹. Если в работах одних из них сведения по Южному Дагестану даются при исследовании вопросов истории общедагестанского или общекавказского характера, то в других (Ф. Ф. Симонович, А. Г. Серебров, М. А. Коцебу, Т. Н. Яишников, П. Ф. Колоколов, К. К. Краббе, А. Ф. Десимон) — это основной сюжет. Это специальные работы по Южному Дагестану, содержащие, хотя нередко и фрагментарные, ответы на многие вопросы его исторической географии. В этом их ценность и значимость для нашего исследования. В 1958 г. был издан сборник выявленных в ЦГАДА (г. Москва) Р. Г. Маршаевым архивных материалов и документов, содержащий ценные сведения по торгово-экономическим и политическим контактам народов Южного Дагестана с Россией в XVII—первой четверти XVIII в.²

Интересный материал по Южному Дагестану, касающийся ряда вопросов исторической географии, извлеченный из ЦГИА РГ и опубликованный Х.-М. О. Хашаевым, содержится в сборнике архивных материалов «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.»³. Это «Описание Самурского округа», «Кюринский округ (бывш. Кюринское ханство)» А. Цветкова и «Сведения о Табасаране» поручика Сотникова. В них находятся сведения о составе союзов сельских общин Самурской долины, их политической структуре, формах управления, взаимоотношениях, зависящих от отношений и т. д. В последних двух источниках содержатся сведения по административно-политическому управлению кюринцев и табасаранцев, формах и степенях родства и т. д.

В публикации архивных материалов, подготовленной также Х.-М. О. Хашаевым и изданной им в 1969 г.⁴, имеется и раздел III «Кайтаг-Табасаранский, Кюринский и Самурский округа (Уцмийство Кайтагское, майсумство и кадийство Табасарана, Кюринское ханство, Самурская провинция)», где сосредоточены различные документальные материалы (выписки из протоколов различных заседаний и журналов Кавказского комитета, рапорты, донесения, записки, доклады, справки, жалобы и т. д.), содержащие интересные сведения по различным вопросам исторической географии Южного Дагестана. Хотя в целом материал более поздней

го периода, чем исследуемое нами время, тем не менее здесь встречаются сведения по XVIII—нач. XIX в. и даже по еще более ранним векам.

Сведения по историко-политической географии Дербентского владения и Табасарана XVIII—нач. XIX в., ряду вопросов по Кюринскому ханству и союзам сельских общин Самурской долины содержатся в сборнике документов «Русско-дагестанские отношения в XVIII—начале XIX в.», изданном в 1988 г. под редакцией В. Г. Гаджиева¹.

В 1992 г. В. Г. Гаджиевым была издана книга «Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв.»², где помещены извлечения из сочинений Ф. Котова, А. Олеария, Я. Стрейса, К. Брейна, Дж. Белла, И. А. Гюльденштедта, С. Г. Гмелина, Я. Рейнегса, содержащие известия о Дагестане, в том числе по народам и владениям Южного Дагестана. Работы указанных авторов изданы отдельными книгами. Они написаны на основе разных материалов, которые собирали их авторы непосредственно сами в Дагестане. Поэтому они, как и указанные впереди работы участников различных посольств, военных походов, научных экспедиций и путешественников в Дагестан и на Кавказ в целом, для нашего исследования, безусловно, являются первоисточниками.

Следует отметить, что публикации — это наиболее доступные для исследователей и конкретные по содержанию источники ввиду того, что в них содержатся по определенной тематике или проблеме материалы. Поэтому в наше время, когда невозможно в условиях финансовых затруднений проводить работу по выявлению архивного материала, публикации архивных материалов имеют первостепенное значение.

Следующий вид источников по исторической географии Южного Дагестана — это физико-географические, историко-географические, общегеографические и тематические карты. Многие карты находятся в архивохранилищах Российского государственного архива древних актов и Российского государственного военно-исторического архива. Это не только общедагестанского значения карты, но и такие карты, в которых есть конкретное выделение политических структур Южного Дагестана с их населенными

¹ См.: ИГЭД. С. 6—238; 247—264; 304—318; 329—352; 362—368.

² Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

³ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предис. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.

⁴ Феодальные отношения в Дагестане XIX—нач. XX в.: Архивные материалы / Сост., предис. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969.

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII—начале XIX в.: Сборник документов / Сост. В. Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н. А. Магомедов, Ф. З. Феодасев, Р. С. Шихсаидова. М., 1988.

² Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

пунктами. Так, на одной из карт, хранящихся в РГВИА (Ф. ВУА, д. 1538), четко обозначены и выделены «Токуз-пара», «Ах-тя» и «Алти-пара». В деле 1539 имеется «Атлас о зависимости при Каспийском море провинций и крепостей, построенных Петром I»; в деле 2812 имеется военная карта, представляющая часть Дагестана с указанием маршрута царских войск в начале 1796 г. к Дербенту. Карта, составленная И.-Г. Гербером, имеется в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук. Но здесь мы вынуждены с сожалением отметить, что по отмеченной выше причине финансовых затруднений, указанные карты остаются для нас недоступным источником. Мы пользуемся здесь сведениями, собранными нами еще в период Советской власти, когда мы имели возможность работать в архивах страны.

Вместе с тем нам доступны карты, имеющиеся в работах ряда авторов исследуемого и более позднего периода. Карты имеются в немецком издании работы И. А. Гюльденштедта, в работах С. М. Броневского, в «Обзрении Российских владений за Кавказом», в работе А. А. Неверовского, в «Кавказском календаре» на 1857 и 1859 гг., в немецком издании труда Р. Эркерта, в работе П. И. Ковалевского и т. д. В ряде из них даются не только владения Южного Дагестана, но по ним представляется возможным говорить о южных границах Дагестана в целом и Южного Дагестана, в частности.

Большое значение для изучения исторической географии Южного Дагестана имеют топонимический, лингвистический, фольклорный, эпиграфический и историко-этнографический материалы. Они не только дополняют имеющиеся письменные и литературные источники, но порою являются единственным источником по тем или иным аспектам истории Дагестана в целом и его исторической географии, в частности, в том числе и исторической географии Южного Дагестана. Но и здесь приходится отмечать, что, если в нашем распоряжении имеется эпиграфический материал, в основном выявленный и опубликованный в разных изданиях А. Р. Шихсановым и Л. И. Лавровым, то этого нельзя сказать о других из приведенных выше видах источников. А их можно собрать только на месте, выехав для их сбора в районы Южного Дагестана. Однако авторы данного труда не имели возможности для организации экспедиций для сбора полевого материала из-за отсутствия средств, выделявшихся раньше на проведение таких работ. А ведь выезды для сбора материала в районы исследуемого региона помогли бы нам установить не только внутренние границы (границы политических структур, сельских общин), но и внешние (границы политических структур с другими владениями и союзами сельских общин Дагестана), и южные, и юго-восточ-

ные границы этого региона и Дагестана в целом. Сказанное тем более важно, что изменения государственных границ, образование или упразднение старого административно-территориального деления, создание (возникновение) или ликвидация населенных пунктов, переименование административно-территориальных единиц, сел и т. д. не всегда отражаются в письменных источниках. В этом пробеле существенную помощь исследователю оказывают именно историко-этнографический, фольклорный и топонимический материалы.

Отметим прежде всего значение географических названий. Географические названия или топонимы появлялись не случайно, а в результате осмысленного процесса номинации, исходя из каких-то признаков, отражающих исторические или географические реалии¹. Поэтому географические названия рассказывают об интересных страницах исторической географии: о существовании раньше леса, села, приходе иноземных завоевателей, сражениях, этнической принадлежности данной территории, ее географической ориентации, на (низкое или высокое) положение села и т. д. Не без основания исследователи топонимию называют историко-географическим феноменом. Говоря же о значении историко-этнографического материала, нельзя не вспомнить здесь слова русского исследователя А. Кауфмана о том, что «сами документы очень часто только тогда становятся понятными, когда мы их интерпретируем при помощи исторического предания»².

Значимость историко-этнографического материала еще более возрастает в условиях отсутствия или малочисленности, недостаточности письменных источников. Это касается и исследуемого нами периода, в частности XVII в. Здесь уместно привести слова академика Е. М. Жукова, отмечавшего, что «устная история имеет особое значение для народов, не имеющих своей письменности. Данные об историческом прошлом этих народов часто сохраняются в устных преданиях, переходящих из поколения в поколение»³. Причем, историко-этнографический материал в условиях малочисленности или отсутствия исторически конкретных письменных источников по ряду вопросов проблемы имеет решающее, а не вспомогательное значение.

Нередко историко-этнографический материал имеет даже преимущество перед письменными источниками. Отмечая это, проф. Р. М. Магомедов пишет: «Устные источники во многих случаях сохраняют конкретные, своеобразные формы и черты социальных

¹ Мурзаев Э. М. Топонимы и география. М.: Наука, 1995. С. 3.

² Кауфман А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1904. С. 54.

³ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. С. 224.

и экономических отношений, правовых норм и т. д. В основном в устных источниках отражены наиболее характерные черты особенностей в культурной и бытовой сфере..., являющихся драгоценным материалом для исторической этнографии и позволяющих реконструировать порой, весьма древние общественные формы и отношения»¹.

Эти слова известного ученого имеют прямое отношение и к проблеме исторической географии. Но, к сожалению, у нас мало конкретных историко-этнографического, топонимического и лингвистического материалов по проблеме исторической географии изучаемого нами региона. А это обстоятельство, как нам думается, не только сужает источниковую базу, обедняет наше исследование фактическим материалом, но и не позволяет, не дает возможности решить многие вопросы проблемы в полном объеме, в необходимой мере и более аргументированно, как нам хотелось бы.

Резюмируя перечисленное об источниках, можно сказать, что мы, конечно, на сегодняшний день имеем не столь богатую источниковую базу для раскрытия как положено и как хотелось бы нам всех аспектов проблемы исторической географии Южного Дагестана. Поэтому в основном наше исследование опирается на имеющиеся и доступные нам публикации архивных материалов, литературные источники и исследования предшественников. Исходя из них, и поставили мы перед собой цель — изучить историческую географию Южного Дагестана, являющегося одним из трех регионов Страны гор, на которые делилась она. По возможности в работе будут охвачены все аспекты проблемы. Причем историческая география интересующего нас региона дается сначала в общем виде, с характеристикой в обобщенном виде всех аспектов проблемы, а затем по тем политическим структурам, которые входили в Южный Дагестан в исследуемый нами период. Это существовавшие в XVII—нач. XIX в. феодальные владения и союзы сельских общин. Конечно, мы понимаем трудности такого исследования — невозможность в условиях отсутствия или недостаточности источников дать историческую географию каждой политической структуры, в особенности каждого союза сельских общин, так как мы не располагаем по каждому из них конкретным материалом. Поэтому в работе часто приходится прибегать к обобщенной характеристике вопросов исторической географии этих политических структур, в особенности этнически однородных, схожих по своему социально-экономическому развитию и политическому положению союзов сельских общин.

¹ Магомедов Р. М. По аулам Дагестана, Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1977. С. 10.

ОБЩАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Объект нашего исследования — Южный Дагестан. Южный Дагестан — это органическая, неотъемлемая часть, один из трех регионов Дагестана, на которые в целом принято делить последний. Но что такое Южный Дагестан? Что это — условное, географическое понятие или историко-политическая структура? Какая территория имеется в виду под понятием Южный Дагестан? Какие политические структуры в него входили и какие народы Дагестана, какие этнические группы находились в составе последних? Это те вопросы, на которые необходимо нам ответить в первую очередь для общей характеристики Южного Дагестана при изучении проблем исторической географии этого региона.

К понятию Южный Дагестан в политическом или в административном отношении мы еще вернемся. Здесь же нас понятие Южный Дагестан прежде всего интересует в физико-географическом плане. Это первый вопрос исторической географии Южного Дагестана, на котором мы хотим остановиться, учитывая важную роль, которую играет географическая среда в историческом развитии общества. Как подчеркивал Н. И. Надеждин, «первой страницей истории должна быть географическая ландкарта не только как вспомогательное средство, чтобы знать, где это случилось, но и как богатый архив самих документов, источников»¹. Общеизвестно влияние физико-географических факторов на исторические процессы. «Географический фактор, несомненно, оказывает свое влияние на формы хозяйственной деятельности, на жилище, одежду и даже на психологию людей»². Советский ученый Л. А. Голь-

¹ Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22.

² Бутинов Н. А. Проблема «Природа и культура» в этнографической науке // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука. Ленингр. отд.-е, 1984. С. 102.

денберг писал: «Изучение физико-географических и историко-географических показателей всей совокупности природных и антропогенных объектов является неперменным условием наиболее точного датирования»¹.

История показывает, что влияние окружающей среды на человека и его зависимость от нее тем сильнее, чем менее развито хозяйство и общественный строй того или иного племени или народа. Известно также, что практически в масштабах исторических эпох физико-географические факторы не подвергались особым изменениям, не менялись кардинально, в особенности в древности и в средневековье, когда люди еще мало вмешивались и влияли на природу. Вместе с тем значение физико-географических факторов для условий существования людей менялось с ростом производственно-технических возможностей человеческого общества. «Роль одной и той же географической среды на различных этапах развития одной и той же страны может быть различной, — писал известный советский ученый В. К. Яцунский. — Географические условия, следовательно, в развитии общества оказываются исторической категорией».

Влияние, воздействие географической среды на развитие общества особенно ощутимо в горных районах. Как пишет С. А. Маретина, «Горный ландшафт принадлежит к числу тех видов географического окружения, воздействие которых на этносы является особенно ощутимым. Как показывают примеры, относящиеся к самым различным регионам земного шара, даже у народов, во всех отношениях далеких друг от друга, наблюдаются общие явления и процессы, вызванные исключительно общностью горной среды. Многие исторические и социальные процессы в условиях гор развиваются особым образом, отличным в ряде признаков от стержневого пути, характерного для большинства народов мира. Повсюду зависимость от природного окружения дает себя знать тем сильнее и непосредственнее, чем ниже уровень развития народа»².

Эти слова, сказанные в отношении горных народов Индии, как нельзя лучше подходят и для Дагестана в целом и Южного Дагестана, в частности, где находились высочайшие горные хребты Главного Кавказского горного массива.

Нельзя не сказать здесь и о важности отмеченной С. А. Маретиной неоднозначности роли гор в жизни их народов, что горы,

«с одной стороны, ограждают своих обитателей от внешних вторжений и посягательств, но одновременно изолируют их от регулярных контактов с более развитыми цивилизациями, что и служит одной из причин замедленного характера эволюции общественной жизни» у горских народов¹, у которых в силу историко-географических факторов «историческое развитие шло не по линии создания крупных региональных и политических объединений, а по линии локальной сегментации общества»². Эти и следующие слова С. А. Маретиной о том, что на горные общества, «как правило, не распространялась власть правителей государственных образований, возникавших на равнине, а если эти территории и входили в состав таких образований, то господство последних над горными племенами могло быть только номинальным. И не столько потому, что завоевателям было невозможно туда проникнуть. При всей трудности горных территорий их изоляция, как правило, не была абсолютной, и контакты с ними, хотя и не стабильные, эпизодические, в большинстве случаев существовали»³, как будто сказаны о горном Дагестане в целом и южном его регионе, в частности, где находились села, расположенные на высоте 2000 и даже 3000 м. над уровнем моря.

Горы особенно влияли на формы хозяйства, создавая особые условия хозяйствования. Как писал известный ученый Л. Н. Гумилев, «род занятий подсказывается ландшафтом, его экономическими возможностями»⁴. Продолжая его мысль и исследуя горную Индию, С. А. Маретина также писала, что «хозяйство горных народов целиком исходит из тех возможностей, которые ему представляет природа, и в свою очередь определяет характер социальной структуры»⁵. Как известно, окружающая человека естественно-географическая среда, а следовательно, в горных обществах горный ландшафт, являются постоянным фактором его материальной жизни, необходимым условием развития общества. «Окружающая среда, в первую очередь земля и вода, являются объективным условием существования труда, «его природной лабораторией», и отношения человека к условиям своего труда, как к своей собственности, представляет «природное единство труда с его вещными

¹ Там же. С. 202.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Гумилев Л. Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // ИАА. М., 1970. № 1. С. 91.

⁵ Маретина С. А. Указ. соч. С. 102. С. 203—204; ее же. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, 1980. С. 3.

¹ Гольденберг Л. А. К вопросу о картографическом источниковедении // Историческая география России XII—XX вв. М.: Наука, 1975. С. 224.

² Маретина С. А. Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 199.

предпосылками»¹. Земля — базис коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде, земля — арсенал, доставляющий и средства труда, и материал труда, и место для поселения. Поэтому люди, присваивая эти объективные условия, познавая, используя и преобразуя природный материал, в процессе этой жизнедеятельности изменяли и свою собственную природу»².

К существенным особенностям исторического развития Южного Дагестана, как и других регионов Страны гор, и горных стран вообще, обусловленным специфичностью его природно-географических условий в качестве естественных предпосылок материального общественного производства, относятся возникновение и устойчивое воспроизводство на протяжении значительного исторического периода, в том числе и интересующих нас веков (XVII—нач. XIX), своеобразного типа производящего хозяйства. Это был результат приспособления горца к существующим естественно-географическим условиям и в то же время его воздействия на них, почему и стало возможно его проживание в горах.

В свете всего сказанного, естественно, что без учета природно-географических условий невозможно понять особенности политического положения Южного Дагестана, его территориально-политических структур, их этнического состава, социальной структуры населения, взаимоотношений с другими народами Дагестана и соседних Закавказских стран, их влияние на первых и т. д. В целом можно сказать, что без учета естественно-географических условий, особенностей условий жизни в горах невозможно понять и особенностей или различия образа жизни и всей системы хозяйства горцев.

Поэтому и рассмотрим, что из себя представлял Южный Дагестан в природно-географическом плане. Это и будет показ среды обитания как очень важного и активного фактора, действующего на пути развития народов Южного Дагестана.

После того как показали значимость, необходимость и важность вопроса естественно-географических условий, как неотъемлемой части проблемы исторической географии, перейдем к конкретной характеристике их.

Прежде чем начать их характеристику, отметим, что подробное описание рельефа территории Южного Дагестана вместе со всей территорией Дагестана в целом дано в работах авторов-геог-

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 461.

² Рассудова Р. Я. Естественные условия и система хозяйственно-социальных отношений в позднефеодальный период народов Средней Азии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 144.

рафов и историков дооктябрьского и советского периодов¹. Поэтому мы ограничимся обобщенным материалом, приводимым ими по физико-географической характеристике Южного Дагестана, не указывая конкретно в каких работах и какой автор дает тот или иной материал, учитывая при этом, что во многих работах он однотипен. Да и что можно сказать нового, если природно-географические условия в течение веков не подвергаются особым изменениям и то, что было характерно в интересующий нас период, как можно судить по имеющимся источникам, почти в неизменном виде наблюдается и в наши дни. Это те же горы, те же ущелья, те же реки, те же долины, те же равнины, те же перевалы и т. д. Конечно, какие-то изменения, безусловно, произошли в связи с научно-техническим прогрессом (появились водохранилища, в связи со строительством электростанций, новые каналы, давшие возможность более шире вести земледелие, огородничество, садоводство и виноградарство; меньше стало лесов, беспощадно уничтоженных и уничтожаемых до сих пор и т. д.). Но в целом природно-географические условия, рельеф территории, климат, реки, почвы, животный мир и т. д. Южного Дагестана, как и Дагестана в целом, остались неизменными, в том же виде, в том же состоянии и в наше время, в каком они находились в изучаемый нами период. Поэтому, опираясь на имеющиеся источники и исследования, и дадим характеристику всем тем вопросам, которые входят в понятие естественно-географические условия.

Как и территория Дагестана в целом, территория Южного Дагестана по характеру рельефа делится на низменную и горную части. Горная часть, в свою очередь, подразделяется на три части: предгорную, горную (или внутреннюю) и высокогорную.

Что же из себя представляет каждая из этих частей? Но

¹ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958; Его же. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД; Надеждин П. П. Опыт географии Кавказского края. Тула, 1891; Его же. Кавказский край. Природа и люди. 2-е изд., обраб. и доп. Тула, 1895; Добрынин Б. Ф. География Дагестанской С. С. Республики. Буйнакс, 1926; Алкадарский А. География ДАССР. Махачкала, 1929; Гюль К. К. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1957; Виктор А. В., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958; Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тертеров А. А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; Гюль К. К., Кисин И. М., Тертеров А. А. Природа Дагестана: Очерки. Махачкала, 1959; Гиммельрейх В. А. География Дагестанской АССР. Учебное пособие для VIII класса дагестанской школы. Махачкала, 1963; Эльдаров М. М. География Дагестанской АССР: Учебное пособие для 7—8 классов дагестанской школы. Махачкала, 1980.

прежде обратимся к тем суждениям, которые имеются по данному вопросу у авторов исследуемых нами веков.

Выше мы уже останавливались на описании Южного Дагестана участника Персидского похода 1796 г. Ф. Ф. Симоновича, который делил его на две части — «на две равные половины к полдню (югу — авт.) и к северу»¹. При этом он намечает пять полос. Давая характеристику каждой из них, он пишет: «Первая полоса отраслей сих занимает над самым Кавказским снеговым хребтом высокие каменистые и бесплодные горы и составляет, по народному наречению, Горный или настоящий, Дагестан; ... она ... состоит в суровом климате... Вторая полоса отраслей, хотя по высоким же, но не настоль каменистым бесплодным горам, представляет голую плоскость, по-правильному яйлаг называемую... Третья полоса отраслей сих простирается по Средним, или так называемым Черным, горам и покрыта дремучим лесом... Четвертая полоса отраслей занимает предгорье, самую прекраснейшую часть Южного Дагестана... Пятая полоса отраслей заключает всю плоскость по Каспийскому морю. Северная половина ее занимает Улус, часть Кубинской округи, Мускур и большую часть Шабраня... Южная ж половина плоскости занимает часть Шабраня, Саадона и Бермека. В ней степь сухая и бесплодная и солоненчиками наполненная. Местами покрыта полынью и другими вредными для скота травами»².

Далее Ф. Ф. Симонович описывает горы, показывает что они из себя представляли. Он пишет, что горы Южного Дагестана — это «восточные отрасли Кавказского хребта, делающие продолжение по течению рек к Каспийскому морю. Гора Кохмадаг есть холм настоящего Кавказского хребта и глава Табасаранским отраслям, вышла у вершин рек Койсу и Гургели... Посредством Табасаранского хребта составляет рубеж, отделяющий Северный от Южного Дагестана». Далее он писал, что к северу находятся Кумухские, Акушинские и Каракайтагские, а к востоку и югу — «Табасаранские и Курасские горы». Говоря о Табасаранском хребте, Ф. Ф. Симонович писал, что он называется Бенгом и «отделяет от себя по течению рек Меньшего Дарбаха и Рубаса две главные отрасли — Ерайскую и Карасиртскую, простирается на восток к Каспийскому морю» и в двух верстах от него образует Дербентское подгорье. «Из Табасаранского хребта вытекают реки Большой и Малый Дарбах, Хаменди, Рубас, Недрех, Агул и другие». Описывает наш автор Чирахские и Ричайские горы, являю-

щиеся продолжением «Кохмадайских отраслей, простирающихся в Курасской провинции между реками Гургели, Арачай и Курачай». От Рутульской остроги выходит гора Хатун-Гих — между реками Кура и Самуром, а к востоку — между реками Гургели и Самуром — «Калькальский хребет».

Описывая Алагун-даг, Ф. Ф. Симонович пишет, что это «холм настоящего Кавказского хребта», от которого выходят «Рутульские и Ахтынские отрасли». Гора Шаг-даг, пишет он, «отделяет от себя к реке Самуру гору Шалбрус и Диальский хребет». Салават-даг он также считает холмом настоящего Кавказского хребта, Баба-даг — «продолжение холмов настоящего ж Кавказского хребта», а «Халедар-даг — течение же холмов Кавказского же хребта». Дано описание и других горных хребтов вплоть до Сумганта¹.

Ф. Ф. Симонович описывает также реки и леса Южного Дагестана².

Так характеризует природно-географические условия Южного Дагестана один из участников Персидского похода 1796 г., который сам был на описываемой им территории, что подтверждается теми подробностями природы Южного Дагестана, содержащимися в его работе. Но, вместе с тем он в основном описывает горы, горные хребты и те участки, которые расположены между реками Южного Дагестана. Остались без внимания другие зоны, их рельеф, о которых писали более поздние исследователи. А это, как было указано выше, низменная, а также такие части горной зоны, как предгорная и внутренняя.

В Южном Дагестане находится часть Приморской низменности, которая тянется от северных границ Дербентского владения и далее на юг. Принято считать (исходя из нынешних южных границ), что эта равнина доходила до Самура. Однако, если исходить из приведенных выше материалов о территории Южного Дагестана и названия Дагестан в целом, то надо признать, что часть Прикаспийской низменности, относящаяся к Южному Дагестану, тянулась далеко на юг от Самура. Над южной частью Прикаспийской низменности с юго-запада поднимаются невысокие хребты предгорной зоны. Хребты предгорной полосы в 2-х местах подходят близко к морю. У самого Дербента отроги гор образуют узкий проход, известный в истории под названием Каспийских или Дербентских ворот. Южнее Дербента низменность снова расширяется (25 км) и переходит в дельту Самура.

¹ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 138.

² Там же. С. 138—139.

¹ Там же. С. 139—141.

² Там же. С. 141—142.

Предгорная зона в Южном Дагестане — это также часть предгорного Дагестана, которая от западной до южной границы протягивается дугообразной полосой. Наибольшей ширины она достигает в Дербентском (там, где хребты предгорий подходят к самому морю) и Табасаранском районах. Характерной особенностью рельефа юго-восточной части предгорий является наличие изолированных платообразных возвышенностей с вершинами Джалган (718 м), Джавандаг, Кулна-тау (229 м). К югу от Дербента склоны предгорий обрываются к Прикаспийской низменности крутыми уступами высотой 150—200 м.

Нижняя часть предгорий Южного Дагестана ограничена полосой плотных меловых известняков, образующих хребет Кара-Сырт. Это известняково-карстовый район, охватывающий и территорию Табасарана (до сел. Хучни). В Южном Дагестане чередование пород различного характера вызвало образование двух или трех гребней, пологие склоны которых изрезаны балками, образующими на них вторичные поперечные хребты. Это, например, Сабнова-Джалганский хребет. Характерным является также наличие продольных антиклинальных долин и котловин размывов, находящихся среди хребтов и поднятий предгорий, как, например, между Кемахским и Сабнова-Джалганским хребтами.

Внутренняя горная зона Южного Дагестана характеризуется более высокими горами. Для южной половины Внутренне-горной зоны характерным является то, что хребты, протянувшиеся от северо-запада к юго-востоку, по своему рельефу и ландшафту имеют складчатый характер. Причем, здесь почти отсутствуют «мощные отвесные стены хребтов и глубокие ущелья рек»¹. Хребты гор расчленены продольными долинами, в которых берут начало и протекают своими верхними течениями небольшие речки, направляющиеся на восток в сторону Каспийского моря (Рубас, Гюльгерычай, Чирахчай, Курахчай). Реки протекают в довольно широких долинах, склоны хребтов местами круты, но не отвесны. Ландшафт более открытый. Из горных хребтов внутренней горной зоны Южного Дагестана особо выделяется Самурский хребет, примечательной горой которого является Алахун-даг (3849 м).

В целом, как отмечено, изрезанность рельефа внутренней горной части Южного Дагестана выражена в меньшей степени. Резкие формы рельефа, глубокие долины, крутые ущелья появляются лишь, где имеются выходы известняков в виде отдельных гор, как, например, Гестиль-Киль (южное окончание Самурского хребта) и обширный Бей-Булакский массив (севернее Кураха).

Для внутренне-горной зоны Южного Дагестана характерно

также местное появление мощной толщи древних песчанников. Они развиты в предгорной полосе между горной и предгорной зонами Табасарана и Кюры.

Высокогорная (альпийская) зона Южного Дагестана находится за горной зоной. Горы достигают от 3000 до 4000, а местами и более метров над уровнем моря. На высоте около 3400 м над уровнем моря проходит граница вечных снегов. Вечные снега на хребтах и отрогах Алахун-дага (3850 м), его продолжении хребте Сурфу-ял, проходящем на границе бывших союзов Самурской долины и Кюры, а также на горных хребтах, вершинах и гребнях, протянувшихся между р. Самуром и ее правым притоком Ахтычай. Высшая точка этой цепи — гора Деавгай-даг (4010 м). На крайнем юге находится еще грандиозный участок главного водораздельного гребня с вершиной Базардюзю (4484 м), являющейся высшей точкой Дагестана, находящейся близ сел. Куруш. Между массивом Базардюзю и рекой Самуром находится гора Шалбуздаг (4150 м) с небольшим ледником на вершине. От всей остальной альпийской зоны гора Шалбуздаг отличается тем, что в верхней части она сложена известняково-доломитовой толщей. Аналогичное строение имеет массивная вершина Шахдаг (4255 м), находящаяся в Азербайджане у границы Дагестана. Из других горных вершин Южного Дагестана выделяются Гутон (3659 м) и Чоборидаг (3661 м).

В юго-восточной части гор Южного Дагестана расположена Самурская долина, ширина которой в нижнем течении Самура достигает 7 км. Это одна из плодороднейших долин Дагестана.

Через гребень Главного Кавказского хребта в Южном Дагестане имеется несколько известных истари перевалов в Азербайджан: Диндидагский (2318 м), Цудурский (2822 м), Салаватский (2952 м), Гдымский (2925 м), Фийский (3152 м).

Такова в общих чертах картина строения поверхности Южного Дагестана. Рельеф является одним из основных климатообразующих факторов. Как видно из приведенного материала, в Южном Дагестане, как и в других регионах, рельеф характеризовался разнообразием. А это, в свою очередь, приводит к разнообразию в распределении климатических элементов.

Климат в целом в Южном Дагестане особо не отличается от остальных регионов Дагестана. Разнообразие рельефа привело и к разнообразию климата, в особенности резкая смена высот. Низменность Южного Дагестана характеризуется умеренным климатом с большим увлажнением. Если на большей части территории Дагестана климат умеренно-теплый, то на крайнем юго-востоке (Дербентском владении и дельте Самура) климат приближается к субтропическому. Это самый теплый участок. В Дер-

¹ Добрынин Б. Ф. Указ. соч. С. 19.

бенте отрицательные среднемесячные температуры не наблюдаются. Средняя температура воздуха в январе составляет 0,5—1°. В летние месяцы средняя температура превышает 20°. Сильных морозов не бывает. В Дербенте продолжительность безморозного периода наибольшая — 248 дней, снег лежит не более 15—20 дней, а в отдельные годы он совершенно отсутствует. В горной и в высокогорной зонах выпадает обильный снег и температура опускается до 15—20° мороза. Но в целом климат Южного Дагестана значительно ровнее и мягче, чем в других районах.

Остановимся теперь на реках Южного Дагестана, учитывая значение гидронимов для изучения исторической географии любого общества. Как пишет Э. М. Мурзаев, «Из всех топонимических образований наиболее устойчивыми оказались речные имена. Многие из них прошли через века и даже тысячелетия, сохранив основу, хотя в целом как-то изменялись»¹. Речные названия «проливают свет на этногенез, этнические связи, указывают направление перемещения населения, помогают найти ответы на некоторые вопросы исторической географии. Именно гидронимы обладают большой информационной емкостью, еще далеко неисчерпанной»². «Реки — это также пути сообщения. Они обеспечивали контакты между народами, способствовали обмену товарами, познанию окружающего мира, обогащению идеями»³. Реки являлись ценными свидетелями событий исторической географии. Названия рек отложились в этнонимах. Нередко гидронимы выступают в роли объединения жителей в этнических названиях, как например, «лезгины Самурской долины», «магалы Самурской долины», «самурские лезгины». Это своего рода переход речных названий в этнонимы.

По территории Южного Дагестана протекает много рек и небольших речек. Наиболее крупной и известной является р. Самур, берущая начало на главном Кавказском хребте от ледника, расположенного близ горы Гутон на высоте 2280 м. Протяженность реки 213 км. Ширина русла Самура от 30 до 60 м в верховьях и от 200 до 300 м в низовье. У сел. Лучек в Самур сливается Кара-Самур, у сел. Ахты—Ахтычай, а через 17 км — Усухчай. При выходе на приморскую низменность Самур распадается на ряд рукавов. Один из них на большом протяжении служит границей РД с Азербайджаном. Самур образует множество протоков, крупнейшими из которых являются Большой и Малый Самур и Ялама. Именно эти рукава и протоки имел в виду А. Олеарий,

когда писал, что они переходили реку «Самбур», которая течет с горы Эльбрус, и разделившись на пять рукавов, течет весьма широко по местному каменистому руслу»¹.

Благодаря своей многоводности Самур всегда имел и имеет ныне большое значение для народного хозяйства.

Из других рек Южного Дагестана отметим Рубас, Ахтычай, Усухчай, Гюльгерычай, Курах и Чирахчай.

Рубас начинается выходом многочисленных родников на склоне горы Джуфу-даг. Протекает в основном по Табасарану и последние 17 км по Приморской низменности и у сел. Арабляр впадает в Каспийское море.

Ахтычай — один из наиболее полноводных притоков Самура, зарождается на высоте 3300 м в месте сопряжения хребта Кябек с Главным Кавказским водоразделом. Отсюда и ее название в верхнем течении — Кябекчай. Длина реки 63 км. На своем пути река принимает много притоков — Каравансарайчай, Даличай, Фия, Маза и др.

Усухчай начинается мощными родниками, выклинивающимися на склонах вершины Базардюзю и питается в основном таянием ледников и снегов. Имеет ряд притоков, берущих начало со снежных вершин. Бассейн реки находится в наиболее высоко поднятой части Дагестана. Свыше 40% его площади расположено на высотах, превышающих более 3000 м. Длина Усухчая 37 км.

Гюльгерычай (Гюргенчай) образуется слиянием рек Чирахчай и Курах у сел. Касумкент. Каждая из них превышает по длине Гюльгерычай более чем в два раза. Длина Гюльгерычая 40 км. В прошлом река впадала в Каспийское море.

Курах является составляющей частью Гюльгерычая, длина 85 км. Вытекает из-под небольшого снежника на северо-восточном склоне Самурского хребта. Приток Араг — самый большой, впадает в 5 км от устья.

Чирахчай берет начало от группы родников, выбивающихся в узкой ложбине восточного склона хребта Кокма на высоте 2600 м. Длина 83 км.

Почвенный покров Южного Дагестана, как и других регионов, также характеризуется большим разнообразием, что было связано с высотой местности, сильной расчлененностью рельефа, различными почвообразующими породами, климатическими условиями и характером растительности и, конечно, деятельностью человека

¹ Мурзаев Э. М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995. С. 32.

² Там же.

³ Там же. С. 33.

¹ Олеарий А. Указ. соч. С. 485.

(создание искусственных террасных почв, применение удобрений, орошение и др.)¹.

В долине Самура преобладают аллювиальные почвы, а в низменности вообще — каштановые, луговоболотные, болотные, солончаки и солонцы. Болотные почвы встречаются небольшими пятнами в дельте Самура, в устьевых участках Гюльгерычая.

Для предгорий характерны горные светлокаштановые и темнокаштановые, луговые и бурые горно-лесные почвы, солонцы и солончаки, черноземы. В верхней части предгорий Южного Дагестана в наиболее лесистых местах Табасарана и Кюры местами встречаются и черноземные почвы, а более обычные серые, лесные суглинки, менее богатые перегноем.

Большим разнообразием отличались и почвы горной зоны, что было следствием сильной расчлененности рельефа. Наиболее распространенными были светло- и темнокаштановые почвы и черноземы, а также горно-лесные. Внутригорные долины по Самуру и Ахтычаю характеризуются своеобразными горно-степными и искусственными террасными луговыми почвами. Они по окраске напоминают светло-каштановые почвы и распространены до высоты 1500—1700 м. Террасные горно-степные почвы Южного Дагестана являются орошаемыми. Горно-степные и горно-луговые почвы распространены не только на естественных террасах широких речных долин верхнего и среднего течения Самура и его притока Ахтычая, но также рек Чирахчая и Курахчая, развиваясь главным образом на аллювиальных отложениях.

В целом можно отметить, что для Южного Дагестана характерны горно-луговые черноземовидные, каштановые, бурые горно-лесные, горные черноземные, коричневые горные почвы сухих лесов и кустарников и аллювиальные солончаковые почвы.

Разнообразен был и растительный мир Южного Дагестана. Не вдаваясь в подробности, хочется отметить как особенность южной части Приморской низменности, находящейся ныне в пределах Магарамкентского района, в дельте Самура наличие развитого лианового леса. Здесь встречаются различные растительные группировки. В понижениях и по берегам рукавов Самура произрастает тополевый лес, где встречается ольха серая и черная, ива белая и ломкая, лиана.

Участки лианового леса встречаются и на территории бывшего Дербентского владения, Табасарана, кюринских союзов сельских общин. В долине Рубаса в буковограбовом лесу, кроме бука и граба, встречаются дуб грузинский и дуб пушистый, клен остролис-

тый, рябина кавказская, вяз эллиптический, черемуха, черная дикая смородина, изредка малина.

Для горной зоны характерны субальпийские луга на высоте от 1800—2000 м до 2400—2800 м над уровнем моря. На территории нынешних Курахского и Агульского районов большие площади заняты пестроовсяничными лугами, составляющими основу сенокосов и более часто используемых как летние пастбища.

Альпийские луга расположены выше субальпийских, на высоте от 2500—2600 до 3100—3200 м над уровнем моря. Наибольшие площади под альпийскими лугами в Южном Дагестане находятся на территории бывших союзов сельских общин Самурской долины (Ахты-пара, Рутул и др.).

На высоте 3200—3600 м над уровнем моря в непосредственной близости с ледниками и снежниками находится пояс, в виду суровых климатических условий лишенный растительности. Еще выше — в области вечных снегов и ледников, на высоте более 3600 м находится нивальный пояс, также лишенный растительности. На голой земле растут только лишайники.

Такова в общих чертах природа Южного Дагестана, его физико-географические условия, которые не могли не наложить свой отпечаток и на историю, и на занятия населения, и на взаимоотношения различных этнических групп, проживающих здесь, как между собой, так и с другими народами Дагестана и соседних стран и т. д.

* * *

Завершив обзор природно-географических условий, приступим к наиболее важному вопросу исторической географии — определению территории и границ Южного Дагестана. Но прежде, насколько это позволяют имеющиеся источники и другие материалы, постараемся ответить на поставленные в начале главы вопросы, что такое Южный Дагестан, с чем связано это название, какой смысл вкладывается в него, какая территория в изучаемые нами века имела в виду под названием Южный Дагестан и т. д.

Южный Дагестан, если исходить из его географического положения — это южная и юго-восточная часть Дагестана, а если иметь в виду административно-территориальное деление, то это территория современных Дербентского (без ряда так называемых терекемейских сел, которые в прошлом входили в состав Кайтагского уцмийства), Магарамкентского, Табасаранского, Сулейман-Стальского, Курахского, Агульского, Докузпаринского, Ахтынского и Рутульского районов. Это довольно большая территория, занятая различными этническими группами, из которых наиболее

¹ Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тергеров А. А. Указ. соч. С. 197.

значительной были и являются лезгины, располагавшиеся не только в пределах современной территории Дагестана, но и Северного Азербайджана, т. е. и по правую сторону реки Самур. Как и ныне, в Южном Дагестане в исследуемый нами период были расселены также табасаранцы, агулы, рутулы и цахуры. Кроме того, на территории Дербентского владения (как и в самом Дербенте) и Табасарана проживали такие этнические группы, как евреи, азербайджанцы, а в первом из них арабы и персы.

Указанные народы и этнические группы в основном проживали компактно, образовав свои территориально-политические структуры. Наиболее древней и известной политической единицей Южного Дагестана и Дагестана в целом было Дербентское владение, представлявшее из себя полиэтническую политическую структуру. У табасаранцев известными политическими структурами были Майсумство и Кадийство, а также союзы сельских общин. Лезгины в исследуемый период в основном были объединены в союзы сельских общин, разделенных территориально на два района — союзы сельских общин Самурской долины и союзы сельских общин Кюра (кюринские союзы сельских общин). На территории последних в конце XVIII—начале XIX в. образуется феодальное владение — Кюринское ханство. У рутулов известны были три союза сельских общин — Рутульский, Шиназский и Ихрекский. Агулы были объединены в Агульский, Кошанский и Ричинский союзы сельских общин. Цахуры имели две территориально-политические структуры — Елисейское султанство, охватывающее часть территории нынешнего Азербайджана и Дагестана; горные общества цахуров составляли так называемый Горный магал.

Из перечисленного, что, на наш взгляд, и является главным определителем или показателем названия Южный Дагестан, как одного из регионов Дагестана, вытекает, что это название было не политическим, не этническим, а чисто территориальным, точно так же, как и названия Северный и Средний Дагестан. Под названием Южный Дагестан не имелись в виду только какая-то одна или единая административная или политическая единица или же какая-то одна или единая этническая группа народов. Здесь находились разные политические структуры, объединявшие в прошлом в основном этнически однородные группы населения или даже (в понятии более отдаленном, чем исследуемый период времени) племенные группы, вступавшие в различные союзы, образовавшиеся по принципу родства и территориальной близости.

Названием административно-территориальным Южный Дагестан, как и Северный и Средний Дагестан, становится позже исследуемого периода, когда территория Дагестана была разделена на

эти три части. Но и это практически условное деление, так как внутренние границы всех трех частей не были определены строго по какой-либо линии, а ими являлись границы территориально-политических структур, входивших в ту или иную часть Дагестана.

Но в работах авторов дооктябрьского периода не всегда было четкое определение Южного Дагестана, не было единого мнения какая именно территория входила в него, территория его определялась лишь в общих чертах, не говоря о границах политических структур, входивших в него, которые в разные периоды имели различный состав и поэтому и разную территорию. Эта неопределенность, неясность — одно из главных препятствий в условиях отсутствия и историко-этнографического материала для точного определения границ политических структур Южного Дагестана как и последнего в целом. Но тем не менее проследим какие точки зрения существовали по определению Южного Дагестана, какая именно территория имела в виду под этим названием, какие политические структуры включались в его состав. Здесь следует отметить, что в решении вопросов внутрирегиональной географии — определении территории и установлении границ политических структур немаловажное значение имеют и сведения по населенным пунктам и рекам, которые протекали по той или иной территории. Поэтому, естественно, что мы будем приводить и такие сведения, которые содержатся в работах авторов исследуемого нами периода или относятся конкретно к этому периоду.

Хронологически наиболее ранние сведения, позволяющие отметить границы отдельных частей Южного Дагестана, мы находим у турецкого путешественника и географа Эвлия Челеби. Описывая путь с юга на север — из Турции через Азербайджан в Дагестан и далее, он отмечал, что Шабуран — это город, расположенный в нахиче (области — авт.) Шабурана и относящийся к Демир-капу (Дербенту — авт.)¹. Далее он писал, что поблизости от Шабурана находится Ниязабад, который, как и Шемаха, находится в руках Ирана². Интересно следующее сообщение Э. Челеби о том, что «город Кахят [принадлежит] Дагестану, [но] остался в руках грузина Шевшада»³.

По приведенным сообщениям Э. Челеби южные границы Дагестана находились на территории Северного Азербайджана (город

¹ Челеби Э. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подолья / Перев. и коммент. М.: Наука, 1979. Вып. 2. С. 121.

² Там же. С. 122.

³ Там же.

Шабуран отнесен к Дербенту), а юго-западные границы доходили до Кахи.

Но в следующем томе сочинения Э. Челеби эти сведения даны по-иному. Описывая также путь из Азербайджана на север, он опять останавливается на Шабурани и отмечает, что этот город «находится под властью Ширванского вилайета, однако приписан к границам Демиркапу»¹. И далее, «когда визирь Мурад-хан III Оздемир-заде Осман-паша завоевал Демиркапу, он выбрал его как место пребывания *санджакбея* (глава административной единицы санджака — области — авт.), поскольку население этого города Шабурана проявило покорность. Но впоследствии, в период царствования Мурад-хана IV (XVII в. — авт.), персы захватили Ширван и взяли под свое управление Шабуран. Ныне это [отдельное] султанство в границах Демиркапу»².

Как здесь нужно понимать утверждения «приписан к границам Демиркапу» и «султанство в границах Демиркапу»? Можно, на наш взгляд, это понимать двояко — как город, находящийся в пределах Демиркапу — в его составе или — на границе Демиркапу. Но в любом случае из утверждений Э. Челеби выходит, что южные границы Дербентского владения, а следовательно, Южного Дагестана и Дагестана в целом проходили по территории нынешнего Северного Азербайджана.

Большой интерес представляет указание Э. Челеби на село Чорз, «стоящее в отдалении от моря, в просторной степи». Он отмечает, что «это место, расположенное на границе Демиркапу, принадлежит правителю Дагестана Михал-шаху. Его подарил ему Оздемир-заде Осман-паша. Впоследствии оно перешло в руки персов, но опять-таки осталось во власти Михал-шаха». Это было довольно большое селение, где, по сведениям Э. Челеби, было пятьсот домов, была мечеть, баня, рынок с караван-сараями и базар. А «население в большинстве своем дагестанские кумыки»³.

Под Михал-шахом, что видно из дальнейшего описания путешествия Э. Челеби, на котором еще остановимся ниже, имелся в виду майсум Табасарана. Об этом говорит, как близость нахождения его от Дербента, так и указание Э. Челеби на то, что, пройдя это селение, они оставили слева «местечко Рукал» и через земли *нахи* (военно-административная единица — авт.) Мискюр прибыли в крепость Демиркапу»⁴.

¹ Челеби Э. Указ. соч. М.: Наука, 1983. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. С. 170.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 170—171.

Э. Челеби сообщает и о другом селении, находившемся в пределах Табасарана. Это «Гора, где располагается ставка правителя Дагестана шаха Михал-хана», — пишет он¹. По его сведениям, от Дербента Гора располагалась к югу в 12 часах пути.

Прибыв из Табасарана в страну авар, путешественники осматривали какой-то город Серираллан. В примечаниях, приложенных к книге Э. Челеби, пишется, что под этим городом автор имеет в виду города Серир и Алан, являвшиеся соседними областями Аварии в Дагестане². Тогда возникает вопрос, почему сам Э. Челеби писал, что «это древний город, расположенный между городами Дербентом, Шемахой и Ниязабадом»³. Тем более нельзя согласиться с вышеприведенным примечанием, что из этого города, как пишет Э. Челеби, они «шли на юг и пришли в область Хатан»⁴. Значит, Серираллан находился в Южном Дагестане так же, как и «область Хатан», имевшая 300 благоустроенных и процветающих сел⁵. Из сведений Э. Челеби о том, что с одной стороны от области Хатан видна гора Эльбрус, под чем, очевидно, имеется в виду Шалбуздаг, и отсюда «пришли в [область] села Цахури»⁶, можно предположить, что под областью Хатан имеется в виду Самурская долина, названная им Хатаном от названия Ахты-Ахцаггар.

Интересно описание области Цахури, где, по сведениям Э. Челеби, было около 150 сел. Правил областью «Эмир-Юсуф-бей — один из вождей племени, [находящегося под властью] правителя Дагестана». Причем наш автор отмечает, что «[жители Цахури] много раз были в подчинении персов» и «население [этой области] насчитывает около семи тысяч воинственных людей»⁷. Э. Челеби считает, что в «области Цахури» кончаются пределы Дагестана и затем начинается земля Гюрджистана (Грузия)⁸. Это юго-западная граница Дагестана и северо-западная граница Южного Дагестана.

Приведенное выше утверждение Э. Челеби о горе Эльбрус в какой-то мере перекликается с тем, что писал А. Олеарий. Перечисляя реки, которые посольство встретило по пути в Южном Дагестане (Коссар, Самбур и Кургани), он писал, что «средняя, самая

¹ Там же. С. 177.

² Там же. С. 316.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 179.

большая из них, течет с горы Эльбрус и, разделившись на пять рукавов, течет весьма широко по мелкому каменистому руслу»¹.

Голландский художник К. Брейн, бывший в Дагестане в самом начале XVIII в., касаясь Дербента, писал, что он лежит на «северо-западе Изини и Курии, между Каспийским морем и горой Кавказ»². Не имел ли он в виду ту же самую гору, о которой писали Э. Челеби и А. Олеарий? Но интересно другое. «На день пути от Дербента, — писал он, — живут разбойники, называемые Коегалоек»³. Не идет ли здесь речь о кюринцах? Думается, что именно о них и говорит наш автор.

Не менее интересно его утверждение, что «Здесь граница Дагестана, небольшой части Грузии и Курии, лежащей при Каспийском море и простирающейся почти на 40 миль»⁴. Речь идет здесь о Тарковском шамхальстве. Из этого выходит, что Южный Дагестан и в то же время Тарковское шамхальство граничили с Грузией. Очевидно, здесь имеется в виду северо-западная часть Южного Дагестана. Но каким образом граничило Тарковское шамхальство с Грузией, трудно сказать, во всяком случае никаких других сведений на этот счет у нас нет. Да и сам автор этого утверждения не разъясняет его суть.

По сведениям первой трети XVIII в., Дербентское владение продолжало иметь влияние на северные земли нынешнего Азербайджана или эти земли, как и ранее, о чем писал Э. Челеби, находились в составе этого феодального владения. Интерес представляют и сведения о ряде населенных пунктов, находившихся около Дербента, которые оставил А. И. Лопухин. Он писал, что на Самуре «один городок из сырова кирпичу для защиты от куралей и лязгинцов, которые дербенским жителем в уезде делают обиды... имя сему городку Усть Челисы. Другой от того расстоянием с агац городок жа Даут Калисы». Последний находился недалеко от речки «Кригора»⁵, которая, надо полагать, являлась одним из рукавов Самура, названного А. Олеарием «Кургани». Эти городки, как и другие, находящиеся вокруг Дербента населенные пункты, входили в Дербентское владение. Как писал И.-Г. Гербер в 1728 г.,

Дербенту были «подчинены многие другие уезды в Ширвани»¹. Это, как разъясняет он далее, «уезды»: «Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк», доходы с которых «собирали султан дербенской»².

Интересно и другое. И.-Г. Гербер Кубу, как и союзы сельских общин Самурской долины, Кюра, Табасаран, Акуша-Дарго, Казикумух, относит к Лезгистану и называет народ ее «лезги, лезгинцы также и кумуки»³.

И по сведениям второй половины XVIII в. территория Южного Дагестана была намного больше, чем современная и границы ее проходили по Северному Азербайджану. Академик И. А. Гюльденштедт писал на основе собранных им в 70-е годы XVIII в. материалов, что эта «провинция (т. е. Южный Дагестан — авт.) по своему положению, граничит к югу с Грузией и Персидскими независимыми землями»⁴. Описывая Южный Дагестан, участник Персидского похода 1796 г. во главе с ген. В. Зубовым Ф. Ф. Симонович в его составе дает следующие владения: Дербентское, Кубинское, Ахтынское, Рутульское, Хамутая (казикумухского хана) и Табасаранское⁵.

Кубинское владение он называет «Кубинским Дагестаном». В составе его перечислены «округа» «Растюмский», «Мускурский», «Шабранский», «Сааданский», «Бермекский»⁶, т. е. те самые «уезды», о которых писал еще в первой трети XVIII в. участник похода Петра I в Прикаспий И.-Г. Гербер как о землях, подчиненных Дербенту. А еще ранее, как указывалось выше, турецкий путешественник Э. Челеби писал о вхождении в Дербентское владение «Шабурана» (Шабрана), перечисленного Ф. Ф. Симоновичем в составе Кубинского владения.

Для изучения исторической географии Южного Дагестана, в частности для определения территориального расположения его политических структур интерес представляет и разделение этого региона, которое дается в сочинении Ф. Ф. Симоновича. Он писал, в частности, что Южный Дагестан разделяется «хребтом Табасаранских гор на две равные половины к полдню (югу — авт.) и к северу». Далее он указывал, что «Южная половина заключает

¹ Олеарий А. Путешествие в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, С. 485.

² См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII в. / Сост., введ., вступ. статьи к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 149.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 8.

¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 85.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 107.

⁴ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 годах СПб., 1809. С. 115.

⁵ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 138.

⁶ Там же. С. 146—149.

в себе часть Табасарана и провинцию Кубу, Хамутаю казыкумышскому принадлежащую, Рутульское, Ахтинское, Кубинское и Дербентское владения. Она окружается к северу Табасаранским хребтом, к западу Кавказскими снеговыми горами, к полдню (к югу — авт.) отраслью Бермецких гор, вышедшею от Курт Булака и отделяющею караван-сарай Эшме Дагестан от Ширвана, а к востоку омывается Каспийским морем. Пропорциональное сей половины протяжение в длину, от севера к югу, 140, а в ширину, от запада к востоку, 80 верст и составляет площадь 11200 верст квадратных»¹.

Другой участник Персидского похода 1796 г. С. М. Броневский придерживался иного мнения, перечисляя Кубинское ханство как отдельное владение. Он писал: «Писавшие о Дагестане разделяют его произвольно: Гербер на Верхний и Нижний; Гельденштет соединяет Дагестан с Лезгистаном: иные разделяют Дагестан на Северный и Южный, включая в последнюю часть и Ханство Кубинское, как значит на карте Российской Империи, изданной в 1804 г. из Дено Карт Его Императорского Величества. Мы будем держаться разделения Г. Барона Маршал-Биберштейна, помещенного в описании его Западного берега Каспийского моря, с малыми отменами»². И на карте, приложенной к его работе, территории Дагестана и его южные границы доведены только до реки Самур. «Ханство Кубинское определяется к Северу от Дербентского и Казыкумышкаго владений рекою Самуром», — писал он³.

Подобного же мнения придерживались и другие участники Персидского похода 1796 г. П. Г. Бутков и А. И. Ахвердов, отмечавшие также, что северные границы Кубинского владения доходили до Самура⁴. И многие другие авторы то ли под влиянием мнений более ранних авторов, то ли исходя из административно-территориального устройства, введенного русскими властями после присоединения Дагестана и Азербайджана к России, в результате которого была образована Кубинская провинция, последняя исключалась из состава Южного Дагестана⁵.

¹ Там же. С. 138.

² Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. СПб., 1823. Ч. 2. С. 292.

³ Там же. С. 377.

⁴ Бутков П. Г. Выдержка из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 203; Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 220.

⁵ Зубов П. Картина Кавказского края... СПб.; 1835. Ч. 3. С. 210; Обзорение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836 г. Ч. 4. С. 187; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. I. С. 507; Венедиктов М. Взгляд на кавказских горцев // Сын отечества. СПб., 1885. Ч. 188. С. 36 и др.

Вместе с тем и в более позднее время ряд авторов придерживался мнения, что Кубинское владение также входило в состав Южного Дагестана. Более того, под Дагестаном в ряде случаев понимается более обширная, чем современная, территория. В одном из архивных источников по этому вопросу сказано, что страна, заключающаяся между Главным хребтом Кавказа и поперечным хребтом, подошвы которого омывают Андийское Койсу, Каспийским морем и Бакинским полуостровом (подчерки. нами — авт.) называется Дагестаном, т. е. страной гор¹. Неизвестный автор в конце 20-х или начале 30-х годов XIX в. писал: «Кроме Дербента, главными городами в Дагестане считаются Тарки с 10 т. и Куба (подчерки. нами — авт.) с 5 т. жителей»².

Офицеры царской армии М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг в 30-е годы XIX в. писали, что «под именем Дагестана разумется обширное и весьма неопределенное пространство, заключающееся между правым берегом Койсу, берегом Каспийского моря до владения Куры (подчерки. нами — авт.) и восточную покатостью Главного Кавказского хребта»³. Ген. В. Потто также писал, что Дагестан — это пространство, лежащее между Курою и Терекком. Он недвусмысленно отмечал, что в составе Дагестана, наряду с такими феодальными владениями, как Тарковское шамхальство, ханства Аварское и Дербентское, Кайтагское уцмийство и т. д. находились Кубинское и Бакинское ханства. В другом месте, касаясь разделения Дагестана на три части: Северный, Средний и Южный, о составе последнего он писал, что «...ханство Кюринское и Кубинская провинция, вместе с городами Дербент и Баку, известны под именем Дагестана Южного»⁴. И. Н. Березин также считал Апшеронский полуостров южным концом Дагестана⁵.

Из местных авторов дооктябрьского периода о границах Южного Дагестана писали известные ученые XIX в. А.-К. Бакиханов и Г.-Э. Алкадари, отмечавшие, что территория Дагестана доходила

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18488. Л. 1; Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. С. 362.

² Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х или начало 30-х годов // ИГЭД. С. 279.

³ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 306.

⁴ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб., 1888. Т. II. Вып. 2. Ермоловское время. С. 182.

⁵ Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд., дополн. Казань, 1850. Ч. 2. С. 84.

на юге до Ширвана¹. Г.-Э. Алкадари писал о большей обширности территории Дагестана в прошлом. Он включал в его состав «Кубинский уезд» и «Джарский округ», вошедшие в связи с проведенными на Кавказе после присоединения к России административно-территориальными преобразованиями первый в состав Бакинской губернии, а второй — Тифлисской губернии. А.-К. Бакиханов же придерживался противоположной точки зрения. Более того, последний вообще растворил Южный Дагестан в Ширване. Он писал, что Ширванская область включает уезды: Ширван с Сальяном, Шеки, Баку, Кубу, Дербент, Табасаранское и Кюринское владения, Самурский округ и нижнюю часть Елису². Границы Ширвана, характеризуемого им как «обширнейшая и лучшая область» на Кавказе, доводятся до территории «Казыкумука и Кайтага»³. Дагестан же, по А.-К. Бакиханову, — это территория «от устья реки Дарваг до Терека», ограниченная «на востоке Каспийским морем, на севере рекой Терек, на западе — кабардинскими и осетинскими землями, на юго-западе Грузией и на юго-востоке — Ширваном»⁴.

Впрочем, о вхождении еще до изучаемого нами периода в состав Ширвана Южного Дагестана писал Н. Ханыков. К этому выводу он пришел на основе анализа эпиграфического материала. Одна из надписей XV в., найденная в Цахуре, рассказывает о боях, которые произошли между войсками Ширван-шаха Халил Уллы и Эскендера, сына Кара-Юсуфа, главы туркменского племени «Горный баран». Эскендер занял Ширван и углубился во владения Ширван-шаха до крепости Аджнахур, где оставался целый год, пока не пришел на помощь Халил Улле сын Тимура Шахрух со своими войсками (до 838 г. х. или 1435—1436 г. н. э.). «Надпись эта, — писал Н. Ханыков, — тем интересна, что она явно доказывает, что и Самурский округ и горные магалы считались в числе владений Халил Уллы». В другой надписи, найденной в Ахтах и относящейся к изучаемому нами времени (1629 г.), говорится, что правитель Ширвана Юсуф-хан разрушил эту деревню и в течение восьми лет не восстанавливал ее. В статье Н. Ханыкова «Очерки ученой деятельности за Кавказом» говорится, что Самурский округ «в XV в. ... входил в число подвластных областей Ширван-ша-

хов»¹. Х.-М. О. Хашаев писал, что о вхождении Ахтов в состав Ширванского ханства свидетельствует также надпись на камне, найденном Бартоломеем на стене одной небольшой мечети аула Ахты, где говорится: «Обладатель крепости — Ширван-шах Халил Улла»².

Но следует отметить, что и на многих картах, изданных в XIX—XX вв., Кубинское ханство дается в составе Дагестана. В книге П. И. Ковалевского «Кавказ до присоединения Грузии» имеется несколько карт, на которых Дагестан охватывает территорию с севера от Терека на юг до Бакинского ханства, т. е. в составе Дагестана дано и Кубинское ханство, расположенное на карте к юго-востоку от Кюра. Данные относятся к 70-м годам XVIII—нач. XIX в.³

Территория Дагестана простирается до Апшерона и на двух картах за 1812 и 1845 гг., хранящихся в Гарвардском университете США, копии которых предоставлены директору Института ИАЭ ДНЦ РАН проф. А. И. Османову. Первая из них «Карта России», вторая карта — «Россия в Европе и Грузии».

Не у всех авторов, писавших о Дагестане, было одинаковое мнение и по вопросу о том, какая именно территория имела в виду под названием «Южный Дагестан», какие политические структуры находились в его составе. Хотя это было первоначально чисто географическим понятием, тем не менее многие авторы не придерживались принятого трехчленного деления Дагестана, в результате чего зачастую известные политические структуры Южного Дагестана перечислялись не в составе последнего. Это было в основном результатом того, что не бралась в учет как часть Дагестана Засулакская Кумыкия. В результате происходило смешивание понятий частей Дагестана. В составе Северного и Среднего Дагестана порою перечислялись и политические структуры Южного Дагестана. Так, указанные выше офицеры царской армии М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг, под Северным Дагестаном понимая территорию между Сулаком и Самуром, в составе его вместе с Тарковским шамхальством, Мехтулинским ханством, обществом Акушинским (Акуша-Дарго), Кайтагским уцмийством, Кубачи, Койсубулинским союзом и Аварским ханством дают Дер-

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 12; Алкадари Г. Асари-Дагестан: Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994, с. 11.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 11.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 12.

¹ Ханыков Н. Очерки ученой деятельности за Кавказом // Кавказ, 1851. № 25. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 185.

² Ханыков Н. Археологические известия // Кавказ, 1850. № 52—53. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 185.

³ Ковалевский П. И. Кавказ до присоединения Грузии. СПб., 1915. С. 24, 56, 129, 144.

бентское владение и Табасаран¹. А. А. Неверовский в составе Среднего Дагестана наряду с четырьмя магалами Самурской долины (Ахты-пара, Алты-пара, Докуз-пара и Рутул) перечисляет также западный Табасаран и северную часть восточного Табасарана, которые он считает «вольными» обществами². В. Потто, деля Дагестан в зависимости от рельефа на две части — Нагорный или Внутренний и Прикаспийский или Прибрежный, в свою очередь, последний делит на три части: Северный, Средний и Южный. В Средний Дагестан вместе с Акуша-Дарго, Казикумухским ханством, уцмийством Кайтагским, отнесено Табасаранское майсумство, а в составе Южного Дагестана перечислены: Кюринское ханство, Кубинская провинция «вместе с городами Дербент и Баку»³.

Резюмируя весь приведенный выше материал о территории и границах Южного Дагестана, в особенности его южных и юго-западных границ, приходится констатировать наличие различных мнений по этим важнейшим вопросам исторической географии этого региона Дагестана. Это говорит о том, что в XVII и XVIII вв. не было четкого разграничения территорий и границ Южного Дагестана и Северного Азербайджана. Кстати, на это в конце XVIII в. указывал и Я. Рейнеггс, писавший, что южные границы Дербентского княжества «еще не совершенно известны»⁴. Не было разделения как одного народа между лезгинами, проживающими на территории современного Дагестана и Азербайджана, т. е. между населением, располагавшимся по левую и правую стороны реки Самур. Эта река лишь просто делила этнически однородное население, входившее в разные политические структуры (союзы сельских общин, а затем и ханства) на две части. Для лезгин обеих сторон Самура, как для политиков, не существовали какие-то границы между ними, которые разделяли их и относили к различным государствам. Границы существовали только между территориями сельских общин. Но это не государственные, а внутренние границы этнически однородного населения. У лезгин, живущих на современной территории Дагестана и по правую сторону Самура, не было понятия их раздельности границами разных государств, те и другие не считали себя живущими в разных государствах, они

рассматривали себя как единое целое — один народ, но разделенный рекой Самур и поэтому живущим по разным сторонам этой реки. Поэтому река Самур у местного населения носит название Къулон вацI (река, протекающая посередине).

Понятие разобщенности, принадлежности к разным государствам у лезгин появляется позже, когда на политической арене появляется феодальное Кубинское ханство, в состав которого вошли и лезгины, проживающие на севере современного Азербайджана. Ранее же, когда территория Кубинского ханства находилась в составе Ширвана, не было такого разделения. Тогда Ширван и Дагестан как бы составляли две части единой территории. И не без основания, надо полагать, известный ученый А.-К. Бакиханов в своей работе «Гюлистан-и Ирам» рассматривал историю Дагестана и Ширвана вместе, а не раздельно. Даже первоначально русский текст сочинения А.-К. Бакиханова именовался «Историей Дагестана», о чем свидетельствовал Ф. Боденштедт, который в 1844 г. писал: «Ученый хан (А.-К. Бакиханов — авт.) приехал в Тифлис только на несколько недель, чтобы организовать русский перевод «Истории Дагестана», написанной им на персидском языке»¹. Близость этих двух структур сохраняется и наблюдается и в дальнейшем. В связи с этим уместно здесь привести слова А. Р. Шихсаидова, который пишет: «Трудно найти на восточном Кавказе другие политические образования, судьбы которых переплетались бы так тесно, связи которых были бы так неразрывны, как Ширван и Дагестан»².

Как бы продолжая высказывания А.-К. Бакиханова о вхождении территории Южного Дагестана в состав Ширвана, А. Р. Шихсаидов пишет далее: «Ширван временами включал в себя не только современный северный Азербайджан, но также Дербент и значительную часть районов, населенных лезгинами. История Ширвана — это история не только азербайджанцев, но и лезгин, цахур, аварцев, ибо значительное их число ныне населяет (несомненно населяло и раньше, может быть только в иной пропорции) северные районы Азербайджана. Стало быть, — продолжает он, — история Ширвана на всех ее этапах имеет непосредственное отношение к истории народов Дагестана. Взаимоотношения Ширвана, Дербента и Дагестана являются вместе с тем не только взаимоотношениями азербайджанцев, с одной стороны, и дагестанских народов, с другой, но также взаимоотношениями между

¹ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 306.

² Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С. 19—20.

³ Потто В. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 182.

⁴ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 284.

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 4.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. С. 41.

собой самих дагестанцев, оказавшихся в силу политической разобщенности, в пределах различных государственных образований (Дербент, Ширван и Южный Дагестан)»¹.

Более лучше не скажешь, чем сказано А. Р. Шихсаидовым о характере сущности взаимоотношений азербайджанцев и народов Южного Дагестана. Действительно, это взаимоотношения самих дагестанцев между собой. Эти слова как нельзя лучше вписываются и в утверждения многих авторов, писавших, что под Дагестаном имелась в виду территория от Терека до Апшерона или Баку, не говоря уже о вхождении в это название собственно Ширвана, а затем и Кубинского владения, образовавшегося на севере нынешнего Азербайджана, куда, как указывали выше, вошли и лезгины, проживающие по правую сторону Самура.

Определение территории и границ — это важнейший вопрос исторической географии. Но, к сожалению, отечественные исследователи советского периода не обратили на это внимание. Ни в одной работе советского и постсоветского времени не ставится вопрос о территории и границах Южного Дагестана ни по интересующему нас периоду, ни по другим периодам. Правда, из ряда работ советских авторов можно понять, что в составе Южного Дагестана находилось и Кубинское владение. Это видно, например, в работе Х. Х. Рамазанова и А. Р. Шихсаидова, когда, говоря об основных занятиях народов Южного Дагестана, они отмечают развитость земледелия в ряде владений, в том числе и в Кубинском ханстве². М. М. Ихиллов в работе, посвященной народностям лезгинской группы, останавливаясь на политических структурах Южного Дагестана, отдельный параграф посвятил и Кубинскому ханству³. В историко-этнографическом исследовании С. С. Агашириновой «Материальная культура лезгин. XIX—начало XX в.» как части территории лезгин даны и северные районы нынешнего Азербайджана, где проживают лезгины⁴.

Конечно, нам хотелось бы больше — чтобы дагестанские исследователи более шире останавливались на вопросах территории и границ Южного Дагестана, чтобы они высказали свое отношение к существующим и приведенным нами выше источникам и разнообразным мнениям авторов дооктябрьского периода по этому вопросу. Но, к сожалению, этого не случилось и мы довольствуем-

ся тем, что имеем на сегодняшний день. Поэтому вполне естественно, что нами не могут быть решены все вопросы, проблемы, мы можем и ошибаться, и делать, возможно, не совсем обоснованные выводы, что, конечно, является следствием недостаточности источников и отсутствия разработок по теме нашего исследования.

На фоне умалчивания вопроса о территории и южных границах Дагестана в целом и изучаемого нами региона дагестанскими исследователями весьма целенаправленно выглядят работы азербайджанских ученых, которые рассматривают ряд районов Южного Дагестана как территорию Азербайджана. В частности, это можно сказать о Дербенте и Дербентском владении, рассматриваемых ими как неотъемлемая часть Азербайджана. В научных работах и картах, составленных азербайджанскими исследователями по интересующим нас хронологическим рамкам, границы Азербайджана указаны севернее Дербента.

Не заметить этого или сделать вид, что ничего особенного здесь нет, трудно, ибо это сделало бы разговор о территории и южных границах изучаемого нами региона незавершенным, хотя, как было отмечено выше, мы далеки от мысли, что решили все вопросы и нами ставится последняя точка. Вовсе нет. Наша работа — это только первая попытка разобраться как в исторической географии Южного Дагестана в целом, так и в отдельных ее аспектах, в особенности в наиболее важных из них, каковыми является установление территории и границ региона.

* * *

Установив территорию и границы Южного Дагестана, изучив их в той мере, в какой было это возможно, исходя из имеющихся источников и литературы, перейдем к вопросу о населении региона. Подробно вопрос о населении, расселении различных этнических групп, их численности будет рассмотрен при исследовании исторической географии каждой или совокупности однотипных, этнически однородных политических структур. Здесь же мы остановимся на этом вопросе в целом, в общих чертах, не впадая в подробности, дабы избежать возможных повторов.

Прежде всего укажем, что при рассмотрении вопроса об исторической географии населения Южного Дагестана мы опирались на те же источники и литературу, работы авторов XVII—XIX вв., на основе которых изучен нами и вопрос о территории и границах региона. Вопросы исторической географии населения Южного Дагестана нашли освещение также в работах дагестанских исследователей Х.-М. О. Хашаева, А. Р. Шихсаидова, Х. Х. Рамазанова,

¹ Там же.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 187.

³ Ихиллов М. М. Народности лезгинской группы: этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. С. 73—76.

⁴ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX—начало XX в. М.: Наука, 1978. С. 23.

В. Г. Гаджиева, М. Р. Гасанова. О происхождении народов Южного Дагестана существуют разные мнения. Но это коренные народы, хотя в целом о них А.-К. Бакиханов писал: «...жители части Табасарана, западной части Кубинского уезда, Самурского округа и Кюринского владения по большей части состоят из древних народов, смешавшихся с позднейшими пришельцами», а «обитатели окрестностей Дербента, большей части Табасарана, восточной части Кубинского, Шекинского, Бакинского и Ширванского уездов и Сальяна являются потомками персов, арабов, тюрок, монголов и татар»¹.

Основную часть населения в Южном Дагестане составляли лезгины и народы лезгинской языковой группы (табасаранцы, рутульцы, цахуры и агулы). Как указывалось выше, здесь проживали также азербайджанцы, армяне, евреи, персы, турки и арабы. По сведениям Я. Стрейса, бывшего в Дагестане в 70-е годы XVII в., в городе Дербенте не было христиан, «а только одни мухаммеда-не и немного евреев»². Через 100 лет академик С. Г. Гмелин отмечал наличие в Дербенте христиан. Он писал, что «в Дербентской крепости, которая самую малую часть города составляет, в находящихся подле замка строениях, живут по большей части армяне» и что они «живут так же смешанно с другими народами и в нижней части города»³. По его свидетельству, из 4 тыс. семей Дербента армянских было 100 семей⁴. Не менее интересны сведения С. Г. Гмелина о том, что в Дербенте проживали и другие народы, в персидском происхождении которых он сомневается. Он писал, что «сказать не можно, кто суть настоящие дербентские жители? Разные нещастия и опустошения, коим город сей сряду чрез несколько лет подвержен был, заставляют по справедливости сомневаться, чтоб они были подлинно персияне». Но в то же время он писал далее, что «там находится еще только смесь, произшедшая из татарской и персидской крови»⁵.

О том, что в XVIII в. в Дербенте проживали армяне, писали и другие авторы. По сведениям Ф. Ф. Симоновича, в конце XVIII в. в Дербенте было около 90 домов армян⁶. Примерно столько же домов (93) дано и у П. Г. Буткова, писавшего о том же периоде⁷. Но

в начале XIX в. количество их уменьшилось, что видно из сведений Ф. Н. Ртищева, писавшего в 1813 г., что в Дербенте осталось 28 домов армян, в которых было 56 душ мужского пола¹. По его же сведениям в это время в Дербенте было 59 еврейских домов, со 166 душами мужского пола².

Евреи проживали не только в самом Дербенте, но и в селах Дербентского владения. Как отмечал в 1728 г. И.-Г. Гербер, евреи имели «разные деревни близ Дербента»³. Это селения Джагут-кент, Джалган, целые кварталы в Рукеле, Куларе и т. д. В конце XVIII в. Я. Рейнеггс писал о «Шалгау» (Джалган — авт.) и еще «одной большой жидовской деревне», входивших в состав Дербентского ханства⁴.

Много евреев и азербайджанцев проживало в Табасаране, где они составляли целые отдельные села (Марага, Дарваг, Арак, Цанак, Ерси, Зиль, Хели-Пенджи, Екраг, Хели). И не без основания, будучи в Дербенте в 30-е годы XVII в., А. Олеарий писал, что в Табасаране «теперь много-много живет иудеев»⁵.

Многочисленность этнических групп в Нижнем Табасаране дала основание ряду авторов в прошлом даже писать, что табасаранцы не знают или плохо знают свой язык, а больше говорят на смешанном языке. «Как ни странно покажется это, — отмечал Е. И. Козубский, — едва ли в целом свете найдется народ, который бы менее знал свой язык, чем табасаранцы. На нем говорят они, как бы на языке чужом и плохо выученном»⁶. Но, как нам думается, это можно объяснить и другой причиной. Просто табасаранцы, кроме своего языка, знали и другие языки (азербайджанский, еврейский и др.), на которых они говорили с их носителями. А это несведущему человеку казалось, что они не знают своего языка. Естественно, и иноязычные народы, проживающие в Табасаране, говорили на табасаранском языке, хотя со временем в ряде случаев табасаранский язык и вытесняется как основной язык местного населения. Как писал Л. И. Лавров, «так как азербайджанские селения Архит, Арак, Ерси носят табасаранские названия, то можно думать, что раньше в них говорили по-табаса-

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 21.

² Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 236.

³ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 3. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 143.

⁷ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 202.

¹ Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 249.

² Там же.

³ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 117.

⁴ Дагестан в известиях... С. 284.

⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 488.

⁶ Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1. С. 44.

рански»¹. Естественно, что в местах совместного проживания разных этнических групп, говорящих на своих языках, со временем более распространенный язык становится преобладающим, и он превращался в основной язык и для других этнических групп. И в этом плане нельзя не согласиться с М. Р. Гасановым, который пишет, что «На протяжении всей истории речь тюркоязычных народов, войдя в контакт с местным языком, в силу ряда причин одержала верх над табасаранской речью в аулах Дербентского и ряда аулов Табасаранского района»².

Очевидно, в прошлом в Табасаране было значительно больше и азербайджанцев, и евреев. С этим, надо полагать, связано то, что многие авторы говорили о еврейском происхождении табасаранцев. Так, Ф. Ф. Симонович писал: «Народ сей жидовского поколения, и по смешению с персидскими поселенцами принял он магометанский закон секты Сунниской»³. Известный дагестанский ученый Г.-Э. Алкадари писал, что «табасаранский народ раньше был нудейским»⁴. Аналогичное утверждение мы находим и у П. Петухова, писавшего, что «табасаранцы называют себя гум-гум и говорят, что происходят от евреев»⁵.

К вопросу о табасаранцах мы еще вернемся при описании этого основного населения Табасарана. Здесь же мы завершим описание тех народов, которые проживали в Дербентском владении. Нам осталось сказать еще об арабах, которые проживали здесь и в исследуемый период. В этом плане интересно сообщение И.-Г. Гербера, который отмечал, что арабы «не имеют постоянных мест, или жилищ», «не имеют ни деревень, ни домов, а живут в кибитках, с которыми с места на место переезжают»⁶. Причем, речь идет не о каких-то маленьких группах, а сотнях и тысячах людей, что вытекает из слов нашего автора о том, что «они по фамилиям несколько сот кибиток вместе содержатся для лучшего охранения своего»⁷. Конечно, не все эти арабы жили в Южном Дагестане и И.-Г. Гербер не говорит конкретно об арабах Дербентского владения, а пишет вообще об арабах, «которые живут в вышеписанных (т. е. разных владениях Закавказья и Южного Дагестана — авт.) провинциях и уездах»⁸. Но подтверждение

тому, что И.-Г. Гербер имел в виду и арабов, живших в его время в Южном Дагестане, мы находим у Ю. Клапрота, который писал, что в Нижней (Южной) части Дагестана, кроме кумыков и туркоманов (терекемейцев), «живут так же арабы и евреи, которые часто изменяют место нахождения своих деревень»¹. Видимо, позже арабы осели и смешались с другими этническими группами, жившими в Южном Дагестане, точно так же, как «таты—армяне и евреи», бывшие в Дербентском владении, Табасаране и Азербайджане, «в течение времени смешались большей частью с мусульманами», почему их и осталось мало².

Как отмечено выше, самую большую этническую группу в Южном Дагестане составляли лезгины — один из крупных коренных народов Дагестана. Лезгины (самоназвание «лезги», мн. число «лезгийя») в исследуемое время, как и ныне, заселяли юг Дагестана и север нынешнего Азербайджана. Они занимали большую часть территории нынешних Курахского, Сулейман-Стальского, Магарамкентского, Ахтынского, Докузпаринского, часть территории Рутульского и Хивского районов Республики Дагестан, а в Азербайджане — территории Кусарского, Кубинского, Худатского, Куткашенского и Кунахкентского районов. Причем, в Кусарском районе лезгинское население является ныне преобладающим. Лезгины проживают в 56 селениях из 63, азербайджанцы в 7. В Кубинском районе лезгинскими селениями являются Кымыль, Куснет, Кашнеш (смешанно с азербайджанцами) и Дигах. В Худатском районе лезгины проживают в селениях Кух-оба, Калентар-оба, Карат-оба, Узден-оба, Торпах-керни, Тагир-оба, Керим-оба, Орта-оба, Хан-оба, Укур-оба, Леджит, Душтаир-оба, Зухул-оба, Селим-оба, Якуб-оба, Ясаб-оба, Мурух-оба, Бала-Кусар, а также смешаны с азербайджанцами в населенных пунктах Кулар, Ширшановка, Тел и Махмудкент. Отдельные лезгинские селения имеются также в Куткашенском и Кунахкентском районах³.

Описывая Кубинское владение, участник Персидского похода 1796 г. Ф. Ф. Симонович, который «снял Южный Дагестан на карту, снял Табасаран, Дербентское, Кубинское, Ахтынское, Рутульское и Хамбутаево владения и оным топографическое описание сочинил»⁴, делил его на 8 округ, среди которых «1-я и 2-я, Ха-

¹ Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982. С. 183.

² Гасанов М. Р. Загадки этнонимов Дагестана. Махачкала, 1997. С. 86.

³ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 154.

⁴ Алкадари Г. Асар-Дагестан: Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994. С. 14.

⁵ /Петухов/ П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 7.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 118.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

¹ Клапрот Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций, находящихся между Россией и Персией. Париж: Лейпциг, 1827 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. С. 16. (Перев. с франц. З. Кидаловой).

² Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 21.

³ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX—начало XX в. М.: Наука, 1978. С. 3—4.

⁴ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 156.

налыхская и Будухская» названы им «вообще... Дагестаном»¹. В 1-й дагестанской округе им перечислены селения Кунак Кент, Эрфи, Дини, Халтан, Утух, Дерки, Сюгун, Бутуг, Зегит, Рук, Адур, Кархун, Халит, Алик, Ергуч, Джек, Хриз, Ханалик, в которых было в общей сложности 950 домов². В Кубинской округе перечислены им современные лезгинские села Угур, Леджет, Кусар, Кюснет, Кемиль, Качречь и др.³

Большой интерес в плане определения территории проживания лезгин, их расселения на севере нынешнего Азербайджана, ее названия представляют сведения, собранные в 30-гг. XIX в. среди кубинцев. Согласно этим показаниям, их провинция делилась на две части, одна из которых, «закрывающаяся между реками Самуром и Кудялом называется **Лезгистаном**», а другая — от Кудяла, далее в горы — **Туркистаном**. Кроме того, верхние магалы, прилежащие к Ширванской и Шекинской провинциям, т. е. Будухский и часть Ханалыхского, именуются по гористому положению **Дагестаном**⁴. Из этих сведений делается вывод, что «часть обитателей Кубинской провинции происходит от племени Лезгинского, а другая — от Татарского... Лезгины и считают себя первыми обитателями провинции Кубинской, а Татар почитают пришельцами»⁵.

Интерес представляют и сведения о языке, где сказано, что татарским языком говорили в Шабране и Мушкуре, а «жители высоких гор Ханалыгского магала, Юхарыбашского, Анахдаринского, Сыртского и небольшая часть Тинского говорят языком, имеющим сходство с Лезгинским и называемым **«Лезги»**⁶. На это же указывал еще в первой трети XVIII в. и И.-Г. Гербер. Говоря о Ханалухе и Будухе, Кризе, Джаке, Алыке, Капуге, он отмечал, что они находятся в Нижнем (т. е. Южном) Дагестане, первый из них назван уездом, а остальные деревнями, жители которых говорили на лезгинском языке⁷.

В пределах нынешнего Дагестана лезгины занимали в изучаемое нами время территорию, заключенную между правым берегом Самура и Главным хребтом Кавказских гор. Это самурские лезгины, граничившие с юга с Главным Кавказским хребтом от г. Базар-Дюзи до г. Салават, к западу с Рутулом, к северу кюрин-

скими лезгинами. Последние занимали территорию по среднему течению Чирахчая, а также Гюльгерычая, Кураха и по левую сторону нижнего течения Самура. На западе они граничили с Агулом и Рутулом, на севере — с Табасараном, на юге — с самурскими лезгинами, на северо-востоке — с Дербентским владением, а на востоке территория их доходила до Каспийского моря. Отмечая такое разделение лезгин, проживающих на современной территории Дагестана, А. Комаров писал: «Всю юго-восточную часть Дагестана занимает особое многочисленное племя, известное под названием Кюра. Кюринцы, живущие в Дагестанской области, делятся на две части:

1) жители бывшего Кюринского ханства (еще ранее бывших кюринских союзов сельских общин — авт.) и 2) жители долины Самур. Первые называются Гетегар, от названия селения Чехе-Гетег, считавшегося прежде главным в Кюре; а вторые — Ахсагар, от имени Ахса (Ахты), считавшегося главным в долине Самура». В свою очередь, эти части лезгин делились на магалы (союзы сельских общин). Кюринцы, живущие в Кубинском уезде, называют живущих в Самурском округе Сувагандю, т. е. «горцы». Других названий кюринцы не имеют; на плоскости же вообще их называют Лезгинами»¹.

Название Лезгинистан, употребляемое некоторыми средневековыми авторами для обозначения Дагестана в целом, и название «лезгины», применяемое для обозначения его народа, это тождественные названия. Последнее и закрепилось за одним из народов Дагестана, известным под названием кюринцы. П. К. Услар, изучая лезгинский язык, названный им кюринским, также отмечал, что название кюринцев было общим для всех лезгинов, откуда бы они не были родом. «...Название кюринцы, — писал он, — присваивают себе в исключительную собственность», подчеркивая в то же время, что происхождение названия лезгин «не имеет корней в языке и сами кюринцы полагают, что принято оно ими только потому, что так называли их соседи турки. С другой стороны, ни один из горских народов не называет кюринцев лезгинами»². Аварцы называют их ахты-курал, даргинцы — кававахье, ахталу, лакцы — ахты-курал, табасаранцы — ближайшие их соседи — кюреллуяр³. «Даже накануне революции, — как отмечает Р. М. Магомедов, —

¹ Там же. С. 144.

² Там же. С. 144—145.

³ Там же.

⁴ Обзорные Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. IV. С. 118—119.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Там же.

⁷ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 80—83.

¹ Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. VIII. Раздел 5. С. 20.

² Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. XI. Кюринский язык Тифлиса, 1896. С. 7.

³ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 187; Гасанов М. Р. Загадки ... С. 66.

лезгин не всегда называл себя лезгином, а говорил, что он курушец; другие называли себя кюринцами. Ахтынцы называли себя «ахцахарами»¹. Но следует отметить, что этими названиями лезгины называли себя лишь внутри Дагестана. Из сказанного следует, что название кюринец не было общенациональным термином, названием всех лезгин. Оно становится им потом. Как писал А. М. Дирр, «вероятно, что название одного племени, а именно кюринского, было постепенно распространено на других»².

Но встают вопросы, когда, как и почему кюринцы стали называться лезгинами, когда это название одной группы стало названием этническим, относящимся только к одной народности Дагестана?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, обратимся к существовавшим в прошлом названиям Дагестана. Известно, что в прошлом, кроме этого названия, были и другие — Лезгистан или Лезгинистан. Оно употреблялось для всей территории Дагестана. Затем многие авторы, в особенности исследуемого нами периода, стали одну часть Дагестана обозначать этим термином, а другую — названием Лезгистан. Говоря о возникновении этого названия и распространении его на всех дагестанцев, проф. Р. М. Магомедов обращается к античным «лезги» или лупени и легам, которые, по его мнению, «могли на определенном этапе выступить в Восточном Дагестане в качестве господствующей силы» и к тому же «в силу своего географического положения рано соприкоснулись к окружающим их внешним миром»³. И далее, останавливаясь на процессе распространения этих названий на Дагестан в целом, он пишет: «Вначале у соседних народов Закавказья название дагестанского племени леги (по-грузински «леки») прочно и надолго закрепляется только за группой родственных племен Южного Дагестана, а затем оно распространяется почти на всю его территорию. Таким путем и закрепляется за Дагестаном название Лезгинистан»⁴. По мнению Р. М. Магомедова, в превращении общедагестанского названия Лезгинистан в узко южнодагестанский термин, «включивший в себя уже конкретное этническое понятие», «определенную роль... сыграли русские путешественники и послы, бывшие в разное время на Кавказе. Поскольку русские познакомились с южнодагестанцами раньше, чем с другими дагестански-

ми народами (после кумыков), то они и закрепили за южнодагестанцами название лезгин»¹.

Но имеется и другое мнение, согласно которому название лезгин, лезгины происходит от государственного образования средневековья Лакз — «Страна Лакз» — по Баладзори², граничившего с Дербентом и Маскатом — по сведениям автора XII в. Якута³. И далее его же сведения о том, что «между ними (Лакзом) и Баб ал-абвабом» находится страна Табасаран-шах⁴, указывает именно на местонахождение этой страны на территории лезгинской этнической группы. Но в то же время, по Масуди, можно понять, что под лезгинами были известны и другие народы Дагестана, что выходит из его слов: «Эти независимые лекзы, называемые Дудания, считают, что они происходят от Дудани»⁵.

Не будем вникать в сущность и останавливаться на подробностях лингвистических изысканий исследователей по происхождению названия лезгин. Укажем лишь на то, что одни авторы пишут (например, М. Алиханов-Аварский), что «грузинские леки, классические леги, арабские лакзы, персидские лазги, турецкие лезги и русские лезгины происходят от термина лакз»⁶. А. М. Дирр говорил о сходстве слова лезгин (лазк) с грузинскими леки, лекеби⁷. Д. Б. Бутаев производил этноним лезгин от лакского слова «лакхсса — высокий»⁸. В лакском языке искал этимологию термина лезгин известный советский этнограф Л. И. Лавров. Он писал о сопоставимости имени лакцев и самоназвания лезгин — «лезги»⁹. В. Ф. Минорский считал, что термин «лакз» «состоит из **лак** // **лаг** («человек» на местных языках) плюс краткий суффикс -з, показывающий происхождение»¹⁰. В связи с этим находится и мнение проф. А. Г. Агаева. Он пишет: «Можно полагать, что в распространении этнонима «лезгин» на всех жителей Дагестана и топонима «Лезгинстан» на весь Дагестан определенную роль

¹ Там же. С. 40.

² Баладзори. Книга завоевания стран/Пер. с араб. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 16.

³ См.: СМОМПК. Тифлис, 1905. Вып. 29. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ См.: франц. текст Масуди в статье Ад. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 34—35.

⁶ Тарихи. Дербент-наме. Тифлис, 1898. Примеч. С. 76.

⁷ Дирр А. М. Указ. соч. С. 11.

⁸ Бутаев Д. Б. О толковании терминов «лезгин» и «узденъ» // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 74. Л. 1—2.

⁹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1. С. 180.

¹⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963. С. 112.

¹ Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 40.

² Дирр А. М. Современные названия Кавказских народов // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 11.

³ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 38.

⁴ Там же. С. 39.

сыград и Иран. В транскрипции фарсидского языка суффикс «з» показывает происхождение. Поэтому иранцы употребляли этноним «лег», с этим суффиксом — «лезг», подвергшимся позже огласовке — «лезг», «лезги». «Стан» по-фарсидски означает «страна»¹. Еще ранее дагестанские лингвисты И. Х. Абдуллаев и К. Ш. Микаилов, касаясь времени превращения в узкоэтническое понятие термина лезгин и причинах этого, писали: «В течение последних пятидесяти лет в русском языке общий этнический термин для дагестанских горских народов **лезгины** постепенно превратился в название одного из дагестанских горских народов, известного в прошлом под названием **кюринцы**. Это связано с тем, что примерно со второй половины XIX в. кюринцы (современные лезгины) начали использовать в качестве своего этнического самоназвания широко распространенный в восточных языках общий этноним дагестанских горских народов **лезги**, ср. аз. **лезги**, перс. **lāzgi**, тур. **lezgi**, от которого образовано при посредстве суффикса **-ин** и русское **лезгин**»².

Из перечисленного, как нам кажется, все же выходит, что термин лезгин («леги», «леки», «лекзы», «лакзы», «лезги» и т. д.) изначально был названием народов Южного Дагестана, хотя и данным арабами, который затем был распространен на другие этнические группы. Существовало в то же время и название кюринцы, что, очевидно, было связано с названием «местности», по терминологии В. Ф. Минорского, К. р. к., отождествляемой им с Курахом³, и, естественно, с носителем этого же названия — одной из этнографических групп лезгин. Со временем в результате расширения сведений о народах Дагестана, более близкого знакомства с ними название лезгин осталось только за собственно лезгинами — историческими носителями этого названия. Другие же народы Дагестана стали носить свои этнические названия.

Что касается смысла или значения термина «лезгин», то вряд ли правомерно связывать это с термином «лаг» в разном его звучании у разных народов и означающим «раб»⁴. Неверно и существовавшее ранее мнение П. К. Услара, что термин «лезги» происходит от арабского «лазик», означающего «не чистый» потому, что

они (лезгины) долго противостояли исламу¹, так как известно, что народы Южного Дагестана раньше приняли ислам, чем другие дагестанские народы. Нам думается, что более осторожен и прав А. М. Дирр, который писал: «Что собственно означает слово «лезги» нам неизвестно: ему приписывали значение «житель гор», «разбойник», но без всякого основания»².

Как бы то ни было, в изучаемое время название лезгин для одной из самых крупных этнических групп Южного Дагестана, как и для других дагестанских народов, было наиболее распространенным названием. Этноним же кюринцы, будучи названием одной из этнических групп, подобно названию «акушинцы», которое распространялось на всех даргинцев, с чем мы сталкиваемся во многих источниках, было распространено на весь лезгинский народ. Как писал П. К. Услар, «ни язык в целом своей не называется кюринским, ни жители, на нем говорящие, не носят общего названия кюринцев». Кюринцы — это условное название, и П. К. Услар пишет, что он взял название местности Куре, лежащей южнее Табасаранского майсумства вплоть до Самура, жители которого называют себя — курегу, мн. керегуер и свой язык куреачал. Название местности распространилось на целую лингвистическую группу³. А. М. Дирр, отмечая, что у них есть свое название, пишет: «Впрочем, существует общее название, которым называют себя кюринцы, откуда бы они ни были родом, а именно: лезгі, мн. лезгіар, лезгі ар кюринский язык». Происхождение этого названия, — продолжает А. М. Дирр, — не имеет корней в языке, и сами кюринцы полагают, что принято оно ими только потому, что так прозвали их соседи тюрки»⁴. В дополнение к тому, что нами приведено выше, он пишет, что лезгины у цахурцев называются куралі, мн. ч. куралер, у рутульцев — жірк, у агульцев — јарккаршу, у арчинцев — куралікіштуw (от курал-куре)⁵.

Из других народов Южного Дагестана относительно большим являются табасаранцы, расселившиеся своими селами в изучаемое время на территории, начиная «близь города Дербента» к северу «до хайдаков и карахайдаков», от которых были отделены рекой Дарбах, к западу «до Зурхаева (Казикумухского — авт.) владения», от которого разделялись рекой Агул, и к югу «до куролей» (лезгин), от которых были отделены «острыми горами»⁶.

¹ Агаев А. Г. Происхождение лезгин // Садвал. Май 1991 г. № 5. Цитируем по книге: Гасанов М. Р. Загадки ... С. 67.

² Абдуллаев И. Х., Микаилов К. Ш. К истории дагестанских этнонимов лезг. и лак. // Этнография имен. М., 1971. С. 17.

³ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 112.

⁴ Абаев В. И. Историко-этнографический словарь осетинского языка. М., 1973. Т. 2. С. 19—20.

¹ Дирр А. М. Указ. соч. С. 11.

² Там же.

³ Там же. С. 14—15.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

Довольно основательно о происхождении табасаранцев, их этническом названии, существующих по данному вопросу мнениях говорится в работах М. Р. Гасанова¹. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Но для полноты исторической географии населения Южного Дагестана, учитывая, что табасаранцы были в этом регионе вторым по численности народом лезгинской языковой группы, считаем необходимым хотя бы вкратце остановиться на указанных вопросах.

Выше мы уже останавливались на вопросе об этническом составе населения Табасарана в целом, указывали, что здесь в прошлом и в исследуемый период, кроме собственно табасаранцев, проживали азербайджанцы и евреи. Приводили также имеющиеся мнения по происхождению самих табасаранцев. Поэтому здесь мы не коснемся этих вопросов.

Табасаранцы сами себя называют «табасанарар» (табасаранцы), цахуры называют их «табасаранна», рутульцы — «табасарандашура», агулы — «табасараншуй» (или «у-хан-ар»), кайтаги — «шилан»². Раннесредневековые армянские авторы называли табасаранцев — таваспары (тавас-парк)³. По предположению Ю. М. Десятчикова, «племя сатархов на Северо-Восточном Кавказе (Дагестане) соответствует известным древнеармянским историкам — таваспарам»⁴.

Но откуда же произошло название Табасаран, что оно означает и с чем связано? По этому вопросу имеются различные мнения. П. К. Услар считал: «Впрочем, некоторые туземные ученые полагают, что Табасаран есть измененный Табаристан, как некогда называли край, потому что Нуширван поселил в нем весьма много табаристанцев. Быть может, это и справедливо, потому что и теперь еще в крае находится много селений, жители которых говорят по-татски, т. е. на одном из иранских наречий»⁵. И, естественно, далее он писал, что «название это не есть горское, кавказское; всего вероятнее ему можно приписать иранское происхождение». Но при этом он отмечал, что «при помощи иранского языка оно

остается необъяснимым»¹. Другие авторы связывали происхождение табасаранцев с иными народами. Так, А. Казембек писал, что туземные этимологи объясняют термин «табасаран» через «топорообразные головы» или через топорносы, «потому что Нуширван так называл людей, которым поручил охранять Дербент»². Аналогичного мнения придерживался и известный востоковед В. Ф. Минорский. «Табар-саран — головы топорком, — писал он, — по-видимому, иранская этимология названия нынешних табасаранов. Не исключена и здесь связь имени с гарнизоном тапуров Табасарана (Мазандарана)»³. Табасаран на языке фарси — «табар» означает «топор». Как пишет М. Р. Гасанов, «в далеком прошлом основным оружием местного населения был топор, и почти все жители носили его. Отсюда название Табасарана, то есть «страна топоров»⁴.

Другие ученые связывают или объясняют значение термина «табасаран» с иными персидскими, арабскими и др. словами. Так, по мнению Т. Тагиева, Табасаран (перс. форма тебес-арран) переводится с персидского как «летние поля» (равнины)⁵. Исходя из этого, М. Р. Гасанов полагает, «что в более ранние времена в Табасаран входили и равнинные земли»⁶. Впереди, в той же работе, касаясь расселения табасаранцев, он пишет: «В древности табасараны занимали часть территории юго-восточного Дагестана, в том числе приморскую»⁷.

Существуют и данные, согласно которым название «табасаран» происходит от имени правителя Табасарана Табран Сабрана, который был и начальником Дербентского гарнизона⁸. Перенесение имени феодала или династии на народ является распространенной формой образования этнонимов эпохи феодализма⁹, и поэтому приведенный факт представляет интерес как один из вариантов объяснения названия табасаран. Вообще, следует отметить, что исследователи больше всего связывают происхождение термина «табасаран» с иранским языком и объясняют это вторжениями в Дагестан ираноязычного населения¹⁰. Продолжая примеры по это-

¹ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 26—46;

Его же. Загадки этнонимов Дагестана. Махачкала, 1997. С. 83—91.

² Там же. С. 42; 87; Дирр А. М. Указ. соч. С. 17; Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1973. С. 47; Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М., 1978. С. 7.

³ Лазарев Я. О гунах Дагестана // Кавказ, 1859. № 38. Цит. по: Дирр А. М. Грамматический очерк табасаранского языка // СМОМПК. Тифлис, 1905. Вып. 35. Отд. III. С. У.

⁴ Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 137—138.

⁵ Услар П. К. ... Табасаранский язык. С. 42.

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 42.

³ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 125.

⁴ Гасанов М. Р. Загадки ... С. 88.

⁵ Там же. С. 87—88.

⁶ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 45.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Дербент-наме. Тифлис, 1898. С. 33—34.

⁹ Чеснов Я. В. Название народа: откуда оно? // СЭ. 1973. № 6. С. 114.

¹⁰ Погребова М. Н. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в скифскую эпоху // СА. 1977. № 2; Она же. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

му мнению, отметим, что, как писал П. Петухов, «Табасаран» с восточных языков переводится «красивые, приятные для глаза высоты»¹. По мнению же отдельных местных авторов-арабистов, название «Табасаран» с арабского переводится, как чистосердечные, что связывается с тем, что «будто жители Табасарана мусульманскую религию приняли без сопротивления, что противоречит исторической действительности»².

Как бы подводя черту под всеми существующими мнениями, сделав сопоставление и анализ всех существующих данных и исходя из достижений археологии, лингвистики, антропологии и этнографии, М. Р. Гасанов считает, что «Наиболее верным кажется следующее объяснение» термина или названия Табасаран и народа табасаранцы: «Табасаран» состоит из двух частей: Тав—вершина, холм и саран—страна, т. е. холмистая страна. По названию страны и жители называются табасараны»³. Причем он подчеркивает, что это «один из древнейших кавказских народов»⁴.

Оставшиеся три народа лезгинской языковой группы, проживающие в Южном Дагестане — рутульцы, цахуры и агулы, намного меньше по численности, чем лезгины и табасаранцы и относятся к малым народам Дагестана. Они так же, как и лезгины и табасаранцы, относятся к балкано-кавказской расе большой европоидной расы и говорят на языках лезгинской подгруппы северокавказской семьи⁵.

Рутульцы занимали, как и ныне, территорию по руслу Самура, Кара-Самура и верхнему течению Ахтычая. Это юго-западная окраина Дагестана, примыкающая к Азербайджану. Рутулы граничат на востоке с лезгинами, на севере — с агулами, на северо-западе — с лакцами, на западе — с цахурами, на юге — с азербайджанцами. Название рутульцы произошло от названия сел. Рутул, известного у местных жителей как Мыхад. «Жители средней части долины Самура, — писал А. Комаров, — считаются особым племенем и называют себя Мюхадар от названия главного селения Мюхад — по-тюркски и по-кюрински (лезгински — авт.) — Рутул»⁶. «Местное название сел. Рутул «Мегъед» народная традиция связывает с рутульским словом, означающим «сарай для соломы», и помнят, будто подобный сарай стоял на месте Рутула до пере-

селения сюда мелких поселков»¹. Второе самоназвание рутульцев — мых абдыр². По мнению Г. Х. Ибрагимова, рутульцы имели и другое название — агъахъар (так называли их цахуры)³.

О происхождении рутулов нет особых мнений и разногласий среди исследователей. Принято считать, что это коренной народ Дагестана, занимавший указанную выше территорию в верховьях реки Самур издревле. «Часть долины реки Самура, — писал Л. И. Лавров, — занятая ныне рутульцами, по-видимому, и была той первоначальной территорией, на которой в древности сложилось рутульское племя со своим особым языком. Многие современные рутульские селения очень древнего происхождения»⁴. Кроме указанного выше самоназвания рутульцев и собственно сел. Рутул, от которого произошло название целой этнической группы, все «аборигены, говорящие на рутульском языке, именуют себя по названиям населенных пунктов, где они родились. Жители селения Рутул (Мыхад) — «мыхабыр», селения «Шиназ» («Сыназыр») — «сыназырабыр», Борча (Вычел) — «бычабыр» и т. д.»⁵

Дагестанский лингвист, исследовавший рутульский язык, Г. Х. Ибрагимов пишет об общности рутулов с цахурами и другими родственными группами. Он пишет: «С учетом как языковых, так и историко-этнографических данных можно заключить, что цахуры-рутульцы и крызцы-будухцы в прошлом, представляли собою этническую общность («йихъийско-албанскую»), имели и общую территорию в Северном Азербайджане (левобережье Куры) и Юго-Западном Дагестане»⁶.

Цахуры находились выше рутулов, занимая бассейн Самура, в его верховьях. На современной территории Дагестана цахуры занимают западную часть Рутульского района, являющуюся юго-западной окраиной Республики Дагестан, примыкающей к Азербайджану и известной как «Горный магал». Кроме того, цахуры проживают в селах Закатальского, Кахского и Белоканского районов Азербайджана. В пределах Дагестана территория цахуров со всех сторон окружена высокими горными хребтами. За этими

¹ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 45.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Гасанов М. Р. Загадки этнонимов Дагестана. С. 89.

⁵ Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 41, 389, 498.

⁶ Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. VIII. С. 21.

¹ Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем // КЭС. М.: Л., 1962. Т. III. С. 112—114.

² Народы мира... С. 389.

³ Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М.: Наука, 1978. С. 7.

⁴ Лавров Л. И. Рутульцы // Народы Дагестана: сб. статей. М.: Изд. АН СССР, 1953. С. 193.

⁵ Мусаев Г. М. К вопросу о дореволюционном жилище рутульцев XIX — начала XX вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сб. научных сообщений ДГУ. Махачкала, 1974. Вып. V. С. 187.

⁶ Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М., 1978. С. 9.

хребтами на востоке от цахуров живут рутульцы, на севере — лакцы, на западе и северо-западе — аварцы, на юге — азербайджанские цахуры и азербайджанцы.

Цахуры, как и другие описанные выше народы Южного Дагестана, являются коренным народом Дагестана и Кавказа в целом. «Природные условия отгораживали от внешнего мира агулов, цахуров, отдельные андо-цезские народности, — писал Л. И. Лавров. — То же можно сказать и о других этнических районах горного Дагестана. На основании этого, действительно, можно предполагать, что ныне существующие народы и языки края сложились на его территории»¹. Самоназвание цахуров, как пишет исследователь цахурского языка Г. Х. Ибрагимов, йихъби². Однако существуют и другие версии. Еще в XIX в. А. Комаров писал, что этноним народа «цах» — цах происходит от главного селения Цахур³. В названии Цах выделяется корень цах (цах) огонь⁴. И по сведениям Е. Шиллинга, самоназвание цахуров цахигали происходит от селения Цахур⁵. А. И. Исламгагомедов пишет, что самоназвание цахуров — цахи⁶. А по мнению З. А. Никольской, в древнеармянских и древнегрузинских источниках цахуры выступают под именем «цахайки»⁷.

Агулы находились, как и ныне, в исследуемое время в центральной части Южного Дагестана, занимая четыре глубоких ущелья: Агул-дере, Кушан-дере, Курах-дере и Хпюк-дере. Это юго-восточная часть Дагестана, расположенная между табасаранцами — на востоке, даргинцами — на севере, лезгинами — на юге, рутульцами — на западе.

Этногенез и этническая история агулов интересовали многих исследователей⁸. В связи с этим следует отметить, что в целом

по названию и самоназванию агулов у ученых нет расхождений.

По мнению Б. А. Калоева, первоначальным местом поселения агулов было Магу-дере¹, откуда они затем расселились по другим указанным выше ущельям. Отсюда и возникло самоназвание агулов — агъулар, переводимое как «жители Агула», т. е. территории с географическим названием Агул (или Агъул-дере — ущелье Агул)².

Такого же мнения придерживается З. К. Тарланов, который пишет, что «Агул» первоначально был географическим, топонимическим названием, лишь в производной форме, т. е. позже ставшим этнонимом³. З. К. Тарланов пишет, что самоназвание агулов означает «жители Агула», «живущие в Агуле». Первая корневая часть выступает и как компонент географического наименования Агулдере («территория Агул», уже «ущелье Агул»). Этимологический смысл его не ясен, но он вполне может быть соотнесен с другими названиями, в первую очередь географическими, которые в середине и заключительной частях звучат примерно так же, отличаясь начальной частью; сравните Магудере «ущелье Магу (Мугу)», примыкающее к территории агулов с юга, «ущелье перед селом Рича» и другие⁴. Это мнение нашло поддержку у других исследователей. Так, как пишет дагестанский лингвист Н. Д. Сулейманов, агулы, проживающие в Курахском районе, называют жителей села Тпиг, расположенного в Агул-дере, агъулар — агульцы, в то время как себя и жителей других населенных пунктов агулов именуют по названию села, откуда они родом: усугшуй — «усуец», ч/аъшуй — «ричинец»...⁵

Следует отметить, что Н. Д. Сулейманов дает в своих работах наиболее полные сведения по агульскому языку, этимологии названия и т. д. Он пишет, что «самоназвание агульцев — **агъулар** (агъул шуй, «агулец»), так же их называют лезгины. У табасаранцев агулы — кошанцы, известны как **рукъушар**. Лакцы называют агульцев **агъал-кышайми**... Этноним образован от названия двух основных ущелий **Агъул-дере** и **Кушан-дере**, где сосредоточена основная масса агульцев. Наряду с ними в наше время у табасаранцев и лакцев получают распространение этнонимы **агъулар** и **агъул/агъал**. Цахуры агулов называют **хывынбы**. Помимо общего самоназвания **агъулар**, имеются локальные, ограниченные **кере-**

¹ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 35.

² Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. М., 1990. С. 3.

³ Комаров А. Народонаселение Дагестанской области. С. 21.

⁴ Шиллинг Е. Цахуры // Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996. С. 49.

⁵ Генко А. Цахурский (цахский алфавит). Баку, 1934. С. 5; Дирр А. Цахурский язык. Тифлис, 1913. С. 1; Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. С. 10.

⁶ Исламгагомедов А. И. Поселения и жилища цахуров в XIX—XX вв. // ДЭС. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 69.

⁷ Никольская З. А. Цахуры // Народы Дагестана. М., 1955. С. 218.

⁸ Шиллинг Е. М. Агулы // Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 52; Калоев Б. А. Агулы // Народы Дагестана. С. 204; Его же. Агулы // Историко-этнографический очерк // КЭС. М.: Л., 1962. Вып. 3. С. 67—72; Рамазанов Х. Х., Шиксандров А. Р. Указ. соч.; Ихиллов М. М. Указ. соч.; Агулы. Махачкала, 1975; Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994; Мазанов Ш. Агулы // Политический собеседник, 1990. № 6. С. 15—20; Сулейманов Н. Д. Агулы // Советский Дагестан. 1990. № 4; Его же. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.

¹ Калоев Б. А. Агулы (историко-этнографический очерк) // КЭС. М., 1962. Вып. 3. С. 70.

² Гасанов М. Р. Загадки этнонимов Дагестана. С. 25.

³ Тарланов З. К. Агульский язык. Петрозаводск, 1994. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Сулейманов Н. Д. Агулы // Советский Дагестан. 1979. № 4. С. 78.

нер — «керенцы» и кушанар — кошанцы. По А. Дирру, словом **Керен** обозначается «дистрикт, обнимающий Рычу и несколько других деревень»¹.

Укажем также на то, что на основе лингвистических и исторических сведений Н. Д. Сулейманов делает вывод о передвижении населения из Агъул-дере — из места первоначальной локализации агульцев — на север (Къушан-дере) и юг (Керен-дере). Северная территория была освоена гораздо раньше южной².

К сожалению, мы не имеем никаких сведений о численности каждого из приведенных народов Южного Дагестана по изучаемому периоду. Но здесь, по имеющимся сведениям, находились довольно крупные села, дающие возможность говорить об их многолюдности. Наиболее крупными селами Южного Дагестана были Ахты, Мискинджи, Каракуре, Рутул, Цахур, Марага, Дарбах, Ерси, Дюбек, Хучни, Тпиг, Рича и др. По сведениям конца XVIII в., в сел. Ахты было 600 дворов, в Мискинджи — 250, в Каракуре — 150³. В Рутуле, Цахуре и Куле, названных одним владением, в то же время было до 2000 душ⁴. Уже в 1811 г. в Ахтах, Мискинджи и Каракуре было 8100 семей и 48600 жителей обоого пола⁵, а в 1835 г. — в первом из них было 800 семей, а во втором — 350 семей⁶. По сведениям Я. Рейнеггса в 80-е годы XVIII в. число табасаранцев не превышало 12000 семей⁷, что составляло примерно 50—60 тыс. человек.

По данным Ф. Ф. Симоновича в Дербенте находилось до 2180 домов, а в 6 селениях владения — 265 домов и в 15 селениях Улусского магала 780 домов, всего во владениях 3225 домов⁸, в Табасаранском майсумстве было до 70 деревень и 21000 жителей мужского пола, а во владении табасаранского кадия — 20 деревень и 15 деревень в федерации союзов Девек Елеми — 5000 жителей мужского пола. Всего в Табасаране, по данным Ф. Ф. Симоновича, было 32000 жителей мужского пола, «по обыкновенному

же народному исчислению» — до 40000 человек¹. По данным И. Т. Дренякина за тот же год, в Кубино-Дербентском ханстве было 10650 дворов и 31950 душ; майсум табасаранский имел 7000 дворов и 21000 душ, кадий табасаранский — 10666 дворов и 31998 душ². П. Г. Бутков писал, что в это же время 18 сел кадия табасаранского имели до 6000 душ, а 40 сел майсума — до 24000 душ³. В другой работе П. Г. Бутков писал: «К Дербенту принадлежат 15 деревень, в коих жителей мужского пола, купно (вместе — авт.) с жителями Дербента, простирается до 10000 душ»⁴. В то же время, по данным А. Г. Сереброва, «Дербентская провинция, в городе Дербенте» было «до 2180 дворов, в областях оно 21 деревня» имела «до 1050 дворов»⁵.

В начале XIX в. А. И. Ахвердов писал, что в Дербенте было более 2000 домов, «душ же мужеского полу более 3000, а со старыми и малыми женского полу более 6000; обоого ж полу всякого возраста до 10000»⁶. По данным А. П. Тормасова за 1811 г. в Дербенте было 790 семейств и 4740 жителей обоого пола, в Елисуйском владении — 16000 семейств и 96000 жителей обоого пола⁷. Ф. Н. Ртищев писал через два года, что в Дербенте было «всего: домов 1522, душ мужеска пола 4175»⁸. В союзах сельских общин Табасарана («в магалах, признающих себя независимыми») в 1831 г. было «до 2323 семейств», во всем Табасаране — до 5379 семейств⁹, в 10 деревнях общества Рутул было «семейств примерно до 1600»¹⁰.

Как видим, сведений о численности этнических групп в целом нет. Имеются лишь сведения по отдельным селам, обществам и по г. Дербенту. Но и они относятся в основном к концу XVIII в. и даются участниками Персидского похода 1796 г. Противоречивы, как видно из перечисленного выше, и сведения об отдельных обществах и владениях и по началу XIX в. Интересно, что абсолютно нет сведений об агулах и цахурах, что говорит о том, что ни один из авторов, дающих сведения о численности населения

¹ Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 150.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

⁶ Краббе К. К. Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. 1835 г. // ИГЭД. С. 335.

⁷ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 279.

⁸ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 143.

¹ Там же. С. 153—154.

² Дренякин И. Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. Таблица.

³ Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁴ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 202.

⁵ Серебров А. Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 176.

⁶ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 219.

⁷ Тормасов А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 237.

⁸ Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 249.

⁹ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 312.

¹⁰ Краббе К. К. Указ. соч. // ИГЭД. С. 335.

по Южному Дагестану, не был в этих частях региона. Иначе это объяснить невозможно, когда о находящихся рядом, по соседству с ними других народах (по отдельным селам, обществам и даже обобщенным сведениям о разных этнических группах или территориально-политических структурах) такие сведения имеются.

* * *

Дав описание этнических групп Южного Дагестана, как одного из важных вопросов исторической географии, попытаемся проследить в общих чертах историческую географию их хозяйства, какие направления были распространены, с чем они были связаны, какие этнические группы занимались той или иной отраслью хозяйства, с чем это было связано и т. д.

Прежде всего отметим, что, как и повсюду, хозяйственная деятельность населения Южного Дагестана зависела от природно-географических условий. Как было показано выше, они в разных зонах Южного Дагестана были неодинаковы. Поэтому, естественно, и формы хозяйственной деятельности населения, распространенность того или иного вида занятий в разных естественно-географических зонах были разные. Второе, на что хотелось бы обратить внимание, — это то, что в природном и хозяйственном отношении Южный Дагестан (в особенности приморская его часть, дельта Самура и Южный горный Дагестан) отличаются от Северного и Среднего (Центрального) горного Дагестана. При описании естественно-географических условий уже была отмечена особенность природно-климатических условий района Дербента и дельты Самура. Долина реки Самур отличается особыми природными условиями и направлением хозяйства. Она защищена почти со всех сторон горными хребтами, имеет сильно развитые террасы, удобные для обработки, что создает благоприятные условия для организации здесь крупного орошаемого земледелия. Что же касается Южного горного Дагестана, его особенностью является то, что природа этого района, за исключением его высокогорной части, менее сурова, по сравнению с Центральным горным Дагестаном. Горы сложены здесь глинистыми сланцами и имеют пологие склоны. Реки прокладывают широкие долины. Горная часть региона — склоны Главного Кавказского и Самурского хребтов имеют менее благоприятные условия для земледелия и больше способствуют развитию животноводства, главным образом овцеводства. Склоны гор покрыты сочной луговой растительностью являющейся богатой кормовой базой для скота в летний период¹.

¹ Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Мигулич И. Н., Эльдаров М. М. Указ. соч. С. 237.

Указанные природно-географические условия предопределили направление хозяйственной деятельности населения Южного Дагестана, в зависимости от них и получил большую или меньшую развитость тот или иной вид хозяйства, о чем сохранились конкретные сведения по различным его частям, хотя в той или иной мере все отрасли хозяйства и в этом регионе Дагестана с давних времен являлись неперенным условием жизнедеятельности его жителей.

Все авторы, писавшие о Южном Дагестане исследуемого периода, подчеркивают, что земледелие больше всего было развито в низменной части и долинах рек. Природно-географические условия в этих местах способствовали вызреванию самых разнообразных зерновых, а также занятию овощеводством и садоводством. Вот как писал о Дербенте И.-Г. Гербер в первой трети XVIII в.: «По обемм сторонам за городом обитатели имеют пашен довольно число и добрых виноградных и других садов, всяких овощей, яблонь, груш, персиков, сии, гранаты и прочие, также дыни и арбузы около города везде имеются безчисленно»¹. Еще до И.-Г. Гербера Ф. Котов писал, что «здесь много всяких овощей, птиц и скота»², А. И. Лопухин писал о садах и виноградниках Дербента³. По свидетельству Д. Белла в восточной стороне города находилось множество виноградников, «конх вино может стоять многие годы»⁴.

Авторы конца XVIII—нач. XIX в. также писали о развитом земледелии, овощеводстве и садоводстве в низменной части Южного Дагестана. Я. Рейнеггс писал, что земля «Дербентского уезда» «весьма плодородна» и «приносит довольно пшена, хлопчатой бумаги, хлеба и шафрану» и что его жители «к виноградным садам прилагают... довольно старание»⁵.

Развиты были земледелие и садоводство и в Табасаране, в особенности в равнинной его части. Как писал И.-Г. Гербер, «половина Табасарани, к Дербенту лежащие, имеет хорошие поля, и хлебородную землю, а другие, к горам живущие не имеют пашен или хлеба»⁶. Позже Я. Рейнеггс свидетельствовал, что табасаранцы «занимают весьма обширное и плодородное прост-

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86.

² См.: Дагестан в известиях... С. 64.

³ Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 8—9.

⁴ Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испанию, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т. 3. С. 177.

⁵ См.: Дагестан в известиях... С. 284.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

ранство на Южном хребте Кавказа», «скот и сады у них в великом изобилии», «главное народа упражнение состоит в разводе винограда, хлопчатой бумаги, хлеба родится довольно, также плодородные леса и обильные пчелиные заводы приносят жителям немалую пользу»¹. В конце XVIII в. Ф. Ф. Симонович отмечал, что Табасаран при достаточном скотоводстве «способен, выключая некоторые горские деревни и другие, лежащие по южной стороне хребта, к производству всех плодов, изобилует при пчеловодстве и разными плодами древесными и огородными, особливо же славится яблоками, грушами и орехами»². Еще более ярко освещено хозяйство Табасарана Ф. Ф. Симоновичем в другой работе, где он писал о табасаранцах: «Главный их промысел есть хлебопашество, состоящее в сорочинском пшене, пшенице и ячмене. Они напоеванием (поливом — авт.) полей посредством проведенных из речек и ручьев канав весьма в хлебопашестве успевают. Разведены также у них и плодовые деревья разных родов. Полуценной (южный — авт.) Табасаран, хотя отложив северного, но по жаркому воздуху не имеет сих произведений, так как и лесов в довольном количестве, и есть большею частию каменистой и бесплодной. Напротив того, северная онаго половина изобилует всеми родами произведений и есть по умеренному воздуху и свойству грунта земли самая приятнейшая и для жительства полезнейшая сторона»³.

Нельзя не остановиться на некоторых авторах XIX в., ярко характеризующих развитость земледелия в Табасаране. Офицеры царской армии М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг писали в 30-е годы XIX в. о табасаранцах: «Земля их гористая и изобилует хорошим лесом. Они упражняются в хлебопашестве, сеют сарацинское пшено, пшеницу и ячмень. Разводят также в садах плодовые деревья разных родов»⁴. А П. Ф. Колоколов, специально писавший о Табасаране, также отмечал развитость земледелия в Нижнем Табасаране, где почва была плодороднее, и хлебопашество удобнее, и сенокосы удобнее. «Кроме посева пшеницы, ячменя и конопли, — писал он, — сеют хлопчатую бумагу, а в некоторых местах табак и марйону. Из плодородных дерев ореховые в изобилии, равно как фруктовые и виноградные сады, а в некоторых селениях занимаются и шелководством»⁵.

Земледелие, как отмечено выше, было развито также в доли-

нах рек, протекавших по территории Южного Дагестана. По свидетельству Ф. И. Гене, Самур «в землях Рутульских и Ахтынских... орошает прекрасную, плодородную и богато населенную долину»¹.

Развито было земледелие также в долинах Курахчая, Чирахчая, Гюльгерычая. «Широкому ведению земледелия в Агуле способствовали и природные условия, — пишут авторы работы «Агулы». — Населенные пункты агулов расположены в широкой долине Чирахчая, по обоим берегам которого раскинулись очень удобные обширные и относительно ровные пахотные и сенокосные участки. Такой рельеф местности в сочетании с сухим континентальным климатом и значительным количеством осадков, выпадающих в вегетационный период, благоприятствовали развитию земледелия. Правда, кушандеринцы занимали менее удобную для земледелия территорию. Но тем не менее, благодаря огромным усилиям и глубоким земледельческим традициям, все более или менее удобные горные склоны и речные долины были использованы ими под пахотные участки»².

В целом, говоря о земледелии и распространенности разных видов зерновых культур, можно отметить, что в низменной части и в предгорье преобладали посевы озимых, а в нагорной части — яровых.

Всем народам Южного Дагестана «были известны двухпольная и трехпольная системы севооборота. Кроме того, встречались однопольный севооборот и даже залежно-переложная система»³.

Садоводство, если говорить в целом о Южном Дагестане, кроме указанных выше частей (Дербентское владение, долина, в особенности по нижнему течению Самура, Табасаран) было развито слабо. «В горах только жители аула Ахты занимались садоводством. Агулыцы, рутульцы, цахуры садоводством совершенно не занимались»⁴.

Огородничество так же, как и садоводство, не считая вышесказанное о низменных частях Южного Дагестана, «было развито слабо»⁵.

Хорошо было развито в Южном Дагестане и скотоводство, которое, как и земледелие, имело для населения региона исключительно важное значение. Но и скотоводство имело свои особенности. Если в низменной части и в предгорье больше уделялось внимания крупному рогатому скоту, то овцеводство больше было

¹ См.: Дагестан в известиях... С. 279.

² Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. // ИГЭД. С. 154.

³ Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. // ИГЭД. С. 199.

⁴ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 311.

⁵ Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 314.

¹ Гене Ф. И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. С. 342.

² Агулы. Махачкала, 1975. С. 45.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. С. 137.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Там же.

развито в горных и в особенности высокогорных обществах. «На островах вершин высокогорной зоны находятся просторные летние пастбищные луга — эйлаги, роскошная альпийская растительность которых служит прекрасным кормом для скота. Эта зона не имеет настоящих поселений, лишь на время трех летних месяцев чабаны пригоняют сюда мелкий рогатый скот, а также лошадей. Эйлаги в основном расположены на крутых горных склонах, и на них могут взбираться только овцы и козы. Поэтому такие пастбища для крупнорогатого скота недоступны. Этим и объясняется преимущественное развитие в прошлом у лезгин (так же как и у других народов лезгинской языковой группы — авт.) горной зоны овцеводства в качестве главного хозяйственного занятия»¹. Как пишет Х. Х. Рамазанов, «в ряде высокогорных аулов, таких как Борч, Хнов, Хкем, Куруш, скотоводство являлось даже главной отраслью хозяйства»², на что обратил внимание и ряд авторов исследуемого нами периода. О жителях Алты-пара И.-Г. Гербер писал, что они «питаются скотиною и имеют между горами в долинах малое число пашен, и для того имеется у них нужда в хлебе»³. Он же в записках о рациональном использовании прикаспийских провинций Кавказа, составленных в 1733 г., отмечал следующее: «В области Дербента, в особенности в горах, прекрасно поставлено и широко распространено овцеводство». Он обращал внимание императрицы, что «можно было бы получать отсюда шерсть для мануфактур вашего величества, и тогда деньги за выкупку сукна не уходили бы из страны»⁴. Бараны составляли «главную... промышленность» у торжальев, мискинджинцев, алтипаринцев, ахтинцев»⁵. П. Ф. Колоколов писал, что табасаранцы «имеют довольно большое количество рогатого скота, преимущественно же баранов и коз»⁶.

Овцеводство было развито у всех народов Южного Дагестана. Будучи второй основной отраслью хозяйства, животноводство у них в изучаемое время получает дальнейшее развитие. Об изобилии скота у табасаранцев в 80-е годы XVIII в. писал Я. Рейнеггс⁷, а позже Ф. Ф. Симонович отмечал, что Кюре и Табасаран «достачествуют скотоводством»⁸. Последний о жителях Самурской

долины, названных им «народом ахтынским», писал, что он «изобилует скотоводством»¹.

Овцеводство в Южном Дагестане носило в основном отгонный характер. Из-за отсутствия своих зимних пастбищ народы Южного Дагестана, как и другие горцы, арендовали на низменности и в соседнем Азербайджане зимние пастбища. О лезгингах Самурской долины И.-Г. Гербер писал, что «онные зимним временем скотину и баранов своих на корм пригоняют» в «уезд Рустав», «ибо для великих снегов в горах спасти не могут»². По сведениям же XIX в., жители Самурской долины отправляли зимой «для пастбы своих баранов, составляющих главную их промышленность», в Кубинское, Дербентское, Шекинское ханства и в Табасаран³. По данным 1812 г., они перегоняли только на территорию Кубинского ханства 55 тыс. овец⁴.

Но не все этнические группы Южного Дагестана перегоняли своих овец на арендуемые зимние пастбища. Табасаранцы, например, как писал П. Ф. Колоколов, летом пасли овец «по хребтам Верхней Табасарани, а зимою по долинам Нижней»⁵. Горно-стационарным было овцеводство у агулов⁶ и рутулов⁷. Но по сведениям О. Евецкого, последние перегоняли овец на территорию Кубинской провинции⁸.

Как показывают имеющиеся сведения, а также анализ данных более позднего периода, во многих селах Южного Дагестана, даже расположенных в горной и высокогорной зонах, широкое развитие получило содержание крупного рогатого скота. Это наблюдалось в таких лезгинских селениях, как Ашар, Икра, Филя, Кибир и др.⁹. Было это характерно и для таких агульских сел, как Буршаг, Кураг, Рича и др.¹⁰.

¹ Там же. С. 150.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 81.

³ Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С. 331; Краббе К. К. Указ. соч. // ИГЭД. С. 335.

⁴ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 471. Л. 3—4. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 51.

⁵ Колоколов П. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 314.

⁶ Агулы. Махачкала, 1975. С. 56—57.

⁷ Краббе К. К. Указ. соч. // ИГЭД. С. 335.

⁸ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края, с присовокуплением статьи: политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. СПб., 1835. С. 55.

⁹ Османов М.-З. О. Формы скотоводства даргинцев в XIX—XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977. С. 56—57; Агулы. С. 56; Полевой материал 1982 г.

¹⁰ ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 87. С. 399, 425; Агулы. С. 56; Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 194.

¹ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин... С. 23.

² Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Указ. соч. С. 139.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.

⁴ Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. IV. С. 289; Дагестан в известиях... С. 163.

⁵ Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С. 331.

⁶ Колоколов П. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 314.

⁷ Дагестан в известиях... С. 279.

⁸ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 151.

Как и другие народы Дагестана, жители Южного Дагестана издавна занимались домашними промыслами и ремеслами. Изготавливались различные бытовые изделия и орудия сельскохозяйственного производства. Вопрос этот подробно и хорошо изучен в работах дагестанских историков и этнографов — А. Р. Шихсаидова, Х. Х. Рамазанова, М. М. Ихилова, С. С. Агашириновой, М. Р. Гасанова, Ш. М. Ахмедова, А. И. Исламгагомедова, А. Г. Булатовой, Н. А. Магомедова¹. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на нем. Укажем лишь на географию развития того или иного вида домашней промышленности и ремесла и их основные виды.

Большое развитие ремесленное производство получило в исследуемое время в Дербентском владении. Здесь было развито ковроткачество, чему способствовала находящаяся недалеко хорошая сырьевая база (шерсть закупалась у соседних горцев Южного Дагестана, а естественные красители были свои), производство различных тканей, обработка кожи, металлообработка, гончарное производство, изготовление холодного и огнестрельного оружия, ювелирное и лудильное дело, деревообработка, производство кондитерских изделий, стекольное дело, производство бумаги и т. д. Дербент был центром ремесла не только Южного Дагестана, но и Дагестана в целом. Все эти вопросы основательно освещены в монографии Н. А. Магомедова². Большой интерес представляет развитие здесь цеховой организации ремесленников Дербента, объединений ремесленников «карханэ» и «эснаф» или «амкар», как предвестников капиталистического мануфактурного производства.

Из всех видов ремесел и домашней промышленности у лезгин и других народов лезгинской группы наиболее широкое распространение получили: ковроделие и керамическое производство. Среди сел обществ Самурской долины ковры и сумахи производились в Ахтах, Маза, Хрюке, Микрахе, Каладжухе, Каракюре, Мака и др., а среди сел кюринских союзов (магалов) известными центрами коврового производства были Касумкент, Аликент, Койсун, Орта-Стал, Ашага-Стал, Юхари-Стал, Магарамкент, Гильяр, Ашага-араг, Куркент, Юхари-Ярак, Зизик и все селения Кутур-Кюринского магала³. Повсеместно производились паласы, а в селениях Маза, Ихир, Фий, Гдым, Куруш производились мафраши и пере-

метные сумы¹. В Агуле известными центрами ковроткачества были Рича и Тпиг, в Рутульском союзе — Рутул, Шнназ, Ихрек, в Табасаране — Зизик, Ерс, Марага, Хучни, Хив, Халаг, Хурик, Аркит, Татиль и т. д.² Еще ранее исследуемого нами периода «Многие селения лезгин, табасаран, агулов, рутульцев и др., расположенные в Южном Дагестане, — как пишет Г. Н. Казиллов, — специализировались на изготовлении ковров и сумахов»³. Причем, как пишет М. Р. Гасанов, «В XVIII в. наблюдается углубление возникшего ранее процесса специализации производства ковров по отдельным группам и даже по отдельным аулам: Ерс, Марага, Межгюль, Хучни, Рушуль, Кандик, Хив, Халаг, Хурик, Чер, Тураг, Татиль, Аркит и т. д.

Были известны ковры типа «Табасаран», «Турар», «Рушуль», «Хурусан», «Чер-кюкю», «Сафар-чечне», «Тапанча», «Кебечинин» и др.⁴

Центрами гончарного производства в Южном Дагестане были селения Испик и Джули. В исследуемое время они наряду с Балхаром и Сулевкентом стали ведущими центрами гончарного производства Дагестана. Изделия испикских и джулинских мастеров были известны и находили спрос не только в Южном Дагестане, но и среди других народов⁵.

Гончарным производством занимались и в других селах Южного Дагестана. «Гончарные изделия, — пишет М. Р. Гасанов, — изготавливали отдельные тухумы также в аулах Дюбек, Лидже, Цухдиг и др.»⁶. И в Агуле, как отмечают исследователи, «до недавнего времени... широко было развито производство грубой и толстостенной лепной керамики»⁷.

Деревообработка была развита в табасаранских селениях Хурик, Ханаг и др.⁸; лезгинских селениях бывшего Кубинского ханства Гиль, Пирал, Хазры, Юхари-Зейхур, Юхари-Тахирджал, Дигах, Кымыль, Куснет, а также в селениях союзов Самурской долины и кюринских магалов: Ашага-Стал, Орта-Стал, Куркент, Зизик, Нютюк, Испик, Ашага-Картас, Юхари-Яраг, Бюлбюлкент, Гезеркент, Целягун⁹.

¹ Там же. С. 70, 74.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. О. Указ. соч. С. 142; Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 172; Ихлов М. М. Указ. соч. С. 128.

³ Казиллов Г. Н. Ворсовые ковры Дагестана. Махачкала, 1989. С. 12.

⁴ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 172.

⁵ Там же. С. 139, 173.

⁶ Там же. С. 139.

⁷ Агулы. С. 63.

⁸ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 75.

⁹ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 52.

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 142—143; Ихлов М. М. Указ. соч. С. 125—132; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 50—96; Ахмедов Ш. М., Исламгагомедов А. И., Булатова А. Г. Агулы. С. 59—63; Магомедов Н. А. Дербент и Дербентское владение в XVIII—первой половине XIX в. (политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998. С. 163—193.

² Магомедов Н. А. Указ. соч. С. 182—193.

³ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 71, 74.

В Южном Дагестане были развиты и имелись свои центры по обработке металла, кожи, изготовлению войлоков, сельхозорудий, женских украшений и т. д. Как пишет С. С. Агаширинова, «в XIX в. на территории расселения лезгин существовало более 20 видов домашнего и ремесленного производства; их повсеместное распространение обуславливалось в первую очередь полунатуральным характером хозяйства и наличием свободных рабочих рук, в полной мере не загруженных в сельском хозяйстве в течение 9—10 месяцев в году»¹.

Историко-экономическая география или география хозяйства не может быть полной без освещения экономических связей, торговых взаимоотношений народов Южного Дагестана как между собой, так и с другими дагестанскими народами и народами других стран. Поэтому, осветив вышеприведенные вопросы хозяйственной деятельности народов Южного Дагестана, остановимся, хотя бы вкратце, так как и торгово-экономические вопросы изучаемого региона довольно подробно, широко и хорошо освещены как в работах вышеперечисленных, так и других дагестанских исследователей, на вопросах географии хозяйственных, торгово-экономических связей в регионе в целом.

Прежде всего отметим, что жители разных естественно-географических зон Южного Дагестана занимались теми отраслями хозяйства, которые соответствовали местным климатическим условиям и давали возможность получать наибольшие доходы, были связаны между собой тесными экономическими отношениями, занимаясь взаимообеспечением теми продуктами и произведениями ремесла и домашней промышленности, которые они производили. И это, естественно, в первую очередь, относится к этнически однородным обществам, находившимся как в одной политической структуре, так и в наиболее близком расстоянии друг от друга. Такие обменно-торговые связи осуществлялись на местных базарах. Центрами торгово-обменных связей были наиболее крупные населенные пункты, где и собирались еженедельные базары, на которых продавалась продукция сельского хозяйства и ремесла, производимая в разных территориально-политических структурах не только Южного Дагестана, но и других регионов. Так, как пишет Х. Х. Рамазанов, «селение Ахты было местом оживленной торговли не только жителей всей Самурской долины, но и других народов. В селениях Курах, Икра, Хив, Хучни, Кондик, Тпиг были базары местного значения»². Сел. Ахты вообще имело большое

торговое значение для других дагестанских народов. «Через Ахты в города Азербайджана проезжали кубачинцы, вывозившие ружья, шашки, кинжалы, цудахарцы с верблюдом сукнами, андийцы с бурками»¹.

М. М. Ихтилов также отмечал значение Ахты как торгового центра, имеющего значение не только собственно для лезгин, но и других народов лезгинской группы. Он писал: «Из внутренних экономических центров лезгинских народностей выделились Касумкент и Ахты... Ежедневно на ахтынском и касумкентском рынках бывали большие ярмарки. Здесь можно было приобрести лезгинский хлеб, скот и мясомолочные продукты из Рутула, Цахура и Агула, лезгинские и табасаранские ковры, сумахи и паласы, узорчатые шерстяные носки, хурджуны, шубы, тулупы, гончарные, деревянные, медные и металлические предметы быта»².

Конечно, большую роль в торгово-экономических связях играло соседство, близость различных торгово-ремесленных центров. Изучая хозяйство табасаранцев, их связи с другими народами Дагестана, М. Р. Гасанов пишет: «На связи табасаран с соседними народами большое влияние оказывала территориальная близость. Так, жители общества Хараг-Шилла, Кераг, Дюбек-Елеми в наиболее тесных связях находились с агулами, кайтагами, а через них со всеми даргинцами. Из агульских сел привозили животноводческие продукты — мясо, сыр, из даргинских — урбеч, металлические изделия, а у табасаран приобретали деревянные изделия, ковры, паласы, фрукты». Причем, он отмечает, что взаимные «торговые связи отдельных табасаранских семей переросли в кунацкие. Эти связи рано установились между жителями табасаранских аулов Кужник, Хараг, Шила, Пилиг, Хурик, Дюбек, кайтагоких — Варсит, Кирчик, Кирка, Пилиаки, Джавгат и т. д. и агульских — Буршаг, Буркихан, Фите и др.»³.

Далее он продолжает: «Жители табасаранских обществ Этег, Нитрик, Калук и др. поддерживали тесные связи с лезгинами, с которыми находились в кунацких, в отдельных случаях и в родственных связях»⁴.

Весьма интересны сведения о внутренней торговле народов Южного Дагестана, которые оставил турецкий путешественник Э. Челеби, отмечавший наличие уже в его время (XVII в.) постоянно действующих еженедельных базаров, которые были и в бо-

¹ Там же. С. 50—51.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 144.

¹ Там же. С. 196.

² Ихтилов М. М. Указ. соч. С. 133.

³ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 159.

⁴ Там же.

лее позднее время. Так, о центре табасаранского правителя «Гора» он писал, что сюда «по пятницам собираются люди из окрестных сел и занимаются меновой торговлей — они не знают, что такое [деньги] алтун и куруш». Причем, он отмечал древность занятия обменом. «Их занятия и торговля основаны, — писал Э. Челеби, — на [прямом] обмене — испокон веков так и идет»¹.

Не менее интересно сообщение Э. Челеби о том, что в Чахуре — одном из древних и известных крупных селений Южного Дагестана — «один раз в год устраивается большая ярмарка»². Ценность данного сообщения в том, что оно показывает, что в Южном Дагестане, как и в других местах, в изучаемое нами время были не только постоянно действующие еженедельные базары, но и крупные ежегодные ярмарки, куда собирались со своим товаром жители различных регионов Дагестана.

Народы лезгинской группы были связаны торговыми отношениями не только между собой. Они вели и внешнюю торговлю — были связаны с другими народами Дагестана, их политическими структурами и центрами торговли и ремесла. Следует особо отметить связь народов Южного Дагестана с таким крупным торгово-ремесленным центром, как Дербент, известными центрами торговли и ремесла Кумухом, Кубачи и др., городами Азербайджана, которые часто выступали как основные торговые центры, где они продавали свои и приобретали необходимые для них товары. Так, центр Лакин и один из известных и крупных центров Горного Дагестана Кази-Кумух для агульцев и рутульцев «был основным местом сбыта своей продукции и покупки необходимых товаров. Агульцы и лезгины называли Кази-Кумух Лакским городом (Яхулшагьар), что свидетельствует о важном торговом значении его в жизни горских народов»³. «Жители всех табасаранских аулов, — пишет М. Р. Гасанов, — находились в связях с Дербентом, а также с населением Ширвана»⁴. Дербент, а также города Азербайджана Куба, Нуха, Шемаха, Баку и т. д. играли заметную положительную роль в развитии торговли всех народов Южного Дагестана⁵.

Особенно важную роль среди перечисленных городов играл Дербент, «являющийся крупным торговым центром [всего] Кавказа», который «находился в непосредственном соседстве с террито-

рией лезгин и табасаранцев. Торговые пути в Дербент проходили через лезгинские и табасаранские аулы»¹.

Как писал П. Ф. Колоколов, табасаранцы вели «торговлю большею частью с Дербентом», а также «с вольными народами каракайтах и кубачи». Они сбывали «нарушну [?], паласы, ковры, также баранов, мясо, сыр и мед. Из Дербента получают соль и бумажные ткани»². Другие народы Южного Дагестана также продавали в Дербенте сукна, ковры, шерсть, меха, попоны и другие шерстяные ткани³, приобретая за свои товары и деньги «хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть»⁴. Кроме того, как и другие горцы, народы Южного Дагестана приобретали в Дербенте товары русских, армянских, грузинских, ближневосточных, индийских и китайских купцов⁵. Среди них были различные предметы домашнего обихода из стали, железа, меди, дерева, краски, бумага, атласы, парча, шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани, различные вещи из стекла, платки, покрывала и т. д.⁶. В Дербент поступали и всевозможные продукты и предметы ремесла со всех концов Дагестана и в особенности из близлежащих владений⁷. По свидетельству А. А. Кремского, в Дербент горцы привозили марену, кубачинское сукно, бурки, мед, коровье масло, мерлушки, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли кубачинского производства⁸. Из Акуша-Дарго поступала в Дербент сера⁹. И естественно, народы Южного Дагестана, приезжая в Дербент по своим торговым делам, имели возможность приобретать здесь все эти товары.

Торговые сделки народы Южного Дагестана с Азербайджаном осуществляли как через Дербент, так и непосредственно в его торгово-ремесленных центрах. «Провинция Гильянская и город Шемаха, — писал С. Г. Гмелин, — снабжают Дербент разными бумажными и шелковыми материалами..., кои променивают Лезги-

¹ Там же.

² Колоколов П. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 316.

³ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. // ИГЭД. С. 139.

⁴ Там же.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. С. 313; История Дагестана. Т. I. С. 315; Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 103; Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 311.

⁶ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в.: Док. и материалы / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 201—219; РГВИА Ф. ВУА. Д. 18474. Л. 1—69; Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 143; Броневский С. Указ. соч. С. 229; Кремский А. А. Указ. соч. С. 234.

⁷ Броневский С. Указ. соч. С. 224.

⁸ Кремский А. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 234.

⁹ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 143.

¹ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 3. С. 177.

² Там же. С. 178—179.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 144.

⁴ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 159.

⁵ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 144.

нам и Горским Татарам на один род тонкого сукна, которое ими ж самими в горах приготавливается¹. В Дербент из Шемахи привозили также хлопчатобумажные изделия, рис и другие товары, из Баку — смолу, нефть, соль, шафран; из Кубы, Нухи, Ганджи и других городов — пшеницу, ячмень, лесоматериалы, марену, сухофрукты и т. д.² В свою очередь, горцы Дагестана привозили продукты сельского хозяйства и особенно скотоводства и всевозможные изделия ремесла как в Дербент, так и частично в азербайджанские торгово-ремесленные центры — Нуху, Баку, Шемаху, Шеки, Кабалу, Шушу³. Еще А. Олеарий писал, что в Шемахе находился караван-сарай, где останавливались евреи из Табасарана, доставлявшие туда «прекраснейшие персидские ковры»⁴. Примерно в тот же период Э. Челеби свидетельствовал, что недалеко от Дербента находилось селение Чорз, где был рынок с караван-сараями и базар⁵. В начале XVIII в. Волинский называл караван-сарай, находившийся в Шемахе, «лезгинским, где они со своими караванами останавливаются с товарами»⁶. В Шеки были «лезгинские дома» где останавливались горцы, приезжавшие из Южного Дагестана⁷. О торговле Южного Дагестана с Азербайджаном Ф. Ф. Симонович писал, что они «промышляют вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями» и «вырабатывают овчинные мехи и другие кожи» и что «все сии рукоделии, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги»⁸. Жители Кубинского ханства покупали свинец в Курше, а селитру в Табасаране⁹. Согласно более поздним сведениям, главным складочным центром в торговле с Азербайджаном была Нуха¹⁰. Среди ее торгового сословия 25 процентов были лезгины¹¹. Торговля Кубы, по словам В. Константинова, состояла в снабжении товаром Кураха, Ахтов, Лучека и т. д.¹².

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 3. С. 21.

² Кремский А. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 234; История Дагестана. Т. I. С. 374.

³ Там же.

⁴ Олеарий А. Указ. соч. С. 463.

⁵ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 3. С. 170.

⁶ Зевакин Г. Азербайджан в начале XVIII века. Баку, 1929. С. 15.

⁷ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 83—84.

⁸ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 139.

⁹ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 204; Бронецкий С. Указ. соч. Ч. 2. С. 381; Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 221.

¹⁰ Кавказ. 1872 г. № 135.

¹¹ Кавказ. 1846. № 24.

¹² Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851. С. 337.

Народы Южного Дагестана были связаны торговлей и с другими государствами. «Продукты ремесленного производства, — пишет С. С. Агаширинова, — реализовали на местных рынках. Многие изделия, как, например, ковры, сумахи и др., находили широкий сбыт не только внутри Азербайджана и Дагестана, но и во многих областях и губерниях России и даже за границей»¹.

В развитии как внутренней, так и внешней торговли огромную роль играли пути сообщения. Народы Дагестана были связаны между собой и с другими кавказскими народами различными дорогами. Были дороги, соединявшие Ахты, Алтыпара, Докузпара, Мискинджи, Рутул. И.-Г. Гербер писал, что «меж ими из одного уезда (магала — союза — авт.) до другога имеются дороги посвободнее»². Эти дороги были колесные и удобные для езды³. По сведениям конца XVIII в., в Южный Дагестан вели четыре дороги: 1) по долине Дарбаха и далее; 2) из Дербента в Ахтыпара; 3) «из Ахты в Илису и Шеки»; 4) из Кубы в Ахтыпара⁴. В Южный Дагестан вела также дорога Ахты—Курах—Усуг—Рича—Чирах—Кумух, отсюда в Акуша—Дарго и Аварию. Этим путем пользовались многие горцы⁵. Видимо, по этой «древней торговой магистрали... осуществлялись интенсивные торговые операции и многие привозимые вещи реализовывались здесь»⁶. По этому пути «в весенне-летний период проходили караваны верблюдов с разнообразными товарами в Кумух»⁷, о чем писал и Б. Малачиханов, отмечавший, что иллюстрацией этому «являлись заезжие из нынешнего Азербайджана верблюжьих караваны с грузом нефти»⁸. Он считал указанную торговую магистраль трассой «чрезвычайно важного стратегического пути с юга на Северный Кавказ в обход Дербента и всей приморской узкой полосы»⁹.

Была также дорога, которая шла из Касумкента в Кумух, она называлась «Яхулиз фидай рахъ» («дорога в Лакскую землю»): Касумкент—Цмур—Ичин-Ашага Захит—«ЗахитI рин дагъ» («Захитская гора») — ЭмиргубртIад (гора у сел. Хоредж) — Байбулак—

¹ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 51.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.

³ Краббе К. К. Указ. соч. // ИГЭД. С. 336.

⁴ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 154—155.

⁵ З. Л. Поездка г. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 40.

⁶ Агулы. С. 63.

⁷ Там же.

⁸ Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1965. Т. 14. С. 186.

⁹ Малачиханов Б. История Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1167. Л. 17.

Рича — Чирах — Хосрек — Кумух¹. Другой торговый путь под названием «Шекинская» или «Анапская дорога» шел через Ахты, Рутул, Казн-Кумух, Согратль, Голотлинский мост, по Аварскому Койсу, Андии, через Чечню, Кабарду и далее к берегу Черного моря. Эта дорога связывала Ширван, Шекинское ханство (Нуха, Ганджа) через Дагестан с Северным Кавказом². Различные пути связывали табасаранские аулы между собой, а также внутренние зоны Табасарана с Дербентом. Основываясь на сведениях П. Ф. Колоколова, М. Р. Гасанов пишет, что из Дербента по направлению в Хучни вела дорога по маршруту Марага—Хилипенжи — Цанак — Цухдиг — Рушул — Аркит — Хучни, а по направлению в Карчаг через Имам-Кули-кент — Карчаг-Чере — Куярк³.

Из Рутула в Азербайджан шло несколько путей: 1) Шиназ — Рутул — Цайлахъан — Борч — Салаватский перевал Гюнук — Нуха. Зимой, в связи с трудностью прохода, маршрут менялся Шиназ — Рутул — Ахты — Хнов — Салаватский перевал и дальше в Азербайджан. 2) Шиназ — Амсар — Лучек — Кина — Гельмец — Курдул — Биладельский перевал — Сарабаш-Кахи. 3) Шиназ — Амсар — Лучек — Микик — Цахур — Мишлеш — Кальял — Диндинский перевал — Мухах — Закаталы. Последняя дорога «имела исключительно важное значение в жизни цахуров, т. к. по ней поступал хлеб из Закаталы, она функционировала издавна и имела караван-сарай под названием «Балдурган дега»⁴. Были здесь и другие пути: Борч — Диндинский перевал — Шиназ, Курдул — Биладельский перевал — Свачар; Цахур — Петтагъанитский перевал — Ках; Кальял — Диндинский перевал — Мухах⁵.

Наиболее оживленным был путь Ахты-Шеки через Салаватский перевал. Это отрезок указанной выше трассы, известной как «шекинская» или «анапская дорога», которая действовала круглый год⁶.

* * *

Историческая политическая география Южного Дагестана исследуемого нами периода характеризуется активными политиче-

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 119.

² Там же. С. 144.

³ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 161.

⁴ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 83; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 142. Л. 4-а и б.

⁵ Полевой материал 1971 г. Инф. Бабаева К. А., 1918 г. р.

⁶ История Дагестана. Т. I. С. 278, 386.

скими событиями, в которые были вовлечены его жители, их политические структуры, в особенности Дербентское владение, Табасаран, союзы Самурской долины и Кюринские магалы. Эти политические события были вызваны как активной политикой, проводившейся рядом дагестанских феодальных владений (Казн-Кумухское и Аварское ханства, Кайтагское удийство и др.), так и соперничающих за влияние и овладение Кавказом в целом и Дагестаном, в частности, государств — Османской Турцией, Персией и царской Россией. В проводимую ими политику и были вовлечены народы Южного Дагестана.

Вопросы политической географии Южного Дагестана XVII—нач. XIX в. нашли довольно широкое освещение в исследованиях отечественных, в особенности дагестанских ученых. Они даны как в работах, посвященных народам Южного Дагестана, так и в обобщающих трудах по истории Дагестана. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на всех вопросах проблемы, тем более, что при характеристике исторической географии политических структур региона о них будет сказано более или менее подробно. Здесь же мы дадим историческую политическую географию Южного Дагестана в общем плане, обобщенно, не впадая в подробности политических событий, имевших место в изучаемое нами время.

Известно, что в конце XVI в. усилилась экспансия Турции на Востоке. Турецкие войска закрепились в Дербенте и отсюда совершали походы на лезгин и другие народы лезгинской группы. Как писал А. К. Бакиханов, в 1585 г. «Джафар-паша отправился из Дербента против крепости Кюре, взял ее приступом и разграбил»¹.

По мирному договору 1590 г. между Ираном и Турцией, как и Армения, Грузия и Азербайджан, Дагестан попал в сферу влияния Турции. Проводимая в Дагестане завоевательная политика Турции вызвала выступления. В 1601—1602 гг. антитурецкое выступление охватило Дагестан и Ширван. В 1602 г. восставшие кюринцы, табасаранцы и др. горцы во главе с Абу-Бекр-мирзой, сыном Бюрган-мирзы, соединившись с владельцем Шеки Шах-Мирза-ханом, разорили Ахты и Мискинджи, что, очевидно, было связано с нахождением здесь турецких гарнизонов или ориентацией их правящей верхушки на Турцию².

Антитурецкое выступление произошло в Южном Дагестане и в 1606 г., когда восстали горожане Дербента. С помощью кайтагско-

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 107.

² Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 120.

го уцмня дербенцы принудили турецкого ставленника Гезер-Гасана капитулировать. После этих событий Южный Дагестан, как и Дагестан в целом, попадает под влияние Ирана. Шах Аббас I одарил подарками правителей ряда владений, среди которых были майсум табасаранский и Алибек цахурский. Управление Дербентом было поручено уцмию Кайтага¹. Шах Аббас I принял меры по укреплению Дербента и закреплению здесь иранского господства: был увеличен гарнизон, из Ирана было переселено 400 семей боятского племени², число которых затем стало сильно увеличиваться. Было изменено и административное управление Дербента, с чем было связано насаждение персидских порядков. Конечно, все это не могло не вызвать недовольства местного населения.

Еще при турках табасаранский майсум завладел одним стратегическим пунктом между Дербентом и Шабраном. В 1609 г. ставленник шаха в Шемахе Зульфугар-хан решил построить здесь крепость. Майсум решил воспрепятствовать этому. Произошло сражение между Зульфугар-ханом и табасаранцами, в результате чего погибло до 1000 табасаранцев³. После этого, как пишет А.-К. Бакиханов, «валий табасаранский раскаялся в своем поступке, однако надменность Зульфугар-хана и его желание распространить повсюду свое влияние все более и более вооружали горцев, которые опасались потерять свою независимость»⁴.

В 1610—1611 гг. имело место новое столкновение табасаранцев с шахскими войсками. В одном из лезгинских селений нынешнего Сулейман-Стальского района (как сказано в записи «в стороне Астала») произошло сражение между Зульфугар-ханом и Табасараном, в результате которого погибло много людей с обеих сторон⁵.

Как писал Г.-Э. Алкадари, расправа с табасаранцами возмутила «не одних лишь табасаранцев, а пожалуй всех дагестанцев»⁶. Чтобы сгладить происшедшее, Аббас I приказал убить Зульфугар-хана, вместо которого был назначен Юсуф-хан. Но спокойствие в Дагестане длилось недолго. Известны выступления даргинских обществ в 1610/11 и 1611/12 гг., в результате которых погибло много людей с обеих сторон. Постоянно выступали против

иранского гнета и народы Южного Дагестана. Как пишет А. Р. Шихсаидов, против персов выступали и лезгины. В 1620—21 гг. Юсуф-хан разрушил селение Ахты, и в таком состоянии оно оставалось 8 лет¹. Но народы Дагестана и в дальнейшем продолжали выступать против персов. «По всей вероятности, — пишет А. Р. Шихсаидов, — выступления дагестанцев против новых завоевателей носили исключительно острый характер, чем и можно объяснить замечание автора XVII века Эвлия Челеби: «Они (горцы) неоднократно громили кызылбашское войско и в данный момент ведут войну с ними, ибо они ненавидят кызылбашей»².

Ненависть к общему врагу объединяла народы Дагестана в тяжелые моменты. Они оказывали помощь друг другу. И поэтому народы Южного Дагестана, где в основном проводилась активная политика иранских шахов, помогали друг другу в их борьбе с персидскими завоевателями. Примером взаимопомощи и совместной борьбы дагестанских народов могут быть выступления в 1614—1615 гг. табасаранских и кайтагских аулов против персидских войск, вторгнувшихся на их территорию, о чем сохранилась запись в арабоязычной рукописи из сел. Хурик Табасаранского района³.

Иранским войскам не всегда удавалось закрепиться на территории Южного Дагестана. В результате выступлений местных жителей им приходилось оставлять завоеванные с большими усилиями южнодагестанские села. Примером этого служит сообщение Э. Челеби о том, что «[жители Цахури] много раз бывали в подчинении персов»⁴. Это свидетельство того, что между завоевателями и цахурами постоянно шли бои. Переход Цахура из рук в руки является «свидетельством переменности успеха и упорства обеих сторон в достижении поставленной задачи»⁵.

Весь период правления в Иране Аббаса I насыщен упорной борьбой народов Южного Дагестана с завоевателями. И не без основания тот же Э. Челеби указывал, что «между иранским шахом и правителем Дагестана велись ожесточенные бои», в ходе которых многие селения Южного Дагестана были разрушены⁶. Об этом же говорит историко-этнографический материал, собранный Ш. М. Ахмедовым в сел. Буршаг Агульского района, согласно которому близ современных селений Арсуг, Худиг, Дулдуг имеются

¹ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в., Л., 1949. С. 160; Рахмани А. А. «Тарих алам арай — и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960. С. 111; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 116.

² Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 59.

³ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 118.

⁴ Там же. С. 118—119.

⁵ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 113.

⁶ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 48.

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 113.

² Там же.

³ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 154.

⁴ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 3. С. 178.

⁵ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 155.

⁶ Там же. С. 154—155.

развалины шести разрушенных поселений, часть жителей которых была насильственно переселена за пределы Дагестана, а часть — переселилась в другие места Дагестана¹. О том, что в предании речь идет именно о периоде правления в Иране Аббаса I говорит то обстоятельство, что иранцы в нем названы кизылбашами, как тогда называли иранцев в Дагестане².

Господство Персии над Южным Дагестаном оставалось и при преемниках шаха Аббаса I и продолжалось вплоть до похода Петра I в Прикаспий. Поэтому и в дальнейшем народы Южного Дагестана продолжали борьбу за свое освобождение. В период вооруженного восстания дагестанцев в 1659—1660 гг. шахские войска во главе с Хаджи-Манучехр-ханом из Ширвана вступили в пределы области Кура (Кюре), жители которой укрепили горные теснины, укрылись в них и уклонились от явки к Хаджи-Манучехр-хану³. По сообщению М. Казвини, последний вернулся в Дербент, не продолжив свой путь в Кайтаг⁴, где собрались восставшие дагестанцы. Это было следствием сопротивления народов Южного Дагестана и отсутствия поддержки завоевателей со стороны владетелей Дагестана⁵. Надо полагать, что в составе объединенных сил дагестанцев, доходивших до 30 тыс. человек, принимали участие и народы Южного Дагестана.

Завоевательная политика персидских шахов продолжалась и после указанного восстания дагестанцев. Но, как и прежде, вместе с другими народами Дагестана народы Южного Дагестана продолжали оказывать сопротивление завоевателям. В 80-е годы XVII в. при шахе Сулеймане также шла совместная борьба Кайтага и Табасарана, против которых в 1684 г. был организован поход шахских войск. В надписи на полях старинной арабской рукописи, опубликованной А. Р. Шихсандовым, говорится, что в результате сражения у сел. Джерах «сложили головы многие из Кайтага и Табасарана»⁶. Но и после этого дагестанцы не покорились шаху, о чем говорят походы шахских войск и их ставленников в различные районы Дагестана.

При преемнике шаха Сулеймана — его сыне Гусейн-хане были увеличены налоги, возобновились религиозные гонения суннитского

населения Южного Дагестана, что, конечно, не могло не вызвать выступления против завоевателей.

Как отмечается в «Истории Дагестана», «все тяжести иранского гнета испытывало на себе население Дербента и других мест Южного Дагестана.

Наместники шаха в Дербенте неоднократно предпринимали карательные экспедиции в Южный Дагестан с целью подчинить своей власти Табасаран и союзы сельских общин Самурской долины...»¹. Попытки шаха жестокими мерами подчинить неповинующихся сефевидской власти привело к антииранскому восстанию 1707—1712 гг. Из дагестанских районов первыми восстали в 1707 г. Джарское и Цахурское общества. Восставшие напали на Шемаху — резиденцию ширванского беглербека, убили правителя Гасан-Али-хана и его приближенных и, разграбив персидский лагерь, вернулись домой². В 1711 г. жители Джарского и Цахурского обществ снова восстали против персидского шаха. Восстали также Табасаран, лезгины, Ширван и Шеки³.

Интересно, что в это время (1710 г.) уцмием Кайтага был утвержден Ахмед-хан, который «пошел войною на Табасаран». «После разграбления и разорения неприятелем нескольких деревень» правители Табасарана «изъявили покорность и отправили заложников»⁴.

Тем временем восставшие, во главе которых стали уроженец сел. Дебели Мюшкюрского уезда Дауд и Муртузали — сын Сурхай-хана I казикумукского, выступили против Шабрана и взяли его, а затем центр Кубинского ханства Худат⁵. «В это же время повстанцы Джара, Тала и Цахура разбили в Нухинском уезде шахские войска, возглавляемые правителем Ширвана Гусейн-Али-ханом»⁶. Весной 1712 г. объединенные отряды горцев напали на Шемаху, штурмом овладели ею и подвергли грабежу и разорению. Активно участвовали в этой акции и народы Южного Дагестана. Как писал И.-Г. Гербер, жители Алтыпара «при ребеллии в Ширвани... Дауд беку и Сурхаю помощь немалую учинили»⁷.

¹ История Дагестана. Т. I. С. 340.

² Хроника войн Джара в XVIII столетии. С. 11; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 124; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 157; Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 317; Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 171.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 172.

⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 124.

⁵ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 125; История Дагестана. Т. I. С. 342; История Ирана... С. 310.

⁶ История Дагестана. Т. I. С. 342.

⁷ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 78.

¹ Полевой материал, собранный Ш. М. Ахмедовым в 1968 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. I. Оп. I. Д. 37. Л. 26.

² Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 155.

³ Там же. С. 191.

⁴ Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. М., 1962. С. 687.

⁵ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 191.

⁶ Шихсандов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 147.

В 1719 г. шахские войска, используя уход народных масс в горы во главе с Сурхай-ханом, усилили натиск на повстанцев и им удалось схватить Хаджи-Дауда. Однако, он вскоре сбежал из Дербентской крепости, где он был заточен. В это время против шаха выступил из Кандагара Мирмахмуд. Шах обратился к дагестанским владетелям выступить против него. Войско было собрано и оно выступило во главе с Сурхаем. Узнав об этом, Хаджи-Дауд «также около 100 человек куралинцов (лезгин — авт.), дагестанцев и других... собрал и к себе привлекал, со оными пришел к Зурхаю»¹ и уговорил его воспользоваться моментом и выступить против шаха, освободиться от персидского ига. Сурхай-хан согласился на это и стал агитировать присоединиться к ним и «всех правоверных мусульманов от эретического персидского... подданства освободить». Откликнувшись на это, как писал И.-Г. Гербер, «все куралинцы, курей, дагистанцы, лезгинцы и прочие из гор к ним пристали и с начала всю Ширванию и Кубу раззорили, потом пошли оные к Шамахе»². Взяв город, повстанцы убили беглербека и 800 человек городской знати, подвергли его разорению и грабежу³. Среди ограбленных были и русские купцы. Только у одного Евреинова было разграблено товара на 170000 руб. «персидскою монетою»⁴.

Указанные события были использованы Петром I как одна из причин для похода в Прикаспий в 1722 г., результаты которого прямым образом коснулись и Южного Дагестана. 23 августа 1722 г. русская армия без боя вступила в Дербент, а 30 августа Петр с войском подошел к реке Рубас, где была заложена в непосредственной близости от Табасарана крепость, рассчитанная на гарнизон в 600 человек. «Власть Петра I была признана почти всеми селениями табасаранцев и лезгин на плоскости»⁵.

В то же время табасаранский кадий Рустам-бек обратился к Петру I с просьбой оказать помощь в борьбе с кайтагским уцмием, Сурхай-ханом казикумухским и Хаджи-Даудом мяшкурским, которые нападали на него за то, что он не принимал участие в военных предприятиях против русских войск. В письме Рустам-бека к Петру I от 30 августа 1722 г. сообщается, что Сурхай-хан и уцмий «неприятельским образом нападали, город мой выжгли, понеже ни от кого воспоможения для обороны учинено не было»⁶.

Он также сообщал, что Хаджи-Дауд причинил ему и его народу «бедствия, разрушил мою столицу Хучни». При этом Рустам-бек писал Петру: «Я со своей стороны с моими подданными готов оказать русским всякую помощь и поддержку»¹. Первого сентября последовала грамота Петра I на имя Рустам-бека, в которой он обещал помочь восстановить разрушенный город и оказывать помощь войсками, «которые близ здешних краев обретаться будут»².

После выступления в 1725 г. Адиль-Герая на кр. Св. Креста и сдачи его русским в подданство России вместе с рядом других владетелей Дагестана опять вступили и владетели Табасарана.

По Константинопольскому договору 1724 г. между Россией и Турцией о разделении Кавказской территории на сферы влияния за Россией закреплялись прикаспийские провинции Южного Дагестана — Дербент с Улусским магалом, северный и южный Табасаран, Алтыпаринский магал, а также Кайтаг и Гамринский магал³. Они считались в составе России вплоть до 1735 г. Табасаранские владетели были подчинены дербентскому наibu и русскому коменданту в Дербенте⁴. Но табасаранцы, как писал И.-Г. Гербер, «податей никаких (русскому — авт.) царю не платят, а повинны оные по требованию воинскую службу отправлять»⁵. За преданность России табасаранские правители получали жалованье и различные подарки.

При разграничении земель Ахтыпаринское, Докузпаринское и Рутульское общества отошли к Турции⁶. Однако, подобно тому, как и раньше, они противились султанам дербентским, хотевшим принудить их к подданству Персии, «для чего, — по сведениям И.-Г. Гербера, — часто великая команда из Дербента посылалась, чтоб их силою под владение привести, однакож дагистанцы всегда противились и высланных дербенцов кровотекущими головами назад отсылали»⁷, и теперь они не подчинялись никому. Как продолжает И.-Г. Гербер, «и та малая часть земли от Алты пара (имеется в виду низменная часть магала, отошедшая к России — авт.), которая по разграничению к российской доле надлежит, так оставлена, ибо невозможно будет без непрестанных ссор оное содержать, а прибыли от того никакой нету»⁸. Говоря об этом же, П. Г. Бутков писал, что жители Алтыпаринского магала, жившие

¹ Там же. С. 95.

² Там же.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1901. Кн. IV. Т. XVI—XX. С. 671; История Дагестана. Т. I. С. 343.

⁴ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 107.

⁵ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 174.

⁶ Магомедов М. Р. Общественно-экономический ... С. 237.

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 174—175.

² Магомедов М. Р. Указ. соч. С. 237—238.

³ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 104.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

⁷ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 77—78.

⁸ Там же. С. 78.

в горах — «крепких местах», не желали «слышать о таком разделении» и поэтому были оставлены в покое¹.

Ни о каком подчинении Турции не хотели слышать и Алтыпаринское, Докузпаринское и Рутульское общества. Как писал И.-Г. Гербер, «все пять уездов противятся обоим государствам в подданстве, все заедино вместе стоят и хотят вольными людьми пребывать»².

К России отходили по договору 1724 г. и кюринские общества³, которые были подвластны Сурхай-хану, который их «подданными своими, — как писал И.-Г. Гербер, — почитает и добром допустить не хочет, чтоб от него отделены были»⁴. Но отдельные магалы («несколько из них», «малая часть») «присягали» России⁵. Подчеркивая, что они также вместе держутся и «заедино стоят», И.-Г. Гербер писал: «И того ради еще силою в послушание не приведены, что и учинить трудно и убыточно, и в том их содержать трудно будет»⁶. Поэтому кюринцы фактически были оставлены в составе Казикумухского ханства.

Не признавали себя подданными Турции и Джаро-Белокапские союзы, которые также по договору 1724 г. считались отошедшими к «турецкому владению»⁷. По сообщению И.-Г. Гербера, они «обязались между собою за свою вольность стоять по смерти, ибо оные из деревень всегда люди вольные бывали»⁸.

Завершая краткий обзор политической истории народов Южного Дагестана, уместно здесь привести слова А. П. Новосельцева, сказанные им о Дагестане в целом: «Эта горная страна, за исключением небольшой береговой полосы, никогда не подчинялась ни иранцам, ни туркам. Свободолюбивые горцы Дагестана в своей обильной, с естественными укреплениями стране не только выдерживали наступления значительных армий завоевателей, но и наносили им жестокие ответные удары. В условиях, когда турки еще не были вытеснены из Ширвана, поддержка дагестанских владетелей была особенно важна для шаха. Признание последними верховной власти Ирана было чисто формальным актом»⁹.

¹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. С. 96.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 79.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Там же.

⁹ Новосельцев А. П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI — XVII вв. // Вопросы истории. М., 1969. С. 121.

С приходом к власти Надир-шаха и началом его походов в Дагестан опять возникает серьезная угроза иранского порабощения. Южный Дагестан не раз становился ареной крупных сражений местного населения с иранскими завоевателями. Эти вопросы хорошо и подробно изучены в работах ряда дагестанских ученых¹. Поэтому, не останавливаясь подробно на многочисленных событиях, связанных с борьбой народов Южного Дагестана с Надир-шахом, укажем лишь наиболее важные вехи этой борьбы.

Первый же поход Надира в Дагестан в 1734 г. прямо коснулся народов Южного Дагестана. Преследуя Сурхай-хана через Южный Дагестан, он на своем пути занял многие лезгинские и агульские селения, как Курах, Рича, Тпинг, Хутхул, Дулдуг и др. и до основания разрушил их². Завоеватели пошли в Табасаран. На своем пути они разрушили табасаранские селения, грабили жителей. Они жестоко расправились с жителями обществ Этег и Хиналарик³.

Возвращаясь обратно из Кумуха, по пути Хосрех, Чирах, Рича, Курах и по Самурской долине, Надир встретил упорное сопротивление лезгин. Близ сел. Ахты, разрушив мост через реку Самур, лезгины преградили дорогу войскам Надира, но потерпели поражение⁴.

В 1735 г. Надир-шах, совершая второй поход в Дагестан, как и в 1734 г., начал с Южного Дагестана. Он двинул свои войска по Алты-Агачской горе и прибыл в Табасаран в магал Дере. Отсюда один отряд был отправлен в Будуг и Хиналуг, другой — в Докузпара и Алтыпара, а третий — в кюринское селение Кабир «на преграждение путей людям, бежавшим из Ахтов в Кумух», большинство из которых были убиты или взяты в плен и уведены в неволю⁵. В Южном Дагестане был устроен настоящий погром. Разграбив и разорив многие села в Самурской долины, Кюры и Табасарана (Гияр-Шаер — недалеко от Кураха, Чюрюхюр, Кикенхюр, Сернер, Генек, Четхюр, Джаба, Нуказ и др.) и, истребив большое количество жителей, Надир прибыл в Дербент и отсюда через Маджалис, Губден двинулся в Кумух⁶.

¹ Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. С. 355—373; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 178—182; Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 231—241; Сотавов Н. А. Крах «Грозы Вселенной». Мах. 2000.

² История Дагестана. Т. I. С. 356; Агулы. С. 17.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 179; Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 232.

⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 139—140; История Дагестана. Т. I. С. 356.

⁵ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 143; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 62; Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 101.

⁶ Там же. С. 143; С. 63; С. 102—104.

И последующие годы полны военными походами Надир-шаха на разные районы Южного Дагестана, в особенности на Табасаран, жителей которого он никак не мог подчинить. В 1739 г. на помощь восставшим Джаро-Белоканам прибыли 20 тысяч человек из Табасарана, Ханалыка, Ахтыпара, Курали и Кайтага во главе с кайтагским Большим уцмием¹. В 1741 г. Надир-шах приказал стереть с лица земли жителей Табасарана. С этой целью он приказал одному из отрядов (своего 100-тысячного войска), состоявшему из двух тысяч хорасанских стрельцов, пойти на Табасаран и занять все ущелья, чтобы ни один табасаранец не мог выйти из своих мест. Но табасаранцы преградили путь завоевателям². Как писал Мухамед Казвини, «На помощь им со всех сторон Дагестана пришло много лезгин». В сражении было убито много персов. По сообщению П. Г. Буткова, в Табасаран и Кайтаг Надир-шах в октябре 1741 г. послал сильный отряд, который был разбит в сражении³. Г.-Э. Алкадари пишет, что в 1741 г. в мае месяце Надир-шах «послал часть войска против селений Табасарани, он заставил ограбить их скот и движимое имущество, а селения разрушить и многих людей арестовать»⁴.

Во время похода Надир-шаха в Аварию вместе с другими народами Дагестана сюда пришли и народы Южного Дагестана⁵. Отступив из Аварии, Надир-шах устроил одно из военных укреплений в местности «Иран Хараб» — во владении Табасарана, означающее гибель или разорение Персии⁶. В октябре 1741 г. Надир-шах опять посылает значительный отряд против Табасарана и Кайтага, шахские войска были разбиты⁷. Как пишет М. Р. Гасанов, «последствия набегов шахских войск были тяжелыми — уничтожались посевы, сады, разрушались жилища, угоняли скот. Все это вызывало у табасаран ненависть к завоевателям. В первые же дни отступления шаха из гор 5 тысяч горцев-табасаран атаковали крепость Кабир и истребили 2000 человек из восьмитысячного гарнизона, а остальных вынудили бежать»⁸. О неудачах Надир-шаха

в Табасаране хорошо сказал П. Зубов, который отмечал: «Надир-шах в 1741 году, овладев Дербентом, вел крайне неудачные экспедиции против табасаранцев и каракайтахов»¹.

В 1742 г. Надир-шах опять начал наступление на Дагестан. Один из отрядов из Дербента был послан в Табасаран. Награбив много скота, провианта и захватив пленных, вернулся в Дербент. Затем с «кавалерией прошел через Табасаран и Кюринский округ, оттуда в Кубинский уезд»². В этом же году Надир-шах трижды во главе 30-тысячной армии вторгнулся в Табасаран. Только в одном бою с табасаранцами было убито 800 шахских солдат, а сам шах едва не лишился жизни³. Это было одно из крупных сражений в старинном табасаранском селении Дюбек, где вместе с табасаранцами сражались также и другие народы Дагестана — лезгины, кайтаги, рутульцы и т. д.⁴

В ноябре 1742 г. большой отряд иранских войск был наголову разбит в верховьях реки Дарбах⁵. Имеются сведения, что персидские войска совершали походы в Табасаран и в 1743 г.⁶ М. Р. Гасанов пишет также, что в 1744 г. «Надир-шах вновь открыл военные действия против лезгин, кайтагцев, табасаран. Один из отрядов Надир послал в аулы Кайтага, Табасарана и Курли» (?)⁷.

Разгром Надир-шаха не освободил народы Дагестана от угрозы порабощения со стороны Ирана и Турции. Происки Турции происходили еще в период борьбы с Персией. Еще до смерти Надир-шаха турецкий султан прислал фирманы дагестанским владельцам, в том числе Магомед-беку цахурскому и владельцам Табасарана. Майсуму и кадию были присвоены звания двухбунчужных пашей и определено жалованье по 200 туманов⁸.

Историко-политическая география Южного Дагестана посленадировского периода вплоть до конца XVIII—нач. XIX в. в основном определялась политическими событиями, которые были связаны с Фатали-ханом кубинским, проводившим активную политику, затрагивающую и интересы дагестанских владельцев. В результате активной политики Фатали-хан присоединил к Кубинскому ханству Дербентское владение, а затем и все ханства Северного Азербайджана. В результате образовалась коалиция дагестанских

¹ Козлова А. Н. Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1976. Вып. XVIII. С. 129.

² Козлова А. Н. «Наме-йи алмара-йи Надири» Мухаммеда Казвини о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 77.

³ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 71.

⁴ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 68.

⁵ Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 165.

⁶ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. // ИГЭД. С. 153; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 213.

⁷ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 71.

⁸ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 237. Ссылается на работу Тамая А. И. К вопросу о провале дагестанской кампании Шаха Надира (1741—1743 гг.) // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. V. С. 115—116.

¹ Зубов П. Картина Кавказского края. Ч. 4. С. 126.

² Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 70.

³ Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С. 213, 510.

⁴ Козлова А. Н. «Наме-йи алмара-йи Надири...». С. 80.

⁵ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 181.

⁶ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 240.

⁷ Там же. С. 241.

⁸ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 150; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 70; Березин Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. 2. С. 77.

правителей против Фатали-хана. В 1774 г. на Гавдушинском поле близ Худата между объединенными силами феодалов Дагестана, в котором участвовали и табасаранские владетели, и Фатали-ханом произошло сражение. Последний был разбит наголову¹. Затем, в следующем году на помощь Фатали-хану по его просьбе пришли русские войска под командованием г.-м. де Медема, которые нанесли поражение главному противнику Фатали-хана уцмью Кайтага Амир-Гамзе. Фатали-хан опустошил Терекемейский магал и, соединившись в Дербенте с русскими войсками, пошел в Кюре, разбил Магомед-хана казикумукского, разорил его земли, разграбил много имущества. Затем отправился в Табасаран, в местности Калук разбил табасаранцев, забрал добычу и вернулся в Дербент².

Хотя произошло после этого примирение между Фатали-ханом и дагестанскими владетелями и кавказскому командованию удалось дважды в 1776 г. в Дарбахе провести сборы, в которых участвовали обе стороны, дагестанские владетели не могли примириться с возвышением Фатали-хана. Майор М. Фромгольд, участвовавший в переговорах, писал: что «...желаемого спокойствия здесь никогда быть не может». Уцмий и кадий Табасарана лишь «в рассуждении страха к России показывают себя охотными, а скрытно обходятся хитростью и с великою злостью, так что никогда нельзя положить на их присяги, подписки и обещания, если они не приведены будут в тишину сильною рукою». Что касается Фатали-хана, то и он «...не только не желает быть спокойным, но еще мысли его клонятся, покорить... всех своих неприятелей под свою власть»³.

Поэтому, естественно, что и в последующем взаимоотношения между Фатали-ханом и дагестанскими владетелями не складывались. Особенно непримирим и враждебен был уцмий Амир-Гамза. После указанных выше событий он «с 3000 отборной конницей прошел через Дербент, Кубу и Ширван и напал» сначала на Ардабил, а затем «на Ганджу и разорил окрестности ее более, чем округ Ардабила». Не ограничившись этим, он возвратился назад «через Шеки, Ахты и Кюринский округ», и «ни один из владетелей областей, через которые он проходил, не смог ему противостоять, а некоторые старались задобрить его подарками и отклонить таким образом от своих владений»⁴.

Но и Фатали-хан не успокаивался. Он настроил против Амир-

Гамзы его племянника Хан-Магомед-бека, построил ему крепость, названную Хан-Магомед-кала, недалеко от Дербента и переселил туда 100 семейств из Кубы. Не довольствуясь этим, Фатали-хан «старался разными средствами привлечь на свою сторону всех почетных лиц вольных дагестанских обществ»¹. На сторону Фатали-хана перешел Шахмардан-бек, сын Магомед-хана казикумукского, который был недоволен отцом из-за большей любви его к другому сыну — Сурхаю. Фатали-хан отдал Шахмардан-беку «во владение часть Кюринского округа до Кабирека, принадлежавшего Дербенту, и Гюнейский магал, принадлежавший Кубе», он «присоединил еще к нему Курахский магал (по Г.-Э. Алкадари «магалы Кабаирский и Кутуркюринский» — авт.) и захватил таким образом весь Кюринский округ»².

В этот период в Табасаране учащаются беспорядки из-за майсумства. В дела майсумства вмешался Фатали-хан, посадил на престол Магомед-Гусейн-бека, который бежал вместе с братьями к нему после того как Али-Кули захватил власть, убив своего дядю майсума. Активную политику Фатали-хан проводил и дальше — то он воевал с кем-то, то совершал походы, то вел переговоры, то оказывал кому-то помощь, то кого-то убивал, то кого-то возводил на престол и т. д.

В XVIII в. табасаранские правители, как и другие дагестанские владетели, в зависимости от обстановки, признавали себя вассалами того или иного иностранного государства. Нередко эта зависимость носила формальный характер³.

Но с конца XVIII в. они твердо ориентировались на Россию. Когда из-за угрозы вторжения в Дагестан Ага-Мухаммед-хана русские войска вступили в Дагестан, вместе с другими дагестанскими владетелями кадий Табасарана изъявил желание, готовность действовать против персидских войск. Генералу Савельеву было дано указание для необходимых расходов на содержание войск выдать кадию табасаранскому 500 рублей. «Из числа других владельцев, — писал П. Зубов, — Табасаранский Рустам не только оказал явно преданность свою России, но лично находился при нашем отряде»⁴. А по словам Г.-Э. Алкадари вместе с шамхалом и уцмием Рустам-кади оказал русским войскам «помощь и содействие»⁵.

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 162; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 77.

² Там же. С. 162; С. 78—79.

³ История Дагестана. Т. I. С. 381—382.

⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 163; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 79.

¹ Там же.

² Там же. С. 164; С. 80.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Указ. соч. С. 186.

⁴ Зубов П. Указ. соч. Ч. 4. С. 132.

⁵ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 88; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 175.

В 1797 г. кадий Табасарана обратился с просьбой к русскому правительству о принятии в подданство¹ и в 1799 г. она была удовлетворена². В 1801 г. с прощением о принятии в подданство обратились и другие владельцы Табасарана³. В 1802 г. на совещании в Георгиевске среди процаристски настроенных феодалов Кавказа были и представители от Табасарана⁴. Ранее и в последующем, табасаранские правители получали жалование, различные чины и подарки за верность России. Антирусская политика Шихали-хана в Табасаране не имела успеха.

В 1806 г. Табасаран и лезгины Кубинского ханства были присоединены к России.

И в этот период Иран и Турция также вели свою политику в Южном Дагестане, желая держать его народы на своей стороне. В 1811 г. персидский шах Фетх-Али послал фирманы табасаранскому владельцу Магомед-майсуму и старшинам Ахты, Мискинджи, Докузпара и Алтыпара, ставя их в известность о предстоящем выступлении совместно с Турцией против России⁵. В свою очередь, турецкий султан Махмуд пригласил дагестанских владельцев «на священную войну против России»⁶. Но, кроме Сурхай-хана казикумукского и Шихали-хана дербентского, никто не откликнулся и не поддался на эту провокацию.

Сурхай-хан и Шихали-хан, не имея поддержки в Дагестане, терпели одно поражение за другим. Разбитый в разных местах, Сурхай-хан в 1811 г. укрепился в Курахе, но и здесь он был разбит генералом Хатунцевым, после чего в Курахской крепости собрались старшины и духовные лица лезгинских селений, которые просили принять их в русское подданство. Они были приведены к присяге на подданство России⁷. Но Сурхай-хан не хотел мириться с потерей Южного Дагестана и делает отчаянную попытку снова захватить его. Со своими приверженцами он снова нападает на лезгинские селения, но получает отпор. В 1813 г. он был разбит кюринской милицией у сел. Гельхен.

В 1811—нач. 1812 гг. к России были присоединены все общества Самурской долины. Как писал Н. М. Хатунцев, после присоединения кюринцев явились к нему «старшины и духовные кадие соседственных горских деревень» Мискинджи, Ахтыпары, Алты-

пары, Докузпары с изъявлением покорности и «усердным желанием быть под покровительством России»¹. Они были приведены к присяге русскому правительству и отпущены обратно. Гюлистанский трактат 1813 г. завершил вхождение народов Южного Дагестана в состав России.

Дальнейшая история народов Южного Дагестана связана с проводимой в Дагестане политикой России, в составе которой они находятся уже более 180 лет.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 408.

² Материалы по истории Дагестана и Чечни... Махачкала, 1940. С. 58.

³ Там же. С. 73—74.

⁴ АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 1009—1010.

⁵ АКАК. Т. V. С. 152.

⁶ Там же. С. 606.

⁷ МИДЧ. С. 101.

¹ Там же. С. 102.

Глава II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА XVII — НАЧАЛА XIX в.

В качестве небольшого введения к данному разделу работы хотим обратить внимание на то, что вопрос о количестве политических образований, в частности о числе феодальных владений в Южном Дагестане, как и в Дагестане в целом, не до конца исследован. По этому вопросу можно встретить в исторической литературе разные цифровые данные. Так, в 1968 г. Р. М. Магомедов писал: «Общественно политическое развитие Дагестана в XVIII веке происходило в обстановке усиления феодальной раздробленности. На территории страны располагались 36 небольших феодальных государств-ханств и владений. В одном только Южном Дагестане насчитывалось пятнадцать феодальных владений (подчеркнуто нами—авт.), в Аварии—одиннадцать и в Кумыкии—восемь. Процесс образования новых ханств еще не был закончен»¹. Обратил он внимание и на то, что «непосредственной средой для их возникновения служили дагестанские вольные общества, находившиеся на переходной стадии от дофеодалных отношений к феодальному строю. Возникали мелкие феодальные владения в Дагестане и впоследствии выхода укрепившихся беков из вассальной зависимости от ханств»².

В целом, соглашаясь с мнением Р. М. Магомедова о способах и причинах существования множества и образования новых феодальных владений в Дагестане, мы не можем не отметить, что нам не удалось выяснить, какие это «пятнадцать феодальных владений» были в Южном Дагестане в XVIII в. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют документировать существование в пределах территории современного Южного Дагестана в изучаемый нами период лишь следующие феодальные владения:

¹ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз. 1968. С. 196.

² Там же.

Дербентское султанство (ханство), Цахурское (Элисуйское) султанство, Табасаранское майсумство, Табасаранское кадийство, Кюринское ханство.

Не удалось определить нам и «36 небольших феодальных государств — ханств и владений».

В принципе к этому вопросу Р. М. Магомедов обратился и в 1994 г. В его совместной с А. Р. Магомедовым «Истории Дагестана» сказано буквально следующее: «Дробление Дагестана на мелкие самоуправляемые территории во 2-й пол. XVIII в. заметно усиливается. К этому времени здесь существовало до 24 феодальных владений и более 60 джамаатских союзов»¹. Здесь уже не указано отдельно число феодальных владений в Южном Дагестане.

Но далее сказано, что «к середине XVIII в. к феодальной политической системе Дагестана тяготели следующие крупные политические объединения: Засулакские княжества, шамхальство, Акуша-Дарго, Салатавия, Аварское ханство, Мехтулинское ханство, уцмийство Кайтагское, Казикумухское ханство, Дербентское ханство, майсумство Табасаранское, кадийство Табасаранское, Докуз-пара, Алты-пара, Ахты-пара, Рутульское бекство, Цахурское султанство, Джарский союз»². Однако как бы Докузпара, и Джарский союз ни тяготели к феодальной политической системе Дагестана, их вряд ли можно идентифицировать с собственно феодальными владениями, поскольку в них не было феодальных династий с наследственной передачей власти и т. д.

В принципе это были союзы сельских обществ, в которых социальная градация общества достигла высокого уровня развития. И в Рутуле беки уже не представляли собой правящую династию, а являлись своего рода привилегированным сословием, «предводительствовали войсками и были представителями рутульского вольного общества при внешних сношениях его с правителями Ирана и Турции»³. Поэтому более правильное для XVIII в. говорить о Рутульском союзе сельских обществ, чем о Рутульском бекстве. В силу этого очерк исторической географии Рутульского «вольного» общества дан в посвященном союзам сельских обществ разделе работы.

¹ Магомедов Р. М., Магомедов А. Р. История Дагестана. Махачкала: Даг. книгоизд. 1994. С. 223.

² Там же.

³ Мусаев Г. М. Рутулы (XIX—начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала: АОЗТ «Юпитер», 1997. С. 26.

§ 1. Дербентское владение.

Наиболее важную роль в XVII—нач. XIX в. в Южном Дагестане играло Дербентское ханство, столица которого Дербент является одним из древнейших городов на Кавказе. Его военно-стратегическое положение — расположение на самом узком месте, где горы Кавказа почти вплотную подходят к Каспийскому морю, привлекало издревле к нему внимание многих правителей соседственных стран и разных завоевателей, проходивших из Азии в Европу и наоборот¹. Прохождение через него функционировавшего издревле мирового шелкового пути из стран Закавказья, Ирана, Афганистана и т. д. в Европу привело к тому, что Дербент стал играть важную роль не только военно-стратегического назначения крепости с мощнейшей на Кавказе оборонительной системой, но и важной торгово-перевалочной базы, морского порта, рынка сбыта товаров купцов многих стран, в том числе и Дагестана. Служил он одновременно и рынком приобретения горскими народами Южного Дагестана необходимых им хозяйственно-бытового назначения товаров — зерна, соли, нефти, изделий ремесла, восточных пряностей, сладостей, а также товаров европейского и российского экспорта: железные изделия, кубки, котлы, лари, сельхозорудия, меха, сахар, пух, ножницы, иглы, чай.

О Дербенте и Дербентском ханстве — его истории, экономике, занятиях населения, политической роли в жизни народов Дагестана и Северного Азербайджана с древнейших времен написано и издано много книг, последней из них и имеющей отношение к XVII—XIX вв. является весьма содержательная книга Н. А. Магомедова «Дербент и Дербентское владение в XVIII — первой половине XIX вв. (политическое положение и экономическое развитие)». (Махачкала, 1998. 248 с.).

Во многих трудах отечественных исследователей и публикациях архивных материалов освещены отдельные аспекты изучаемой нами проблемы. Некоторые интересные сведения о состоянии Сефевидской державы в первой четверти XVIII в., в частности Шемахи и Дербента содержит и работа «Послание Петра I на Восток: Посольство Флориго Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах» (М.: Глав. ред. вост. лит.-ры. 1986. С. 41—60).

Авторы «Истории Дагестана» не особенно избаловали Дербент подробным описанием его истории XVI—XVII вв., посвятив ей всего около 20 строк текста. В них отмечено, что «в XVI—XVII вв. Дербент представлял собой незначительное по территории владение.

В его состав входил ряд близлежащих лезгинских селений. Дербент к этому времени потерял свою самостоятельность и входил в состав Ирана в качестве отдельного «улка». Правителями города стали хакимы, а затем султаны, назначавшиеся иранскими властями. В конце XVI в. правителем Дербента был Хаджа-Мухаммед, изъявивший покорность шаху в 1606 г., в 1622—1628 гг. шахским султаном в Дербенте являлся Бархудар-султан.

В 1628 г. хакимом Дербента и начальником местного ополчения, состоявшего из газиев, был Фаррух-султан, из выслужившихся шахских гулямов. Последующие правители с титулом султана разделяли власть с наибами из местной знати. Дербент служил для шаха опорной базой для наступления на Дагестан, поэтому шах систематически поддерживал дербентский гарнизон людьми и вооружением, а правящую верхушку одаривал земельными участками¹.

Немного больше строк отведено описанию положения Дербентского ханства в XVIII в. В «Истории Дагестана» отмечено, что «в начале XVIII в. Дербент и окружающие его территории находились под властью Сефевидов. А с 1722 г. Дербент был присоединен к России. В 1735 г., после подписания Рештского договора между Россией и Ираном, Дербент подчинился власти Надир-шаха. После его смерти и изгнания из Закавказья войск шаха образовалось Дербентское ханство², территория которого «простиралась на юг от владений уцмий, до предгорий Табасаранского хребта на западе и северо-восточных границ Кубинского ханства. Свою независимость Дербентское ханство сохраняло недолго. Уже в середине XVIII в., в правлении Мухаммед-Хасан-хана, внутреннее и внешнеполитическое положение ханства чрезвычайно осложнилось. Произвол и гнет хана и его окружения усиливали острые противоречия внутри владения.

В то же время Дербент как богатый и крупный торговый центр, занимающий важное стратегическое положение, привлекал внимание соседних владетелей Дагестана и Азербайджана³. Фатали-хан кубинский в конце 60-х годов XVIII в. присоединил к своему владению Дербентское ханство.

Согласно имеющимся данным в Дербенте в это время имелось 2180 домов, а в селениях Сабнава, Переменшки, Джалган, Джауткент, Абасова, Рукул — всего 265 домов. 15 сел Улусско-

¹ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владетелей и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 19—20.

¹ История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. С. 251.

² Там же. С. 326.

³ Там же.

го магала насчитывали до 780 домов, управлявшихся дербентским нанбом¹.

Е. Н. Кушева, сделавшая много для изучения истории народов Дагестана и Северного Кавказа вообще, также писала о расположении Дербента на трассе мирового шелкового пути, его роли во взаимоотношениях Московской Руси с Сефевидским Ираном² и т. д. Она отмечала, что уже «в первые десятилетия XVII в. в непосредственном соседстве с северо-дагестанскими ханствами было образовано дербентское наместничество»³ и, «действуя со стороны Дербента, шах стремился поставить в зависимость от себя земли дагестанских владельцев»⁴. И. П. Петрушевский, ссылаясь на сочинение А. Олеария — автора первой половины XVII в., писал, что власть дербентского султана в XVII в. была значительной, под его управлением находилась и область Мюскюр — часть провинции Ширвана, насчитывавшая до 200 селений и простиравшаяся до Гиляна, но в конечном итоге султан Дербента всецело подчинялся шаху⁵.

Русский купец Ф. Котов, посетивший Дербент в 1623 г., писал собственно о состоянии Дербента, его малонаселенности, о работах, проводившихся шахом Аббасом I по его укреплению, продолжив крепостные стены в глубь моря⁶ и т. д. А. Олеарий посетил Дербент в 1636 и 1639 гг. и оставил его подробное описание (10 глава, кн. VI). Он писал, что Дербент «тянется своими постройками в длину с З. к В. — на полмили, а в ширину с С. к Ю. от одних ворот до других всего на 450 шагов. Он простирается от гор до моря, так что волны иногда бьют высоко об стены, а то и ударяют в них сверху»⁷, что Дербент «замыкает путь, идущий между морем и непроходимыми горами, и является здесь как бы ключом и железными воротами персидского царства... Никто не может пройти в этой местности, не заходя в этот город»⁸.

Много внимания Дербенту («Демир-Капу») уделил в своей ра-

¹ Там же. С. 308.

² Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М. 1963. С. 274—286, 304—306.

³ Там же. С. 304.

⁴ Там же. С. 306.

⁵ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949. С. 160; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 449.

⁶ Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 34—35.

⁷ Олеарий А. Указ. соч. С. 485—487.

⁸ Там же. С. 485—486.

боте и турецкий путешественник — географ XVII в. Эвлия Челеби¹.

Более интересное и полное в плане исторической географии описание Дербента содержит «Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г.» посланца Петра I в Иран А. И. Лопухина. Он писал: «Известие о городе Дербени. — Положением места, где самое жило (т. е. место жительства — авт.), от моря в версте, поселен в полугоре, в длину версты на две, в ширину сажен 300, около сего жила сделана стена из белого камня с башнями niskими, толщина той стены аршина на два, в высоту от земли сажен... На той же стене сделаны зубцы из такого ж камня вышиною в аршин, и подле сих зубцов по стене люди ходят..., начаток сей стены от самого моря, и так около жила по горе обведена, что и другой конец, с тем ж вровень, приведен к морю, подле которых за близостию к воде и дороги нет»².

Лопухин отметил, что нижняя, приморская часть города была не заселена — «пусто с лишком на версту, только место ровное до самого жила. А где жило началось, тут в ширине от пустого города сделана стена каменная, которых есть выше в гору промежду жил две таких, и по оным поперечным стенам именуются 3 города жилых»³ (речь идет о разделении города на три части — авт.). По сведениям этого же автора, от моря город не был отделен стеной, а в верхней части города находился «дом салтанской» и «вся артиллерия тамо» лежала с припасами⁴. Заметил он и три башни для караулов, имевшиеся там, неважное состояние медных пушек, хорошее качество стекавшей с гор воды, дешевость продуктов, что для человека на день хватало для питания всего 2 копейки.

К 1728 г. относится описание Дербента, составленное И.-Г. Гербером, принимавшим непосредственное участие в разграничении сфер влияния Турции и России в Прикаспийском крае. О местоположении Дербента он писал, что «город положение имеет в таком месте, где горы в близости к морю подались... Уезд, к Дербенту надлежащий, не великим расстоянием от города по берегу к северу 15 верстах до... речки Дарбан, которая речка и означила границу ширванскую; к юзюду по берегу 30 верст до реки Саму-

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия. М. 1974. Вып. 2. С. 57, 83, 94, 108, 114, 117, 118, 122, 125 и др.

² Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 54—55.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же.

ры... Однакож Дербенту подчинены многие другие уезды в Ширвани»¹.

По сообщению И.-Г. Гербера легко судить о границах и собственно Дербентского ханства, поскольку он писал, что «городу Дербенту еще следующие уезды подчинены: Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк, и доходы из оных собирал султан дербенской... В близости Дербента лежащие два уезда, Табасаран и Куба, повинны были оному султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправить»².

Отметим и некоторое несовпадение сведений А. И. Лопухина с данными И.-Г. Гербера, писавшего, что «город Дербент от гор до самого моря вдоль построен длиною в 1730 сажень, а ширина в широком месте подле моря вдоль построек, а в самом узком месте 100 сажень... По обеим сторонам за городом обитатели имеют пашен довольно число и добрых виноградных и других садов, всяких овощей, яблонь, груш, персиков, сиги, гранаты и прочие, также дыни и арбузы около города везде имеются бесчисленно»³.

Сведений самого разного характера о Дербенте и Дербентском ханстве сохранилось значительно больше от конца XVIII в., в чем немалую роль сыграл Персидский поход 1796 г. царских войск в Дербент и далее в Закавказье во главе с В. Зубовым⁴. Весьма интересные сведения содержит «Описание Южного Дагестана. 1796 г.» Ф. Ф. Симоновича, снимавшего Южный Дагестан и Табасаран на карту во время похода 1796 г. и прекрасно знавшего этот регион Кавказа (Дагестана). По его данным Дербентское ханство в 1796 г. принадлежало кубинскому хану, «к северу окружается уцмий владением, к западу граничит с Табасараном, к полдню с провинциею Кура, принадлежащею Хамутаю казыкумьскому, и с Кубинским владением, а к востоку омывается Каспийским морем. В нем реки суть: Рубас, Гургели и Самур... Разделено ж на два округа: на Дербентский и Улусский»⁵.

Климат в Дербенте и Дербентском ханстве мягкий, хотя летом жара бывает довольно высокой, а в отдельные зимы бывают и довольно сильные морозы. В горной части ханства располагались лесные массивы. Дербентское ханство располагало значительными массивами зимних пастбищ, которые сдавались некоторым сель-

¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 85.

² Там же. С. 86.

³ Там же.

⁴ Документы об этом походе отложились в РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2799. 2800 (1), 2801, 2802.

⁵ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 142.

ским обществам горного Дагестана, особенно часто на время весеннего окота овец и до начала перегона их на летние горные пастбища. Приморская часть этого владения — равнина, где плодородные почвы перемежаются с песчаными выходами по берегам рек (особенно Самура) и речек лесных массивов до моря. По сведениям Ф. Ф. Симоновича р. Самур имела «пространную долину, разграничивая Кубинское от Хамутаева (речь идет о Казикумском ханстве — авт.) и Дербентского владений. У предгорья при Калайсуваре разливается на три главные протока: на Курларскую, на Ялому и на Улу Самур, имея влево крутой и высокий берег, а вправо низкие и лесистые места, на которых под камнями находится (так в тексте — авт.) в летнее время тарантулы и скорпионы»¹.

Пониже деревни Уруджа от Улу Самура отделялся приток Куру Самур глубиной более трех и шириной до 40 сажень².

Река Самур являлась серьезной водной преградой на пути продвигавшихся с юга на север или с севера на юг торговых караванов, воинских подразделений и т. д. Именно на это обратил внимание П. Г. Бутков при описании движения царских войск в 1796 г. после взятия Дербента в сторону г. Кубы. Легко преодолев реки Рубас и быструю Гургели, русские войска прибыли «к реке Самуру, что значит соболь, через которую едва в три дня корпус мог переправиться»³, так как с этой рекой «ни одна в Дагестане и Ширване широтою и быстротою не может сравниться», она течет «по каменистой постеле», имела «в широту на большой дербентской дороге, версты 1½», разделялась на множество рукавов, образующих много островков. В отдельных рукавах глубина достигала 1½ аршина⁴.

Течение реки было бурное, не позволяло устроить ни мостов, ни понтонов, «опрокидывало провиантские и лазаретные фуры». Пехота переправлялась через Самур, «скинув нижнюю одежду и держась руками за повозки, что и людей и повозки предохраняло от падения»⁵.

При переправе через Самур Каспийского корпуса «страшные глыбы снегу, упав с вершин горы в сию реку, удержали несколько ее стремление, сделав тем в обе стороны еще новые рукава, от чего в Самуре вода уменьшилась, а за два дня до того Самур был

¹ Там же. С. 141.

² Там же.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. II. С. 387.

⁴ Там же. С. 388.

⁵ Там же.

глубже и быстрее». Тем не менее река несла вниз даже верховых, сбивая их из седла, и таких спасали поставленные специально по островам Самура казаки¹.

Реки в целом позволяли жителям Южного Дагестана проводить «каналы по полям своим для того, что по жаркому там климату хлебопашества, особенно же сарачинского пшена, требует земля полива воды»². Имелись в Дербентском ханстве и Улусском ма-гале и соляные озера. Природные условия позволяли жителям Дербентского ханства заниматься «хлебопашеством, состоящим в пшенице, ячмене, сарачинском пшене,... равно и плодами древесными и огородными, как-то: виноградом, гранатами, миндалями, смоквами, сливами, яблоками, грушами, дынями, арбузами, орехами, шелковицею и шафраном»³.

П. Г. Бутков также отмечал, что в окрестностях Дербента разводились в тот период виноград, гранаты, каштаны, персики, айва, миндаль, яблоки, груши, сливы, черешни, шелковичные деревья. По его наблюдениям «рейд дербентский опасен» был и поэтому в нем морские суда не останавливались, а следовали в Низабат, где стоянка кораблям была более удобной⁴.

Поскольку во второй половине XVIII в. Дербентское и Кубинское ханства объединились под властью единого правителя — Фатали-хана, необходимо в какой-то мере остановиться на характеристике естественно-климатических особенностей и Кубинского ханства. И здесь более всего ближе к исследуемому периоду и освещаемому вопросу описание Кубинского ханства, данное П. Г. Бутковым, писавшим, что «оное определяется к северу от Дербентского и Казикумыцкаго владения рекою Самуром, к югу от Ширвани урочищем, называемым Курт Булак, и речкою Чекиль, к востоку берегами Каспийского моря, к западу владениями Шекинскими». Это владение с севера на юг тянулось на 126 верст, а с запада на восток — на 84 версты, разделялось на две половины: первая лежала в горах, а вторая — на плоскости. Нагорная ее часть «отменно» способствовала скотоводству, разведению пчел и конопли, но пахотных земель в ней было мало. В ней больше разводился ячмень. Плоскостная ее часть была пригодна для занятия скотоводством, зерноводством, для разведения хлопка, марены, всяких фруктовых деревьев и шелковицы. Через Кубинское владение протекали в Каспийское море реки Самур, Кусар,

Кудиялчай, Ахчай, Карачай, Чагаджик, Бербиле, Шебрань, Девн, Гельгень, Атек и Чекиль, которые отличались каменистостью русел и отсутствием в них рыбы, за исключением устьев, где она бывала в изобилии¹.

Необходимо остановиться и на сведениях авторов начала XIX в. по освещаемому здесь вопросу — о естественно-географических особенностях ханств Кубинского и Дербентского. В первую очередь остановимся на «Описании Дагестана. 1804 г.» А. И. Ахвердова, содержащем весьма богатую информацию по естественно-географическому состоянию региона в XVIII в. Он отметил, что город Дербент лежит на каменной горе, что его замок «командует всем городом»², который разделен поперечными стенами на три заселенные части и четвертую не заселенную в тот период приморскую часть, где бывали «довольно изрядные виноградные и фруктовые сады», но которых уже к 1804 г. не стало. Он же писал, что дербентские стены тянутся верст на 30 в сторону Табасарана³ и т. д. Отметил он и то, что Дербент около себя «протекающей реки не имеет», довольствуется многочисленными родниками, вода которых идет в фонтаны и бассейны — «четырёхугольные большие каменные водоемы»⁴. Он также подчеркнул, что «народ сей упражняется в небольшом хлебопашестве и в посеве шафрана, причем имеет также небольшие виноградные сады, которые большею частию продают ягодами армянам», изготавливавшим вино. Видимо, Ахвердову виноград дербентский так понравился, что он особо описал его — «виноград же сам по себе слаще и крупнее всех родов виноградов, так что некоторые ягоды в длину бывают в вершок, кой виноград сохраняемый в домах случалось мне есть в мае месяце»⁵. Занимались дербентцы, по его сведениям, и шелководством, хотя и в небольшом объеме⁶.

Важным в плане нашего исследования является и сообщение А. И. Ахвердова, что «уезд города Дербента со стороны Персии кончится у знатной реки Самура, а от Дербента разстоянием в сорока верстах. На сей дистанции расположены 17 посредственных деревень, принадлежащих дербентскому Ших Али хану»⁷.

Подробно описана им и р. Самур, устье которой весьма богато было красной рыбой, по обе стороны было богато дре-

¹ Там же.

² Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 142.

³ Там же. С. 143.

⁴ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 202.

¹ Там же. С. 203—204.

² Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 217.

³ Там же. С. 218.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 220.

мучими дубовыми лесами, годными даже «на корабельное строение»¹.

Привлекает внимание и сообщение А. И. Ахвердова, что по правому берегу Самура начиналась граница Кубинского владения, «принадлежащего также Ших Али хану дербентскому»², и до Кубы от Самура 50 верст³. По его сообщению город Куба был «обнесен стеною из сырого кирпича, деланного на азиатской манер». Стена имела ширину в 1—1,5 аршина, в высоту до 2,5 сажени⁴.

Подробное описание Дербента и его окрестностей составил в 1806 г. А. А. Кремский. Из его «Описания» отметим только то, что не фиксировалось другими авторами. Это, в частности, то, что «Дербент расположен фигуною в виде траверса», преграждая «путь ко входу в Персию с российской стороны», дома расположены без планировки, «улицы неровные и очень тесные», «близ стен вдоль морского берега места ровные, заняты садами, а далее лесом из ореховых и других плодовых деревьев»⁵. М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг также касались географических особенностей территории Дербента⁶, но в целом нового, что не отмечено выше, у них практически нет.

Из всех авторов рассматриваемого времени, пожалуй, наиболее полно географический ландшафт Дербентского ханства описал С. Броневский. Не станем повторять приведенные уже выше сведения из трудов других авторов. Их дополним только некоторыми выдержками из труда С. Броневского. Интерес представляет отрывок «Положение земли», в котором говорится: «Побережье между Дарбахом и Дербентом, от множества ручьев тут разливающихся, превратилось в низины и болоты, между коими однако же кое-где встречаются земли, удобные к хлебопашеству. По ту сторону Дербента до реки Рубаса и даже до Самура простираются прекрасные и плодородные долины, заключающие в себе луга, пахоту, и по берегам рек прилески или рощи, большею частью из плодовых деревьев состоящие»⁷.

Отметил также, что «на персидском языке Дарбант» значит «уз-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Кремский А. А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. С. 235.

⁶ Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана, 1831 г. // ИГЭД. С. 310—311.

⁷ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 329—330.

кий запертый проход», что у аравитян известен сей город под названием Серир-ал-Дагаб, золотой престол»; а у турок — «Темир-капы, Железные ворота»¹.

Труд С. Броневского содержит важные сведения и по истории Дербента, о занятиях его жителей — земледелии, садоводстве, виноградарстве, о попытках Петра I улучшить качество дербентского вина, прислав в Дербент «венгерца» майора Туркула, который «в течении нескольких лет исправил сию отрасль и довел до некоторой степени совершенства»².

В плане данного исследования привлекательно описание С. Броневским «равнины между Самуром и Атачаем», которая от Рубаса до Атачая имела 130 верст длины, но местами в ширину суживалась от 50 верст (между реками Самуром и Кузарчаем) до 4 верст близ устья Атачая³.

С. Броневский писал о большом количестве ручьев, позволявших орошать эту равнину, о том, что «природа наградила сию страну отличными дарами плодородия; ...малое число деревень на сем пространстве лежащих, окруженных виноградными и плодовитыми садами, доказывают, сколь великие удобства могла бы тут найти сельская промышленность, если бы внутренние беспоконства не служили тому препятствием»⁴.

Существует и описание Дербентской провинции, составленное в 1836 г. В. Легкобытовым на основании сведений авторов, писавших до него. Значительный интерес представляют его цифровые данные о составе населения Дербентского ханства в этническом и сословном отношениях, о соотношении разных видов хозяйственных занятий дербентцев⁵ и т. д. Некоторые сведения по затронутому здесь вопросу содержит и отрывок из географического описания Ландеса, отметившего, что по узости улиц Дербента «пушки стоят только на башнях. Цитадель, которая трехугольна, защищается 6-тисаженными стенами и восьмиэтаженными башнями...»⁶ и т. д.

В целом можно сказать, что территория Дербента и Дербентского ханства была заселена еще в глубокой древности. Ее климатические условия были весьма благоприятны для жизнедеятельности человека. Она была достаточно плотно заселена разноэтни-

¹ Там же. С. 331.

² Там же. С. 339.

³ Там же. С. 352.

⁴ Там же. С. 353.

⁵ Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. СПб., 1836. Ч. IV. С. 152—181.

⁶ АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 779—780.

ческим населением. В исследуемый период облик территории Дербентского ханства не подвергался антропогенным изменениям, хотя на ней и происходили довольно тяжелые политические события.

* * *

Теперь остановимся на вопросе формирования этнического состава населения Дербента и Дербентского ханства, поскольку это является одним из вопросов, который относится к аспектам исторической географии любой территории или государства.

Этот вопрос в исторической литературе освещен слабо. В «Истории Дагестана» практически он вообще обойден. Но на карте-вклейке между страницами 304—305 показано размещение народов Дагестана в XVII—XVIII вв. На территории Дербентского ханства, согласно условным обозначениям к карте, проживали лезгины, азербайджанцы, таты и горские евреи. Дербент, как известно, занимал географическое положение своего рода пропускного пункта, через который неизменно проходили с юга на север и с севера на юг многочисленные кочевники и завоеватели, отдельные из которых так или иначе могли отсеиваться от своих основных масс и оставаться в силу разных обстоятельств в пределах границ исследуемого региона. Серьезное влияние на этническую ситуацию, на этнический состав населения Дербента и ханства в целом оказывала и политика правителей стран, овладевших Дербентом, переселявших в ханство племена, которые они хотели превратить в свою этническую базу в регионе, не надеясь на преданность местного населения.

На этническую сторону вопроса населения Дербента обратил внимание еще А. Олеарий. При описании Дербента он отметил, что нижняя часть города, как было сказано, «была населена греками, впоследствии чего и по сию пору именуется Шахер-Юнан — «городом греков»¹. В другом месте он же писал, что в городе Дербенте нет, как утверждают некоторые писатели, христиан; здесь живут лишь магометане и иудеи, писавшие себя из колена Вениаминова»².

Кстати, буквально эти же слова повторены и в работе Я. Я. Стрейса — голландского путешественника, посетившего Дагестан в 1670 г.³ Далее он писал, что в Дербент доставляли «мно-

го краденных детей, а также взрослых турок и русских для продажи; их затем перепродают в Персию»¹.

В XVII в. на этнический состав населения Дербента и Дербентского ханства значительно повлияла переселенческая политика иранского шаха Аббаса I, который, стремясь превратить Дербент в опорную базу в борьбе за подчинение своей власти народов Дагестана, изгонял местное население (суннитов) из города², в который переселил из Ирана 400 семейств баятского племени и создал им хорошие условия жизни³. Число иранских колонистов, которых поселяли в основном в северной части города, непрерывно росло и к середине XVII в., по сообщению Э. Челеби, достигло 9000 человек⁴. В прилегающие к Дербенту части ханства были переселены и тюрко-язычные падары, основной задачей которых считалось «отражение лезгинских набегов»⁵. Видимо, с этого момента происходило увеличение иранского населения в городе, где шиитское духовенство также стало играть ведущую роль. Персами была населена средняя часть Дербента⁶. Здесь жили 500 солдат с пушками из племен аюрумлу и койдурша⁷.

В 1722—1735 гг. в Дербенте проживало довольно много русских солдат, составлявших гарнизон крепости.

И.-Г. Гербер фиксировал проживание «в четвертом отделении города до моря в старых летах» греков и христиан⁸. Несколько полнее сведения об этническом составе населения Дербента А. Г. Серебров, относящиеся к 1796 г. По его сведениям в городе Дербенте было до 2180 дворов, а в ханство входила 21 деревня с общим числом до 1050 дворов. Он же отметил, что жители дербентские «говорят по-кумыцки, то есть порченным туркестанским языком»⁹, что проживали и «курды и таты», которые были переселены в Дербентскую провинцию при шахе Аббасе I, и говорили «порченным персидским языком»¹⁰.

Здесь же отметим его сведения о составлявшей в это время часть ханства Дербентской территории — «Кубинской провин-

¹ Дагестан в известиях... С. 109.

² Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 146—147.

³ Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 59.

⁴ Челеби Э. Сияхет-наме // Науч. арх. Ин-та истории АН Респ. Азербайджан. Инв. № 1204. Л. 36.

⁵ История Азербайджана. Баку, 1958. Т. I. С. 266.

⁶ Олеарий А. Указ. соч. С. 486.

⁷ Олеарий А. Указ. соч. // Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. С. 108.

⁸ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86.

⁹ Серебров А. Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 176.

¹⁰ Там же. С. 177.

¹ Олеарий А. Указ. соч. С. 486.

² Там же. С. 487.

³ Стрейс Я. Я. Три путешествия, М. 1935. // Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 133.

ции». В Кубе он насчитал до 600 дворов, а в 288 деревнях, входивших в Кубинское владение, — 6820 дворов¹.

Представляет интерес из его сведений сообщение о том, что настоящее название Дербента «по-персидски: Дар Баст, то же — ворота заперты», что в эту крепость еще в далеком прошлом были поселены «из кочующих во всех персидских областях народы, из каждого рода при юзбашах по несколько семей, и штрафованных преступников с семействами в большом количестве...»² Это позволяет в целом говорить о большой этнической пестроте населения Дербента.

П. Г. Бутков в 1796 г. же писал, что «к Дербенту принадлежат 15 деревень, в коих жителей мужского пола купно с жителями Дербента, простирается до 10000 душ»³. В Кубинской же провинции проживало 23147 человек, среди которых были говорившие «языком «тюркю», «языком, называемым тат», а также «языком, близко подходящим к лезгинскому», имея в виду жителей «Будухской и Хыналыхской округи», которые, по его словам, «лежат в горах и называются Дагистаном»⁴.

В плане характеристики этнического состава населения Дербента интересны сведения Ф. Н. Ртищева от 1810 г. о том, что в городе числилось тогда «мусульманского исповедания: домов 1435, душ мужского пола — 3953; армян: домов 28, душ мужеска пола 56; жидов: домов 59, душ мужеска пола 166; всего: домов 1522, душ мужеска пола 4175»⁵. Указаны им и деревни, прежде относившиеся к Улусскому магалу Дербентского владения: Арабилер Сорсар (60 домов), Мулла Кент (12 домов), Белиджи Подар (75 домов), Дербент-хале (30 домов), Мулла Халил (12 домов), Селип (15 домов), Азадоглы (30), Нугды «жидовская» (25 домов), Джалган (25 домов)⁶.

Безусловно, в Дербенте и Дербентском ханстве проживало много представителей народов южного Дагестана — лезгин, табасаранцев и т. д., хотя и нет конкретных данных о них.

Согласно имеющимся данным, в 1806 г. по указанию царя Александра I, 11 дербентских деревень были переданы во владение шамхала тарковского Мехтия, а одна причислена к городу⁷.

¹ Там же.

² Там же. С. 182.

³ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем. 1796 г. // ИГЭД. С. 202.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 249.

⁶ Там же. С. 250; Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 335.

⁷ Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях... СПб., 1836. Ч. IV. С. 152.

Среди же жителей города имелись «туркоманы, персияне, армяне (130 семей), евреи (до 50 семейств)», а из мусульман «к секте Сунни — не более 1/10 населения, а прочие — шии», т. е. шинты¹. С. Броневский также писал, что в Дербенте число жителей обоего пола превышало более 10 тысяч, которые «все магометанского закона Алиевой секты, и родом большею частию персияне, кроме некоторого числа армян; говорят и пишут персидским языком, называемым фарс, но простонародно употребляют испорченное татарское наречие»². Он же сообщал о терекеменцах, «издревле переведенных в Дагестан, поселены в 17 деревнях» и «говорят татарским наречием»³.

Объединение Дербентского и Кубинского ханств в 1765 г. Фатали-ханом кубинским сделало население объединенного владения еще более этнически пестрым, поскольку к этнически пестрому дербентскому населению присоединилось еще и такое же по своему этносоставу кубинское население, среди которых различались лезгины (будухские и ханалыхские), кубинцы, говорившие на языке тюркю, таты, армяне и евреи («жиды деревни Кулгат») ⁴.

Как ни странно, авторы рассматриваемой эпохи ни словом не обмолвились о роли местного населения в жизни города Дербента. Видимо это было вызвано не стремлением игнорировать собственно местных жителей, а просто желанием показать более выпукло деятельность пришлого населения (персов, армян, татов, терекеменцев).

Мы же отметим, что население Дербента и Дербентского ханства было этнически разнородным, пестрым. В Дербенте проживали в XVIII в., во всяком случае, кроме указанных этносов, представители и других народов Кавказа и даже Индии, поскольку известно, что в Дербенте жили и торговали индусы, грузины, русские и представители народов Дагестана⁵. Тенденция в этом вопросе была одна — этническая пестрота ко времени присоединения Дербентского ханства к России еще более возросла за счет притока русского населения — сначала военных, а позже и гражданских лиц. К сожалению, статистических данных, подкрепляющих этот тезис относительно исследуемого времени, нет.

¹ Там же. С. 166.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 338.

³ Там же. С. 339—340.

⁴ Там же. С. 382—384, 386.

⁵ Магомедов Н. А. Дербент и Дербентское владение в XVIII — первой половине XIX в.: политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998. С. 155—156.

Наиболее интересным и сложным для исследования представляется вопрос о политическом статусе самого города Дербента и ханства Дербентского в целом в изучаемый нами период. Дело в том, что данные источников исследуемой эпохи разными авторами толкуются произвольно. До распада СССР и превращения Азербайджанской ССР в суверенную Республику Азербайджан, политические ориентации и приоритеты которой довольно резко изменились, вопрос о политическом статусе особо не привлекал внимание исследователей, особенно российских, в том числе и дагестанских.

Теперь ситуация резко изменилась. Вопрос о южных границах Дагестана в историческом прошлом тесно переплетается с нынешней ситуацией, приобрел политическую актуальность. В этом вопросе в нынешнем его решении многое остается проблематичным, создавая массу неудобств для взаимодействия оказавшихся волей губителей СССР поделенными искусственно между Российской Федерацией и Республикой Азербайджан народами, в частности лезгинам, цахурам, аварам и т. д.

Настала необходимость более внимательного изучения проблемы южных границ Дагестана в историческом прошлом, в частности в XVII—нач. XIX в.

И здесь с самого начала необходимо остановиться на попытках решения этого вопроса азербайджанскими исследователями, по сути дела первыми взявшимися его решить.

В первую очередь необходимо определить статус-кво г. Дербента, который азербайджанские исследователи без всяких объяснений еще в 1958 г. отнесли к числу азербайджанских городов. Это без всяких обиняков сделано в «Истории Азербайджана». В ней написано: «Шемахи, Тебриз, Дербент, Баку и другие города Азербайджана сохранили свое значение и в международной торговле»¹. Хронологически это утверждение относится к началу XVII в., ко времени правления сефевидского шаха Аббаса I.

При характеристике состояния азербайджанского народа при господстве Надир-шаха сказано в той же книге: «Весьма тягостное впечатление производила торговая жизнь в Тебризе, Ардебиле, Шемахе, Дербенте и других городах»². Интерес представляет и другое утверждение, где и Дербент указан среди других азербайд-

жанских городов. Приведем его полностью: «После избавления Азербайджана от иранского гнета к середине XVIII в. в Карабахе, Шеки, Ширване, Гяндже, Баку, Нахичеване, Дербенте, Тебризе, Урмии, Ардебиле, Маку, Мараге, Хосе и Карадаге возникли небольшие феодальные государства — ханства. Кроме того, в Азербайджане существовали более мелкие феодальные владения — Илсуйское (подчеркнуто нами — авт.), Арешское, Куткашенское, Казахское и Шамшадильское султанства, а также Варандинское, Джарабердское, Гюлистанское, Дизакское и Хаченское меликства в Нагорном Карабахе». Среди наиболее сильных азербайджанских ханств названо и «Кубинское»³.

При описании объединительных действий Фатали-хана кубинского, присоединившего Дербентское ханство к Кубинскому ханству, сказано, что «Кубинское ханство значительно расширилось, включив в свой состав Дербентское ханство»⁴. Чтобы же упрочить свое положение в Ширване, Фатали-хан переселил сюда часть жителей Дербентского ханства, кубинский хан обложил шемахинцев данью⁵. Более того, по утверждению авторов «Истории Азербайджана», «население Тебриза, Ардебиле и Гянджи выражало желание стать под покровительство Кубинского ханства»⁶.

Встречаем в этой «Истории...» мы и не совсем аргументированное фактическим материалом утверждение о том, что в 1785 г. Фатали-хан кубинский разбил шекинского хана и что «власть Кубинского ханства теперь распространялась на Дербентское, Ширванское ханства, Сальянское владение. В вассальной зависимости от Фатали-хана находились Бакинское, Шекинское, Талышское ханства и ряд феодальных владений Дагестана»⁷. Совершенно не ясно при этом, что за «ряд феодальных владений Дагестана» имеется в виду, поскольку Фатали-хану практически в Дагестане никто не подчинился в этот период. Единственное, что он имел в Дагестане — это лишь его союзнические отношения с шамхалом тарковским, а также с владельцем Бойнака крым-шамхалом, с помощью которых он собирался свергнуть казикумухского Магомед-хана и посадить на его место племянника Магомед-хана. Фатали-хан и шамхал тарковский пытались безуспешно низвергнуть и кайтагского уцмю Амир-Гамзу⁸. Более того, объединенными силами дагестанских феодалов Фатали-хан был разбит на го-

¹ Там же. С. 334.

² Там же. С. 341.

³ Там же. С. 342.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 348.

⁶ История Дагестана. Т. I. С. 376—377.

¹ История Азербайджана / Под. ред. академиков АН Азерб. ССР И. А. Гусейнова, А. С. Сумбатзаде и др. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1958. Т. I. С. 271.

² Там же. С. 322.

лову на Гавдушанском поле вблизи Худата, откуда он бежал в Сальяны¹.

Указанные выше утверждения о принадлежности Дербента и Дербентского ханства Азербайджану в XVII—XVIII вв. еще более выразительно отразились в сборнике статей азербайджанских ученых «Историческая география Азербайджана», в которой, как указано в аннотации, освещаются «проблемы определения пределов Азербайджана с III в. до н. э. до XVIII в. включительно». Безусловно, это весьма интересный труд, заслуживающий внимания во всех отношениях. У нас нет никаких намерений его принизить или что-то плохое о нем сказать.

Думаем только о том, что заставило азербайджанских ученых доказывать или определять границы Азербайджана в III в. до н. э. — по XVIII в. включительно, какова политическая подоплека постановки такой весьма сложной и трудно разрешимой задачи. Мы не станем акцентировать внимание на вопросах, относящихся хронологически до освещаемого нами времени, т. е. до XVII в. Остановимся лишь на анализе правомерности распространения северных границ Азербайджана на часть территории современного Дагестана, в частности на вопросе произвольного, на наш взгляд, отнесения территории Дербента и Дербентского ханства в состав Азербайджана, как это сделано на картах, данных в рассматриваемом здесь труде «Историческая география Азербайджана». (Баку. Изд-во «Элм». 1987. 148 с.).

Но прежде, чем приступить к анализу событий и фактов в интересующем нас плане, отметим, что азербайджанские исследователи для обоснования своих тезисов использовали местные источники «с привлечением других синхронных источников (античных, древнеармянских, древнегрузинских, византийских, арабских)», т. е. на основе этих источников ими «сделана попытка реконструировать историко-географические рубежи государств на территории Азербайджана, этнические границы, политико-административные единицы».

На наш взгляд, серьезным упущением азербайджанских исследователей при этом было игнорирование ими весьма важных источников русского и европейского происхождения, которые во многом полнее, разностороннее отражают состояние политического устройства народов, живущих на западном побережье Каспийского моря, в том числе Азербайджана и Дагестана, их этническую принадлежность, их политические структуры, государства, границы между ними и т. д. Надежность и информативность русско-языч-

ных источников заключается в том, что они представляют собой записи, путевые наброски и наблюдения, отчеты военных или дипломатических деятелей, путешественников, ученых, побывавших непосредственно в Дагестане и Азербайджане в рассматриваемый период. Не учли азербайджанские исследователи и некоторые фактические обстоятельства, которые значительно подрывают источниковое подкрепление или основание их утверждений по затронутому нами вопросу.

Безусловно, интерес представляет редакторское (редактор — академик АН Аз. ССР З. М. Буниятов) разъяснение понятия «Азербайджан», которое в разные периоды истории приобретало то географический, то политический смысл. По его разъяснению «в XII—XIII вв. Азербайджан наряду с географическим понятием являл собой и политическое понятие — Азербайджанское государство Атабеков. Для XIV—XVI вв. Азербайджан становится понятием географическим и т. д.»¹. Только не совсем ясно считать ли Азербайджан XVII—XVIII вв. или географическим, или политическим, или тем и другим вместе взятым понятием.

Автор статьи «Азербайджан: границы и административное деление в конце XVI—XVII вв.» А. А. Рахмани относит Дербент без всяких особых обоснований² к Азербайджану, ограничившись утверждением, что «Дербент (Баб-Аббаб) — важный торговый порт на Каспии. В начале века правители Дербента назначались сефевидским двором, к середине века он подчинялся ширванскому беглярбеку»³.

На странице 125 «Исторической географии Азербайджана» помещена карта «Азербайджан в XVII в.». На ней северная граница Азербайджана в целом проходит по реке Самуру с востока на запад. На ней Дербент и Дербентское ханство также включены в состав Азербайджана, граница которого, как указано на карте, проходит севернее Дербента.

Примечательно и то, что на карте, помещенной в первом томе «Истории Дагестана» под названием «Россия и Дагестан в XVII в.», наблюдается эта же картина. Авторы «Истории Дагестана» также не дали никаких комментариев к карте,⁴ просто провели пунктирной линией южные границы Дагестана. Для 60-х годов XX в. это вполне, может быть, было нормально, так как тогда и Дагестан, и Азербайджан находились в составе единого

¹ Там же. С. 377.

¹ Историческая география Азербайджана / Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З. М. Буниятов. Баку: Элм, 1987. С. 6.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 124.

⁴ История Дагестана. Т. I. С. 284.

многонационального государства, каковым являлся СССР; границы между составлявшими его республиками, краями и областями практически были прозрачными, не имели никаких таможенных ограничений и т. д.

В конце 90-х годов XX столетия вопрос о границах стал злободневным, актуальным и от него невозможно отвертеться, его невозможно обойти. Как говорится, научная проблема переросла в политическую и ее нужно решать с учетом всех объективных фактических данных в историческом разрезе, чтобы при новых подвижках границ, если они будут иметь место между соседними республиками, не пришлось резать по-живому, чтобы меньше причинить ущерба и неудобств народам соседних республик, в историческом прошлом торгово-экономическим и культурно-политическим контактам которых не было практически никаких преград. Более того, народы их боролись против одних и тех же завоевателей — то кизылбашей, то турок.

Не углубляясь в дебри ирано-турецких войн XVI—XVII вв. за господство над народами Кавказа, в том числе над азербайджанским и дагестанскими народами, отметим, что с 1590 г. по условиям стамбульского ирано-турецкого мирного договора весь Азербайджан, за исключением Талыша и Ардебилля, а также Дагестан были признаны сферой влияния Турции, гарнизоны которой были размещены в Баку и Дербенте¹. Следовательно, и Азербайджан и Дагестан выступали в качестве объектов политики правительств Ирана и Турции и по отношению друг к другу находились в совершенно равноправном положении. В этих условиях, которые продолжались до антитурецких выступлений 1606 г. в Баку и Дербенте, увенчавшихся победой проиранских сил, не могло быть и речи о претензиях на приоритетность, на главенствующую роль ни со стороны Азербайджана, политически раздробленного, не имевшего единого политического центра и правителя, подчинявшегося произволу сефевидских шахов, ни со стороны Дагестана, который тоже был раздроблен на большое количество феодальных владений и союзов сельских обществ.

На наш взгляд, Азербайджан в XVII в. больше представлял географическое понятие, нежели политическое или административно-территориальное целое. Мало чем от него в этот период отличался и Дагестан. Поэтому намеченная в указанных выше «Историях» Дагестана и Азербайджана граница по реке Самуру,

¹ История Азербайджана. Т. I. С. 261; Новичев А. Д. История Турции. Л. 1963. Т. I. С. 157; История Дагестана. Т. I. С. 271; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 143.

якобы разделявшая Азербайджан и Дагестан в XVII в., является более надуманной, чем на самом деле это было. Границы носили не государственный, а скорее локальный характер, т. е. феодальные владения, бывшие тогда на территории Азербайджана и Дагестана, имели свои конкретные границы, как и союзы сельских обществ Самурской долины имели общие границы с Джаро-Белокавказскими сельскими обществами и т. д. Самур, видимо, был больше водной преградой, чем государственного характера границей между Азербайджаном и Дагестаном, как это хотят видеть современные руководители Республики Азербайджан, мы бы сказали, и Республики Дагестан.

Что же касается собственно включения Дербента и Дербентского ханства в состав Азербайджана в XVII в., то здесь нужно иметь в виду некоторые обстоятельства, ставящие под сомнение правомерность такого шага.

В частности, известно, что иранский шах Аббас I (1587—1629) в 1607 г. дал кайтагскому уцмю Рустам-хану грамоту на право управления Дербентом¹ в знак признания его важной роли в деле разгрома турецкого гарнизона, находившегося в цитадели Дербента Нарын-кала. Следовательно, это можно рассматривать как юридическое признание владельческих прав кайтагского уцмья на владение Дербентом, независимо от того подчинялся Дербент ширванскому беглербеку в середине XVII в.² или нет. Кстати, фирмана какого-либо шаха, отменявшего грамоту Аббаса I уцмю кайтагскому³, не было, хотя шах Аббас II и открыто вмешался во внутренние дела Кайтага в 1645 г. и привел к власти в Нижнем Кайтаге своего ставленника (он был племянником Рустам-хана) Амир-хан-султана. Следовательно, и в этом случае правитель Кайтага (Нижнего Кайтага — точнее) пользовался покровительством иранского шаха, а не какого-либо из азербайджанских ханов.

Во второй половине XVII в. дагестанским владетелям также приходилось иметь дело с иранскими шахами, искавшими повода и причины для вмешательства в дагестанские дела с целью усиления своих позиций в Дагестане, особенно в том же Кайтаге.

¹ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. II. С. 234; Рахмани А. А. «Тарихи алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960. С. 110; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 145.

² Историческая география Азербайджана. С. 124.

³ Козлова А. Н. Указ (фирман) шаха Аббаса I на имя Амир-Хамза-хана, уцмья Кайтага от 1607 года // Источниковедение средневекового Дагестана: Сб. статей / Сост. Г. М.-Р. Оразев. Махачкала, 1986 г. С. 40—41. (А. Н. Козлова считает, что до вступления в уцмийство Рустам-хана уцмием в Кайтаге был Амир-Хамза-хан).

Именно против 15-тысячной армии шаха Аббаса II, пришедшей из Карабаха в 1659 г. в район современного кайтагского селения Маджаллис, сражались кайтагцы во главе с сыном уцмий Кайтага Рустам-хана Улугом (Улубием), погибшим в сражении, а также с пришедшими им на помощь отрядами Казаналпа эндирейского и Сурхай-шамхала тарковского¹.

Шах Сулейман тоже не отказывался от возможности вмешаться в дагестанские дела, в частности в распри между претендентами на шамхальский престол Будаем, ставшим шамхалом, и сыном умершего в 1667 г. шамхала Сурхая Гиреем, искавшим покровительство шаха².

Шах Сулейман в 1684 г. организовал поход своих войск в Кайтаг и Табасаран, который был безуспешным, хотя и сопровождался кровопролитием.

Желанием шаха Сулеймана подчинить себе Кайтаг объяснялась оказанная им поддержка в 1689 г. одному из отпрысков маджалисской линии рода уцмиев Гусейн-хану, воспитывавшемуся до его совершеннолетия в Иране. Шах Сулейман назначил его правителем Кубы. Гусейн-хан, обосновавшись в Худате, собрал значительный отряд войск, вторгся в Кайтаг, овладел своим наследственным владением Башлы. Но он был изгнан вместе с шахскими войсками из Кайтага в Кубу уцмием Али-Султаном³.

Шах Султан-Гусейн (1694—1722) в 1696 г. поддержал уцмий Эмир Гамзу (Амир Хамзу) — сына умершего уцмий Али-Султана. Однако, когда против него выступил сын упомянутого выше Гусейн-хана, скончавшегося в Кубе, Ахмед-хан, шах поддержал Ахмед-хана, как более близкого себе человека. С его помощью Ахмед-хану удалось овладеть Башлами, но в конечном итоге он погиб в Маджаллисе в результате выступления против него сына уцмий Улуга (Улубия), погибшего, как говорилось уже, в сражении с шахскими войсками в 1659 г.⁴.

Все это свидетельствует о том, что Азербайджан или его отдельные правители не играли в XVII в. никакой политической роли в жизни народов Южного Дагестана, Дербента и Дербентского ханства в целом. Поэтому мы считаем, что указанные границы Дагестана и Азербайджана XVII в. на картах этого периода в «Ис-

ториях» Азербайджана и Дагестана недостаточно обоснованы, не учитывают фактически сложившуюся тогда политическую ситуацию в этом регионе. И здесь нужно иметь в виду, что речь не идет о географических границах, ибо рассматриваются карты, помещенные не в трудах по географии, а речь ведется о картах, помещенных в трудах по истории и решающих более политические, чем географические вопросы.

Нахождение Дербента и Дербентского ханства в XVII в. под влиянием сефевидских шахов не означает их нахождение в составе Азербайджана, народы которого также в XVII в. находились в зависимом от шахского Ирана положении и страдали от этого гнета¹. В таком случае даже неэтично, на наш взгляд, ставить вопрос о вхождении Дербента и Дербентского ханства в состав Азербайджана, как и вопроса о распространении влияния дома кайтагских правителей на Кубу и т. д.

Постановка этого вопроса относительно XVIII — начала XIX в. более реальна, поскольку в XVIII в. ситуация в Южном Дагестане и Северном Азербайджане существенно изменилась в результате имевших место в 10—20-х гг. XVIII в. антииранских выступлений в этом регионе², падения Сефевидской державы, похода Петра I в 1722 г. в Прикаспий, вмешательства в кавказские дела Османской империи, провозглашения Сурхай-хана казикумухского шемахинским ханом³, нашествий на Дагестан войск Надир-шаха и многих последовавших за этим политических событий, в которые были втянуты и народы Азербайджана и народы Дагестана.

Как интересный факт, отметим, что вступление Петра в Дербент произвело на дагестанцев неизгладимое впечатление, поскольку по свидетельству местного историка Мирзы Хидира Везирова, когда Петр подъехал к дербентским воротам, «чувствовалось колебание почвы»⁴ от землетрясения, случившегося в этот момент.

Подробное освещение всех этих перечисленных и неуказанных здесь событий заняло бы большое место и значительно отвлекло бы нас от проблем исторической географии южного региона Дагестана. Поэтому здесь мы коснемся лишь тех событий, которые затрагивают изучаемый нами вопрос и довольно подробно освещены в десятой и одиннадцатой главах «Истории Азербайджана»⁵, а также в «Истории Дагестана»⁶.

¹ Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. / Под ред. А. А. Зимина. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 685—689; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений... С. 196—197.

² Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 198—199.

³ Там же. С. 210; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 100—101.

⁴ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 202.

¹ История Азербайджана. Т. I. С. 289—290.

² Там же. С. 290—291.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 103.

⁴ Каспари А. А. Покоренный Кавказ. СПб.: «Родина», 1904. С. 140.

⁵ История Азербайджана. Т. I. С. 289—382.

⁶ История Дагестана. Т. I. С. 337—400.

Что касается границы между Азербайджаном и Дагестаном, она в «Истории Дагестана»¹ зафиксирована на карте, помещенной на странице 394. Согласно условным обозначениям на ней Дербент и Дербентское ханство остались вне границ Дагестана, которая, как это видно на карте, проходит в конце XVIII в. значительно севернее Дербента. В этой «Истории...» приведены обращения ряда феодальных правителей Дагестана к России с просьбой о принятии их в российское подданство². Видимо, эти обращения и легли в основу фактических свидетельств о распространении власти России на значительную часть Дагестана: на Аксаевское, Костековское и Эндирейское владения, шамхальство Тарковское. При этом необходимо отметить, что «вопрос о включении Дагестана в состав России» в то время не был решен из-за начавшейся в 1787 г. войны России с Турцией³.

В «Истории Дагестана» сказано, что после 1793 г. «Шихалихан Дербентский после двухкратного прошения с его стороны также «сочтен был за подданного России»⁴. Однако составители указанной карты не включили интересующий нас объект — Дербентское ханство — в состав владений России. К сожалению, никаких разъяснений к анализируемой карте не дано ее автором. Если же исходить из признания Шихали-хана дербентского подданным России, Дербентское ханство должно было быть включено в пределы России, что не сделано на этой карте.

В «Истории Азербайджана» хорошо прослежена канва политических событий, связанных с вмешательством России, Турции и собственно Ирана в дела североазербайджанского и южнодагестанского региона в целом, народы которого одинаково выступали против притязаний Османской империи, России и шахского Ирана с целью утверждения их господства в Прикаспии, показана и роль ряда дагестанских феодальных владетелей в этих событиях.

Необходимо здесь отметить, как принципиально важное обстоятельство, вхождение Дербента и Дербентского ханства в состав России в результате похода Петра I в Прикаспий в 1722 г. и то, что по условиям русско-турецкого Стамбульского договора 1724 г. к России отошли в результате разграничения сфер влияния в 1728 г. все прикаспийские области Азербайджана, «границы владений России проходили также через Беш-Бармак, Шеш-Пара и Рустов...». В состав России вошел Шабран, к ней же отошли

Мюшкур, Ниязабад¹. Эта ситуация сохранялась до весны 1735 г., когда по ирано-русскому договору от 10 марта 1735 г. русские войска были выведены из Баку, Дербента и Кубы². Фактически с этого момента делами в Иране и Азербайджане стал заправлять Надир, провозглашенный в феврале 1736 г. в Мугани шахом Ирана³, где прекратила существование Сефевидская династия. По сути дела в Азербайджане господствовал чужеземный правитель, завоеватель, а сопротивлявшиеся ему азербайджанские феодалы (гянджинские ханы) были лишены значительной части их владений⁴.

Азербайджан в 30—40-х годах XVIII в. переживал сильнейший упадок экономики⁵, вызванный многочисленными походами Надир-шаха на Восток (в Афганистан, Индию), в которые вовлекались и азербайджанцы. Особенно тяжелыми были для Азербайджана, как и для Дагестана, завоевательные походы Надир-шаха в Дагестан в 30—40-е годы. В эти годы против гнета «грозы вселенной» в Азербайджане произошла целая серия вооруженных выступлений и сражений, в которых важную роль сыграл сын Сурхай-хана казикумухского Мухаммад-хан. Особенно сильным было восстание в Ширване и Южном Дагестане в 1743 г., когда во главе восставших оказался второй самозванец под именем Сефи-Мирза, провозгласивший себя наследником шахского престола Сефевидской династии. Он был поддержан Мухаммед-ханом казикумухским. Число повстанцев достигло до 20 тысяч человек. В их руках оказалась вся территория «от Агсу до Дербента». И здесь обратим внимание на утверждение авторов «Истории Азербайджана» — «восстание в Дербенте представляло собою высшую точку развития освободительного движения на севере Азербайджана и в Дагестане, так как оно наносило удар по одному из сильнейших оплотов власти иранского шаха в этих странах — по дербентскому гарнизону»⁶.

Нам думается, что эта оценка наиболее верно отражала сложившуюся во второй четверти XVIII в. ситуацию в регионе — одинаковое политическое положение в Северном Азербайджане и Южном Дагестане — нежелание их народов терпеть господство иранских завоевателей.

Во второй половине XVIII в. политическая ситуация в Азербайджане резко изменилась. После избавления страны «от иран-

¹ Там же. С. 394.

² Там же. С. 393—397.

³ Там же. С. 398.

⁴ История Дагестана. Т. I. С. 400.

¹ История Азербайджана. Т. I. С. 313.

² Там же. С. 318—319.

³ Там же. С. 319.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 321.

⁶ Там же. С. 328.

ского гнета к середине XVIII в. в Карабахе, Шеки, Ширване, Гяндже, Баку, Нахичеване, Дербенте, Тебризе, Урмии, Ардебиле, Маку, Мараге, Хое, Карадаге возникли небольшие феодальные государства — ханства. Кроме того, в Азербайджане существовали более мелкие феодальные владения — Илисуйское, Арешское, Куткашенское, Казахское и Шамшадильское султанства... Наиболее сильными из азербайджанских ханств были Шекинское, Карабахское и Кубинское¹. Образование такого большого количества ханств и других владений в Азербайджане было обусловлено отсутствием прочных экономических связей между отдельными областями страны, господством натурального хозяйства, а также стремлением крупных феодалов установить свою власть над той или иной территорией.

В «Истории Азербайджана» подчеркивается, что власть в ханствах Азербайджана принадлежала в основном местным феодалам.

Здесь обращает на себя внимание перечисление среди ханств Азербайджана, образовавшихся во второй половине XVIII в., Дербентского ханства, правителем которого стал сын наиба Имам-Кули-бека² Гасан-хан. Вот здесь и возникает вопрос: как можно утверждать, что Дербентское ханство возникает во второй половине XVIII в. и что оно относилось к Азербайджану, если вспомнить, что Дербентское владение (султанство, ханство, наибство) существовало еще в XV—XVI вв., если не раньше. В XVII в. оно попало под власть сефевидского Ирана, а не какого-либо азербайджанского правителя. В 1722—1735 гг. в Дербенте ханская власть была упразднена российскими властями, введенным российское комендантское управление³. Действительно, дербентцы перенесли все тяготы нашествий войск Надир-шаха и получили возможность стать на путь независимого развития лишь во второй половине XVIII в. Захват Дербента Фатали-ханом кубинским, происходившим «от колена каракайдацких уцмиев»⁴, не превратил его в «азербайджанское» ханство, поскольку сам Фатали-хан перебрался в Дербент и сделал многое для укрепления своих политических позиций в нем, сблизившись с уцмием кайтагским, шамхалом тарковским и т. д., а в дальнейшем подчинил своей власти военным путем целый ряд азербайджанских ханств⁵. В этом вопросе могут быть разные интерпретации.

¹ История Азербайджана. Т. I. С. 334.

² Там же. С. 335.

³ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 26—27.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 378.

⁵ История Азербайджана. Т. I. С. 340—350.

Особо хотелось бы остановиться на позициях по затронутому здесь вопросу авторов «Исторической географии Азербайджана». В статье Ф. М. Алиева «Азербайджан в XVIII в.» констатируется образование во второй половине XVIII в. «на северо-востоке Азербайджана, западном берегу Каспийского моря» Кубинского и Дербентского ханств¹. Упомянуты среди прочих азербайджанских владений и «Джаро-Белокапские вольные общества»².

Значительное внимание уделено и характеристике Кубинского ханства, которое «стало играть большую роль во всем Закавказье в период знаменитого Фатали-хана Кубинского (1758—1789), проводившего политику объединения азербайджанских земель», «...в конце 80-х годов XVIII в. превратилось в одно из самых могущественных ханств Азербайджана»³.

У нас нет намерений как бы ревизовать все высказывания авторов этой работы. Но удивляет только то, что Дербент и Дербентское ханство без всяких оговорок в этой работе отнесены в XVIII в. к Азербайджану. На странице 136 «Исторической географии Азербайджана» помещена карта под названием «Азербайджан в первой половине XVIII в.», а на странице 137 — карта «Азербайджанские ханства во второй половине XVIII в.». На них четко видно, что Дербент и Дербентское ханство отнесены в состав Азербайджана. При этом не сделаны никакие оговорки, примечания, хотя они здесь были бы весьма кстати в силу приведенных выше уже нами аргументов о несостоятельности такого подхода азербайджанских исследователей, относящих это владение к «исконно» азербайджанским землям. Автор анализируемой статьи Ф. М. Алиев упустил из виду теснейшую связь именно во второй половине XVIII в. Дербента и Дербентского ханства, а также Кубинского ханства с дагестанской стороной, с дагестанскими феодальными владениями в военно-политических и торгово-экономических отношениях. Да и этнический состав этих феодальных владений следовало бы иметь в виду, поскольку в них проживают в большинстве представители дагестано-язычных народов, в частности лезгины, которые ныне оказались разделенными между Дагестаном и Республикой Азербайджан.

Хотим привести в подтверждение справедливости нашего подхода к затронутому вопросу сведения из русско-язычных источников XVIII — начала XIX в.

Еще И.-Г. Гербер писал, что в Дербенте «всегда имелись сул-

¹ Историческая география Азербайджана / Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З. М. Буниятов. Баку, 1987. С. 133.

² Там же.

³ Там же. С. 134.

таны или губернаторы, также наипы или горододержавцы. Султаны всегда присылались от шаха из Испогани и великую власть имели над всеми к Дербенту надлежащими уездами»¹, что «обретаются в Дербенте много купецких людей из персиянов, армян, грузинов и индийцев», что «Городу Дербенту еще следующие уезды подчинены: Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк»². П. Г. Бутков — участник похода царских войск в Дербент в 1796 г. — тоже писал, что дербентского султана всегда «определял шах и ему давалась власть не только над Дербентом, но и над уездами Мушкур, Низабат, Шабран, Рустау и Бармак (т. е. Кубинским ханством)»³, а наиб дербентский избирался «из знатнейших» местных жителей, но утверждался шахом⁴. Это надо иметь в виду, чтобы не думать, что Дербентское ханство возникло во второй половине XVIII в.

При разборе вопроса о Кубинском ханстве, его этническом составе, в частности, большой интерес представляет сообщение Ф. Ф. Симоновича: «Народ Кубинского владения происходит с дербентским от одних поколений и секты Алиевой, изъемя Юхарибаш и Кубинский Дагестан, причисляющих к дагестанским татарам (подчеркнуто нами — авт.), исповедующим магометанскую веру секты Алиевой и Сунинской...»⁵. В Кубинском Дагестане жители «дагестанских» деревень пользовались льготами при сборе налогов⁶.

Определенный интерес представляет и сообщение С. Броневского о том, что «Малозначущее пространство земли, заключенное между Рубасом и Самуром, по временам переходило к Дербентскому и Казыкумыцкому владениям; ныне же действительно принадлежит к ханству Дербентскому. Потому нижние части Самура, отделяющие Дербентское владение от Кубинского, приняты здесь за границу Ширвана между Дагестаном»⁷.

Ф. Ф. Симонович относил «Рутульское, Ахтынское, Кубинское и Дербентское владения» к южной половине Южного Дагестана, границы которого к югу ограничивались «отраслью Бермецких гор, вышедшею от Курт-Булака и отделяющею караван-сарай Эшме Дагестан от Ширвана»⁸. Он же Дербентское владение отнес

к Южному Дагестану¹, а не к Азербайджану. По его же сообщению «Кубинское владение занимает большую половину Южного Дагестана и простирается от Кавказского хребта... до Каспийского моря»².

Сообщение А. Г. Сереброва проливает свет на этнический состав населения Дербента и Дербентской «провинции». Он писал, что «большая часть из сих жителей секты Сунниевой, оттого, что из соседственных горских владельцев бежав в разные времена, в сию провинцию поселились»³. Привлекает внимание и заголовок второй части цитируемой здесь его работы: «Краткое историческое описание Северной и Южной части Дагестанской Персии, провинций: Дербента, Кубы, Сальяна, Баки, Ширвани и Шеки...»⁴. Это позволяет говорить о том, что под термином «Дагестанская Персия» можно понимать довольно значительную территорию южнее Дербента.

Есть у А. Г. Сереброва и сведения, позволяющие документировать дагестанское происхождение кубинского Фатали-хана. Так, по его сведениям, еще при жизни Надир-шаха «Кубинскую провинцию владел... происшедший от колена каракайтацких владельцев султан Ахмет-хан», после смерти которого остался малолетний сын Гусейн Али, ставший ханом при поддержке Надир-шаха. Сын Гусейн-Али-хана Фатали еще при его жизни овладел Сальянской провинцией. Фатали-хан, как уже говорилось выше, стал виднейшим политическим деятелем рассматриваемого региона, подчинил своей власти много азербайджанских ханств, опираясь на поддержку дагестанских феодальных правителей, хотя и среди них были его политические противники. Он за его поддержку одарил шамхала тарковского деревнями Караджали, Набурли, Чига, Азагли, Бебешли и Бабели», а удмию кайтагскому подарил деревню Малакалыль в Дербентской провинции, а также таможенные сборы в Дербенте⁵.

С. Броневский в своих «Новейших географических и исторических известиях о Кавказе» без всякой оговорки отнес ханство Дербентское к Дагестану, подчеркивал тоже, что Кубинское ханство управлялось своими владельцами «от колена каракайтацких удмиев»⁶.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 85.

² Там же. С. 86.

³ Бутков П. Г. Материалы... Ч. I. С. 27.

⁴ Там же.

⁵ Симонович Ф. Ф. Описание южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 149.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 350.

⁸ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 138.

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 144.

³ Серебров А. Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 176.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 378.

В начале XIX в., точнее в 1806 г. Улусский магал Дербентского ханства (деревни Арабилер Сорсар, Мулла Кент, Белиджи Подар, Дербент-хале, Мулла Халил, Селип, Азадоглы, Нугды, Джалгань) высочайше пожалован был «во владение генерал-лейтенанту Магди, шамхалу тарковскому» за содействие царским властям¹.

П. Г. Бутков писал, что во время Каспийского похода Петра I «занята была россиянами и вся собственно Дербентская провинция, простиравшаяся к югу на 30 верст до реки Самура, к западу от 5 до 8 верст к Табассарану и на север на 15 верст, до владения усмийского, до реки Дарбаха, коею граничит Ширван с Дагестаном; верстах в 15 от Дербента к югу, при реке Рубасе или Милукенти (кент, деревня) сооружена крепостца по новейшим воинским правилам...» бригадиром Левашовым².

Думается здесь уместно сослаться на А. А. Каспаря, писавшего о походе царских войск во главе с В. Зубовым в 1796 г. в Дербент, что «Дербент, который всеми признавался столицей и сильнейшею крепостью Дагестана, состоял из трех превосходно укрепленных частей. Первая из них была укрепленная самою природою крепость-замок Нарын-кале, которая, примыкая к горам, являлась почти неприступною»³.

Несомненный интерес при изучении г. Дербента в плане исторической географии представляет и описание Нарын-кала А. А. Каспаря: «Нарын-кале защищал самый город, примыкавший к подножию скал, на которых он был возведен и обнесен со всех сторон стенами. Между Каспийским морем и обращенным к нему стеною Дербентом лежало укрепленное пространство, которое туземцы называли «Дубари». Окружавшая со всех сторон Дербент стена была сложена из дикого камня имела до семи сажен высоты. Основание ее было в две сажени, и стена, поднимаясь на высоту, все суживалась и заканчивалась зубцами, «среди которых с разных сторон было возведено до восьмидесяти каменных башен, вооруженных пушками и фальконетами. Впереди города, с той стороны, откуда должны были явиться русские, высилась башня, не взяв которую штурмом, нечего было и думать о приступе к Дербенту»⁴.

Отметим, что еще при занятии Дербента войсками Петра I в нем было найдено «на стенах городских пушек старинного дела 230, в том числе несколько медных»⁵.

В определенной мере путь, пройденный в 1722 г. войсками Петра I, был повторен царскими войсками в 1796 г. во главе с графом В. Зубовым¹, удовлетворение всех требований и нужд которого было возложено на генерала Гудовича². В. Зубов должен был опередить иранского шаха Ага Магомет-хана и не дать ему вторгнуться в Дагестан. Отметим, что поход Каспийского русского корпуса начался из Кизляра 18 апреля, 22 апреля войска переправились через р. Койсу, а 25 апреля они прибыли к Таркам, за версту от которых были встречены шамхалом тарковским Магомедом со свитой в 30 человек. Шамхал получил в подарок «часы, ценой в 1325 руб.». У Тарков войска не стали задерживаться и продолжали свое движение к югу. 28 апреля они «прибыли к речке Гамри-Озень, во владение усмия каракайтагского», но он был сильно болен и русских встретил его сын Рустем-бек.

В отличие от 1722 г., на этот раз не было никаких инцидентов в этом месте и царские войска беспрепятственно двинулись к Дербенту, правитель которого, согласно имевшимся у русского командования сведениям, собрал до 10 тыс. воинов и готовился оказать сопротивление царским войскам³. Ожидал Шихали-хан дербентский помощи от горских владетелей, а также от бакинского хана.

Как отмечал еще П. Г. Бутков, царское командование решило послать часть войск во главе с генерал-майором Булгаковым в сопровождении с проверившим этот маршрут под видом лекаря капитаном Симоновичем в обход Дербента через Табасаран, кадий которого благосклонно относился к русским, принимал от генерал-майора Савельева значительные подарки⁴.

Перед этим отрядом была поставлена задача, пройдя через Табасаран, явиться под южными стенами Дербента в одно и то же время как главные силы Каспийского корпуса приблизятся к северным и этим пресечь «всякое сообщение Дербента с южной стороны». Он должен был пройти более 84 верст, в том числе 20 верст весьма трудными проходами сквозь табасаранские горные ущелья с 6 полевыми орудиями и ко 2 мая занять позиции с южной стороны Дербента.

Отряд состоял из двух с половиной батальонов grenадер, 2 батальонов егерей, 14 эскадронов драгун, 625 линейных казаков⁵. Он действительно подвергся суровым испытаниям в пути, но выполнил поставленную задачу. Описание же этого пути через Табаса-

¹ Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 250.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. I. С. 28.

³ Каспаря А. А. Покоренный Кавказ. СПб.: «Родина», 1904. С. 232.

⁴ Там же.

⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 28.

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. СПб., 1869. Ч. II. С. 374.

² Там же. С. 375—376.

³ Там же. С. 375—376.

⁴ Там же. С. 378.

⁵ Там же. С. 376.

ран считаем целесообразным дать в разделе, посвященном Табарану.

Здесь же отметим, что 8 и 9 мая русские орудия бомбардировали крепостные стены с расстояния не далее 40 саженей и 10 мая разрушили угол бастиона Нарын-кала¹, после чего дербентская депутация из 5 человек просила пощады. Канонада была прекращена и «18-тилетний Шейх-Али-хан со многими старшинами, имея каждый на шее своей повешенный меч, в знак признания вины своей, предстали к главнокомандующему, в стане его, поднесли ему серебряные ключи Дербента, и предавали себя и весь народ в волю победителя»².

Это значило, что Дербент перешел под власть русского царя и уже о его зависимости от кого-либо из других государств не могло быть и речи, хотя до сдачи его в Дербенте и были две партии жителей. Одна из них выступала за сдачу крепости «россиянам», а городская верхушка во главе с ханом противилась этому, но вынуждена была в конечном итоге пойти на сдачу крепости русским³.

Генерал-майор Савельев ввел в Дербент 4 батальона пехоты. Из них один батальон был размещен в Нарын-кале, над которым подняли белое знамя, два батальона в средней части города, а один в Дубари — незаселенной приморской части Дербента. При этом, по словам П. Г. Буткова, жителям не было сделано «ни малейшего оскорбления». Только 10 чиновников, которые были известны своими антироссийскими интригами, были арестованы и 25 мая отправлены на пакет-боте в Астрахань, а оттуда в Саратов⁴. Были взяты под стражу до 500 человек лезгин и прочих дагестанцев, а гарнизон Дербента был разоружен. Шихали-хану вернули саблю, оставив его при главной квартире практически свободным⁵.

Царское командование приняло меры и по упорядочению управления Дербентом. Управление им было поручено сестре Шихали-хана Периджи-хануме и назначенному от главнокомандующего в напбы Надыр-беку, всегда склонному к России родственнику дербентского хана Магомед-Гуссейна, «возведенному россиянами в ханы 1729 или 1730 года, и лишенному Дербента от Фетали-хана 1765 года»⁶.

- ¹ Там же.
- ² Там же. С. 385.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 386.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 387.

Что касается экономической деятельности жителей Дербентского ханства, она была весьма разносторонней. Традиционным занятием жителей входивших в ханство деревень являлось пашенное земледелие, садоводство, разведение марены, шафрана, хлопка, виноградарство, шелководство. Как отмечал А. Олеарий, даже в самом Дербенте — в его нижней части имелось «немного садов и пашен»¹.

С. Г. Гмелин писал о жителях Дербента, что «они кормятся отчасти рукоделием, отчасти хлебопашеством и скотоводством»². Он же писал, что «хлеба здесь сеют весьма мало, которого и для самой необходимости недостаточно»³.

По его сообщению провинция Гилянская и город Шемаха снабжали Дербент «разными бумажными и шелковыми материями, как-то кутнею, канаватом, киснею и бурместью, кои променивают лезгинам и горским татарам на один род тонкого сукна, которое ими же самими в горах приготавливается и называется кубеши-шал»⁴. Дербентцы вывозили в Шемаху и Гилян много шафрана, которого разводили во всей округе⁵. Безусловно, интересны его сведения о том, что на северной стороне Дербента жители разводили «огурцы, капусту, виноград (и дикий), яблоки, груши, айву, персики, абрикосы, миндаль и гранаты...»⁶.

Имеются сведения о том, что Кизляр и Дербент снабжали жителей Кубинского ханства вином и водкой, которые привозились в город сухопутьем⁷. Строительный лес привозили с берегов Самура⁸. И по его сообщению приморская часть города была занята садами и огородами⁹.

Дербент имел тесные торговые связи с Кубой и Кизляром. В оба эти города из Дербента вели дороги по приморской равнине. Они были годными для проезда в экипаже в любое время года¹⁰. Дербентцы имели маренники верст за 6 от города. Марену использовали не только в качестве красителя, но и в качестве вяжущего средства в медицине, как мочегонное¹¹.

- ¹ Олеарий А. Указ. соч. С. 486.
- ² Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. III. 1-я пол. С. 19.
- ³ Там же. С. 19—20.
- ⁴ Там же. С. 21.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 32.
- ⁷ Обзорение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Ч. IV. С. 139.
- ⁸ Там же. С. 151.
- ⁹ Там же. С. 162—163.
- ¹⁰ Там же. С. 163.
- ¹¹ Там же. С. 175.

Интересны сведения из этого труда о садоводстве в Дербенте, которое было довольно высокоразвитым. На южной стороне города имелось до 869 садов-виноградников. Разводили они персиковые, инжировые, абрикосовые деревья, много роз, мак, из которого готовили опиум-тирьяк¹.

Развито было виноделие. По данным начала XIX в. изготавливали в год до 30 тысяч ведер вина и до 4 тысяч ведер водки на четырех заводах². Водку отправляли обычно в Кубу.

О скотоводстве сказано, что оно состояло из небольшого числа лошадей, покупаемых в горах рогатого скота и ишаков. Слабое развитие скотоводства объяснялось тем, что у города трава усыхла рано, а перегон овец и других животных в горы был связан с большим риском из-за «хищничества» соседей³.

Традиционным занятием дербентских жителей было шелководство и изготовление шелковых тканей. Изготавливались дербентскими ремесленниками и хлопчатобумажные ткани — бязи, медная посуда разных форм и назначения, железные вещи. Они шли как на удовлетворение своих нужд, так и на продажу.

По данным цитируемого «Обозрения...» в прошлом в Дербенте имелось до 200 шелкоткацких станков, а к 30-м годам XIX в. осталось где-то около 40 станков. Такой упадок шелкоткачества объяснялся тем, что в Дербент поступали более дешевые шелковые ткани из Шемахи, а дербентцы увлеклись более прибыльным делом — разведением марены⁴.

Отметим, что в Дербенте шелкоткацкое дело дошло к началу XIX в. до уровня капиталистической мануфактуры, так как существовало четкое разделение труда и операций, и каждый шелкоткацкий станок обслуживали четыре человека, получая в день по 40 коп. серебром. Продукцию свою они сбывали в Кизляр, Кубу и в другие места Дагестана⁵.

Изготавливали дербентцы, кроме бязи, аладжу и другие бумажные ткани. Имелось 115 станов для этого. Эти станы вместе с 40 для изделий шелковых принадлежали 65 хозяевам. П. Г. Бутков в 1796 г. назвал их небольшими фабриками⁷.

Дербент представлял из себя к началу XIX в. довольно развитый ремесленный центр. Отдельные мастера применяли труд наем-

ных работников. Так, 4 медника имели у себя 12 наемных работников. Сырье для своих изделий они приобретали из Астрахани или Кизляра стоимостью по 7—6—5 руб. за пуд в зависимости от качества меди. Они изготавливали котлы и продавали по 16 руб. за пуд. В год тратилось до 180 пудов меди.

Потребности в железных вещах удовлетворяли мастера 11 кузниц с 19 мехами. Они изготавливали как сельхозорудия, так и ружьи, кинжалы и шашки, «но гораздо низшего достоинства против дагестанских»¹. Налажено было в Дербенте и производство извести, чем занимались евреи. Пуд извести стоил 40 коп.

Всего мастеровых и ремесленников в Дербенте насчитывалось до 170 человек с оборотным капиталом до 12 тыс. руб. серебром². Жителям принадлежало 8 мукомольных мельниц с доходом каждая в 200 руб. сер. и работавших на воде из общественного канала. Имелись и три частные бани, приносящие хороший доход своим хозяевам³.

Развита была в Дербенте и торговля как местного, так и международного масштаба, сухопутная и морская, меновая и денежно-эквивалентная. По словам П. Г. Буткова (1796 г.) «торг дербентский знатнейший в морене (т. е. марене — авт.), которой до 6 тысяч пудов отправляется морем в Астрахань на российских судах и сухопутно в Кизляр. Туда же отправляют несколько шафрану, а в Баку уголья, фрукты, сырые и сушеные, доски карагучевые, шерсть, пшеницу и пшено»⁴.

Согласно данным первой трети XIX в. около 25 дербентцев вели торговлю с Астраханью и закавказскими городами, более 80 человек занимались внутренней торговлей, пятеро вели торговлю с персидскими городами⁵. «Важнейшая торговля Дербента» производилась с Астраханью и заключалась «в отправлении туда марены, кубинского и ширванского шелка, кубинских и табасаранских ковров и паласов, сарачинского пшена, грецких и миндальных орехов, кишмиша, кизила, меховых изделий, кунных, лисьих, волчьих и др»⁶. Из этого можно понять, что Дербент являлся посредником в торговле жителей Южного Дагестана и северо-азербайджанских ханств с Астраханью.

Дербентцы вели торговлю с Кубою и горскими народами русскими и персидскими товарами. Русские ситцы, нанки и др. бу-

¹ Там же. С. 177.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Обзорение Российских владений за Кавказом... Ч. IV. С. 179.

⁷ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета...» // ИГЭД. С. 202.

¹ Обзорение Российских владений за Кавказом... Ч. IV. С. 180.

² Там же.

³ Там же. С. 181.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 202—203.

⁵ Обзорение Российских владений за Кавказом... Ч. IV. С. 181.

⁶ Там же.

мажные товары сбывались в Дагестане в большом количестве по выгодным ценам¹.

Горские народы, в свою очередь, доставляли в Дербент сукно, известное под названием лезгинского, бурки, овчины, масло, мед, ковры, паласы — всего на 10 тыс. рублей серебром. Куба поставляла в Дербент пшеницу, ячмень, сарачинское пшено — всего на 12 тысяч рублей серебром².

Согласно сведениям конца XVIII в. в Дербенте имелись 6 караван-сарая, 500 всяких лавок, монетный двор, что значительно способствовало коммерческой активности дербентских жителей³, а по сведениям 30-х годов XIX в. в Дербенте функционировали 3 каравансарая, более 420 лавок, принадлежавших 80 хозяевам⁴.

Развитию торговли способствовало и широкое хождение монеты разных стран. В Дербенте в торговом обороте применялись «голландские червонцы, русские серебряные рубли и мелкие монеты, медные деньги и ассигнации», которые охотно «принимались теми из купцов», кто вел торговлю с Астраханью; в небольшом количестве были распространены ширванские и кубинские абазы⁵.

В целом торгово-экономическую деятельность Дербента и Дербентского ханства в XVIII — первой половине XIX в. исследовал Н. А. Магомедов. Желая более подробно познать этот вопрос могут обратиться к его труду, вышедшему в свет в конце 1998 г.⁶. Мы же отметим, что экономика Дербентского ханства держалась на результатах труда его жителей в самых различных областях жизнедеятельности — в земледелии, животноводстве, садоводстве, виноградарстве, в разведении шелковицы, марены, в рыболовстве — речном и морском, ремесленном производстве, торговле и т. д.

Дербентское ханство занимало ведущие позиции в Южном Дагестане в зарождении и развитии товарно-денежных отношений, было тесно связано с экономикой народов Закавказья, Дагестана и России системой сухопутных и морских путей, игравших важную роль в жизни всех контактировавших сторон.

¹ Там же. С. 184.

² Там же. С. 185.

³ Бутков П. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 202.

⁴ Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч. IV. С. 185.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Магомедов Н. А. Дербент и Дербентское владение в XVIII — первой половине XIX в.: политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998. С. 137—204.

§ 2. Табасаранские майсумство и кадийство

В Южном Дагестане важную роль играли Табасаранские майсумство и кадийство, основное население которых составляли табасаранцы — древние обитатели Южного Дагестана. В основном они живут и жили в долинах рек Рубас-чай и Курах-чай, а также у Чирах-чая, являющегося южным рубежом этнической территории табасаранов. В среднем левобережье Чирах-чая находились еще с древних времен табасаранские аулы — Хив, Хоредж, Лака, жителей которых обозначали термином «кьалукар».

Наиболее древним был Хив, имеющий местное название Гьуьчтьвер и расположенный на левом берегу Чирах-чая (по-местному Курук-вацI). Он образовался в результате объединения в единое селение жителей и поныне сохранившихся поселений: Чуру-гьул к северу от села, Галул-гьул к северо-западу и Джурас — к западу. Калай-гьул к югу от села. К северу от Хива расположено поселение Гамагь-накьвар (накьвар — кладбище). На одной из надмогильных стел этого кладбища обнаружена дата 1362 г., а на другой — 1391 г. н. э.¹

Одним из древнейших табасаранских сел является и Аркит, расположенный на правом берегу Чирах-чая. О древности его свидетельствуют куфические надписи на арабском языке на кладбищах средневековых поселений Келез-шегьер (расположено в лесу) и Хьаран-кьил (на левом берегу Чирах-чая). Эти надписи датируются в пределах 1336—1430 гг.² Народное предание свидетельствует о том, что село Аркит образовано выходцами из селений Гасик, Хурик, Цалах³.

Большое количество табасаранских сел расположено на берегах Чирах-чая и Рубаса. Это прежде всего селения, которые входили в союз сельских общин под названием Нитрик. Жители этих сел были известны под общим названием нитрикар.

К западу от этого союза сельских общин находился союз табасаранских сел Сувак, отделившийся от Агульского союза сельских обществ Кошан-дере. В союз Сувак входили села Урга, Фурдаг, Куштилъ, Ляхля, Джули, Атрик, Вертилъ, Хуреатилъ, Яраг, Герик, Кувик, Кулик.

Жители союзов Нитрик и Сувак подчинялись табасаранскому

¹ Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник М.: Наука, 1984. С. 62.

² Там же. С. 57, 115—121; Пашаев К. Историческая география Южного Дагестана XV—XVII вв. (Рукопись). Л. 108.

³ Там же. Л. 109.

майсуму; нитрикары платили майсуму по 1 сабе пшеницы с дыма¹.

Невысокий хребет Карасырт отделяет Нитригский союз от союза Этег. На этой территории, которая с востока ограничена хребтом Варди, находилось несколько табасаранских сел. В окрестностях селения Бурханкент, в местности Ерсиг-гюл («Старое поселение») на кладбище обнаружены надмогильные камни, датируемые по надписям XIV в. Такого же рода надписи были обнаружены в местечке Пилар около Бурханкента.

Среди табасаранских союзов сельских обществ², подвластных майсуму, заметно выделялся союз Этек, в состав которого входили селения Ружник, Бурганкент, Тинит, Джахдик, Уджук, Хюрак, Дуртиль, Джерах, Гегнах, Чулат, Экендиль, Канзыр, Хурцик, Сыртич, Мехти, Варта, Имам Куликент.

Табасаран делился на южный и северный. Территория Южного Табасарана тянулась от отрога Джуфудага на западе до хребта Варди на востоке. На юге Южный Табасаран доходил до среднего течения Чирах-чая. Его северная граница пролегла вдоль среднего течения Рубаса.

Определенную роль играли и союзы сельских обществ Харат-Шила, Кырах, Чуркул. В союз Чуркул входили селения Акка, Дагни, Джулжаг, Джурджанф, Ергюниг, Ергюлиг, Гюхраг, Гисик, Куваг, Кулиф, Гурик, Ляка, Хархни. В союз же Кырах входили селения Хапиль, Дюбек, Хустиль, Ягдык, Джиджаварик, Пилиг, Ругуж, Ханаг, Хурик, Цинитиль. Жителей этого союза называли гъуннуар.

Восточнее союза Кырах располагался союз обществ Кухрык, объединявший селения правобережья Рубаса: Кюлерджик, Сертиль, Синут, Хак, Ханак, Хуртил, Бохнаг, Гасик, Думуркил, Хурциг, Сулантил, Халаг³. Рядом с ними существовал союз Хырак, объединявший села Гули, Кюрах, Сивриг, Улуз, Урциг, Урсих, Хараг, Хужник, Чурдаф, Шила.

Союз Дырче состоял из селений Кандик, Арчуг, Чувек, Хив, Цудух; союз Нитрик, составляли селения Межгюль, Куярик, Нич-Ирас, Тураг, Туруф, Зирдаг, Черс, Зильдик, Чулак, Ярак Верхний, Ярак Нижний⁴.

По сведениям М. Р. Гасанова «у табасаранцев существовали термины, которыми называли жителей союзов сельских обществ или магалов — это Дерчвар (Хив, Лака, Хрежв), Нитрихъар

(Ягълиар, Мажвгул, Чъалакк), Къалхъвар (Тюрягъ, НичИрас, Гъуйир), Сувккар (Фурдаг, Ургъа, Ярагъ), Гъуннар (Гурихъ, Ханаг, Хурик, Пилиг, Кужник), Этегар (Сыртыч, Чулат, Тинит, Гюхраг)»¹.

Несомненно, интересны сведения М. Р. Гасанова о названиях и самоназваниях жителей табасаранских союзов сельских обществ. Так, «жители с. Улзиг южных табасаран называли «нитрихъар», жителей соседних аулов — Хараг, Кужник, Улуз, Шила, Гули, Урсиг — они называли хиркъар, жителей сел Улзиг, Кюрек, Чурдаф и др. — хамандар. Термин «галандар» распространялся на жителей с. Дюбек, Ерсиг, Дарваг, Пенджик. Жителей сел Дюбек, Ерсиг, Дарваг, Зиль и др. жители северо-табасаранских аулов называли «Бендликк ккаюар», т. е. живущие под Бендом.

Гуминцы южных табасаран делили на «нитрихъар» и «этегар», северных — на «гъуннар», «хъухрик», «сувак». Термином «этегар» они обозначали жителей аулов Аркит, Туруф, Тинит, термином же «нитрихъар» — жителей аулов, расположенных по хребту между аулами Фурдаг и Куштиль. Гуминцы же жителей сел Джули, Халаг, Кюряг, Гувлиг, Сертиль, Гисик называли «хъухрикъар», жителей аулов Ханаг, Хурик, Дюбек, Хатиль, Ягдыг — гъуннуар, а жителей аулов Вертиль, Урга, Фурдаг, Цирутил — сувуккар.

Жители селений Хурик, Ханаг, Пилиг «нитрихъарами» обозначали жителей сел Хив, Хоредж, Кандик, Чувек, Куштиль «къалу-хъарами» — жителей аулов, расположенных южнее горы Къалухъ, а термином «этегар» — жителей с. Тинит, Чулат, Хюряк, Хулюг². Хурикцы жителей соседних сел называли «чиркIулар», «хиргъар», термином «чиркIулар» жителей аулов Гурик, Ляха, Гисик, Дагни, Гюхраг, Куват, Хархни, Кулиф, а термином «хиргъар» — жителей с. Кужник, Шила, Гули, Улзит, Чурдаф.

Жители группы аулов «къалухъар», «нитрихъар» жителей сел, расположенных севернее Куштиля, называли «гъуннуар», а жителей сел Хулюг, Тинит, Туруф, Сыртич и т. д. — «этегар».

Жители с. НичИрас называли жителей группы аулов Ханаг, Хурик, Пилиг, Кужник, Хараг, Шила «гъуннар», а жителей Ляха, Хархни, Дагни, Гурик и др. — «чиркIулар».

Здесь нужно согласиться с мнением М. Р. Гасанова, что «Табасаран в XVIII — нач. XIX в. подразделялся на множество и мелких политических единиц, за которыми утвердились названия, отдельные из которых «сохранились до наших дней»³, что число

¹ Там же. Л. 108.

² Там же. Л. 109.

³ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкада, 1994. С. 203—204.

⁴ Там же. С. 204.

¹ Там же.

² Там же. С. 204.

³ Там же. С. 205.

союзов мелких обществ увеличивалось или уменьшалось в зависимости от перегруппировки сил во владении кадия и в майсумстве, с одной стороны, и в союзах сельских обществ — с другой¹.

Имелся в Табасаране и союз (федерация) союзов сельских обществ. Таковым был союз Девек Елеми, который локализовался в горном Табасаране, граничил с владениями табасаранского кадия, Казикумухским шамхальством (позднее — ханством), Кайтагским уцмийством и союзами сельских обществ. В него входило 15 сел, среди которых, по имеющимся данным, в 1826 г. магалы Хараг-Шилли, Когрын, Суак, Дыре и Нитриг, воспользовавшись смутными обстоятельствами, провозгласили себя независимыми ни от кого и соединились с магалами Чуркул и Хираг².

Управление в союзах сельских обществ Табасарана осуществляли кевхи (старшины) и духовенство³. Им помогали чауши (исполнители). Наиболее спорные и существенные вопросы разбирали на сходе, в котором принимали участие все совершеннолетние мужчины. Важно подчеркнуть здесь мнение М. Р. Гасанова, что «на сходе участвовал представитель каждой семьи, кроме женщин, но сильные тухумы пользовались преимуществами... Хотя решение принималось голосованием, все же большую роль при этом играла аульская верхушка, в лице кевхи, сендов»⁴. Это, на наш взгляд, важно иметь в виду при обобщении опыта органов самоуправления народов Дагестана в историческом прошлом с целью его использования в современных условиях. Этот опыт не стоит, видимо, особо идеализировать, если исходить из принципа защиты прав каждого отдельно взятого человека.

Здесь в принципе до сих пор речь шла о сведениях по Табасарану в трудах исследователей. Но более интересные сведения исторических источников исследуемого времени. Краткую характеристику Табасарану дал турецкий путешественник — географ Эвлия Челеби, посетивший Дагестан в 1666 г. Он писал: «Прекрасный благоустроенный городок Табасаран. Он находится к востоку⁵ от персидского Демир-капу на расстоянии одного перехода. Городок утопает в садах и цветах. Легенда говорит о том, что Ануширван наслаждался прекрасным климатом (этой местности). Придя из

¹ Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII — нач. XIX вв. Махачкала, 1978. С. 60.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ У Эвлия Челеби стороны света несколько перепутаны. В данном случае речь может идти только «к западу» от Демир-капу, т. е. к востоку от Дербента находится только Каспийское море.

Багдада, взял этот дворец, предавался в нем наслаждениям и говорил: «Это дворец мой». И действительно, здесь чудесный воздух»¹. Это сообщение в целом позволяет судить о достаточно благоприятных климатических условиях Табасарана, который Эвлия Челеби почему-то назвал городком, хотя это довольно обширный по дагестанским меркам регион.

Интересно сообщение о табасаранцах посланца Петра I в Иран дворянина Андриана Лопухина от 1718 г. Он писал, что недалеко от Дербента «есть одна провинция», которая значится как «шаховы подданные, только мало его слушают, управителя имеют у себя из своего тутошнего народу, называется кадимаксим, и живут смиренно, ни с кем не браются, их никто не смеет тронуть, потому что люд все военной и многонародной и деревни их в местах крепких»². Отметим, что «кадимаксим» — это своего рода производное не совсем понятых Андрианом Лопухиным слов кади (кадий — один из духовных правителей Табасарана) и майсум (в тексте «максим») — другой феодальный правитель Табасарана. Табасаран в этот период был поделен на майсумство и кадийство. Их и совместил в одном слове А. Лопухин. Но здесь важны его сведения о многолюдности Табасарана в целом, непослушании его жителей иранскому шаху.

Более полные сведения о Табасаране первой трети XVIII в. содержит сообщение участника Каспийского похода Петра I И.-Г. Гербера об «уезде» Табасаран, который, по его словам, «зачиняется близ города Дербента, простирается к северу до хайдаков и карахайдков, которых оной разделяет река Дарбах, к северу до Зурхаева владения, которого разделяет река Агула, к югу до куролей, от которых оной острыми горами отделен»³.

Привлекает внимание сообщение Гербера о языке табасаранцев, что он «особливой язык, которой ни с каким другим сходства не имеет»⁴. Из его сведений становится ясным, что табасаранцы имели «своего магзума, или владельца, нынешним именем Магумед, да одного кады, нынешним именем Рустан-бек, которым табасаранцы подлежат, только мало послушны бывают; а махсум и кады подчинены бывали султану дербентскому, а ныне наипу и российскому коменданту в Дербенте»⁵. Заслуживает внимания примечание Гербера о том, что «сей чин махсум наследственной

¹ Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 118.

² Лопухин А. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 55.

³ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 104.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 105.

и остается при оной фамилии; и когда бывает, что махсум умирал, старший сын ево махсумом назначен и поставлен был, только от султана дербентского, а не от шаха; однакож, в том согласие все-го табасаранского народа потребно было, ибо оные потребовали, что понеже оне вольными людьми счисляются, сие с их повеления учинено было б»¹.

По сообщению И.-Г. Гербера, «табасаранских обитателей больше вольными людьми почесть можно» было, так как они майсуму («махсуму») и кадию «не вовсе подданны; и для того часто бунтовали и ныне еще к тому склонны, чего ради их всегда крепко и в страхе содержать надобно; и когда одна деревня, хотя мало, подымается к мятежу, оную тотчас разорить и через то удержать других, чтоб к им не пристали»². Этот автор призывал к таким суровым мерам, так как считал, что табасаранцы — «народ дикой и так в оном надежды и постоянства никакого нет»³.

Более обширные данные о Табасаранском владении, о происшедших в нем за XVIII в. изменениях содержит «Описание Южного Дагестана. 1796 г.» Ф. Ф. Симоновича. Относительно географических границ и ландшафта Табасарана автором четко сказано, что «Табасаран простирается от горы Кохма-даг между реками Большой Дарбах и Гургели по четырем верхним полосам. К северу граничит с уцмийскими народами, терекемей, кайдаками и каракайдаками, к востоку с Дербентским владением, к полдню (т. е. к югу — авт.) с провинцией Кура, а к западу с казыкумыками»⁴. Отмечены Ф. Ф. Симоновичем «примечательнейшие в оном реки: Большой и Малый Дарбах, простирающие свое течение в Северный, и Рубас, Недрех и Гургели, текущие в Южный Дагестан»⁵.

О том, что Табасаран в конце XVIII в. не представлял единое феодальное владение, а был разделен фактически на три политически самостоятельные части, свидетельствуют слова Ф. Ф. Симоновича о том, что «Табасаран разделяется на три главные владения, как-то: на масума (т. е. майсумство — авт.), на кадиево (кадийство — авт.), на Девек Елеми»⁶. Привел он сведения и о конкретном количестве селений этих частей Табасарана.

¹ Там же. С. 104—105.

² Там же. С. 104.

³ Там же.

⁴ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 152.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

По его сведениям в Табасаранском майсумстве («в масумовом Табасаране») было до 70 деревень с общим числом населения 21 тыс. душ мужского пола, а «к кадиеву Табасарану» (т. е. кадийству — авт.) относились деревни Ерси (место пребывания кадия), Хаменди, Пенчи, Маграга — всего 20 деревень¹.

Под Девек Елеми понимался этим автором горный Табасаран, простиравшийся «от кадия (кадийства — авт.) к Дрич Табасарану, казыкумыкам и каракайтакам» и управлявшийся «народом под разными узденями или наследственными начальниками, служащими большей частью кадию табасаранскому, а по обстоятельствам, и другим». В него входило до 15 деревень, из которых наиболее заметными были Ягдик, Пилек и Хурук. Число лиц мужского пола в Девек Елеми достигало до 5000 душ².

Ф. Ф. Симоновичем в 1796 г. было составлено и собственно «Описание Табасарана», которое позволяет несколько подробнее остановиться на освещении исторической географии Табасарана, поскольку оно было составлено с определенными военными целями. В этой работе также подчеркивается, что «земля табасаранского народа лежит в Дагестанской области и, простираясь по хребту, вышедшему из Кавказских восточных гор у вершин рек Койсу и Самура, окончившемуся же утесистыми крутизнами, образующими Дербентское предгорье у Каспийского моря, занимает в длину от востока к западу около семидесяти, а в ширину от юга к северу около пятидесяти верст. К востоку граничит она с Дербентским владением, к югу и западу — с владением Хамутая Сурхай-хана казыкумыцкого и с народом, кура называемым, к северу же с владением уцмий каракайдацкого, где примыкают народы терекемей и каракайды»³.

По сведениям Ф. Ф. Симоновича через Табасаран протекали реки Большой Дарбах, Малый Дарбах, Хамейды, Рубас, «вытекавшие» с Табасаранского хребта, «верхняя возвышенность» которого была «покрыта дремучим лесом», имела «страшные дефилеи, прикрывающие проходы к верхним жилищам табасаранцев и закрывающие по положению Дербента сообщение Северного Дагестана с Южным и Ширваном»⁴.

И в этой работе Симонович подчеркивает, что табасаранцы, «как и все здешние народы, бывают всегда вооружены по непрерывному почти несогласию владельцев», что главные села их —

¹ Там же. С. 153.

² Там же. С. 154.

³ Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 197.

⁴ Там же.

это Джерах, Керчах, Колих, Ерси, Гехрах, Махраги, Камах, Хамейды¹.

Несомненный интерес для нашего исследования представляет и «Описание Табасарана», составленное в 1831 г. военным топографом П. Ф. Колоколовым и дающее сведения о границах, пространстве, горах, водах, климате, разделении Табасарана, его населении и занятиях, правлении, военных силах и т. д. По его сведениям Табасаран охватывал территорию в 4500 квадратных верст. Ландшафт Табасарана довольно горист. Главный хребет гор в Табасаране Рапак, идущий от хребта Катаган-даг, имел северо-восточное направление; иногда и в летнее время его вершины бывают покрыты снегом; на нем располагались летние пастбища табасаранцев. Второй хребет, идущий от хребта Рапак, состоит из гор Нитриг-герве и Калуг-даг, шел параллельно хребту Рапак, располагал пастбищными местами. Хребет Кора-Меша отделялся от указанных Нитриг-герве и Калуг-дага, шел в южном направлении. Хребет Бент-Меша шел к востоку от хребта Рапак, и летом в некоторых местах был покрыт снегом.

Характерно, что все эти хребты гор использовались табасаранцами в хозяйственно-экономических целях.

Важную роль в хозяйственной жизни населения Табасарана играли реки — и как источники питьевой воды, и как источники для орошения полей и садов, и в какой-то мере, и как место для рыбной ловли.

По сведениям П. Ф. Колоколова главными реками Табасарана были Рубас, Зизик-чай, Яргил-чай и Кашан-чай. Рубас брал начало из источника горы Хараг-Шилли-даг, протекал «через магалы Хараг-Шилли, Кирах, Хучни, Этех и Улус», имел в длину до 60 верст до впадения в Каспий. Зизик-чай начинался из источников на горе Карагулуг, протекал через магалы Нитриг, Дыре в направлении востока 25 верст и впадал в Рубас в 10 верстах ниже деревни Карчаг. Яргил-чай брал начало из источников горы Нитриг-герве, протекал через магалы Нитриг, Агмергу и Дыре в восточном направлении 20 верст и впадал в р. Зизик-чай в двух верстах ниже села Егендаль². Река Кашан-чай начало имела от источников хребта Рапак, протекала через магалы Кашан и Агул-дере к юго-востоку по пространству на 25 верст и впадала в р. Гюльгеры «в одной версте ниже с. Ксарах»³.

Интересны сведения П. Ф. Колоколова и о климате Табасарана, верхняя часть которого «по гористому местоположению имеет

климат здоровый». В этой части весна начинается с начала мая, лето не очень жаркое, осень начинается с середины сентября, а самые холодные месяцы февраль—март. В Нижнем Табасаране, расположенном вблизи моря и низменном по своему положению, «климат не совсем здоровый. Весна начинается в начале апреля и в большей части дождливая, с половины июля до сентября бывают довольно значительные жары», осень начинается с начала ноября и бывает дождливой; самое холодное время — январь и февраль месяцы, но снег лежит не более двух недель; наблюдаются в летние месяцы лихорадочные болезни у многих жителей.

Сведения о почве также приведены П. Ф. Колоколовым, отмечавшим, что в Верхнем Табасаране «почва земли не плодородна, слой оной, состоящий из илу, неглубокий, и хлебопашество не совсем удобно, но сенокосы очень хорошие». В Нижнем Табасаране же «почва плодороднее, и хлебопашество удобнее, и сенокосы удобнее»¹.

Приведенные сведения свидетельствуют в пользу тезиса о том, что Табасаран в целом, как этно-политическое образование, располагал достаточными для того времени площадями разнообразных естественных земельных угодий, находился в зоне благоприятных для хозяйственно-экономической деятельности населения природно-климатических условий.

* * *

Теперь остановимся на хозяйственно-экономической деятельности жителей Табасарана в целом в рассматриваемый период. В задачу данной работы не входит детальное освещение этого вопроса. Наша задача заключается в общей характеристике основных занятий табасаранцев. О том, что основными занятиями жителей Табасарана являлись земледелие, животноводство и производство ремесленных изделий, давно сказано исследователями².

Пожалуй, первые конкретные сведения по этому вопросу содержит упомянутый уже труд И.-Г. Гербера. Он сообщает, что живущие близ Дербента табасаранцы «питаются пашнями (т. е. земледельческой продукцией — авт.) и скотиною», имеют «хорошие деревни, лугов и пашней довольно»³. Наиболее полно об этом им сказано в разделе «Состояние». Приведем еще одну выдержку из труда И.-Г. Гербера — источника, какового по значи-

¹ Там же. С. 199.

² Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 313.

³ Там же. С. 314.

¹ Там же.

² Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв. С. 18—23.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

мости информации и информативности трудно найти: «Половина Табасарани, к Дербенту лежащие, имеет хорошие поля и хлебородную землю, а другая, к горам живущая, питаются только одною скотиною (т. е. свидетельствует о превалировании животноводства в горах—авт.) и не имеют пашен или хлеба, ибо от стужи ничего не растет, понеже горы, под которыми они живут, летом и зимою снегами покрыты, и снега, которые у них падают, в июле месяце разтаевают, и для того убогие люди»¹. Автор этих слов показал глубокое знание им дагестанской, в частности табасаранской действительности.

Ф. Ф. Симонович в 1796 г. писал о табасаранцах, что «главный их промысел есть хлебопашество, состоящее в сорочинском пшене, пшенице и ячмене», что «они напоеванием полей посредством проведенных из речек и ручьев канав весьма в хлебопашестве успевают»². Подчеркнул он и то, что у табасаранцев «разведены... и плодовые деревья разных родов», т. е. что они занимались садоводством.

Думается, что к рассматриваемому нами периоду истории Табасарана можно отнести сведения М. К. Ковалевского и И. Ф. Бларамберга от 1831 г., что «табасаранцы говорят лезгинским наречием. Земля их гористая и изобилует хорошим лесом. Они упражняются в хлебопашестве, сеют сарачинское пшено, пшеницу и ячмень. Разводят также в садах плодовые деревья разных родов»³.

Особенно ценную информацию для раскрытия освещаемого здесь вопроса имеют сведения П. Ф. Колоколова от 1831 г. Он фиксировал, что в Верхнем Табасаране занимались земледелием, хотя земля его не очень плодородна. Сеялись «преимущественно: пшеница и ячмень, в небольшом количестве просо, конопля и кукуруза. Из плодородных деревьев большею частью ореховые, кои растут по долинам. В некоторых магалах есть в небольшом количестве фруктовые и виноградные сады»⁴.

Насчет Нижнего Табасарана он писал, что там, «кроме посева пшеницы, ячменя и конопли, сеют хлопчатую бумагу, а в некоторых местах табак и маорию. Из плодородных деревьев ореховые в изобилии, равно как фруктовые и виноградные сады, а в некоторых селениях занимаются и шелководством»⁵.

¹ Там же.

² Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 199.

³ Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 311.

⁴ Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 314.

⁵ Там же.

Лаконично и емко сказано Колоколовым П. Ф. о занятии табасаранцев скотоводством, что они «имеют довольно количество рогатого скота, преимущественно же баранов и коз», которые летом паслись в горах Верхнего Табасарана, а зимой — в долинах Нижнего Табасарана¹.

Занимались жители Верхнего и Нижнего Табасарана и пчеловодством, но «в небольшом количестве»².

Важную роль в экономике Табасарана играла и торговля. П. Ф. Колоколов писал по этому поводу, что «Табасаранцы ведут торговлю большею частью с Дербентом, с вольными народами каракайтах и кубачи. Они сбывают нарушну(?), паласы, ковры, также баранов, масло, сыр и мед. Из Дербента получают соль и бумажные ткани. Из владения Каракайтаг получают вещи, приобретенные хищничеством, из Кубачи — огнестрельное и холодное оружие». Он подчеркивал меновой характер («большею частью сменою») торговли, отсутствие у табасаранцев собственных денег, своей монеты, хождение у них так называемых ханских денег, обращение у них российских серебряных рублей, которых предпочитали перед другими монетами³.

В торговый оборот шли и изделия табасаранских ремесленников — мастеров по обработке шерсти, глины, кожи, металлов из Джули, Хурика, Хива, Хучни. Особенно славилась табасаранские ковры «типа «Табасаран», «Турар», «Рушул», «Хурусан», «Тапанча», «Сафарчечне»⁴, а также гончарные изделия из Джули, деревянные изделия мастеров из Хурика и Ханага (ложки, кружки, мерки, ступки).

Важную роль в торгово-экономической жизни жителей Табасарана играли и торговые пути, которыми они были связаны с Дербентом, Кайтагом, агулами, лезгинами⁵ и т. д. Согласно имеющимся сведениям, через Табасаран проходила дорога «из Северного в Южный Дагестан, минуя Дербент..., мимо Иран Хараб, по долине Меньшого Дарбаха, на Майдан Булак, чрез деревню Дарбах и, переходя Дербентскую стену и крутизну Табасаранского хребта по долине Деремержлер, которая переменилась у деревни Маграга в страшной глубокой дефиле тесными каменными проходами, до урочища Девичу Магатаи. От сего места разделилась на две другие дороги: идет в Дербент и к большой дороге, Ельчи юл называемой... Другая ж табасаранская дорога идет от Майдан

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 316.

⁴ Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII — нач. XIX в. С. 17—18.

⁵ Там же. С. 20—21.

Булака вверх по долине Меньшого Дарбаха чрез деревню Зыл, Дербентскую степу и Табасаранский хребет, деревню Пенчи, урочище Кадучи, мимо деревни Масраги, узкими проходами и тесными каменистыми местами к урочищу Девичу Магатаи и далее...»¹.

По сведениям же Ф. Ф. Симоновича, «Главная дорога из Табасарана в Дагестан» шла «мимо сего места по долине Меньшого Дарбаха, где она разделилась... и на другие три, ведущие чрез Табасаранский хребет к Ширвану, на следующие места: на Махмет бекову деревню Митаги, вторая чрез кадиеву деревню Дарбах, а третья чрез кадиеву же деревню Зиль... Они все идут по крутизнам гор каменистых, стремнинам и тесным проходам, окруженным лесами и утесами»². По этой дороге в 1775 г. прошло российское войско во главе с де Медемом для наказания табасаранского кадия.

В определенной мере эти сведения Ф. Ф. Симоновича повторены в работе С. Броневского, подчеркивавшего, что главная дорога из Северного Дагестана в Табасаран шла по долине Меньшого Дарбаха, где она разделялась «на четыре: 1. дорога в деревню Ерс; прочие три дороги чрез Табасаранский хребет к Ширвану проложены на следующие места: 2, на Махмет-бекову деревню Митахи; 3, чрез Кадиеву деревню Дарбах; 4, чрез Кадиеву деревню Зиль...»³.

По вопросу о торговых путях Табасарана сведения приведены и М. Р. Гасановым, пишущим что «в XVIII — нач. XIX в. в Табасаране хотя слабо, была развития и торговля. Пути сообщения связывали жителей различных табасаранских аулов между собой — Кужник — Пилиг — Ханаг — Хучни — Датиль — Ерс; Гуми — Хучни — Ерс; Хив — Урга — Ляхля — Халаг — Хучни; Хив — Ярак — Ничрас — Хучни; Дюбек — Датиль — Хучни; Хучни — Аркит — Тинит — Чулат — Сыртыч; Хурик — Ханаг — Гурик — Хучни и т. д. Дорога по маршруту Хараг — Хучни — Ляхля — Кувиг — Хив и т. д. называлась «вилаятарин ряхъ» (дорога владений)»⁴.

П. Ф. Колоколов привел интересные сведения о дорогах Табасарана: «главных дорог, идущих из Дербента в Табасаран, считается две: одна, идущая чрез сел. Хучни; другая, идущая чрез

сел. Карчаг. Дорога, идущая чрез село Хучни. От Дербента дорога идет по тракту в Кубу около 7 верст до урочища Абасала, откуда поворачивает вправо и идет около 5 верст по равнине Дузлаг-Чул, потом, перейдя около 1/2 версты гору Канейли..., спускается в долину Марага-Камым и идет по оной около 10 верст..., входит в селение Марага». Оттуда же она шла в сел. Хеле-пенжи (7 верст), а, перейдя р. Рубас, через гору Зепак Ерум шла в Тцанак, далее через 5 верст в Цухтыр, мимо Рушуля и Аркита в сел. Рукат и снова, через Рубас перейдя, в с. Хучни¹.

Другая дорога из Дербента в с. Карчаг шла по следующему маршруту: от Дербента она шла к реке «Хошмязык», в 20 верстах по тракту Дербент—Куба переходила речку «Рубанс», пролегла версты четыре по равнине Кологан, поднималась далее на гору Поласа, спускалась потом в долину Сюют, доходила до Иман-Куликента, а оттуда до с. Карчаг и далее до села Зизик, а дальше она шла к селу Варта².

Описанию поверхности Табасарана, его гор, рек и долин, а также дорог уделен значительное внимание и П. Г. Бутков при изложении событий, связанных с походом части царских войск в 1796 г. во главе с ген.-майором Гуляковым через Табасаран на южную сторону Дербента «труднейшими дефилями»³. Он писал, что «Земля табасаранская лежит по хребту, вышедшему от высочайшей снеговой горы Кохма, возвышающейся в северном Дагестане, на становой хребте Кавказа, и дающей исток реке Койсу. Тот хребет проходит от запада на восток, и там, где табасаранская земля оканчивается утесистыми крутизнами близ берегов Каспийского моря, стоит Дербент. Положением своим тот хребет табасаранский запирает проходы через Табасаран с севера на юг, и в глубокой древности, к сугубому защищению, укреплены каменною стеною с башнями, которая, начавшись от Дербента, проведена была по табасаранскому хребту от востока к западу, до помянутой снеговой горы Кохма»⁴. По сведениям П. Г. Буткова Табасаранский хребет с востока на запад тянулся на 70 верст, а с севера на юг на 50 верст, к востоку граничил с Дербентским владением, к югу и западу с Казикумухским ханством («владением Хамбу-тая»), к северу через Камахский хребет с владением уцмий (т. е. с Кайтагом). Верхняя часть этого хребта или Бент была покрыта дремучим лесом, имела множество утесистых стремнин,

¹ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 154 — 155.

² Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 // ИГЭД. С. 198.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. Ч. II. С. 343—344.

⁴ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 177.

¹ Колоколов П. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 316—317.

² Там же. С. 317—318.

³ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. II. С. 376.

⁴ Там же. С. 376—377.

что породило «страшные дефилен, прикрывающие проходы к верхним жилищам» табасаранцев и запирающие, по положению Дербента, сообщение северного Дагестана с южным и Ширваном»¹.

Проследим маршрут отряда царских войск, выступившего из лагеря при речке Гамри-озени 29 апреля в сопровождении капитана Симоновича и тогда можно будет представить состояние внутритабасаранских путей в конце XVIII в. Отряд Булакова прибыл к речке Большой Дарбах, в 18 верстах от Дербента повернул вправо, прошел долиною Меньшого Дарбаха 20 верст с востока на запад, «по пути на деревню кадия табасаранского Дарбах, приблизился к началу табасаранских дефилей и стал лагерем при роднике Майдан-Булак»². Туда прибыл кадий табасаранский, который сопровождал царский отряд через свои владения к дефилю, откуда шел подъем от севера к югу на гору — на главный табасаранский хребет через «деревню Дарбах и древнейшую каменную стену, проведенную от Дербента чрез весь Табасаран. Крутизна горы, простирающейся по склону на 3 версты, сделала следование артиллерии и обозов так трудным, что до половины дня едва могли переправиться один егерский батальон и казаки. Много людей и все лошади употреблены были в помощь упряжным лошадям, ... дорога узкая, просеченная в дремучем лесу, в таком пространстве, чтобы пройти только фуре»³.

Далее отряд вышел к вершине долины Дермержлер на южной покатости Табасаранского хребта, откуда вытекают небольшие речки, впадающие в Рубас. После 14 верст пути в направлении к юго-востоку отряд достиг «урочища Давечумагатан, где оканчивается табасаранское ущелье и начинаются земли Дербентского ханства»⁴.

Далее отряд следовал по долине Дермержлер до деревни Махраги (или Миграчи), бывшей местом пребывания Мурзы-бека (родственника кадия), а оттуда дорога перешла в глубокую и тесную «дефилю», состоявшую по обеим сторонам из утесистых каменистых стен до 80 саженей перпендикулярной высоты, а через 4 версты по узкой каменистой дороге путь пошел по ровной долине, простирающейся между песчаных сланцевых гор к реке Рубасу. В конце концов войска вышли в долину Давечумагатан, а оттуда выбрались «из тесных мест табасаранских в Дербентское владение», поворотили влево к Дербенту, отстоящему от Давечу-

¹ Там же. С. 377.

² Там же.

³ Там же. С. 378.

⁴ Там же. С. 378.

магатана в 18 верстах, переправились через речку Кучкери и деревни Дербентского владения¹.

Все это свидетельствовало о том, что дорожно-транспортная сеть в Табасаране в XVIII в. была все еще развита слабо, проезд через Табасаран на южную сторону Дербента, обходя дербентские ворота, был весьма сложен во всех отношениях. Тем не менее в особых случаях достичь это все же было возможно, как это сделали российские войска в 1796 г.

В целом же необходимо отметить, что дороги через Табасаран были весьма труднопроходимы и ими пользовались в особо критических условиях, чтобы обойти Дербент, о чем хорошо сказано у цитированных авторов. В нормальных, обычных условиях пользовались более удобными дорогами, которыми Табасаран был тесно связан со всеми окружавшими их феодальными владениями и союзами сельских обществ. Это можно подкрепить обширным историко-этнографическим материалом, собранным как в самом Табасаране, так и в соседних с ним районах Дагестана.

Но в данном случае особой необходимости в этом нет. Скажем только, что агульцы, даргинцы союза Буркун-Дарго, жители кайтагских, а также отдельных лезгинских сел имели тесные торгово-экономические связи с табасаранскими селениями. Эти контакты были им всем взаимопользовными, взаимовыгодными. Именно эти контакты с соседними народами помогали табасаранцам решать многие их хозяйственно-экономические проблемы, по сути дела вписывали Табасаран в хозяйственно-экономическое единство Дагестана, в формировавшуюся в этот период экономическую общность Дагестана.

* * *

Одной из важнейших задач исторической географии того или иного региона является освещение вопроса формирования его этнического состава и численности населения, способов его общественно-политической организации.

Что табасаранцы особый народ, со своим языком и этнической территорией видно из сообщения И.-Г. Гербера, писавшего, что табасаранцы имеют «свой особый язык, который ни с каким другим сходства не имеет»². Однако вопрос о численности населения Табасарана у И.-Г. Гербера остался как-то обойденным. В решении последнего вопроса существенную роль играет труд Ф. Ф. Симоновича «Описание Южного Дагестана» от 1796 г. Он

¹ Там же. С. 379.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

насчитал «в масумовом Табасаране» до 70 деревень с общим числом жителей мужского пола до 21000 душ¹. «В кадиевом Табасаране», по его сведениям, было 20 деревень², по числу их жителей не назвал, а в горном Табасаране или Девек Елеми — 15 деревень с числом жителей мужского пола в 5000 душ³. По его подсчетам в Табасаране лиц мужского пола было 32000 человек, а «по народному исчислению» все население Табасарана составляло 40000 человек⁴.

Вопрос об этнической характеристике табасаранцев Ф. Ф. Симоновичем не был определен точно. Он в одном месте писал, что «народ сей жидовского поколения, и по смешению с персидскими поселенцами принял он магометанский закон секты Сунниской»⁵. В другом же месте он утверждал, что «табасаранцы причисляются к дагистанским татарам и суть веры магометанской, секты Омаровой»⁶. По его же сведениям табасаранцы в случае необходимости могли выставить «к походу способных до 10000 человек»⁷.

Современник Ф. Ф. Симоновича П. Г. Бутков в 1798 г. писал, что «по последним сведениям..., полагая в каждом дворе по 3 человека мужеска пола» у «кадия табасаранского до 18-ти деревень и до 6000 душ; маасума максютовского до 40 деревень и до 24000 душ»⁸.

К вопросу о численности населения Табасарана обращался и С. Броневский. По его мнению «при общем соединении всех табасаранцев, военную силу их полагать можно до 10 тысяч вооруженных людей, из коих три тысячи на часть Кадия Табасаранского, а семь тысяч на часть Маасума Максютовского. По сему исчислению примерно заключить можно, что население всего Табасарана содержит не менее 10 тысяч дворов, и вероятно несколько более»⁹. Что касается их языка, «табасаранцы, причисляемые к дагестанским татарам, чаятельно перемешались с лезгинами, ибо говорят испорченным татарским и лезгинским наречием»¹⁰. Это наблюдение С. Броневского, видимо, отражало состояние языко-

вой ситуации в Табасаране, где этнический состав населения был довольно пестрым и были в ходу разные языки (табасаранский собственно, лезгинский, татский, арабский, тюркский, кайтагский диалект даргинского языка и т. д.). Но здесь не будем останавливаться на этом не очень важном для данного исследования вопросе и тем более, что он должен освещаться на профессиональном уровне лингвистами.

Здесь ограничимся ссылкой на М. Р. Гасанова, посвятившего историческому прошлому Табасарана ряд своих трудов и пишущего, что в XVIII в. «в Табасаране насчитывалось сорок тысяч жителей. В этническом отношении население Табасарана было пестрым. Здесь наряду с табасаранами жили азербайджанцы, лезгины, агулы, таты»¹.

По сведениям М. К. Ковалевского и И. Ф. Бларамберга от 1831 г. «в округе Табасаранском» число дворов доходило до 3000, из которых можно было выставить до 1500 человек вооруженных², а вообще население в Верхнем и Нижнем Табасаране насчитывало до 5379 семейств, в независимых горных магалах — 2323 семейства, а в магалах, подвластных Аслан-хану казикумухскому и кюринскому — до 555 семейств³. Они же подчеркнули воинственность и преданность табасаранцев исламу.

В принципе эти же цифровые данные привел и П. Ф. Колоколов в своем «Описании Табасарана» от 1831 г., но несколько расширив их. В частности, он отметил, что в магалах, принадлежащих наследнику майсумов Ибрагиму карчагскому, было до 846 семейств, в магалах, принадлежавших бекам из фамилии Муртазали кадия — 1775 семейств⁴. Все они исповедовали «магометанскую веру» и принадлежали «к секте Сунна», уважали духовных лиц, среди которых в этот период отличался Мамет Эфенди, красноречиво призывавший народ принять «шариат»⁵.

П. Ф. Колоколов также акцентировал внимание на то, что табасаранцы — народ «лезгинского племени, но имеет собственный табасаранский язык, который не сходствует с языком прочих народов лезгинского племени»⁶.

Однако приведенные выше цифровые данные не дают точного определения численности табасаранцев. Этого от них нельзя и требовать. Но они позволяют судить о густоте населенности таба-

¹ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 153.

² Там же.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 199.

⁷ Там же.

⁸ Бутков П. Г. Сведения о Кюринском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁹ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 347.

¹⁰ Там же. С. 347—348.

¹ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 167.

² Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 311.

³ Там же. С. 311—312.

⁴ Колоколов П. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 314—315.

⁵ Там же. С. 315.

⁶ Там же.

саранской территории, о политической раздробленности Табасарана на три (во всяком случае) политически самостоятельные части: майсумство, кадийство и «вольный» Табасаран или Девек Елемн.

Из дагестанских исследователей, пытавшихся разобраться в численности табасаранцев по данным источников XVIII в., В. Г. Гаджиев пришел к выводу после анализа данных источников и более раннего периода, что не будет большой ошибки, если сказать, что численность населения Табасарана в первой половине XVIII в. могла равняться 25—35 тыс. человек¹.

В целом этно-демографическую ситуацию в Табасаране исследуемого периода трудно охарактеризовать по имеющимся и приведенным выше данным. Здесь необходимо только указать на то, что нахождение Табасарана в XVII—XIX вв. в центре всех происходивших в Дагестане политических событий, вовлечение его в самую бескомпромиссную борьбу народов Дагестана против иноземных завоевателей, жертвы табасаранцев в военных конфликтах значительно тормозили их численный рост.

* * *

С демографической ситуацией, с численностью населения Табасарана связан и вопрос о его воинских силах, что во многом определяло авторитет и положение Табасарана среди феодальных владений Дагестана.

При освещении этого вопроса обычно исследователи начинают со ссылок и анализа известного «Завещания» Андуник-нуцала своему племяннику Булач-нуцалу, датированного 1485 г. В нем сказано, в частности: «Затем обрати внимание на свидетельство наших почтенных предков о численности мужей в Дагестане. В нем 250 тысяч воинов, из них 60 тыс. табасаранского, 50 тыс. хайдакского, 100 тыс. кумухского падишаха, 40 тыс. — нуцала, и они храбрее всех»². Если исходить из данных этого источника, получается, что Табасаран в конце XV в. мог выставить при необходимости до 60 тыс. воинов. Более того, по уточнению М. Р. Гасанова эти 60 тыс. воинов составляли войско «майсумства Табасаранского»³, а в самом Табасаране, который назван в источнике «Джахан-наме» укрепленным замком, проживало 40000 семейств. И нам приходится соглашаться с М. Р. Гасановым, подчеркивающим, что «эти цифры преувеличенные»⁴. Но при этом указывая на

необходимость подтверждения ссылками на источники его мнения, что «в XVI в. майсумство Табасаранское подчинило своей власти ряд пограничных азербайджанских и лезгинских селений»¹. Особо это касается «пограничных азербайджанских» селений, поскольку границы Табасарана не доходили до Азербайджана.

Более достоверны для Табасарана конца XVI в., на наш взгляд, сведения русских источников этого времени о том, что правитель Табасарана или майсум имел в своем распоряжении «500 человек конных»², хотя не исключено, что они несколько преуменьшены. В последнем, нас в определенной степени убеждает сообщение А.-К. Бакиханова о гибели тысячи табасаранцев во время их столкновения с войсками шаха Аббаса I в Шабране в 1607/1608 г.³ Более конкретны сведения о численности табасаранских воинских сил конца XVIII в. Ф. Ф. Симонович в 1796 г. писал, что табасаранский народ в общем соединении может собрать «к походу способных до 10000 человек»⁴. М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг в 1831 г. писали, что округ табасаранский способен выставить в случае необходимости до 1500 человек вооруженных⁵. Для полноты обзора сведений приведем выдержку из «Описания Табасарана» от 1831 г. П. Ф. Колоколова о том, что «В магалах Вольной Табасарании по случаю обороны может собраться войска до 3000, из сего числа конных... не может быть более как 300. Табасаранцы никогда не собираются партиями для хищничества и не делают нападение на соседние народы»⁶.

Исследователи приводят данные источника XVI в. «Джахан-наме» о том, что в Табасаране проживало 40000 семейств⁷. М. Р. Гасанов пишет в своем труде, что из письма, находившегося в распоряжении А. Казембека и адресованного казикумукским шамхалом Будаем астраханскому воеводе во время царствования Алексея (1645—1676), явствует, что число жителей Табасарана в то время составляло 40000⁸. При этом дается ссылка на «Дербенд-наме. Л. 490 // Мемуары, представленные в император-

¹ Там же.

² Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М. 1889. Вып. I. С. 293.

³ Бакиханов А. Гюлистан-Ибрам. Баку. 1926. С. 97.; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала. 1973. С. 151.

⁴ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 199.

⁵ Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 311.

⁶ Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 316.

⁷ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 96.

⁸ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 146.

¹ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся...». М.: Наука, 1979. С. 204.

² Хашиев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 135.

³ Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв. С. 10.

⁴ Там же.

скую академию наук различными учеными и читанные на ее собраниях СПб. 1851.

Как видно из данных источников о численности населения, они весьма приблизительны, поскольку 40 тысяч семейств и 40 тысяч человек — это совершенно разные в общем количественном отношении показатели. Они требуют детальных комментариев, поскольку вызывают противоречивые оценки. Если согласиться с первой цифрой — «40 тыс. семейств», то общая численность населения Табасарана доходила до 160—200 тыс. человек (при подсчете в пределах 4—5 человек на семью, учитывая многочисленность детей в семьях табасаранцев). Быть категоричным в этом вопросе весьма трудно, чтобы не впасть в явную ошибку. Если учесть, что в наше время число табасаранцев не достигает ста тысяч¹, можно сомневаться в реальности цифры «40 тыс. семейств», за счет естественного прироста населения его численность должна была бы быть значительно выше, чем это имеет место ныне.

Здесь же нам кажутся близкими к истине данные Ф. Ф. Симоновича о численности табасаранцев в 1796 г. — 32²—40 тысяч человек³, но уточняя, что в эту цифру следует включать душ и женского и мужского пола. В целом территория Табасарана в средневековье, как и ныне, была густонаселенной и численность населения высокой.

* * *

Необходимо вкратце остановиться на системе управления составляющими Табасаран в целом частями — майсумством, кадийством и узденским (горным) Табасараном, которые функционировали в исследуемый в данной работе период. Достаточно подробно эти вопросы освещены в существующей исторической литературе. В первую очередь, нужно отметить здесь совместный труд А. Р. Шихсаидова и Х. Х. Рамазанова «Очерки истории Южного Дагестана», изданный еще в 1964 г. В нем кратко, лаконично описано «политическое устройство и управление» Табасарана, сказано, что он «по своему политическому устройству не представлял собою единого целого. Здесь было два самостоятельных владения: Северный Табасаран, которым управлял кадий, и Южный, которым управлял майсум. Кроме этих двух владений, были союзы сельских обществ (магалы), испытывшие на себе сильное влияние фео-

дальных владений». Упомянувшийся не раз И.-Г. Гербер в 1728 г. писал по этому поводу, что табасаранцы «имеют своего магзума или владельца, нынешним именем Магумед, да одного кады, нынешним именем Рустан-бек, которым табасаранцы подлежат, только мало послушны бывают; а махсум и кады подчинены бывали султану дербентскому, а ныне наипу и российскому коменданту в Дербенте»¹. Интересно у И.-Г. Гербера и примечание по этому поводу: «сей чин махсум наследственной и остается при одной фамилии; и когда бывает, что махсум умирал, то старший его сын махсумом назначен и поставлен был, только от султана дербентского, а не от шаха: однако ж в том согласие всего табасаранского народа потребно было», так как «оне вольными людьми счисляются»².

Майсум и кадий считались полновластными правителями в своих владениях, имели постоянные резиденции (майсум в Джерахе, кадий в Хучни), отряды вооруженных нукеров. Они ведали всеми внутренними и внешнеполитическими делами. Без разрешения кадия и майсума нельзя было вести торговые дела на подвластной им территории. Они практиковали сбор пошлин с проезжавших через их владения торговцев³.

По мнению А. Р. Шихсаидова власть майсума с XVII в. была наследственной. Наиболее раннее упоминание в русских источниках имеется о князе Кадите Зихрарове сыне — 1593 г., Ак-Масум-хане табасаранском (между 1587 и 1629 гг.) и Хусен-хан Мавсуме (1630—1631 гг.)⁴.

Мнение М. Р. Гасанова по вопросу о наследственности власти майсума несколько иное, т. е. он пишет, что «звание майсума переходило наследственно к старшему в роду» и нередко сопровождалось стычками между разными претендентами.

Порядок избрания кадия и майсума был один и тот же. Власть кадия также переходила по наследству к старшему в роду⁵. Кадия избирали на поляне Херба-Куран в Хучни, где старший из известного тухума из села Хурик надевал на избранного кадия свою старую папаху, а его папаху брал себе. И, как важную деталь, необходимо отметить, что избранный кадий не обязан был знать шариат, поскольку это достоинство переходило к старшему в роду и безграмотный кадий «шариатских дел не решал»⁶.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

² Там же. С. 104—105.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки... С. 155—156.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана... С. 201.

⁶ Там же.

¹ Алимова Б. М. Табасаранцы XIX—нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992. С. 8.

² Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 154.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 155.

Майсумство и кадийство табасаранские не имели сложной системы управления, чиновников, административных учреждений. Майсум и кадий периодически собирали на совет своих приближенных и принимали решения по обсуждаемым вопросам¹.

Кадий и майсум свою власть на местах проводили через беков, которых держали в покорности и которые от их имени управляли селениями и даже целыми магалами (или союзами сельских обществ), разбирали спорные вопросы по адату (бек) и по шариату (кадий) или же просто по своему усмотрению².

Свое распоряжение кадий и майсум через нукеров доводили до сведения беков, которые беспрекословно обязаны были выполнять указания этих сюзеренов (а нередко своих старших родственников). Беки также имели своих нукеров, исполнявших их волю. В отдельных селах беки свою волю осуществляли через сельских старейшин или старшин.

Отметим, что кадий не подчинялся майсуму и наоборот майсум не подчинялся кадию. Они считались равноправными.

Когда такое обособление произошло сказать точно трудно, поскольку существуют разные мнения. А. Р. Шихсаидов пишет, что «Очевидно, к XVII веку относится разделение власти майсума и кадия, вернее возвеличение кадия и превращение его в самостоятельного правителя. Это видно, например, из показаний, которые дал в 1870 году юнкер Мустафа-бек Карчагский сословно-земельной комиссии: «Между беками из майсумовского рода разгорелась междоусобная война, в которой принял участие и народ, во время этой войны майсумы вынуждены были оставить Хучни и переселиться в Джерах, но междоусобия между беками продолжались до того, когда все почти беки были перебиты и остался один малолетний потомок майсума. Этими смутами воспользовались кадии табасаранские и подчинили своему влиянию северный Табасаран. По надписям на могилах в Джерахе видно, что они перешли туда около 300 лет тому назад»³.

Если исходить из этих показаний юнкера Мустафы-бека карчагского, указанные события имели место не в XVII в., а в XVI в., ведя подсчет чисто арифметически. Тогда и Табасаран раскололся на две неравные части. В северной части, объединявшей до 20 селений, стал править кадий. В южной, насчитывавшей до 70 деревень, части Табасарана править продолжал майсум. Первый из них ежегодно получал в XVIII в. 4 тыс. руб. дохода с подвласт-

ных, а второй — 20 тыс. руб.¹. По данным же П. Г. Буткова кадию табасаранскому были подвластны 18 деревень с населением в 6000 душ, а майсуму — до 40 деревень с населением до 24 тыс. душ². По его сведениям «кадий табасаранский никаких положенных доходов не имел, кроме от жалованных дербентским ханом деревень тысяч на пять рублей ханскими деньгами». Всем нужным на свое содержание он довольствовался «от подвластных ему в народе подарков по приезде к ним или по призыву к себе чрез разных их приласкании, каковыми пользуется доходами и майсум максютовский, имея только оброчных с своих некоторых горских деревень тысячи на три рублей ханскими деньгами»³.

В 1796 г. Ф. Ф. Симонович писал по этому вопросу, что «всего деревень в майсумовом Табасаране до 70, а число жителей мужского пола до 21000 душ. С горских некоторых деревень, кроме 3000 рублей ханскими деньгами, максум табасаранский положенных доходов не имеет, а всем нужным довольствуется от подвластных ему в роде подарков по приезде к нам или по призыве к себе чрез разных их приласкании». В кадиевом Табасаране было до 20 деревень. Кадий получал с подвластных такие же доходы, как и майсум. Имел он и до 5 тыс. руб. ханскими деньгами» от жалованных ему дербентским Фатали-ханом деревень⁴.

По сведениям середины XIX в. в Табасаране в пользу майсума и кадия со стороны народа делались ежегодно взносы, а именно: майсуму давали деревни Нитрихского магала по 1 сабе (20—25 кг.) пшеницы с дыма. Кадью с поименованных магалов полагалось то же, что и майсуму: сверх того северотабасаранский магал Харак давал ему по 2 киле пшеницы и по ложке масла, а магал Кухрик по 3 киле пшеницы и по ложке масла с дыма. «В раятских же деревнях платили кадию или майсуму душарлык и отбывали натуральные повинности»⁵.

Майсуму ни в чем не уступал кадий. Согласно преданию, он «производил суд, расправу, собирал народ на войну, предводительствовал им, был полновластным хозяином в Табасарани, пользовался неограниченной властью»⁶. По его приказанию уби-

¹ Там же. С. 202.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 156.

³ Там же. С. 99.

¹ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 194.

² Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

³ Там же. С. 211.

⁴ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 153.

⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М.: Наука. 1965. С. 44—45.

⁶ Там же. С. 50.

вали людей, и за это убийцы не подвергались никакому мщению со стороны родственников убитого¹.

В рассматриваемую эпоху в Табасаране, в частности в майсумстве, происходил процесс дальнейшего углубления и развития феодальных отношений, сопровождавшийся феодальными междоусобиями. Особенно заметно это стало в майсумстве во второй половине XVIII в. Именно об этом свидетельствуют сведения П. Ф. Колоколова от 1831 г. о том, что в прежние времена Табасаран управлялся майсумами, «но около 1780 года, когда по смерти Муртазали майсума, за малолетностью сына его Наврус-бека, оно подпало под управление матери его Карахан-кизы-ханум, Муртазали кадий, живший в то время и имеющий влияние на народ, увидя слабость в правлении, воспользовался случаем и завладел магалом Ярей. Впоследствии же времени сын его Рустем-кадий завладел магалами Хучни и Тат(?), жители же магалов Гуркул и Хираг признали себя независимыми. С сего времени наследники майсумов управляли только магалами Хараг-Шилли, Агмергу, Агул-дере и Этех. Управление их сими магалами продолжалось до 1814 г.»².

Около 1814 г. магалы Агмергу и Агул-дере подпали под власть Сурхай-хана казикумукского и кюринского, а «с 1820 году и магал Кашан-дере подпал под управление» его же. В 1826 г. при смутных обстоятельствах магалы Хараг-Шилли, Когрын, Суак, Дыре и Нитриг, признав себя независимыми, «соединились с магалами Гуркул и Хираг»³.

Все это позволяет говорить о том, что внутриполитическая ситуация в Табасаране в исследуемый период была довольно сложной, неустойчивой. Но в любом случае жители всех частей Табасарана платили своим владетелям подати, смотря по богатству и числу семейства, от одного до восьми рублей серебром в год, а также штрафы по разным поводам⁴.

Необходимо отметить большую исследовательскую работу, проделанную В. Г. Гаджиевым, по выяснению количества и объема выплачивавшихся табасаранцами в прошлом податей. По его данным хлебная подать в Табасаране называлась «дегъеком», что означает десятая часть урожая. Но чаще она взималась по установленным в различных местах нормам, как об этом сказано в архивных материалах, введенных им в научный оборот⁵. В одних селениях Северного Табасарана ее вносили с количества скота

в хозяйстве, в других, а также во всех райятских селениях Южного Табасарана — с двора. При этом в одних селениях по 2 капана пшеницы и 1 капану чалтыка, в других — по 2 сабы пшеницы и по 2 сабы ячменя, в третьих — от 2 до 6 саб пшеницы и ячменя. Жители селений, вносивших хлебную подать, обязаны были выплачивать с хозяйства обычно 2 сабы пшеницы и 2 или 3 сабы ячменя. Жители «селений Зиля, Ташилу, Ухрах, Цуптила» выплачивали по 4 сабы пшеницы и ячменя, а сел. Архита, Ферганы, Мурад-Али-кента и ряда других — по 5 саб. пшеницы и ячменя¹.

Податями облагались и фруктовые деревья, особенно ореховые. В одних селах выплачивали 2 сабы, в других — 3 сабы орехов; с виноградника — 1 или 2 сапетки винограда с дыма; разводившие марену платили 25—50 коп. с пуда сухой марены. Распространена была и подать дровами. По 1 арбе дров с хозяйства доставляли бекам жители сел. «Ушнюг, Цурпил, Арак». Жители сел Мограй, Рукель, Кемал доставляли по 4 арбы с дыма. Жители же сел Миташ, Мугатырь, Зиль обязаны были доставлять по арбе самана или сена. Подать баранами, курами, яйцами платили все райятские селения, подать маслом и холстом — жители сел Виршашил, Цуртиль. Жители Рукеля, занимавшиеся добычей соли, обязаны были отдавать беку 2 капана соли².

Распространена была в Табасаране и рента «личными работами» — пахать и сеять землю бека, косить, молотить и свозить к дому бекский урожай. Райяты одних сел пахали земли феодалов 2 дня, других — 3 дня. На уборку бекам выставляли в одних райятских селах по 1 жнецу с дыма на 1 день, а в других — на 2 дня. Владельцы лошадей отдавали их на 1 день в году на молотбу бекского урожая.

Жители всех райятских сел обязаны были собирать снопы и отвозить их на своих арбах на гумно, перевозить зерно бека в его дом, а при надобности и на мельницу, «убирать накошенное сено»³. «Райятские селения, населенные евреями», выделяли по 1 человеку с дыма на день на прополку бекской пашни. Все повинности райяты исполняли на своем продовольствии, т. е. бигером, кроме жатвы эврезом (т. е. мирской сходкой), когда бек обязательно выставлял угощение для всех⁴. Но и в этом случае бек не оставался в накладе⁵.

¹ Там же. С. 208.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 208—209.

⁵ Особое мнение члена южнодагестанской сословно-поземельной комиссии майора Симонова. 1874 г. // Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. / Сост. Хашаев Х.-М. М. 1969. С. 147—148.

¹ Там же.

² Колоколов П. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 315.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 207—208.

Подробные данные о повинностях, которые отбывались табасаранцами майсуму или кадию, а также бекам до присоединения Табасарана к России, содержат два документа от 1866 г., составленные царскими властями. Это — «Инструкция повинностям, коими обязаны жители раятских деревень южной Табасарани в пользу своих беков», а также «Отзывы табасаранских беков о раятских повинностях»¹.

Эти повинности и подати обеспечивали феодальному классу — майсумам, кадиям, бекам и их приверженцам — безбедное существование. Видимо, об этом и о том, что органы самоуправления в феодальных владениях и союзах сельских обществ защищали в первую очередь интересы социальных верхов, а не рядовых крестьян — узденей, общинников и раятов, нужно помнить сторонникам идеи введения в Дагестане органов самоуправления.

* * *

Историческая география предполагает и освещение основных политических событий, происходивших на изучаемой территории и в которых принимал активное или пассивное участие живущий на ней народ. Это методологическое положение остается в силе и при изучении исторической географии Табасарана XVII — нач. XIX в.

В 1601—1602 гг. кюринцы и табасаранцы вместе подняли восстание против турецкого господства, но не имели успеха².

Начало XVII в. принесло табасаранцам довольно суровое испытание: им не раз пришлось столкнуться с войсками грозного в то время иранского шаха Аббаса I (1587—1629), который попытался покорить народы Дагестана своей властью, а вообще мечтал создать государство, объединявшее народы Кавказа и даже Крыма под эгидой Сефевидов. На всех этих аспектах политики Аббаса I не станем акцентировать внимание.

Здесь обратимся лишь к тем аспектам политики Аббаса I, в которых речь касается Табасарана. Шах Аббас I в 1603 г. начал войну против Турции с целью вытеснения из Закавказья ее войск и установления своего контроля над этим регионом. Он имел успех. В 1606 г. он взял Карабах, Баку, занял без боя Дербент³, так как жители Дербента подняли антитурецкое восстание и заставили капитулировать находившийся в нем турецкий гарнизон (по

одним данным 60—70 человек¹, по другим — 200—300 человек²). После этого депутация города во главе с сыном Хаджи Мухаммеда прибыла к шаху Аббасу I в Шемаху с просьбой занять Дербент. Эта депутация была принята с большой любезностью шахом. Члены делегации получили ценные подарки, деньги. После этого к шаху стали являться правители Дагестана с выражением покорности. Среди таковых были братья Рустам-хана кайтагского и Массум-хан табасаранский. Однако он, по словам А.-К. Бакиханова, «по неизвестным причинам и, кажется, по строптивости характера, свойственной горцам, возвратился тайно в Табасаран». Тем не менее, «шах, желая приласкать его, отправил вслед за ним в подарок почетную одежду и ласковое письмо»³.

Этот возврат майсума табасаранского с дороги домой вызвал разные толкования исследователей. А. Р. Шихсаидов объяснил этот шаг майсума как демонстрацию желания его вести самостоятельную политику⁴. Другое объяснение сводится к предположению, что для такого шага «у правителя Табасарана имелись неизвестные нам доводы», что «может быть он первым из дагестанских правителей понял всю опасность создавшегося положения, так как его владение непосредственно граничило с дербентским наместничеством, что позволяло ему быть в курсе политики иранских властей в Дагестане»⁵.

Вслед за «ласковым» письмом табасаранский правитель Ак-Масум-хан вместе с уцмием Рустам-ханом получили «почетные одежды и прочие награды» от шаха.

Ак-Масум-хан же табасаранский, изъявляя за это свою благодарность шаху, отправил в его гарем девушку — «одну из своих ближайших родственниц»⁶.

Однако это не изменило хода событий, не предотвратило столкновение в 1607/1608 г. шахских войск с табасаранским ополчением, находившимся в небольшой крепости в одной из местностей Шабрана еще при господстве там турок. Табасаранцы, по словам А. Бакиханова, «владея этим пунктом, затрудняли сообщение между Дербентом и Шабраном». Поэтому шах поручил своему военачальнику Зульфугар-хану овладеть этой местностью, воздвигнуть на ней крепость и поселить в ней гарнизон войск. Зульфугар-

¹ Там же. С. 110—117.

² Умаханов М.-С. К. Указ соч. С. 208.

³ Там же. С. 144—147.

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. Баку, 1991. С. 115.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 116.

⁴ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 113.

⁵ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 148—149.

⁶ Бакиханов А.-К. Указ. соч. Баку, 1991. С. 118; Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан, Махачкала, 1929. С. 49.

хан пытался уговорить майсума мирно уступить в этом вопросе и уйти с занятой им территории. Последовал отказ майсума и как результат — произошло сражение между войсками шаха Аббаса I и отрядом майсума табасаранского, который потерял до 1000 бойцов¹.

События эти возмутили табасаранцев и других дагестанцев, которые стали опасаться карательных действий со стороны шаха Аббаса I. В 1610—1611 г. произошло новое столкновение табасаранцев с шахскими войсками «в стороне Астал», под которым А. Р. Шихсаидов подразумевает одно из сел: Юхари-Стал, Орта-Стал или Ашага-Стал². Сражение было кровопролитным. Опять горцы были разбиты. Шах Аббас I пытался, обвинив Зульфугар-хана в самочинных действиях и принеся его в жертву своим дальнейшим политическим целям, успокоить табасаранцев и вообще дагестанцев. Этот маневр ему удался, хотя и ненадолго, феодальные владетели Дагестана поверили в справедливость шаха Аббаса I, отправили к нему своих сыновей и родственников³.

Однако в 1614/1615 г. произошло новое столкновение табасаранцев и кайтагцев с вторгшимися в их пределы шахскими войсками⁴, которые в конечном итоге вынуждены были уйти практически ни с чем. Однако Аббасу I удалось все же сохранить значительное влияние на табасаранских владетелей⁵.

Политика следующего иранского шаха Сефи I (1629—1642) была менее агрессивной по отношению к Табасарану, где он только хотел крепость поставить и поселить в ней гарнизон своих войск⁶. Однако это намерение Сефи I не нашло поддержки в Табасаране.

Не была поддержана в Табасаране, как и в других частях Дагестана, и попытка шаха Аббаса II (1642—1667) использовать войско Табасарана для подавления антииранского восстания в Кайтаге в 1659/1660 г., в котором с дагестанской стороны участвовало около 30 тысяч человек против 15-тысячной шахской регулярной армии, вооруженной артиллерией⁷.

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 118.

² Шихсаидов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 147.

³ Бакиханов А.-К. Указ. соч. 1991. С. 119; Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 152.

⁴ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 154; Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 133.

⁵ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 168.

⁶ Там же. С. 175—176.

⁷ Там же. С. 189—190; Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. / Под ред. А. А. Зимина. М. 1962. С. 686; Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 134—135.

Шах Сулейман (1667—1694 г.) проводил в отношении Дагестана такую же агрессивную политику, как и его предшественники. Его войска в 1684 г. вторглись в Кайтаг и Табасаран, в результате чего «сложили многие головы из Кайтага и Табасарана»¹. Но стратегических успехов этот поход особых не имел².

В ряду внешнеполитических событий, в которые были втянуты табасаранцы, был «Персидский» или Каспийский поход Петра I в 1722—1723 г. Отношение к нему табасаранцев в принципе довольно полно освещено было еще в 1964 г. Х. Х. Рамазановым и А. Р. Шихсаидовым, писавшими, что 30 августа 1722 г. русские войска во главе с Петром I подошли к реке Рубас и заложили крепость, рассчитанную на гарнизон в 600 человек. «Власть Петра I была признана почти всеми селениями табасаранцев... Табасаранский владетель Рустам-кади обратился к Петру I с просьбой оказать помощь в борьбе с ушмем кайтагским, Сурхаем Казикумухским и Дауд-Хаджи Мюшкюрским. Эти феодалы нападали на владения Рустам-кади в отместку за то, что он не принимал участие в военных предприятиях против русских войск». Рустам-кади жаловался, что Хаджи-Дауд разрушил его «столицу Хучни»³.

Петр I благосклонно отнесся к просьбе табасаранского кадия, обещал в случае необходимости помощь войсками. Более того, «за преданность русскому престолу табасаранскому майсуму было определено жалованье 200 руб. в год. В 1728 году табасаранским владетелям Майсум-беку и Кадыр-Рустам-беку было выдано из царской казны 400 руб. С 1723 по 1728 год писарь табасаранского майсума также не раз получал деньги «за оказанные услуги»⁴.

«В целом же с 1722 по 1735 год Табасаран, как и некоторые другие части Южного Дагестана, находился в сфере влияния России. Табасаранские майсум и кадий были подчинены дербентскому наibu и русскому коменданту в Дербенте»⁵, хотя никаких податей царю табасаранцы не платили. Сохранились по этому вопросу и архивные документы. Во-первых, это письмо табасаранского владельца Рустема к Петру I с просьбой о строительстве города в Табасаране для защиты от нападения лезгинского владельца Дауд-бека и казикумухского Сурхай-хана⁶. Письмо это датировано 30 августа 1722 г. Во-вторых, выдержка «из грамоты Петра I

¹ Шихсаидов А. Р. Новые данные... // Уч. зап. Ин-та ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 147.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 174—175.

³ Там же. С. 174.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Там же. С. 175.

⁶ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. / Сост. П. Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 253—255.

табасаранскому владетелю Рустему в ответ на его письмо», датированное 1 сентября 1722 г.¹ Петр I, ссылаясь на скорую осень, объяснял Рустему невозможность возведения просимой им крепости в Табасаране и обещал эту просьбу выполнить весной следующего года.

Не остался Табасаран в стороне и от борьбы народов Дагестана против завоевательной, захватнической политики иранского Надир-шаха.

По этому поводу можно написать много, хотя и написано немало. В задачу данного исследования не входит описание или раскрытие всех подробностей этой борьбы. Остановимся лишь на некоторых основных ее моментах. Известно, что Надир вторгся в Дагестан в 1734 г. Но его первый поход практически не затронул Табасаран. Второй поход иранских войск в 1735 г. серьезно затронул и Табасаран. Имеются сведения о том, что Надир, «вступив в Кайтаг, принудил уцмий покориться и заставил табасаранцев и докузпаринцев выдать заложников»². Он прошел в Табасаран по Алты-Агачской дороге, совершил «поход в магалы Етег и Хиналарик с целью наказания восставших жителей», отобрал продовольствие у жителей магала Дере³.

В ходе третьего похода Надир-шаха в Дагестан в 1741 г. в октябре месяце он послал сильный отряд войск против Табасарана и Кайтага. В происшедшем сражении шахские войска были разбиты⁴. В 1742 г. с 30-тысячным войском Надир-шах трижды вторгся в Табасаран, но каждый раз терпел поражение, терял много людей и отступал⁵. В 1743 г. в антинадировское восстание во главе с Сам-Мирзой*, выдававшим себя за сына шаха Гусейна Сефевиды и поддержанным сыном Сурхай-хана казикумухского Магомед-ханом, были вовлечены и табасаранцы⁶.

Мухаммед-Казим — историограф Надир-шаха называл «часть лезгин известная под названием табасаранцев», «зловреднейшей из упомянутого племени»⁷. И когда в Южном Дагестане начались антииранские выступления, по словам Мухаммед-Казима, «Хакан, покоритель мира, Надир приказал, «так как бунт и мятеж начали люди Табасарана и Рутула, лучше будет в первую очередь пойти

¹ Там же. С. 254—255.

² История Дагестана. Т. I. С. 360.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки... С. 179.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ История Дагестана. Т. I. С. 368.

⁶ Там же. С. 371—372.

* В «Истории Азербайджана» (Баку. 1958. Т. I. С. 327—328) он назван Сефи-Мирзой.

⁷ Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 147.

на них, стереть их с лица земли и перебить жителей того края». И для этой цели в Табасаран был направлен отряд в 2 тыс. человек¹. Но табасаранцы и «примерно 30 тыс. лезгин закрыли вход в ущелье, ожидая приход победоносного войска», т. е. каджаров. Битва завершилась победой горцев и «кизылбаши под покровом ночи отступили в свой лагерь». На следующий день Надир-шах сам возглавил отряд войск и вновь разгорелось сражение, в котором персы потеряли не менее 300—400 человек. На третий день еще ожесточеннее сражались горцы с персами. По словам Мухаммед-Казима, «со всех сторон Дагестана пришло много лезгин на помощь табасаранцам. Собралось огромное множество людей, так, что гора, склоны ее и вся земля были полны... лезгинскими стрелками»². В ходе этих событий в одном бою табасаранцами было убито 800 шахских солдат и сам шах едва не лишился жизни.

В целом табасаранцы оказали достойное сопротивление войскам «Грозы Вселенной», не покорились Надир-шаху, как и другие народы Дагестана³.

Во второй половине XVIII в. Табасаран оказался втянутым в политические события, связанные с деятельностью Фатали-хана кубинского, присоединившего в 1765 г. к своим владениям Дербент и Дербентское ханство в целом с помощью шамхала тарковского и уцмий кайтагского⁴. Это обстоятельство восстановило против него казикумухского и аварского ханов, табасаранского майсума. Казикумухский Магомед-хан, кайтагский уцмий Амир-Гамза, табасаранские майсум и кадий стянули свои войска к берегам реки Самура, чтобы напасть на Кубу — резиденцию Фатали-хана. Это было в 1774 г. В местности Гавдушан произошло сражение между их отрядами и войсками Фатали-хана, который был разбит и бежал в Сальяны, бросив Кубу, которой овладел Магомед-хан казикумухский.

Фатали-хан обратился за помощью к российской императрице Екатерине II, отправившей в помощь ему в 1775 г. отряд войск во главе с генерал-майором де Медемом, воспользовавшись, к тому же, как поводом для этого, задержкой кайтагским уцмием Амир-Гамзой российского академика Гмелина, скончавшегося вскоре в плену у уцмий. Фатали-хан умело использовал помощь императ-

¹ Там же. С. 147.

² Там же; Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 238—239.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки... С. 181; Гасанов М. Р. Очерки... С. 288—241; Сотавов Н. А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С. 149—151.

⁴ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 184.

рицы. С помощью российских войск он разбил в Кюре Магомед-хана казикумухского. Затем он двинул войска в Табасаран.

По идее де Медем, как отмечал еще П. Г. Бутков, «долженствовал окончить свою экспедицию единственно поражением уцмий; но по усердию к службе убедился не пропустить никаких авантажей, на пути его представших, ко мнимой им пользе России, и таким образом, превзойдя меру данного ему поручения, принял предложение Фетали-хана, с тем, чтоб и по отбытии его оставить в Дербенте некоторый воинский отряд, для стражи сего места»¹.

Однако де Медем, «склонясь к видам Фетали-хана, обратил еще оружие российское, кроме усмий, и на прочих неприятелей Фетали-хана, владельцев табасаранских, хотя они противниками России не являлись, и о том кади давал знать Медему, но под предлогом производства понсков над усмием и его сообщниками»² Криднер двинулся с войсками «по дороге, идущей чрез кадыеву деревню Зиль к деревне Ерсн». При этом проводником отряда царских войск во главе с майором Криднером был сам Фатали-хан. Однако табасаранцы уклонились от боя и укрылись «в крепкие места гор». Криднер не рассчитал своих сил, зашел слишком далеко в глубь Табасарана с недостаточным числом войск, потерял в стычках с табасаранцами «штангарт, знамя и барабан». Не был поддержан Криднер и кадием табасаранским и ему пришлось возвратиться в Дербент, а потерянные им регалии царского отряда были выкуплены де Медемом за 170 рублей.

Как отмечено в «Очерках истории Южного Дагестана», табасаранцы, «надеясь на свое крепкое местоположение», решили защищаться. Но они были разбиты в местности Калух и рассеяны, а Фатали-хан, разграбив местное население, вернулся в Дербент³. И все же в конце 1775 г. царские войска ушли в Кизляр, а Фатали-хан примирился с уцмием, казикумухским ханом и табасаранскими владельцами.

В конечном итоге, воспользовавшись междоусобицами в Майсумстве, Фатали-хан добился возведения в ранг майсума Магомед-Гусейнбека, которому наследовали братья его Сограб, Шамхал и сын последнего Кирхляр-Кули⁴.

В конце XVIII в. наметилось сближение табасаранских правителей с российскими властями на Северном Кавказе, в частности с кизлярским комендантом. Иначе говоря, с конца XVIII в. майсум

и кадий табасаранские твердо стали ориентироваться на Россию и оказывали всяческую помощь русским войскам. В частности, они помогли царским войскам разбить войска Сурхая II казикумухского на берегу Самура в 1796 г. В 1797 г. из Петербурга вернулся посланец табасаранского Рустам-кади с покровительственной грамотой Павла I¹. Представители табасаранских правителей в 1801 г. принимали участие в коронации Александра I, а в 1802 г. участвовали в совещании царски настроенных феодалов Северного Кавказа в Георгиевске².

За такую верность царское правительство щедро вознаграждало владельцев Табасарана. В конце XVIII века Рустам-кади табасаранский был возведен царским указом в чин 4 класса с определением ему жалованья в 1500 руб. в год. Махмуд-бек и Сограб-бек табасаранские получили в подарок от царской казны 20 аршин парчи, 10 аршин сукна, 5 аршин атласа. Магомед-кади был возведен в чин полковника царских войск, а Махмуд-беку и Мустафа-беку было определено денежное вознаграждение³.

Интересно отметить то, что, когда Шихали-хан дербентский предложил табасаранским владельцам оказать ему содействие в борьбе с русскими войсками, они отказали ему в поддержке⁴. Согласно имеющимся сведениям, Магомед-кади табасаранский выражал в самом начале XIX в. в письме к Мехти-шамхалу тарковскому свою готовность служить царю на тех же условиях, на каких служил тарковский Мехти-шамхал, посредничавший в приведении табасаранских владельцев в российское подданство⁵. Табасаранский владелец Абдулла-бек обращался к командовавшему царскими войсками на восточном Кавказе Цицианову с сообщением о смерти в ноябре месяце 1801 г. его отца — табасаранского кадия и выражением своей готовности служить царю. Это видно из письма Цицианова гр. Воронцову от 28 декабря 1802 г.⁶

Как бы в ответ на это гр. Воронцов писал Цицианову 23 мая 1803 г., что он говорил с царем Александром I о кади табасаранском и царь поддержал идею признания кадием Табасарана Абдулла-бека и назначения ему жалованья⁷.

¹ Там же.

² Там же. С. 187.

³ Там же.

⁴ Там же; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С. 186.

⁵ АКАК. Тифлис, 1866. Т. I. С. 777.

⁶ Там же. С. 778.

⁷ Там же. С. 779.

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. II. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 185.

⁴ Там же. С. 186.

Тем не менее, Абдулла-бек не стал позднее придерживаться пророссийской ориентации, а стал сторонником дербентского Ших-али-хана, отстаивавшего свою независимость от России. Как видно из рапорта генерала Хатунцева маркизу Паулуччи от 27 января 1812 г., этот Абдулла-бек не явился на сбор владельцев Табасарана и Кайтага, созданный Хатунцевым в селе Ерси для урегулирования их отношений с российскими властями¹. Этим он показал свое отрицательное отношение к предпринимавшимся царским генералом в южном Дагестане мерам по упрочению позиций России в этом регионе. Более того, в рапорте генерала Хатунцева ген. Ртищеву от 25 июня 1815 г. есть сообщение об обращении к Ртищеву, бывшему в Дербенте, тарковского Мехти-шамхала с извещением о подготовке антироссийского возмущения во всем Дагестане. Шамхал Мехти писал Хатунцеву, что табасаранский «кадий есть явный изменник и также из числа родственников Ших-Али-хана» дербентского и предлагал его арестовать и отправить в ссылку в Астрахань².

В конечном итоге взаимоотношения Абдулла-бека ерсинского с царскими властями все обострялись и привели к кровопролитному сражению. Вот, что доносил ген.-майор кн. Мадатов ген.-л. Вельяминову в рапорте 15 авг. 1819 г. из лагеря при деревне Хучни: «Совершил поход с 500 человек пехоты и 3-мя орудиями и 150 казаками, конницей Аслан-хана Кюринского к дер. Хучни, в которой находился изменник Абдулла-бек ерсинский... В ходе сражения Абдулла-бек был ранен тяжело, лошадь под ним убита и сам прогнан с семейством в Акуша... Покорил присягою все остальные 6 магалов Табасарана на верность подданства России»³. Далее он писал, что «привел в покорность табасаранцев», поручил управление ими зятю шамхала тарковского Абдур-Реззак-беку, которого назначил кадием у табасаранцев⁴, взял клятвенное обещание старшин, кетхудов, улемов и вообще всех жителей Табасарани, подвластных майсуму, а также жителей Табасарана, подвластных кадию — магалов Харали-ар, Чокдул, Кухрук, Хараг, Чуркул и Кераг служить царю и быть ему верными⁵.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

¹ АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 153—154.

² Там же. С. 629.

³ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 72.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Там же. С. 74.

* * *

Все сказанное свидетельствует в пользу того, что Табасаран в исследуемый период переживал процесс углубления и развития феодальных отношений, социальной дифференциации общества, при этом не только в феодальных владениях (кадийство и майсумство), но и в союзах сельских обществ, где крупные, сильные тухумы верховодили на сельских сходках при выборе общинной администрации, решении проблем землепользования, принятии решений по самым различным вопросам, о чем довольно подробно сказано в работе М. Р. Гасанова¹. Система управления в каждой из трех частей Табасарана защищала все формы собственности (феодальную, частнокрестьянскую, общинную или джамаатскую, вакуфную или мечетскую), но особенно первую форму. Социально-правовое положение любого жителя Табасарана определялось как его социальным происхождением, так и качеством и количеством принадлежащей ему пахотной земли и сенокосов, а также численностью поголовья его овец и крупного рогатого скота. Безусловно, оказывало влияние и положение его тухума среди других тухумов общества, в котором он проживал².

§ 3. Цахурское (Элисуйское) султанство

Одним из известных феодальных владений Южного Дагестана в XVI — начале XVII в. было Цахурское султанство, охватывавшее земли верховий р. Самур. В XVIII—XIX вв. оно было более известно как Элисуйское (или Елисуйское) султанство, так как резиденцией его правителей стало селение Элису (Елису, Илису). По сведениям И. П. Петрушевского цахуров принято было считать выходцами из Дагестана, а «великодержавные русские историки XIX в. (Линевич, Эсадзе и др.) называли их, как и всех дагестанцев, «лезгинами» и считали пришельцами-завоевателями, захватившими эту часть территории Кахетинского царства в XVII в. Это в такой же мере неверно, как и легенда о «хищническом вторжении» в Кахетию аваров. Как и авары, цахуры жили и до XVII в. в нагорных частях Восточной Кахетии более или менее значительными родовыми общинами, обязанными «военной службой местным грузинским моуравам». От царевича Вахушти известно, по словам И. П. Петрушевского, что «уже в XVI в. цахурских

¹ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 207—214.

² Там же. С. 209—211.

поселений здесь было много. Нет никаких данных для утверждения о переселении или вторжении цахуров значительной массой в какой-либо период», а «падение власти грузинских феодалов в данном районе было связано не с «хищническим вторжением» цахуров, а с укреплением в Восточном Закавказье власти Персии и, в связи с этим, со сменой состава части феодальной верхушки здесь»¹.

Отметим здесь и то, что «цахуры заселяли сплошь оба склона Главного Кавказского хребта и северную и среднюю (гористую) части территории султанства. Они составляли четыре вольных общества (джамаата) — Цахурское (на сев. склоне Главного хребта), Сувагильское, Карадулакское и Илсуйское (всего 26 селений). Общества состояли из тохумов, с социально-правовым укладом, аналогичным всем дагестанским тохумам». При этом, «в отличие от джаро-белаканских вольных обществ, цахурские общества не владели кешкельными крестьянами и имели право групповой сенъерии по отношению к мугальским и ингилойским селениям»².

Самоназвание цахуров «йихби». Этноним народа «цахи» — Цах происходит от главного селения Цахур, в названии которого выделяется «ца» (огонь). Цахуры занимают ущелье в верховьях реки Самур, так называемый Горный магал, а также южные склоны Главного Кавказского хребта³. На западе Цахурское владение примыкало к землям Грузии и Ширвана, а на востоке граничило с землями рутулов⁴. Наиболее крупными населенными пунктами цахуров являлись селения Цахур, Курдул, Гельмец, Хочек, Муслах, Хнач, Тиших, Кальял, Мухах, Мишлеш, Дишних.

Наиболее древним считалось селение Цахур, которое, согласно преданиям, было основано в 500 году хиджры (1150 г. н. э.) в ущелье Санбур (Самур)⁵. Он «считался в то время самым сильным селением по многолюдству и отваге его обитателей»⁶. Известно было это селение и тем, что в нем имелось «медресе, которое основал «визир Низам-ал-Мулк ал Хасан ибн Али ибн Исхак»⁷, в котором имелись «преподаватель (мударрис) и законоведы

(факихи)», каждый из которых получал «ежемесячно» одного барана и определенное количество (зерна) султ. Ислам в нем рано утвердился в качестве главной религии. В 1432 г. в нем была возведена мечеть.

Согласно данным XIII в., в Цахуре не было своего правителя. Но в конце XV в., согласно преданию, в Цахур были приглашены беки из несуществующего ныне селения Хоца¹. Они были приглашены уставшими от межтохумных распрей цахурами в надежде, что эти беки будут править справедливо по отношению ко всем тохумам, будучи по отношению ко всем им нейтральными. Однако приглашенные беки не оправдали надежд цахуров. Они стали вести себя вызывающе, бесчинствовали, чем и вызвали недовольство всех цахуров, подвергшихся их произволу.

Фактически приглашенные беки вели себя как хозяева всех бывших джамаатских земель и сдавали их в пользование сельчанам за две трети урожая. Население не только села Цахура, но и других цахурских сел вынуждено было выполнять много повинностей в пользу беков².

Как писал еще И. Линевич, за то, что «пришельцы-беки стали важничать и производить разные бесчинства, ... выведенный из терпения народ решил перебить всех беков с женщинами и детьми»³. В начале XVII в. цахурцы решили покончить с произволом беков. Восемнадцать смельчаков пробрались в мечеть, где молились беки, и всех их там убили. После этого они отправились к домам беков, расположенным в западной части села, и убили всех бекских женщин. Казалось, что с родом беков было покончено. Однако во время этих событий одна беременная женщина из бекского рода гостила в селении Мыхых. Получив известие о событиях в Цахуре, она бежала в селение Елису, где родила сына, нареченного Алибеком⁴. По достижению им совершеннолетия этот Алибек был признан цахурами своим правителем, а иранский шах дал ему титул султана⁵.

Все это говорит о том, что цахурцы оставались без бекской власти всего где-то около 15—16 лет, поскольку совершеннолет-

¹ Петрушевский И. П. Джаро-Белокаанские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С. 74.

² Там же.

³ Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. М., 1990. С. 3; Гасанов М. Р. Загадки этнонимов Дагестана. Махачкала, 1997. С. 101.

⁴ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 99.

⁵ Фон-Плотто А. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис 1870. Вып. IV. С. 9—10.

⁶ Там же; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 53.

⁷ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 53.

¹ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 225.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 107.

³ Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис. 1873. Вып. VII. С. 5.

⁴ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. I. С. 225.

⁵ Там же; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 150; Умаханов М.-С. К. О классовой борьбе в феодальных владениях Дагестана в XVII веке // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 134.

ним в этот период считался мужчиной, достигший 15-летнего возраста, особенно если он был женат.

Ожесточенный характер этой борьбы цахуров с местными беками, в результате которой «местные беки и их семьи были полностью истреблены», подчеркнут и в «Истории Дагестана»¹, хотя в ней Цахурское владение обойдено вниманием при характеристике феодальных владений Дагестана XVI—XVII вв.

По вопросу об образовании Елисуйского султанства, как отмечал еще И. П. Петрушевский, существуют различные предположения. Цахурское предание считало елисуйских султанов потомками беков Цахура (на сев. стороне Главного хребта). В сел. Цахур, действительно, уже с половины XVII в. были беки, может быть выделившиеся из рядов тухумной знати. Они пользовались феодальными правами и над некоторыми грузинскими селениями, по-видимому, в виде бенефиция за службу кахетинцам. В 1562 г. персидский шах Тахмасп I закрепил за Ади-Куркулу-беком цахурским феодальные имущественные права над селениями Кахского (речь идет не о Кахетии, а о сел. Ках) моуравства Бабало, Шотавар и Кураган². В 1592 г. тот же Ади-Куркулу-бек получил уже от турецкого султана, завладевшего тем временем Закавказьем, фирман на пожалование ему селений Ках и Мешербаш³. Все это очень важно знать при решении вопросов о границах и т. д.

В селе Ках существовало предание о том, что в нач. XVII в. Цахур был подчинен ханскому (в Дагестане) беку Али, потомками и преемниками которого будто бы являлись султаны.

Существовало и цахурское предание, которое уже было приведено и согласно которому, во время уничтожения беков цахурских, сохранилась одна беременная женщина, родившая сына, ставшего впоследствии султаном Елису (Елису)⁴.

И. П. Петрушевский не считал по происхождению елисуйских султанов наследниками цахурских султанов или беков, а считал наследниками грузинского моурава елисенского Вахаишвили, признавшего себя вассалом Персии и принявшего ислам⁵. Основанием этого исследователь считал то, что в XIX в. тухумный уклад в Цахуре был достаточно крепок.

С перемещением центра-резиденции цахурских беков в Елису, поскольку ни Алибек, ни его преемники не возвратились в Цахур,

хотя цахурцы и признавали их власть, владение получило название Елисуйского (или Илисуйского) султанства. Случилось это в начале XVII в. Как указывалось уже, в состав этого владения вошли четыре цахурских общинных союза — Цахурский, Сувагильский, Карадулакский и Елисуйский — всего 26 селений.

Верховная власть в них принадлежала султанскому феодальному дому и каждый очередной кандидат в правители из числа беков — членов султанского дома избирался верхушкой всех указанных выше цахурских союзов сельских общин. Интересно то, что в первое время к султану были даже приставлены вакилы (уполномоченные союзов)¹, которые следили за соблюдением им адатных норм, за его политикой и т. д.

В султанстве наблюдалась определенная этническая дискриминация, свидетельством чему служит то, что «зависимые крестьяне из числа нецахурского населения (ингилойцы, мугалы) были в полном подчинении властного феодала»². Цахуры считались в султанстве привилегированной группой, так как на них опирались султаны³.

Сведений о Цахурском владении не очень много, хотя вопросы его истории в определенной степени и затрагивались во многих монографических и в коллективных исследованиях. В 1961 г. Х.-М. Хашаев попытался обобщить сведения по этому феодальному владению. Он писал, что «В. Линден в статье «Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края» указывает, что центр Елисуйского султанства до XVII в. находился в сел. Цахур, а после восстания цахурского населения против беков был перенесен в Елису, за Кавказский хребет, в район бывшего Закатальского округа. Шах Тахмасп I в 1562 г. дал грамоту на владение Цахуром Ади-Куркулу-беку. Через 30 лет он получил грамоту турецкого султана на управление Цахуром и двумя селениями Кахского района. Шах Аббас I в 1606 г. утверждает его во владении, а в 1609 г. султан — Осман II жалует грамоту цахурскому владельцу Магомед-хану, а в 1642 г. шах Аббас II — сыну Магомед-хана Халиль-беку»⁴. По сведениям Х.-М. Хашаева, «потомок этих ханов Даниел-Султан обратился в июне 1842 г. к военному министру Чернышеву с просьбой не включать его владение в состав Грузино-Имеретинской гу-

¹ История Дагестана. М. 1967. Т. I. С. 246.

² Петрушевский И. П. Джаро-Белокапские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С. 74.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Там же.

¹ Там же. С. 76.

² Магомедов Р. М., Магомедов А. Р. История Дагестана. Махачкала, 1994. С. 135.

³ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 75.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 186.

бернии, а оставить его самостоятельным владельцем, подотчетным только наместнику Кавказа. При этом он сообщал, что подал об этом заявление на имя наместника с приложением 35 фирманов шахов и грамот султанов, подтверждающих, что отец его Ахмед-хан владел землями и раятами. «Султанство Елисуйское было ликвидировано в 1844 г., ввиду измены Даниел-Султана. До этого цахурцы и жители некоторых рутульских селений платили ему подати: 1/10 урожая или же кесмат — определенное количество хлеба независимо от урожая. Кроме того, отбывали личную повинность»¹.

В труде А.-К. Бакиханова Цахурскому владению отведено очень мало места. В нем только сказано, что, когда в начале XVII в. в Южном Дагестане начались выступления против иранских властей «джарцы (Джарское общество), соединившись с цахурами (верхняя часть Елисуйского владения), совершили набег на Ширван. Гасан-Али-хан, тогдашний правитель Ширвана, выступил против них, но был убит в Шекинском магале. Мятежники разграбили его лагерь, ворвались в Шемаху и, опустошив ее, возвратились домой»². В примечаниях к этой работе В. Г. Гаджиевым уточнено, что джарцы восставали в 1707 и 1711 годах, и к ним примыкали цахурцы³.

Но наиболее ранние сведения о Цахурском владении содержат архивные материалы России. Они относятся к 1596 г. и представляют собой сообщение проводника похода царских войск в Дагестан в 1594 г. «дербенца» Аллаги, большого знатока ситуации в Дагестане того периода. Он сообщил царским воеводам, в частности, что «промеж Кумык и Грузинские земли город Цахур, а в нем Ади Корклю князь, у него 200 человек конных»⁴. Потом надолго сведения о Цахуре исчезли. Лишь Эвлия Челеби в сер. XVII в. упомянул о Цахурском султанстве. В него входило до 150 сел.⁵ В «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией», опубликованы также фирманы турецких и иранских шахов на имя цахурских владетелей: Али-бека (Али-султана) Цахурского — 1607-1616 г.; Магомед-хан-бека Цахурского (1632, 1635, 1636 гг.); Али-Султана Цахурского (1695, 1701 гг.), Ахмед-хана Цахурского⁶.

Приоритет анализа этих фирманов явно принадлежит И. П. Петрушевскому¹ и А. Р. Шихсаидову, отмечающему, что это не совсем полные данные и трудно установить даты правления указанных владетелей². Отмечено им и то, что трудно прослеживается такая важная сторона престолонаследования — каков был характер передачи власти, по прямому наследованию от отца к сыну или к старшему в роде³.

Шахские фирманы свидетельствуют о том, что Цахурское владение зависело от иранских шахов. Это видно из фирмана Аббаса I (1587—1629) на имя Али-Султана Цахурского, которому шах повелевал прибыть в сторону ширванского беглер-бека Юсуф-хана и продолжать «службу нашему двору с подобающим усердием»⁴.

В 1607 г. к шаху Аббасу I явился вместе с владетелями других феодальных владений Дагестана и Алибек цахурский с выражением ему покорности. Шах Сефи I (1629—1642) в 1632 и 1642 годах призывал цахурских владетелей совершить набег на Грузию и Кахетию. Шах Аббас II (1642—1667) также не оставил без внимания Цахур, а пожаловал его Халил-беку сыну Магомед-хана цахурского в тиуль как и его отца⁵. В 1659—1660 г. шах Аббас II попытался даже использовать владетеля «Захура» вместе с другими феодалами Дагестана для подавления антииранского восстания в Кайтаге с участием около 30 тысяч дагестанцев⁶.

По мнению А. Р. Шихсаидова с 1590 по 1607 г. Цахур находился уже под влиянием Османской империи, поскольку именно этим периодом датируется фирман турецкого султана, даровавшего Али-Султану цахурскому «в наследственное владение» деревни Мешербаш, Ках, Зарнэ, Кум, Лекэти, Алагёз⁷.

По сути дела шахи Ирана в течение XVII в. держали под постоянным вниманием Цахурское султанство, чем и объясняются их многочисленные фирманы и пожалования цахурским владетелям. Не случайно шах Аббас II жаловал Халил-беку цахурскому «владение Захурское в тиуль», а также назначил ему ежегодное жалование в 155 туманов тавризских, которые ранее выплачивались его отцу. Более того, шах требовал от ширванских должностных лиц регулярно выплачивать Халил-беку это «содержание»⁸.

¹ Там же.

² Бакиханов А. Гюлистан-и-Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 124.

³ Там же. Примечания. С. 246.

⁴ Сношения России с Кавказом / Сост. С. А. Белокуров. М. 1889. С. 293.

⁵ Челеби Э. «Книга путешествия» // Рук. ф. Ин-та ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.

⁶ АКАК. Т. II. С. 1086—1088, 1097.

¹ Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. С. 74.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 112.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII. М., 1962. С. 686.

⁷ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки ... С. 101.

⁸ АКАК. Т. II. С. 1087.

Шах же Гусейн (1694—1722) писал уже Али-Султану цахурскому: «ныне отправляем к вам грамоту и кафтан на владетельское звание»¹.

Все это вместе взятое и вхождение Цахура совместно с Элису в Ширванскую область в качестве отдельной области («улька» или «улька»)², находившуюся под контролем шахских ставленников, дают основание полагать, что Цахурское владение в самом деле находилось под сильным влиянием иранских шахов³. Однако, на наш взгляд, было ли Иранское (Сефевидское) государство на самом деле верховным владетелем всех названных земель, в том числе и Цахурского владения, или пыталось играть таковую роль, хотя бы в отношении последнего, следовало более подробно и глубже исследовать, поскольку претензии и действительность бывают не всегда идентичны. Тогда и вывод исследователей о том, что «Цахурское владение отдано цахурским правителям в наследственное условное содержание, с правом налогового и административного иммунитета»⁴, не будет вызывать сомнений.

Дело в том, что «владетели Дагестана охотно принимали грамоты и всякого рода подарки шахов, но в остальном вели независимую политику. Современники даже полагали, что Иран выплачивал определенную субсидию владетелям Дагестана, чтобы они не беспокоили закавказские территории шаха»⁵.

Отметим, что в «Истории Дагестана», где речь идет о первой половине XIX в., говорится не о Цахурском феодальном владении, а о Цахурском союзе сельских обществ⁶, хотя это, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку Цахур считался в этот период составной частью Елисуйского владения (султанства).

* * *

Вопрос о системе административного управления и характере власти елисуйских султанов также важен в плане данного исследования. В целом этот вопрос освещен был еще И. П. Петрушевским, отметившим, что «султаны выбирались на джамаатах непременно из числа членов султанской фамилии. Порядок выборов был установлен адатом... Султан был одновременно и наследст-

венным... и выборным», что было следствием «компромисса между султаном и цахурскими джамаатами»¹.

С XVIII в. избирательные права джамаата превратились в юридическую фикцию, а султаны — в назначенцев Джарского вольного общества. Претенденты до выборов «отправлялись в Джар» и различными подарками старались склонить на свою сторону главных кевхов. Елисуйский джамаат избирал султаном именно того претендента, кого одобрял джарский джамаат, опасаясь военных акций со стороны последнего в случае сопротивления. Однако султан никакой дани джарцам не платил, только его действия в целом направлялись и контролировались Джарским джамаатом².

Обычно титул султана Елису (Илису) утверждался турецким султаном или иранским шахом, в зависимости от того, кто из них когда господствовал в изучаемом нами регионе. «Титул султана, данный владетелям Илису шахами, занимал в азербайджанской иерархии среднее между титулами хана и бека положение»³.

После султанов второе место в политической и социальной структуре Елисуйского султанства занимали беки, которых было довольно много. По сведениям И. П. Петрушевского, в Елисуйском султанстве различались три типа беков. Во-первых, беками считались все члены султанской семьи (фамилии); бекскими правами пользовались исключительно сыновья султана и других беков от «законных» жен бекского происхождения. Сыновья же от наложниц и женщин «низкого» происхождения не получали звания бека. Второй тип составляли наследственные беки из других фамилий — цахурских и тюркских, обязанных службой султану — в войске и при дворе. Эти две группы беков получали от султана во владение кешкельные селения или их части, закреплявшиеся за ними наследственно.

Беками именовались также лица «знатного» происхождения, получившие бекское звание за личную службу султану, не передавшие своих прав — прав по наследству и не владевшие кешкелями. Их считали больше агентами беков-феодалов, чем беками-феодалами. К числу беков-феодалов относились и Али-Султановы. Были беки, владевшие целыми селениями: так селение Фистихло (40 дымов) принадлежало в первой трети XIX в. беку Хаджи-ага, селения Аманло и Кайсарло (31 дым) бекской фамилии Али-Султан-Ушаги. Были беки, владевшие немногими

¹ Там же. С. 1088.

² Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949. С. 338—339.

³ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 19.

⁴ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 102.

⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 324.

⁶ История Дагестана. М. 1968. Т. II. С. 51.

¹ Петрушевский И. П. Джаро-Белокавказские... С. 76.

² Там же.

³ Там же.

кешкелями: к примеру, селение Ибахло (27 дымов) принадлежало 15 бекам, селение Казмаляр (40 дымов) — 17 бекам¹.

Крестьянство «цахурских вольных обществ», свободно пользуясь всей занятой обществами землей, не было обложено ни поземельной рентой, ни какими-либо сеньернальными повинностями в пользу султана или беков.

«Управление вольными цахурскими обществами отправлялось тухумными и сельскими кевхами» (старейшинами) и джамаатами, в дела которых султан практически не вмешивался. Джамаат селения Илису (Елису) выставял для службы при дворе султана 24 нузеров (слуг).

Селения, освобожденные от феодальных повинностей, как и лица такого состояния, назывались маафами. Близко к цахурам вольным стояли и маафы — жители ингилойских и мугальских селений, освобожденные от феодальных повинностей².

Зависимые от султана и беков крестьяне-кешкельники, которых называли и райятами, «составлялись... из ингилов и мугалов». Основные их платежи состояли в натуральной ренте зерном, составлявшей «4/7—1/10 части урожая»³. В целом елисуйскому султану до 1830 г. лично, как помещику, принадлежали селения Ках, Алибегло и Мешабаш (всего 230 дымов ингилов и 77 мугалов). Помимо зерна пшеницы, чалтыка (риса) и проса по 1 тагару с каждого кешкеля, султану приносили «добровольно» к праздникам тутовую водку, орехи, уксус и т. д. Во всех селах существовал налог в пользу даруга (на содержание управителя — даруга) или даргалык (даругалик).

Собственно в зависимости от беков, которым платились указанные выше повинности, находились селения Абахло, Кичик-Котукло, Узун-Тала, Кара-Тала, Аманло, Кайсарло, Кипчах, Казмаляр, Дехми-Дагельды, Шахляр, Аламло, Байдарло, Онджало и Тахтанум (14 сел, на юге султанства)⁴. Отметим Петрушевский и то, что «барщины, как и в аварских джаро-белоканских вольных обществах, не существовало ни в султанских, ни в бекских селениях. Ни султан, ни беки своего отдельного хозяйства в крупных размерах не вели. Им... принадлежали сравнительно небольшие усадьбы и участки земли, работа на которых производилась домашней челядью, иногда с помощью бедняков-гулходаров из Дагестана, нанимавшихся за ничтожную плату»⁵.

Усадьба султана в Елису «состояла из двух каменных и одного деревянного домов, тутового сада, виноградника и огорода»¹.

По наблюдениям И. П. Петрушевского, в социальном строе Елисуйского султанства наблюдалось «сочетание явно феодальных черт с пережитками тухумного строя»². Он же пришел к выводу, что процесс развития феодальных отношений в султанстве продвинулся дальше, чем в джарских вольных обществах. Это выразилось прежде всего в том, что «цахурские вольные общества лишились своей независимости, подчинившись султану. Беки цахурского происхождения, владевшие кешкельными землями, не остались в составе вольных обществ, как это было в Джаре, но совсем обособились от них»³.

Сельский кевха, кевхи тухумов и имам составляли сельский суд, вершивший дела обыкновенно по адату, реже по шариату (в некоторых вопросах семейного и наследственного права, как и в религиозных вопросах)⁴.

По мере усиления феодальных элементов в «вольных обществах» роль собраний джамаатов значительно сузилась, везде стали создаваться управления джамаатов, состоявшие из главного кевхи «вольного» общества, нескольких кевхов крупнейших тухумов и кадия (кади), которых избирали таким же порядком, как и тухумных и сельских старшин, из представителей «феодализованной родовой знати». При этом кади (кази) ведал вопросами культа и шариатского суда⁵.

Главное управление джамаата было, по наблюдениям И. П. Петрушевского, действительно работающим органом управления. Оно ведало всеми вопросами взаимоотношений с соседними союзами сельских обществ и феодальными владениями Дагестана и Закавказья, вопросами внутренней жизни, войны и обороны, охраны границ и горных пастбищ, сбора повинностей, распределения земель между тухумами, созыва джамаата (схода) — обязательного в случае объявления войны кому-либо и при заключении мира.

Главное управление джамаата являлось высшей судебной инстанцией, принимало жалобы на решение сельских властей, разбирало споры между отдельными тухумами и сельскими общинами. Решения его принимались единогласно, а в случае разногласий созывали более расширенный сход с участием в заседании

¹ Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские... С. 77.

² Там же. С. 78.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 80.

¹ Там же. С. 80.

² Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские... С. 81.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же. С. 54—55.

старшин и представителей всех незаинтересованных в разбиравшемся деле тухумов. В таких случаях решения выносились большинством голосов¹.

Важно отметить и то, что при управлении джамаата был сравнительно хорошо налаженный аппарат по попечению о неимущих и разорившихся, стариках, сиротах и подкидышах, которые содержались на особые сборы, взимавшиеся с каждого дыма. (Этот опыт общинного управления заслуживает весьма пристального внимания в современных кризисных условиях: резкого падения уровня жизни многих, росте числа подкидышей и т. д.).

И. П. Петрушевичем отмечено интересное явление в общественной жизни этого региона. Речь идет об отсутствии равноправия между составляющими Джаро-Белаканский союз вольными обществами, среди которых Джарское общество занимало господствующее положение, а также о том, что по существу в числе вассалов его оказался и султан елисейский².

В целом же в регионе наблюдалось «соединение черт раннефеодального строя с многочисленными пережитками родового строя» и как следствие этого — сосуществование норм обычного (домусульманского) права (адатов) и мусульманского законодательства (шариата) так же, как в ханствах и «вольных» обществах Дагестана. Влияние аварских «вольных» обществ сказывалось во многих вопросах; вещное (имущественные отношения) и уголовное право — базировались на нормах обычного права, которые мирно уживались с нормами шариата до 20-х годов XIX в., пока имам Гамзат-бек не стал бороться за искоренение адатов³.

В целом же в Цахурском султанстве, как и в его правопреемнике — Елисейском султанстве, сложилась система управления, соответствующая сложившимся в регионе общественно-экономическим отношениям. Именно ослабление султанской (бекской) власти в Цахуре и практическое его бездействие лет 15—20 в султанстве (пока не подрос рожденный после уничтожения цахурских беков Алибек, положивший начало елисейским султанам и признанный цахурами), привели в дальнейшем к тому, что елисейский султан в определенной мере вынужден был считаться с Джарским «вольным» обществом, задававшим тон среди джаро-белаканских «вольных» обществ.

В этом плане интересно письмо ген. Ртищева от 26 сент. 1813 г. к Джарскому обществу, в котором он сообщает джарцам о при-

¹ Там же. С. 53.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 55.

сланной к нему жалобе султана Ахмед-хана елисейского на джарцев которые совершали нападения на его владения. Султан Ахмед-хан добивался содействия генерала в прекращении этих набегов¹. Не менее интересна и докладная записка елисейского султана Даниель-бека от 9 марта 1832 г., в которой он писал, что «владение Елисейское «не имеет таких значительных доходов, которыми я мог бы содержать себя прилично и соответственно сану своему иметь чиновников и людей для исполнения возлагаемых на меня начальством поручений и приказаний². Далее он пишет, что «в Елисейском владении состоит 5 деревень: Мешебаши, Карамеша, Агатай, Ках и Али-беглю, кои в прежние времена состояли в полном распоряжении владельца, который, кто чему удаивался тех сам из получаемых с означенных деревень доходов награждал. Ныне из числа сих деревень в моем распоряжении находятся только две: Ках и Али-беглю. Из Каха я никаких доходов не получаю, потому что все определены на жалованье есаулам... из Али-беглю также почти ничего или самую малость. Агатай по приказанию гр. Паскевича отдана мною брату моему Мухаммад-беку; Мешебаши отцом моим отдана старшему брату Иман-Аге и трем двоюродным братьям, а Карамеша также покойным отдана бекам, которые служили ему и теперь служат...»³.

Обратил он внимание и на то, что его отец Ахмед-хан получал ежегодно 1200 р. с. жалованья⁴, и на то, что джарцы захватили часть земель на левом берегу р. Калы-чая, принадлежавших ему лично, и просил добиться возврата ему деревни Алмало и прилегающих к нему земель⁵. Однако более подробно на деятельности Даниель-бека нет здесь надобности останавливаться. Отметим только то, что он в 30-х годах XIX в. опасался прихода в его владения Гамзат-бека, к которому пристали многие его подвластные⁶.

* * *

Что касается хозяйственно-экономического развития Цахурского владения, оно во многом определялось горным климатом этой зоны и горным ландшафтом: там пастбищных мест было довольно много (имеются в виду летние пастбища — авт.) и это позволяло цахурам заниматься овцеводством. Зимой овец перегоняли на

¹ АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 573—574.

² АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 498—499.

³ Там же. С. 499.

⁴ Там же. С. 500.

⁵ Там же. С. 500.

⁶ Там же. С. 555—556.

равнины за Главный Кавказский хребет — в Алазанскую долину. Разводили и крупный рогатый скот для получения мясо-молочных продуктов, для использования в качестве тягловой силы при пахоте. В источнике указывалось, что у Адн-Куркулу-бека цахурского было 200 человек конных. Это означает, что цахуры занимались и разведением коней.

Занимались цахуры и земледелием. Разводили ячмень, рожь, овес, бобовые культуры. Знали они и пар, и перелог, двупольный севооборот, удобрения. М.-З. Османов, отмечая характер и особенности занятия горцев земледелием, пишет, что «даже в высокогорных селениях труднодоступная и отдаленная часть угодий отводилась под пар и перелог. Паровая (и даже переложная) система функционировала (в принципе) в таких высокогорных, явно нехлебных селениях, как Чирах, Амух, Гинта, Цахур, Ихрек, Хпюг, Шимихюр, Гельхен»¹. Своего хлеба на год цахурам не хватало. Они приобретали его в Азербайджане в обмен на продукцию животноводства.

Обработка кожи, шкур и шерсти (вязание, ковроделние, сукноделние) были распространенным занятием цахуров.

В целом же, как и в Джаре, в северной части Елисуйского султанства, «населенного цахурами, преобладало полукочевое скотоводство с земледелием в качестве подсобной хозяйственной статьи. В предгорьях и на плоскости (в средней и южной частях султанства) господствовала культура суходольных зерновых хлебов (пшеница, ячмень, просо), отчасти тутовых деревьев; на плоскости, кроме того, были распространены посевы чалтыка (риса) и виноградники». Оросительные каналы выводились из горных рек, в частности из Курмух-чая. Пахотные земли к XIX в. фактически все были уже в частной собственности. Лишь летние и зимние пастбища и леса остались в общинном пользовании².

* * *

Заслуживает интереса вопрос об этническом составе населения Цахурского владения, которое уже к концу XVII—XVIII вв. фактически преобразовалось в Елисуйское. И. П. Петрушевский выделил из всего состава населения этого султанства три основные этнические группы. Во-первых, цахуры (калтахи), свободные

¹ Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала., 1996. С. 148.

² Петрушевский И. П. Джаро-Белокавказские вольные общества в первой половине XIX в. С. 73.

крестьяне, сидевшие на своей земле и не обложенные феодальными повинностями. Во-вторых, ингилов — омусульманенные грузины, и, в-третьих, мугалы (тюрки), прикрепленные к кому-нибудь крестьяне¹. Интересно то, что этнические группы в султанстве совпадали с производственными, а «султаны и беки, частью цахурского, частью тюрко-азербайджанского происхождения, считались стоящими как бы вне этнических групп, и в камеральных описаниях перечислялись отдельно»².

По сведениям И. П. Петрушевского цахуров считали выходцами из Дагестана, захватившими часть Кахетинского царства в XVII в. (И. Линевич, С. Эсадзе). Но он считает, что эти сведения неверные, как и подобная версия об аvaraх, вторгшихся в восточную Кахетию и живших значительными родовыми общинами, обязанными местным грузинским моуравам военной службой³.

По сведениям Вахушти уже в XVI в. цахурских селений в этой части Кахетии было много. Однако, по мнению И. П. Петрушевского, «нет никаких данных для утверждения о переселении или вторжении цахуров значительной массой в какой-либо один период. Падение власти грузинских феодалов в данном районе было связано не с «хищническим вторжением» цахуров, а с укреплением в Восточном Закавказье власти Персии и, в связи с этим, со сменой состава части феодальной верхушки здесь»⁴.

В целом же цахуры заселяли северный и южный склоны Кавказского хребта, составляли четыре «вольных» общества (джамата) — Цахурское, Сувагильское, Карадулакское и Илисуйское. Они не владели кешкельными крестьянами, имели лишь «право групповой сеньерии по отношению к мугальским и ингиловским селениям». Более того, они сами оказались в положении вассалов елисуйского султана⁵. Здесь важно подчеркнуть, что цахуры составляли наиболее значительную часть населения Елисуйского султанства в XVII—XVIII вв., но особенной роли в его политической жизни они не играли⁶.

Роль Елисуйского султанства в политической жизни региона значительно возросла с начала XIX в., когда оно оказалось вовлеченным в борьбу народов Северо-Восточного Кавказа за независимость от царского самодержавия.

¹ Там же. С. 73.

² Там же. С. 73—74.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Осветить торгово-экономические связи цахуров с внешним миром не очень легко из-за ограниченности сведений. Тем не менее, цахуры имели торгово-экономические связи с соседними народами Дагестана. Они посещали базары Ахтов, Кумуха, Хучни, Кубы, которые регулярно собирались. И здесь нужно сослаться на работу А. Р. Шихсандова и Х. Х. Рамазанова, в которой пишется: «В Дербенте и в таких крупных населенных пунктах, как Ахты, Кумух, Хучни, Цахур, Куба, были регулярные базары, куда прибывали жители различных областей Дагестана. Жители Дербента поставляли пшеницу, рожь, просо, марену, различные садовые и огородные культуры, изделия ремесленников; цахуры, рутульцы, аварцы, даргинцы и лакцы поставляли в основном продукты животноводства, а также ремесленные изделия»¹.

Цахурские, рутульские и агульские села были связаны между собой и с лакскими и аварскими селами знаменитой трассой Самур-Кумух-Чох².

Особо тесно цахуры были связаны с аварскими сельскими обществами в Джаро-Белоканах. Еще И. П. Петрушевский писал, что «при избрании султана на илисуйских джамаатах решающую роль играл голос делегатов Джара. Избранные султаны должны были во всех вопросах внешней политики следовать указаниям джарцев. Попытки проявления самостоятельности почти всегда вели за собою свержение султана и замену его другим, более лояльным лицом»³. Такая взаимосвязь привела к тому, что «вступление Джарского и прочих аварских обществ «в подданство» России повлекло за собой чисто механическое «вступление в подданство» и со стороны Илису»⁴.

В этом плане весьма интересно содержание письма, направленного Джарскими обществами в 1801 г. на имя ген.-м. Кнорринга: «Действительно мы всегда заключали мир и союз с Ираклий-ханом и примирялись с ним; с вами же еще более мы желаем примирения, чем с Ираклий-ханом, но боимся, что после мира не будем в состоянии исполнять его условия, согласно обещанию и присяге»⁵.

Начало XIX в. было временем серьезных политических событий в жизни жителей рассматриваемого нами региона, которые оказались в сфере взаимоотношений России и Грузии. Царское правительство серьезно взялось за утверждение своего господства над джаро-белоканскими обществами.

Здесь весьма показательной являлась военная акция царских войск в составе 1482 пехотинцев с 8 орудиями и с 4500 человек «грузинских князей, дворян и обывателей кизикских», т. е. грузинской милиции под общим командованием ген. Гулякова 2 марта 1803 г. в Белоканах. Как отмечал еще И. П. Петрушевский, Гулякову удалось нанести аварам «поражение и вслед за этим занять Белокан; российские регулярные войска разрушили и ограбили селение, обратив его «в ничто совершенно». При этом уцелело лишь несколько каменных домов. Бой был весьма жестоким. Аварцев при этом было убито до 500 человек, пленено 44 мужчины и 92 женщины, 2 беглых грузинских князя¹.

Падение Белокана крайне ослабило позиции Джарского и других соседних вольных обществ, которые к тому же не получили обещанной поддержки шекинского Мамед-Хасан-хана, а также не дождались каких-либо активных действий со стороны султана элисуйского².

И здесь ситуацию высветить помогает письмо жи. Цицианова к Мамед-Хасану от 21 марта 1803 г.: «...Небезызвестно в. высоко-степенству, что Джары и Белоканы издревле принадлежали царству Грузинскому, в течение 80 лет не переставали делать набеги, хищничества и разорения здешним жителям; поэтому и положил я за правило в рассуждении Джар и Белокан или усмирить или истребить их с лица земли»³. Из этого виден явно бесцеремонный характер обращения с джаро-белоканскими обществами царского сатрапа Цицианова, тут же пытавшегося прикрыть свою кровожадность заявлением, что в целях предотвращения кровопролития он готов с ними пойти на компромисс на условиях: 1) не допускать беглого грузинского царевича Александра в свои пределы; 2) Допустить поселение в Джарах и Белоканах русского гарнизона за свой счет, чтобы им легче было; 3) Джары и Белоканы должны платить дань шелком, какую они платили в прежние времена царям грузинским; 4) Дать по 5 человек аманатов; 5) Обещал при этих условиях не вмешиваться во внутренние дела областей⁴.

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Очерки... С. 118.

² Там же. С. 119.

³ Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С. 72.

⁴ Там же.

⁵ АКАК. Тифлис, 1866. Т. I. С. 645.

¹ Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С. 90—91.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 93.

⁴ АКАК. Т. II. С. 683—684.

Цицианов в продолжение своей реакционной политики в отношении Джаро-Белокан предлагал в письме 14 апр. 1803 г. ген.-м. Гулякову собрать по 1 представителю от каждого джарского села у известного брода Урдо и заставить их принять присягу на подданство и верность России с соответствующей присягой и клятвой¹. 17 апр. 1803 г. Цицианов доносил царю Александру I, что ген.-м. Гуляков предпринял все меры, чтобы воздержат солдат от свирепств в Джарах, тогда как Белоканы были ими сожжены². На джарцев (29 деревень с 8000 дымами) была наложена ежегодная дань шелком в 220 российских пудов, и они были приняты в подданство России. Более того, Цицианов в число верноподданных включил и «Татарское Элисуysкое поколение и султана их Али-Султана, яко издревле в союзе их находящегося, с равномерною обязанностию его участвовать в повинностях, в дани и в преимуществах народу Джарской провинции объявленных»³ после принятия ими присяги на верность России⁴.

В ответ на это сообщение Цицианова царь высочайшим рескриптом ему от 23 мая 1803 г. назвал Джарскую область «древнею собственностью царства Грузинского» и выразил надежду, что «грузинские войска будут и впредь воздерживаться от свирепства, овладевшего ими при взятии Белокан»⁵.

Сам кн. Цицианов же письмом от 17 апр. 1803 г. поздравил Али-Султана элисуysкого с вступлением в подданство России вместе с «Джарской провинцией», поблагодарил его за присланную ему в подарок лошадь и сообщал, что посылает ему ответный подарок «золотой перстень с бирюзою, осыпанный бриллиантами»⁶. Эта идиллия завершилась довольно скоро: уже 25 сент. 1803 г. Цицианов направил грозное письмо Али-Султану элисуysкому и жителям Джаро-Белоканской «провинции» с предупреждением о необходимости сохранить верность могущественной России и не поддерживать набеги на Грузию, пока он: меч не вынул»⁷. Однако Цицианов все же «вынул меч», послав в начале 1804 г. ген. Гулякова с отрядом в 2500 человек против джарцев, которые вначале сдали село, но потом все же убили преследовавшего их Гулякова (14 янв. 1804 г.) в Закатальском ущелье⁸.

¹ Там же. С. 685.

² Там же.

³ Там же. С. 685—686.

⁴ Там же. С. 687.

⁵ Там же. С. 688.

⁶ Там же. С. 694.

⁷ Там же.

⁸ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 94.

Царские налоги все же оказались в тягость белоканским и джарским жителям, которые обратились к царским властям в 1804 г. с просьбой освободить их на 2 года от податей, так как они и так оплатили их при принятии присяги¹.

Сохранилось весьма любопытное сообщение ген.-м. князя Орбелиани князю Цицианову от 1 окт. 1805 г., в котором, в частности, сказано: «Получил я Джарской области от старшин уведомление, что они на сих днях, собравшись от всех селений, требовали к себе султана для условия о взносе за прошедшее время подати, которого и ожидали несколько дней, наконец, оной прибыть к собранию отказал, за что все старшины, условясь его от султанства отрешить, и избирают на место онаго его же родственника Ахмед-хана, который был и прежде у них султаном...»² 14 окт. 1805 г. кн. Цицианов выразил возмущение Орбелиани за его спокойствие в создавшейся обстановке, когда в «Джарской республике» делается «ханства» без особого разрешения на это царя и самого главноуправляющего Грузией³.

В 1806 г. спокойствие у джарцев и белокан не наступило, хотя Султан-Ахмед-хан элисуysкий, что видно из рапорта Орбелиани от 14 ноября 1806 г., и приезжал к нему просить за джарцев простить их за беспокойствия и «преступления»⁴. Во многом этому беспокойству способствовали крупные «лезгинские партии», прибывавшие из внутренних районов Дагестана в Джары и Белоканы⁵.

В рапорте ген.-м. кн. Орбелиани гр. Гудовичу от 4 ноября 1806 г. сказано, в частности, что он не может не донести «того, что Джарской провинции лезгины расположены в разных ущельях по неудобству коих нельзя скоро успеть в совершенном оных наказании, для чего необходимо нужно двухмесячное время»⁶. Это было явным доказательством отсутствия в этой части региона спокойствия. И именно поэтому гр. Гудович 16 дек. 1806 г. объявлял «всему лезгинскому народу: джарцам, белоканцам и прочим... о необходимости уплатить наложенные на них подати и соблюдать спокойствие, не угонять казачьих лошадей, не захватывать в плен русских солдат и обещал за послушание им свободную торговлю в Грузии, Дагестане и во всем Российском государстве»⁷.

¹ АКАК. Т. II. С. 688.

² Там же. С. 693.

³ Там же. С. 693—694.

⁴ АКАК. Т. III. С. 318.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 366.

⁷ Там же.

Видимо, это обращение оказало воздействие на джарцев и белоканцев, которые, как это видно из отношения гр. Гудовича к барону Будбергу от 21 дек. 1806 г., прислали к Гудовичу 12 почетнейших старшин, вызвавших послушание царю¹.

В январе 1807 г. «Элисуийский Ахмед-Султан, весьма значущий между лезгинами владеец, имеющий у себя до 2000 домов, сам с 13-летним сыном прибыл в «Тифлис для личного изъявления покорности и верности» царю, добровольно оставил в Тифлисе в аманатах своего сына и просил «его отдать... в Благородное училище для изучения»². За это Ахмед-Султану был присвоен Александром I рескриптом от 11 апр. 1807 г. чин полковника царских войск³. Компромисс царских властей с элисуийским султаном был установлен, хотя он был не очень прочным.

Интересное наблюдение сделал И. П. Петрушевский в выяснении причин сговорчивости элисуийского султана с царскими властями: «Султаны илисуийские, стремясь освободиться от вассальных отношений к Джару, переходят вполне на сторону России и становятся ее верными слугами. Первый шаг в этом направлении сделал... Ахмед-хан, прибывший в Тифлис в 1807 г. лично засвидетельствовать свои верноподданнические чувства...»⁴. За это он получил чин полковника и жалованье в размере 1200 руб. в год⁵.

Эта линия политики элисуийских султанов придерживаться просирийской политики продолжалась до 1830 г. и давала им весьма высокие дивиденды — при поддержке российских властей они по сути дела добились фактической независимости от Джарского вольного общества. Однако их подданные — как элисуийцы, так и цахуры, не особенно следовали за ними и нередко вместе с другими дагестанцами принимали участие в набегах на Грузию.

Все это свидетельствует о тесной взаимосвязи между Цахуром и Элису (Илису), о важной их роли в политике России на Восточном Кавказе и вообще в политической жизни Южного Дагестана, которая, на наш взгляд, нуждается в более углубленном исследовании.

¹ Там же. С. 367.

² Там же. С. 326.

³ Там же. С. 327.

⁴ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 96.

⁵ Там же. С. 97.

§ 4. Кюринское ханство

В конце рассматриваемого нами периода в Южном Дагестане образовалось и Кюринское ханство. Оно оформилось в самом начале XIX в. Ф. Н. Ртищев — с 1811 г. начальник войск Кавказской линии, с 1812 по 1816 г. главноначальствующий на Кавказе — писал в 1813 г.: «Кюринское владение с крепостью Кураг, покоренное в исходе 1811 г., по выгнании оного вероломного Сурхай-хана казыкумукского. В нем по забратым сведениям числится примерно до 500 дворов... Владение сие поручено последственно племяннику Сурхай-хана, преданнейшему России полковнику Аслан хану, который обязан вносить в казну е. н. в. с нынешнего 1813 г. ежегодно червонцев 3000, хлеба четвертей: пшеницы — 2500, ячменя 500; провиант сей поступает на довольствие гарнизона, в крепости Кураге расположенного»¹.

По мнению А. Р. Магомедова и Р. М. Магомедова образованию Кюринского ханства способствовал Фатали-хан кубинский, который после овладения Дербентом, встретил противодействие своей политике со стороны казикумукского Сурхай-хана II. Фатали-хан в этих условиях «способствовал возникновению Кюринского ханства как политического противовеса Кумуху и своего вассала. Для этого он использовал вражду в казикумукском ханском доме. У Магомед-хана был сын от первой жены Шахмардан, ненавидевший сына от второй жены — Сурхая. Фатали-хан предложил Шахмардану покровительство и смежные земли Кюры, входившие прежде в Дербентское и Кюринское ханства. К ним Шахмардану удалось добавить в 1788 г. и Курахский магал — так оформилась территория Кюринского ханства»².

После смерти в 1789 г. Магомед-хана казикумукским ханом был избран Сурхай II, известный под прозвищем Кун-Буттай — «большой отец». Сурхай II присоединил к своему владению селения Яраг, Кака, Луткун, которые до этого принадлежали Рутульскому союзу сельских обществ. В селе Кака Сурхай II поселил своих братьев Шуаиб-бека и Иса-бека. Затем Сурхай-хану II удалось подчинить своей власти несколько сел в Ихрекском ущелье и агульское селение Буркихан, которые он отдал в управление брату своему Саид-беку³.

¹ Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 247; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 201.

² Магомедов Р. М., Магомедов А. Р. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. С. 235.

³ Там же. С. 235—236; См. так же. Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 201—202.

В «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией», опубликовано составленное еще 25 января 1812 г. подробное «описание Кюринской провинции, крепости Кюри и дороги, ведущей от оной до Кубы». В нем сказано: «Кюринская провинция лежит в южном Дагестане, граничит с владениями Дербентским, Табасаранским, Казикумукским, Рутульским и Кубинским, от коего разделяется р. Самуром; содержит в себе до 2000 кв. верст. В ней главные реки: Гурмени и Кюрах-чай, вышедшие из хребтов гор, называемых Кохмадаг и протекающие по оной в близком расстоянии друг от друга, и продолжив таковым образом течение свое около 80 верст, соединяются и вместе воды свои изливают в Каспийское море»¹.

Далее сообщается, что «провинция изобилует довольном количеством разного леса, но к строению годного находится весьма мало, доставляется же таковой из ближних владений; хлебопашества... по низким горам и отлогостям и долинам производится с великим успехом: на полях сеют пшеницу, ячмень и в малом количестве сарачинское пшено — первые два по причине плодородной земли, урожаясь в великом изобилии, составляют главное упражнение и прибыток жителей»². Часть урожая шла на продажу в Казикумух и в другие соседние владения. Далее говорится в «описании», что «сверх сего находятся в великом изобилии и другие жизненные потребности, также содержится довольноное количество рогатого скота и лошадей. Жители же гористых населенных мест, менее для хлебопашества удобных, живут скотоводством и занимаются почти одним им.

Число жителей неизвестно, а считается более 5000 дворов...»³.

В «Обозрении российских владений за Кавказом...» сказано, что «Кюринское ханство лежит между Самуром, Табасараном, Каспийским морем и владением Казикумукским»⁴.

С точки зрения ландшафтного описания Кюринского ханства интерес представляет и само описание крепости Кюри. Согласно российским данным, эта крепость лежала «между гор в узком проходе, ведущем в Казикумухскую провинцию при р. Курах-чай; начиная от сей реки к северной и южной сторонам в виде амфитеатра возвышаются крутые, высокие и местами каменистые горы, кои, продолжаясь таковым образом на расстоянии одной с половиной версты от реки, имеют высоту более 150 саж; на одном

хребте сих гор по нижней отлогости между двумя речками, протекающими с северной стороны гор, при впадении их в Кюрах-чай, заложен город, примкнутый одною стороною к яру реки, а прочие окружены местами каменною стеною с башнями, сложенною из плит на глине, высотой от 6-ти до 14-ти фут, толщиной в 2 фута, и местами служит обывательское строение с бойницами; в середине находится небольшое укрепление, — род замка, в коем расположено одно ханское строение»¹. Крепость была укреплена 3 башнями на ближних высотах. Башни были трехэтажные, имели амбразуры. Вокруг крепости было много мельниц, нив и плиты, а лес по горам в 7 верстах от оной»².

В жизни жителей Кюринского ханства важную роль играла дорога до города Кубы, с которым кюринцы были тесно связаны. От Кубы дорога шла через деревни Худад и Имангули-кенд до Зиахура. Ее пересекали мелкие речки, местами она шла по небольшим возвышениям. Далее дорога шла к броду через Самур между Магарамкентом и Таиром, потом около 8-ми верст шла к Северо-Западу, далее поворачивала на запад и шла по небольшому ущелью около 4-х верст. Далее путь шел через деревни Сальян, Хатаглу и Татар-хан до дер. Кабир, откуда продолжается уже до Кюры «ровный путь по р. Кюрах-чай между гор», подошвы которых «отстоят друг от друга на ружейный выстрел»³.

Ханство было довольно густо заселено, насчитывало более 130 сел⁴. До ханов кюринские селения управлялись старшинами (по лезгински кёвха), «обязанности которых заключались в наблюдении за порядком и в разборе споров и жалоб в своем селении» вместе с аксакалами⁵.

В январе 1812 г. Кюринское ханство официально было присоединено к России, а управление им было поручено Аслан-беку, провозглашенному ханом и произведенному в генерал-майоры. Аслан-хан обязался при этом располагать на постой русские войска и вносить на их содержание в казну по 3 тысячи червонных и 3 тыс. четвертей зерна в год⁶.

¹ АКАК. Т. V. С. 155.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. 1961. С. 191—193.

⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965. С. 42—43.

⁶ История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т. II. С. 25; Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Т. 2. Отд. IV. С. 19—20; Феодальные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в.: Архивные материалы / Сост., предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 163—164; АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 41, 45.

¹ АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 135.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. IV. С. 146.

В 1820 году Кюринское ханство было вновь объединено с Казикумухским ханством¹ во главе уже с Аслан-ханом. Интересно отметить, что царские власти на Кавказе внимательно следили за его поведением и не очень высоко ценили его преданность России. Ген.-майор Пестель 14 июня 1818 г. доносил из Кубы о нем А. П. Ермолову: «Кюринский Аслан-хан пристрастно, сверх обыкновения азиатца, занимающийся пьянством, потерял способность распоряжаться и воздерживать подчиненный ему народ и расположен сам бежать, к чему приготовившись уже давно, лучшее движимое имущество и собираемые с ханства доходы передал в Кубачи под сохранение уцмья каракайтагского», а в «отдаленном сел. Касим-кенде», принимал тайно посланников от уцмья и аварского Султан-Ахмед-хана, скрывал преступников и разбойников, жил не по российским законам»².

Тем не менее, в создавшихся в тот период политических условиях А. П. Ермолов считал необходимым использовать его официально в интересах российской политики в Дагестане. Это видно из предписания А. П. Ермолова ген.-м. Пестелю от 28 июля 1818 г. обязать Аслан-хана кюринского» находиться при русском лагере в Кураге со своею конницею» на случай ожидаемого антиросийского выступления в Дагестане³. Тот же Ермолов 14 февр. 1819 г. предписывал ген.-м. барону Вреде поддерживать вражду между Сурхай-ханом казикумухским и Аслан-ханом кюринским «скрытым образом»⁴, а чтобы держать казикумухцев под своим влиянием, разрешать им свободную торговлю с кюринскими селениями, так как «народ казикумухский не может обойтись без хлеба Кюринского ханства»⁵.

Отметим, что Аслан-хан кюринский был провозглашен царскими властями ханом и казикумухским после того, как Сурхай-хан казикумухский в начале августа 1820 г. бежал в Персию, куда за ним последовал и его внук Магомед-хан — в апреле 1821 г. Царские власти в начале декабря 1820 г. заключили особый трактат с Аслан-ханом. Его условия были таковы:

«1) Аслан-хан утверждается во владении ханством Казикумухским и к прежнему достоинству хана кюринского присоединяется звание хана казикумухского.

¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Ответ. ред. М. Ш. Шигабуудинов, Махачкала. 1997. С. 209.

² АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. С. 3.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 8; Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. 2. Отд. IV. С. 24.

⁵ Там же.

2) Хан обязан охранять свои границы и идти с войском куда прикажут.

3) При постройке укреплений и проложении дорог в его владениях обязан помогать зависящими от него средствами.

4) В Кюринском и Казикумухском ханствах содержать постоянно 160 человек конницы...

5) Хану предоставляется право разбирать по закону и обычаям казикумухским все дела, кроме уголовных...

6) Предоставляется Аслан-хану в Кюринском ханстве поставить набома сына своего, или кого заблагорассудится; но отнюдь не соединять обоих ханств вместе, а каждым управлять особо.

7) Количество ежегодной дани положено определить по рассмотрении, сколько жителей ханства могут платить без отягощения. Дань эта впоследствии определена в 3000 руб. серебром».

В следующем году Аслан-хану дали чин генерал-майора, зная с российским гербом, саблю, украшенную драгоценными камнями. Но главное было в том, что ему вручили инвестиционную грамоту на право управления Кюринским ханством¹. Он правил Кюринским ханством до 1827 г. В этом году скончался Сурхай-хан II и Аслан-хан стал полным правителем Казикумухского ханства, переехал в Казикумух, а управление Кюринским ханством поручил своему племяннику Гарун-беку, беспрекословно исполнявшему все его указания². Скончался Аслан-хан 17 апреля 1836 г. в Казикумухе. Мы не останавливаемся здесь на освещении деятельности Аслан-хана в казикумухский период его правления, так как это выходит за пределы данного исследования.

* * *

Территория Кюринского ханства была довольно значительна (имея в виду дагестанские масштабы) и охватывала в разные периоды различное количество сел. По сведениям Алексея Цветкова, окружного медика Кюринского округа, собранным в 1869 г., в это ханство входили селения Курах, Гельхан, Ашар, Цнал, Хутарг, Архит, Захит, Цмур, Кабир, Бутхент, Картас, Испик, Касумкент, Магарамкент, Средний Стал, Верхний Стал, Нижний Стал, Гильяр³.

¹ ССКГ. Вып. 2. Отд. IV. С. 27.

² Там же. С. 28.

³ Кюринский округ (бывш. Кюринское ханство) // Памятники обычного права Дагестана. XVII—XIX вв. М., 1965. С. 41—42.

Согласно собранным в 1892 г. данным, в 1865 г. Кюринское ханство было переименовано в Кюринский округ, а «до Аслан-хана в Кюринском ханстве не было беков. Все население ханства состояло из раят, шихов, считающих себя потомками пророка Магомета, и евреев. Но в числе раят «имелись и такие, которые считали себя узденями по происхождению. Таковыми считали себя жители 37 селений: Бушак, Арсух, Нудых, Якекех, Фите, Дуруштул, Гуэ, Дульдуг, Нудгуль, Мисси, Типиг, Рича, Виттих, Харадж, Ук, Усух, Гвардал, Мельхан, Хипиг, Шемихур, Урсунч, Хпеч, Ашар, Коказ, Харахур, Курах, Кимихур, Тител, Комок, Штул, Кутул, Икра, Бурши, Юхари-мака, Ашага-мака, Ругун»¹.

По другим сведениям в Кюринское ханство входило 135 селений².

По сведениям 1892 г. в Кюринском ханстве состояло 12 селений, зависимых от беков. Селения эти суть: 1) Заграб-кент — 80 дымов; 2) Буткент — 64 дыма; 3) Хтун — 62 дыма; 4) Магарам-кент — 72 дыма; 5) Койсун — 118 дымов; 6) Целянг — 114 дымов; 7) Бар-Бар-кент — 4 дыма; 8) Бюль-Бюль-кент — 80 дымов; 9) Газыр-кент — 22 дыма; 10) Али-кент — 127 дымов; 11) Махмуд-кент — 83 дыма; 12) Испик — 108 дымов³.

* * *

Что касается этнического состава населения ханства основную его часть составляли лезгины. Проживали в ханстве и евреи — переселенцы из табасаранского села Карчаг⁴, агулы (бурки-ханцы).

Необходимо отметить своеобразие социальной структуры этого небольшого и в какой-то мере искусственно созданного феодального владения. Это своеобразие заключалось в том, что правящая ханско-бекская фамилия этого владения была иноэтнической. Подвластные в ханстве являлись лезгинами (кюринцами по понятиям XIX в.), а ханы и беки происходили от лакцев, являлись выходцами из дома казкумухских правителей. Ханы кюринские управляли сельскими обществами посредством «поставляемых ими назырей, а впоследствии набов», становившихся исполнителями их воли⁵.

¹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX—нач. XX в. С. 164.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 167.

⁴ Памятники обычного права Дагестана. XVII—XIX вв. С. 43.

⁵ Там же.

Жители подвластных кюринским ханам сел отбывали повинности бекам. Они складывались от натуральных сборов «пшеницею и ячменем со всякого двора, имеющего состояние, или посеvy, или пару рабочего скота, — от 2 до 9 руб.». Кроме того, за пользование ханскими землями с посевов «пшеницы, ячменя, чалтыка и прочих злаков — в селениях Зуграб-кент, Бут-кент, Хтун, Бар-Бар-кент, Бюль-Бюль-кент, Газыр-кент, Али-кент, Махмуд-кент и Испик посеvщики» давали по 3 рубле зерна.

Существовала и аробная повинность во всех деревнях «до трех ароб со двора и по одной арбе дров со двора». Отработочная рента заключалась в том, что каждый двор работал по четыре дня в году на бека своего села. При этом — при жатве обычно — хозяин обязан был кормить работавших на него¹.

* * *

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о том, что основным занятием жителей Кюринского ханства являлось земледелие, разведение пшеницы, ячменя, чалтыка и т. д. Оно было развито особенно в равнинных селениях. Урожаи бывали высокими и кюринские жители были обеспечены в целом своим зерном. Часть его они продавали лакцам, обменивали на изделия лакских ремесленников, а также на мясо-молочные продукты жителей горных лезгинских сел.

Занимались кюринцы и садоводством. Разводились ими яблоки, груши, персики, сливы, вишня, черешня, абрикосы и др. плодовые деревья. В плоскостной части ханства разводили виноград, шелковицу, марену.

Развито было у кюринцев и животноводство. Разводили в большинстве плоскостных сел коров, быков, буйволов, лошадей. Овцеводство было более развито в горной полосе ханства.

Ремесла были развиты такие же, как и у соседних лезгинских сел: сукноделие, ковроделие, вязание джурабок, веревок, платков и т. д. Они шли в основном на свои нужды, а также на продажу.

Кюринцы были тесно связаны экономическими интересами с Дербентом, соседними табасаранцами. Политически они больше тяготели к Казикумухскому ханству, с которым имели и тесные торгово-экономические отношения.

¹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX—нач. XX в. С. 168.

В качестве заключения к данной главе хотелось бы подчеркнуть, что проблемы современного разграничения административно-политических образований Южного Дагестана в определенной мере имеют корни в историческом прошлом, в частности в исследуемом нами периоде. Вокруг этого разграничения в 90-х годах XX столетия разгорелись дискуссии, политические страсти, в чем важную роль сыграла и организация «Садвал», представляющая интересы лезгинского народа и поддерживающая стремление лезгин к воссоединению, созданию единого лезгинского политического образования. Особенно остро все эти проблемы отражены в довольно объемистом сочинении Г. А. Абдурагимова «Кавказская Албания — Лезгистан: история и современность». (СПб. 1995. 608 с.). Ни анализ этих острых проблем, ни научная оценка самой книги не входят в задачу нашего исследования. Поэтому мы не останавливаемся на современных проблемах. Считаем, что их должны освещать на профессиональном уровне исследователи, занимающиеся именно этим периодом истории. Наша задача заключалась в установлении фактического состояния дел — политического устройства Южного Дагестана в XVII — нач. XIX в. на основе имеющихся фактических данных.

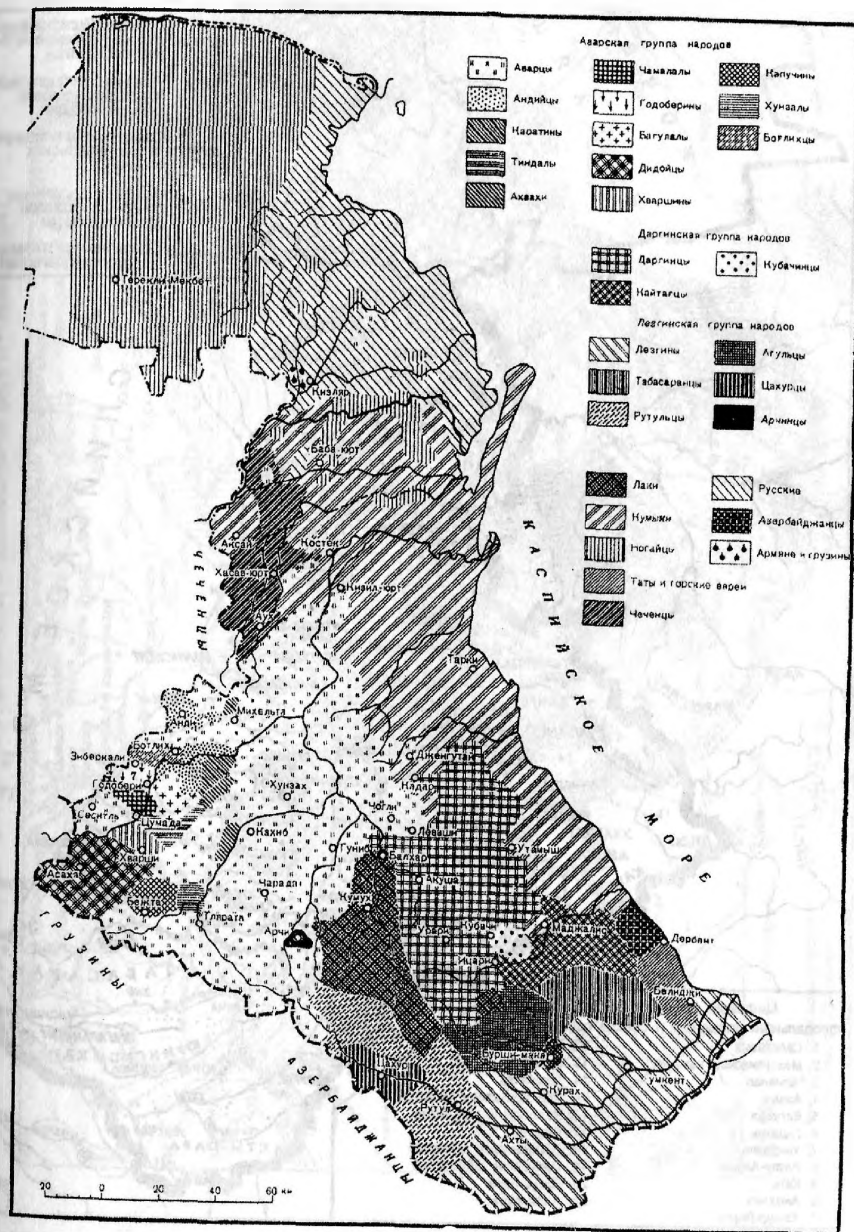
При этом совершенно не исключаем, что какие-то коррективы могут быть внесены в наши сведения и интерпретацию фактов по мере накопления и выявления новых архивных и документальных материалов, новых источников. Считаем такое явление вполне закономерным, естественным, ибо таков путь развития науки, в том числе исторической географии, которой в Дагестане стало уделяться значительное внимание с конца 80-х — в 90-х годах XX столетия.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

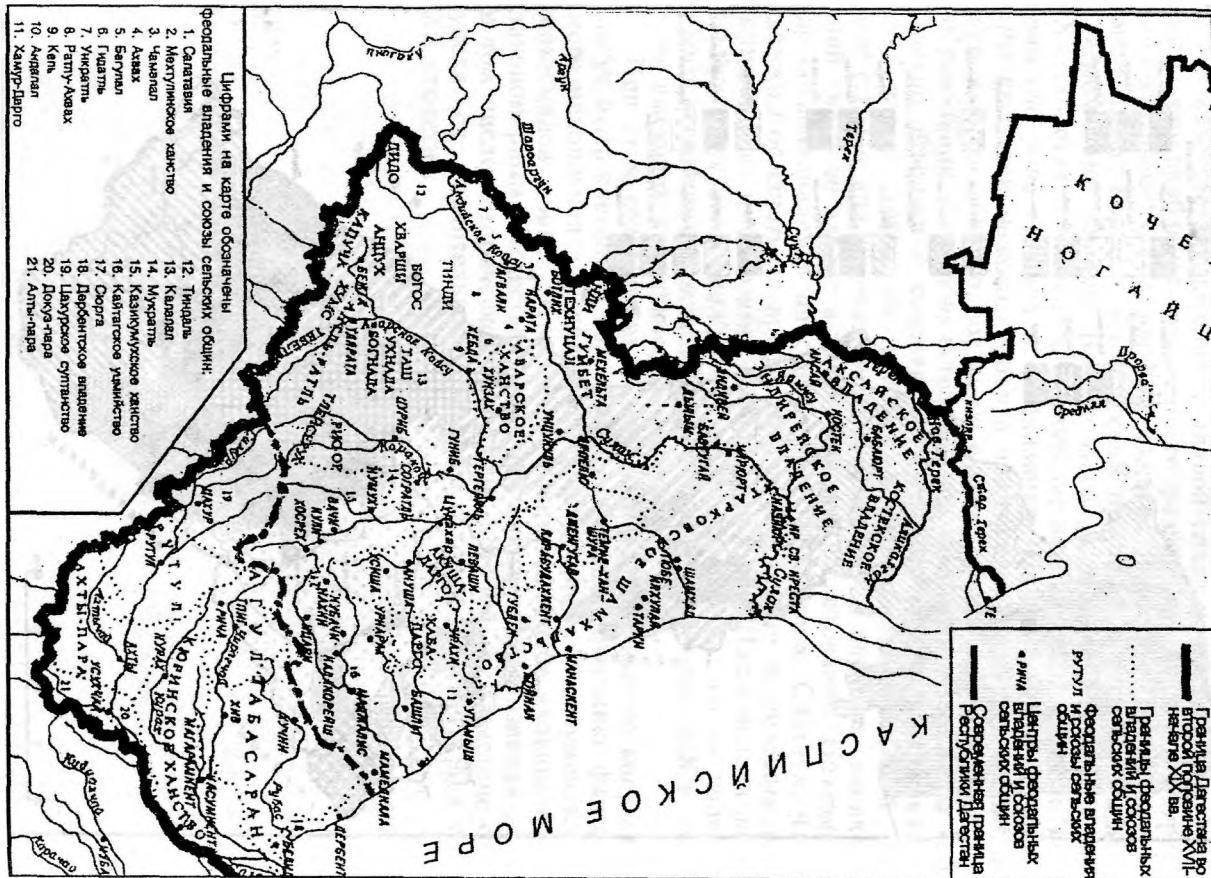

instituteofhistory.ru

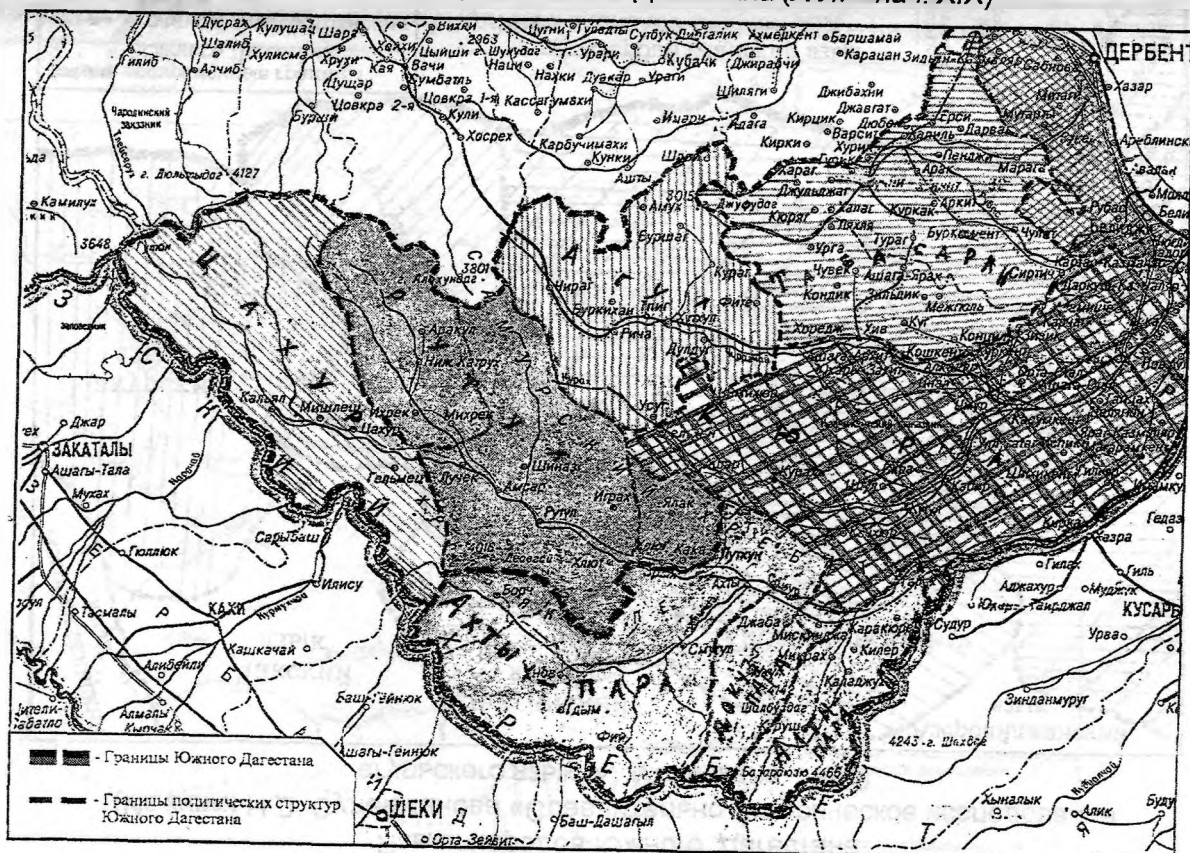
Этническая карта Дагестана

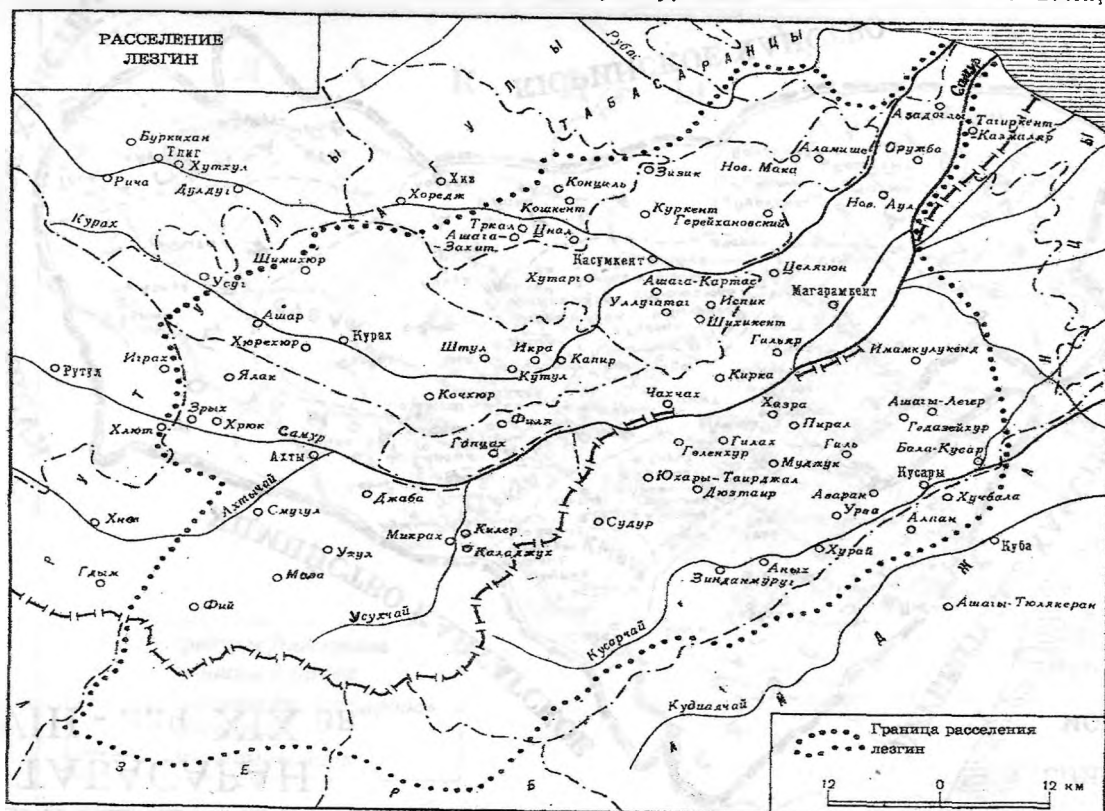
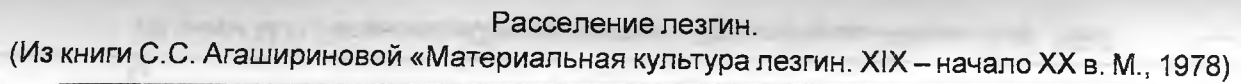
Дагестан (вторая половина XVII – начало XIX вв.)

Политическая карта Южного Дагестана (XVII – нач. XIX)

(Из книги Н.Д. Сулейманова «Сравнительно-историческое исследование агульского языка». Махачкала, 1993).

ТАБАСАРАН
XVIII - нач. XIX вв.

Из книги М.Р. Гасанова «Очерки истории Табасарана». Махачкала, 1997

Рутулы и цахуры в XVII – нач. XIX в.

Карта Агула

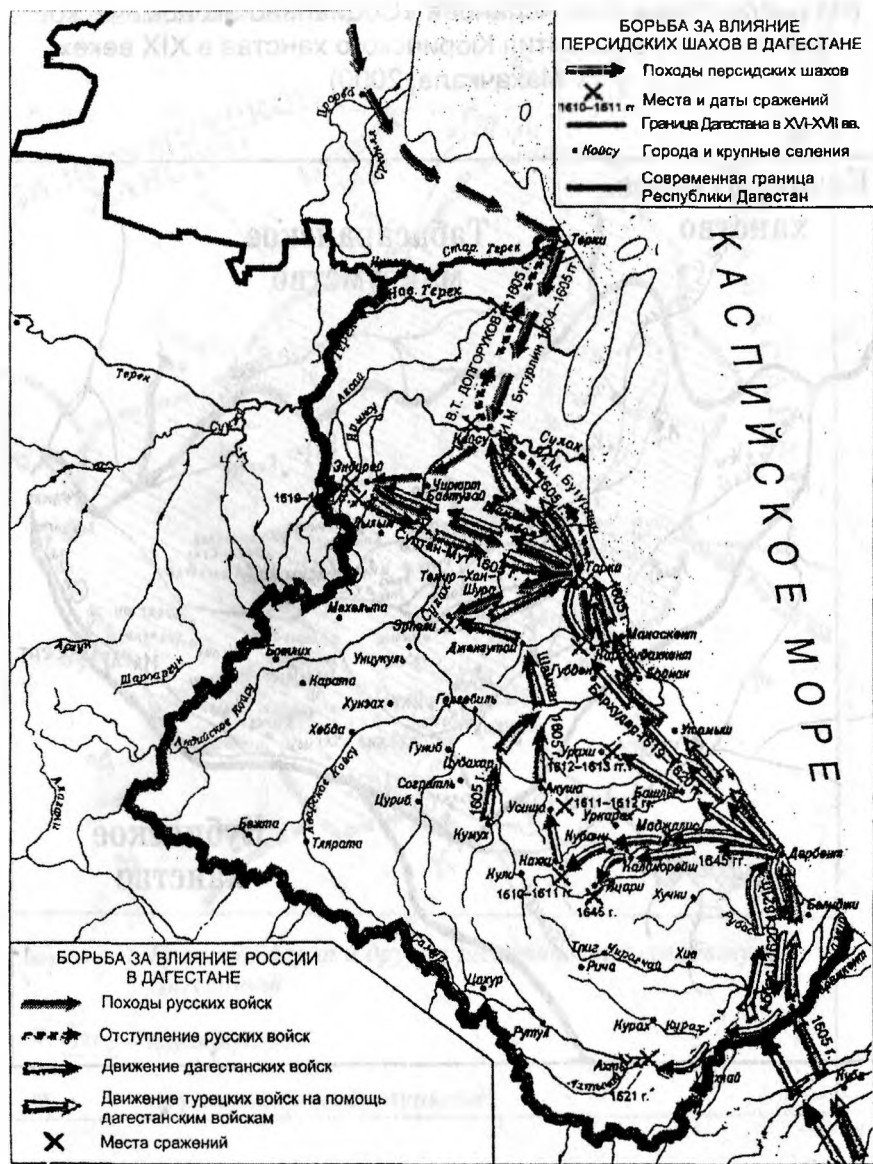

Кюринское ханство в XIX в.

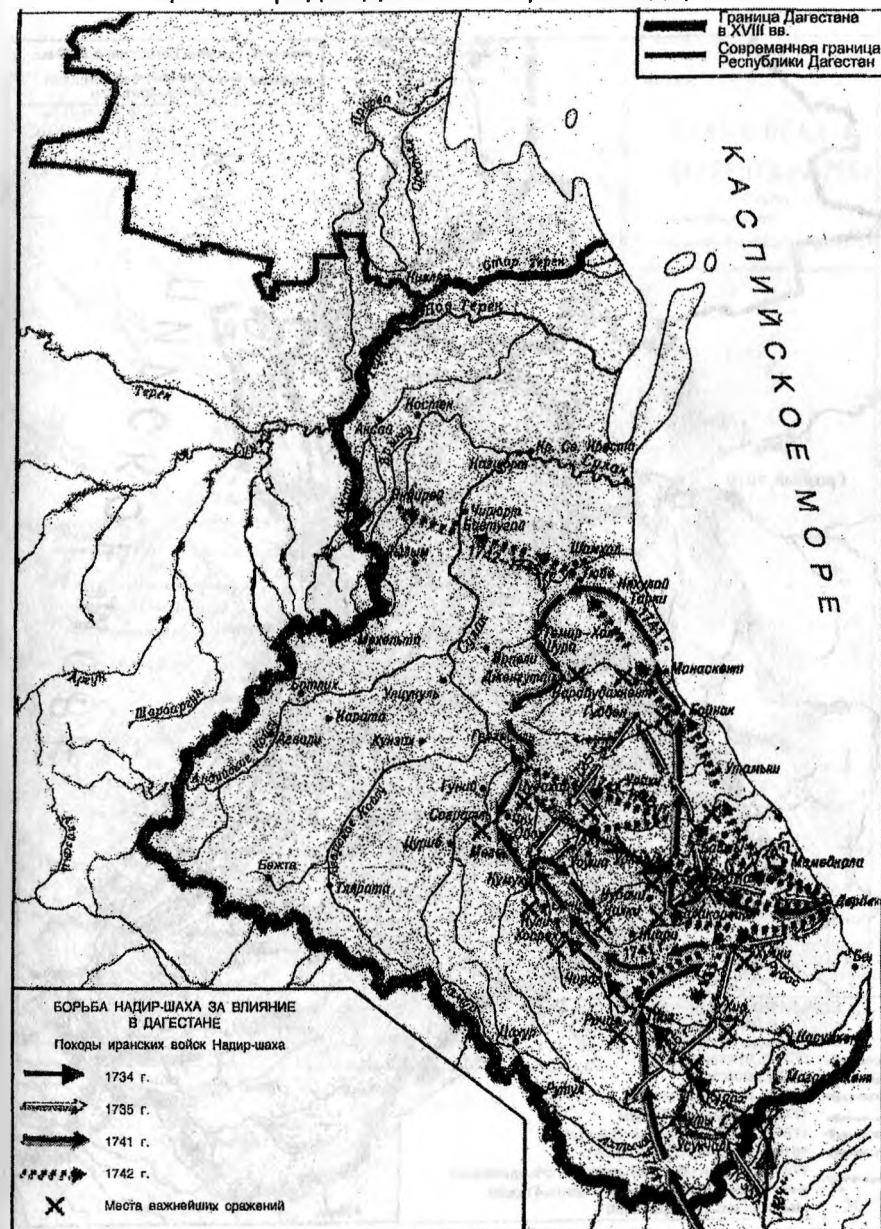
(Из диссертации Д.А. Асланова «Социально-экономическое и политическое развития Кюринского ханства в XIX веке». Махачкала, 2000)

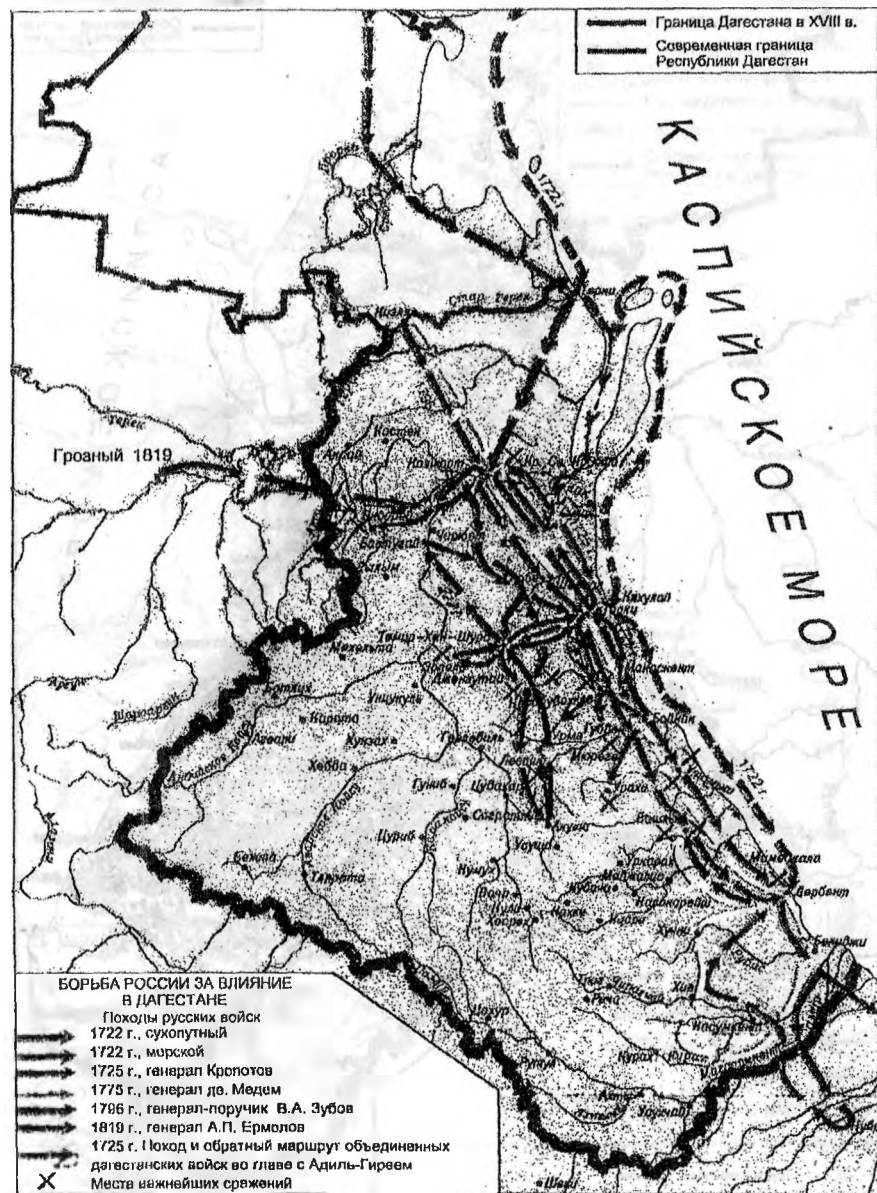
Борьба за влияние в Дагестане (XVI – XVII вв.)

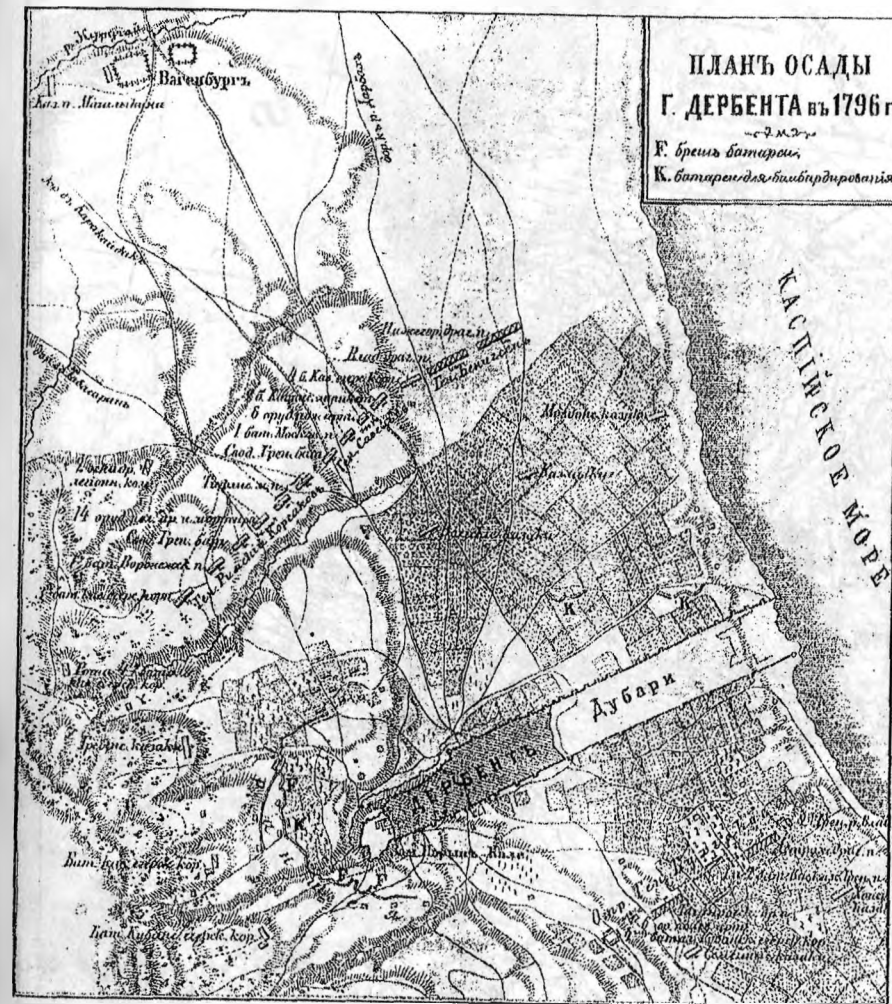
Борьба народов Дагестана против Надир-шаха

Борьба за влияние в Дагестане (XVIII – начало XIX вв.)

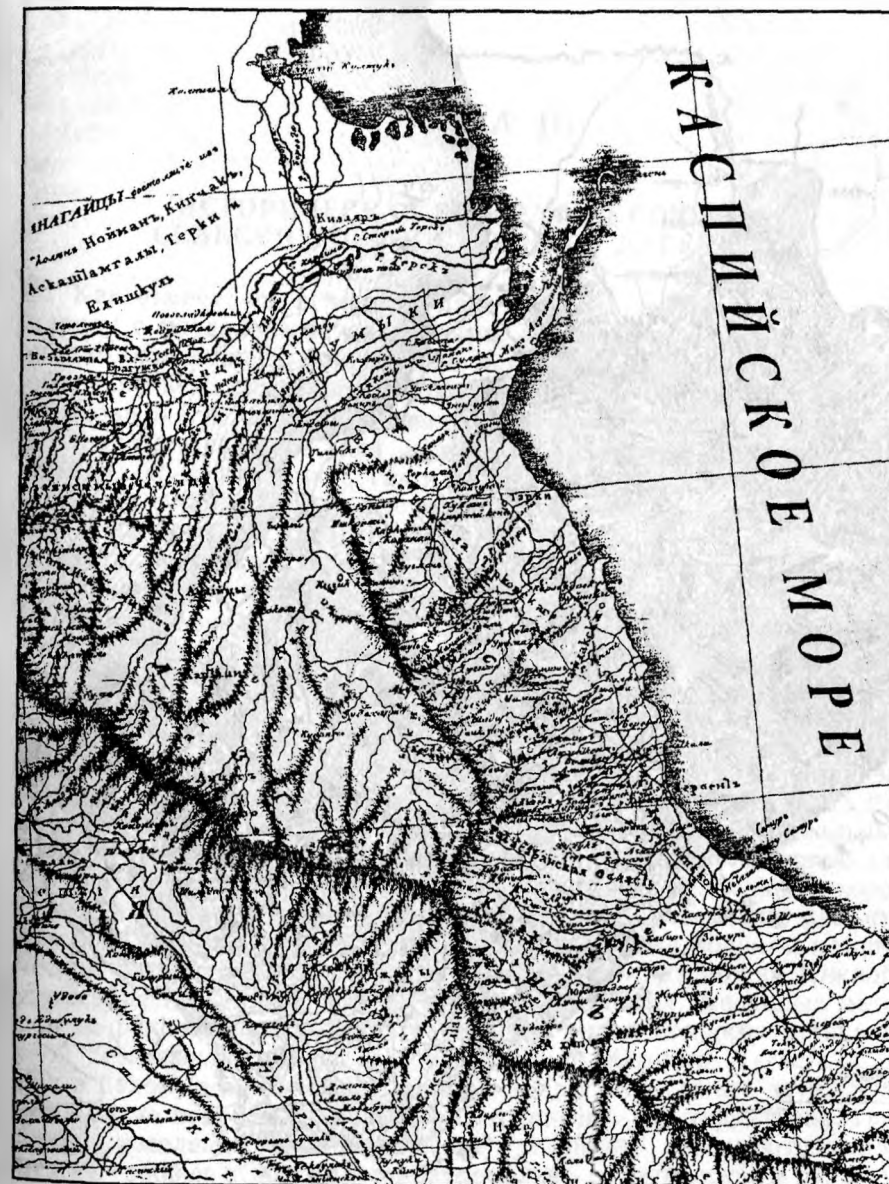
План осады г. Дербента

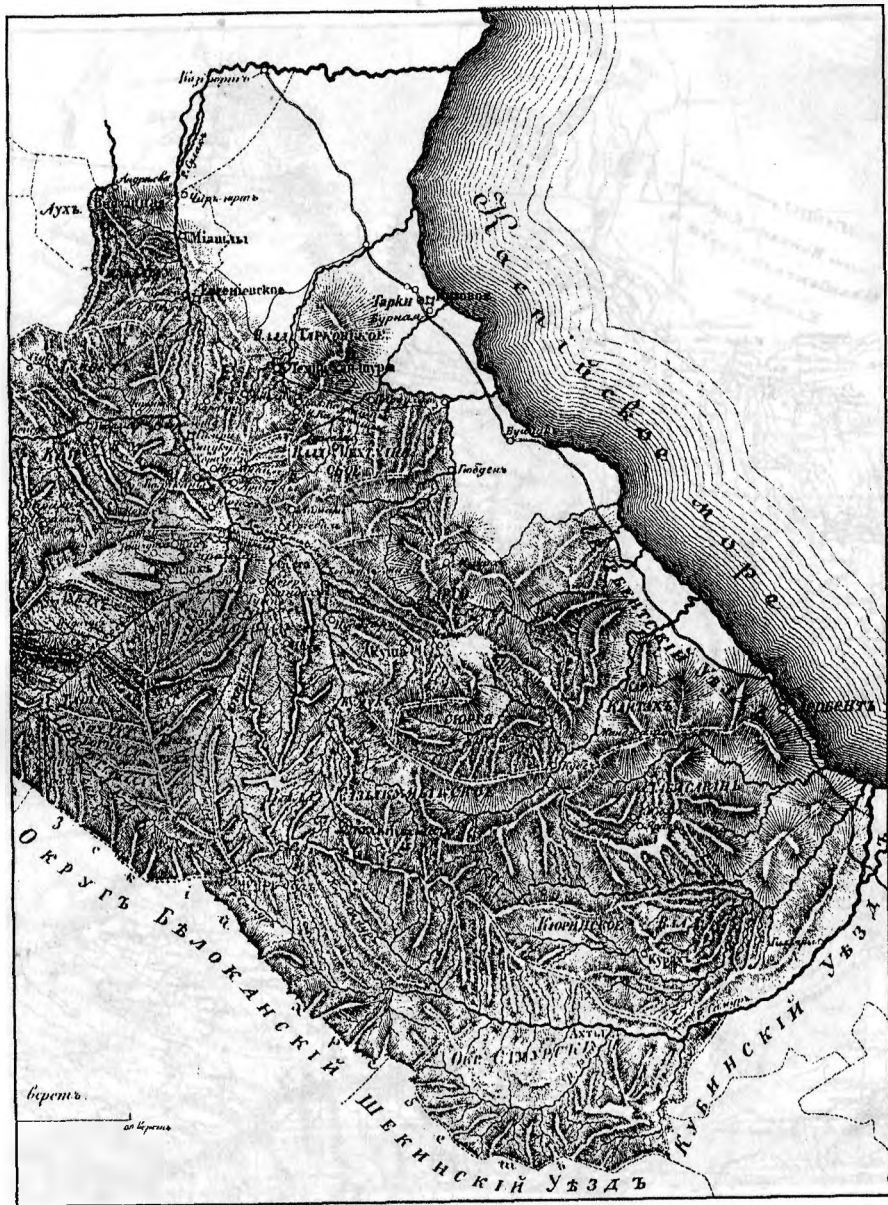
Ксерокопия части карты Кавказа 1812 г.
из Гарвардского университета США.

Часть политической карты России,
изданной в 1823 г. С. Броневским

Карта Южного Дагестана (XIX века)

ГЛАВА III

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Как отмечалось в первой главе работы, в Южном Дагестане наряду с феодальными владениями находились и союзы сельских общин, являвшиеся этническими и территориально-политическими объединениями, имевшими свою территорию, свои адаты, по которым они жили, свое управление и ведущие свою политику как в отношении своих соседей — жителей этнически однородных или близких по языку групп, так и других народов Дагестана. Союзы сельских общин были у лезгин, табасаранцев, агульцев, рутульцев и цахуров. Это практически все коренные народы Южного Дагестана, проживающие на их этнической территории издревле, с незапамятных времен.

Разные вопросы исторической географии союзов сельских общин изучались в работах советских исследователей, хотя по ним, как вообще и по другим союзам сельских общин Дагестана, и нет специальных работ. Это работы Е. М. Шиллинга, Л. Б. Панек, Л. И. Лаврова, Б. А. Калоева, Р. М. Магомедова, Х.-М. О. Хашаева, Х. Х. Рамазанова, А. Р. Шихсаидова, М. М. Ихилова, С. С. Агашириновой, В. Г. Гаджиева, М. Р. Гасанова, Б. Р. Рагимовой, Г. М. Мусаева и ряда др. Причем, это не специальные работы, а труды общего характера, в которых затрагиваются или изучаются те или иные вопросы исторической географии союзов сельских общин Южного Дагестана. Но подчеркнем еще раз, что нет пока цельной работы, где бы освещались все вопросы исторической географии и притом всех союзов сельских общин Южного Дагестана XVII—нач. XIX в. Конечно, и работы указанных авторов не равнозначны по охвату тех или иных вопросов исторической географии союзов сельских общин Южного Дагестана. В них в целом, в одних более широко, в других — менее затрагиваются такие вопросы исторической географии, как территория, границы, население, экономическое развитие, взаимоотношения между собой и с другими территориально-политическими структу-

рами, структура административного управления союзов сельских общин Южного Дагестана.

В 1999—2000 гг. были защищены кандидатские диссертации по социально-экономической и политической истории агулов (И. Г. Ибрагимов), союзов сельских общин Самурской долины (З. Ш. Закарияев), Кюринского ханства (Д. А. Асланов), рутулов (Х. М. Джапилова), в которых также затрагиваются многие вопросы исторической географии изучаемого нами региона. Особо хочется отметить квалификационную работу К. И. Пашаева, которая специально посвящена исторической географии Южного Дагестана XV—XVII вв. В работе изучаются все вопросы исторической географии и союзов сельских общин лезгин, табасаранцев, рутулов, агулов и цахуров, хотя они и не выделяются специально от других политических структур региона.

Все это, конечно, не может не облегчить выполнение тех задач, которые стоят перед нами при рассмотрении исторической географии союзов сельских общин Южного Дагестана. А этими задачами являются прежде всего определение конкретной территории, если не всех союзов сельских общин, хотя бы этнически однородных или группы союзов отдельных частей или районов Южного Дагестана, их состав, историческую географию населения (этнический состав и численность), историческую географию хозяйства, историческую политическую географию. При общей характеристике исторической географии Южного Дагестана ряд из этих вопросов, которые возможно более выпукло показать в общем плане для всех территориально-политических структур, не выделяя их при изучении каждого союза сельских общин или отдельных групп союзов, нами уже был показан. Поэтому в этой части работы нет необходимости на них останавливаться и они здесь будут даны в общем плане.

Хотелось отметить и еще один момент, касающийся союзов сельских общин Табасарана. Историю и историческую географию их невозможно отделить от истории и исторической географии Табасарана в целом. А историческая география Табасаранского майсумства и Табасаранского кадийства, все вопросы, составляющие её в целом, подробно даны во второй главе нашей работы. Учитывая это обстоятельство, считаем возможным в данной части работы говорить только о конкретных вопросах, имеющих прямое отношение к проблеме исторической географии союзов сельских общин — их территории, названий, состава, населения и т. д., не впадая в подробное освещение исторической географии хозяйства и исторической политической географии. Тем более нет необходимости в последнем, если учесть, что эти вопросы в какой-то мере нашли отражение и в первой главе работы, посвященной

общей характеристике исторической географии Южного Дагестана.

В работе историческая география союзов сельских общин изучается не каждого из них отдельно, а целой группы, этнически однородных или находящихся в одном определенном районе или части Южного Дагестана, выделив при этом сначала конкретные, сугубо относящиеся к каждому из них вопросы, как географическое положение, территория, границы, название, состав, численность населения и т. д. Другие общие вопросы, характерные или присущие для всех союзов сельских общин, рассматриваются вместе, что дает возможность избежать ненужных повторов.

1. Союзы сельских общин Самурской долины

Изучение исторической географии союзов сельских общин Южного Дагестана начнем с известных в исторической литературе, как союзы Самурской долины.

В Самурской долине было 4 союза сельских общин: Ахтыпара, Докузпара, Алтыпара и Рутул. Общее название, под которым была известна эта часть Южного Дагестана, — Самур-вилает. Это три лезгинских общества и одно Рутульское. Название «пара» равнозначно местному названию магала. «Пара» означает часть, кусочек и, очевидно, было добавлено к каждой части — магалу, которые выделились из некогда общей этнической и территориально-политической структуры, известной под названием Ахтынского магала. Что касается названий первых частей Ахты, Докуз, Алты, то они связаны: первое с главенством селения Ахты, второе и третье с тюркскими словами «докуз» — девять и «алты» — шесть, являющимися показателями вхождения в состав этих союзов девяти и шести селений.

Если взять территорию союзов сельских общин Самурской долины в целом, то ее можно очертить так: с севера она граничила с кюринскими магалами и Агулом, с юга — Шекинским ханством по Главному Кавказскому хребту, с юго-востока — с Кубинским ханством, с юго-запада — с Елисуйским султанством, с северо-запада — с цахурским Горным магалом.

Говоря о лезгинских магалах Самурской долины и Рутуле, П. Зубов писал, что земли этих «обществ отделены к Северу Алагиндагским хребтом и течением реки Самур от Курахской области; горами, называемыми Шаг-даг, ограничены от Кубинской провинции, а главным кряжем Кавказа, носящим название: Салават-

даг, идущим дугообразно с Востока на Север, отделены от провинции Шекинской, владений Элисуйского Султана и Джаробелоканской области. Земли сих обществ покрыты высочайшими горами, по ущельям коих стремится река Самур, вытекающая с возвышенностей Чиокура, близь местечка Филасил. Река сия быстротою ничем не уступает Тереку, справа и слева вливаются в нее пенные горные ручьи, при коих расположены главные места общества: Мискинджи, Рутуль, Ахти и Курегуре (Кара-Кюре — авт.). Селения сии, по своему местоположению, совершенно неприступны¹. Если говорить в общих чертах, то эта территория, находящаяся между Главным хребтом Кавказских гор и правым берегом Самура, которая к северу граничила с Казикумухским ханством и кюринскими магалами, к востоку — с Кубинским ханством, к югу — с Главным Кавказским хребтом от горы Базардюзю до Салаватских гор, к западу — с цахурским Горным магалом.

Внутри указанной территории каждый магал имел свою территорию. Согласно описанию И.-Г. Гербера, магал Алтыпара находился возле реки Самур «по зюйдовой (южной — авт.) стороне, между нижних (южных — авт.) гор, подле Рутул и ко высокой горе Шалбрус (Шалбуз-даг — авт.)»². Здесь наш автор не совсем прав, говоря, что Алтыпара граничила с Рутулом. Вернее — западная граница Алтыпара доходила до территории Докузпара. Не указаны здесь и северные границы магала, которые доходили до кюринских союзов сельских общин, а восточные — до территории Кубинского ханства.

Алтыпара — это небольшой союз. Как отметили выше, само название его говорит, что в него входило шесть селений. Это Кара-Кюре, Мака, Микрах, Каладжух, Куруш и Теки-Пиркент. Самым крупным из них, как можно судить по сведениям более позднего периода, было селение Куруш, за ним сел. Микрах, Кара-Кюра, Каладжух, Мака. Теки-Пиркент даже во второй половине XIX в. имел всего 50 хозяйств³. Согласно данным Ф. Ф. Симоновича, центром союза было сел. Кара-Кюра⁴. Х.-М. О. Хашаев писал, что центром этого союза было селение Микрах⁵.

К западу от Алтыпаринского общества располагался союз Докузпара. И.-Г. Гербер, описавший Докузпару после Рутула и Ахтыпара, отмечал: «Еще далее к весту (западу — авт.), позади гор Шак и от весту (запада — авт.) другими горами обнято» Докузпара¹. Название этого магала говорит о том, что в его составе находилось 9 селений. Это: Джаба, Ихир, Джих-Джих, Пиркент, Ухул, Храх, Балуджа, Филиджах, Ялджиг². Наиболее крупным из них было сел. Джаба, имевшее более 200 хозяйств в XIX в. Остальные села (кроме Ихира, Ялджуга и Ухула) имели менее 100 хозяйств. Центром союза было сел. Джаба, хотя в работах некоторых авторов им считают сел. Мискинджи, почему и общее число сел магала доводится до 10³.

Среди союзов Самурской долины наиболее крупным, известным и сильным была Ахтыпара, отчего часто все союзы были известны под названием Ахтыпара, а их жители — ахтынцы⁴, что было характерно и для других союзов сельских общин, где выделялся по своей многочисленности, силе и известности один из них, как, например в Акуша-Дарго, где из-за главенства Акушинского союза все верхнедаргинцы чаще были известны под общим названием акушинцы. Союз Ахтыпара находился «подле реки Самуры по зюйдовой (южной — авт.) стороне еще более (по отношению к Докузпаре, но не по отношению к Рутулу, о чем ошибочно пишет И.-Г. Гербер — авт.) к весту (западу — авт.), Рутуль и Докуспара от зюйда (юга — авт.) закрыта высокими горами Шак»⁵. Горы Шак — это южная часть Главного Кавказского хребта, отделяющая Ахтыпара от Шекинского ханства. В сообщении И.-Г. Гербера нет северных границ Ахтыпара, а ими были земли кюринских магалов, занимавших территорию по левой стороне от Самура. Указанная территория Ахтыпары была неизменной, как и территории других указанных выше лезгинских магалов Самурской долины, весь исследуемый период.

О составе Ахтыпара мы можем судить лишь, исходя из сведений более позднего времени. По данным К. К. Краббе, Ахтыпара состояла из 15 деревень⁶. По данным 50—60 годов XIX вв. в составе Ахтыпара первой находилось 12 селений: Ахты, Кхем, Хуля,

¹ Зубов П. Картина Кавказского края... Ч. 3. С. 209—210.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов... // ИГЭД. С. 77.

³ Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области: Сборник статистических сведений о Кавказе // ИКОИРГО. Тифлис, 1869. Т. I. С. 117; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Тенгиз-Хан-Шура, 1899. С. 372—375.

⁴ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 150.

⁵ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 188.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 80.

² Комаров А. Указ. соч. С. 117—118; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 372—377.

³ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 150; Краббе К. К. Замечания по Докуспаре, Ахтах и Рутуле. 1835 г. // ИГЭД. С. 335.

⁴ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 150; Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 107.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 79.

⁶ Краббе К. К. Указ. соч. // ИГЭД. С. 335.

Тра, Гогаз, Усур, Кака, Гдунг, Кочах, Мидфах, Сумугул и Хал, а в Ахтыпара вторую входило 5 селений: Хнов, Борч, Гдым, Маза и Фий¹. По другим же данным этого и более позднего времени (конец 60-х — конец 90-х годов XIX в.) в Ахтыпара первой и второй вместе было 19 селений. Здесь, помимо указанных выше 17 селений, перечислены еще селения Луткун и Ялак².

Если взять общее количество сел всех трех союзов сельских общин лезгин, находившихся в Самурской долине, по указанным сведениям получится от 32 до 34. Приблизительно о таком же количестве (30) сел этих союзов писал в конце XVIII в. Ф. Ф. Симонович³. Надо полагать, что и ранее указанные села входили в состав лезгинских магалов Самурской долины, хотя у нас и нет конкретных данных на этот счет. Но из слов И.-Г. Гербера о том, что каждый «уезд», как он называет лезгинские магалы, подобно всем другим территориально-политическим структурам, описываемым им в своей работе, «состоит в нескольких деревнях, которые все между горами, несколько вместе, а несколько между долинами разсыпно лежат»⁴, можно понять, что те же самые селения, которые перечислены в работах авторов XIX в., были и до XVIII и XIX вв. Хотя сведения И.-Г. Гербера кажутся общими, не говорят конкретно, сколько сел входило в состав каждого из магалов, но из них можно понять, что те же села, которые были известны авторам XIX в. и находились и в горах, и в долинах, были и в начале XVIII в., а значит и ранее, так как, как показывает полевой материал, эти села возникли на много веков раньше исследуемого периода.

Селение Мискинджи составляло отдельное общество, оно не входило ни в один из перечисленных лезгинских магалов Самурской долины. Согласно имеющимся сведениям, Мискинджи возникло от переселенцев из Ирана, которые были заселены сюда в XVI в.

По имеющимся данным, у рутулов имелись два общества — Рутульское и Ихрекское, известные под общим названием Рутул. Однако, изданный Т. М. Айтберовым «Шиназский аноним» дает возможность говорить и о существовании в прошлом (XVI—

XVII вв.) и Шиназского магала¹. В целом Рутул занимал территорию западнее Ахтыпаринского общества, доходя своими северо-западными границами до земель Цахура. На севере Рутул граничил с Казикумухским ханством и Агулом, на юге — с Ахтыпара, на востоке с кюринскими обществами и Ахтыпара. И.-Г. Гербер, который также дает Рутульский магал под общим названием «Рутул, уезд», располагает его «подле реки Самура по зюйдовой (южной — авт.) стороне далее к весту (западу — авт.), между Алтыпара и Ахты»². И здесь наш автор ошибается, так как Рутул и Алтыпара не имели общих границ. Но И.-Г. Гербер дает для Рутула те же характеристики, что и для других союзов сельских общин Самурской долины.

Согласно имеющимся данным, в изучаемое время в состав Шиназского магала входило 5 селений: собственно Шиназ и еще 4 селения — Пилек, Уна, Амсар и Кала³. Но по более поздним данным все эти селения перечислены в составе Рутульского союза. Всего же в его состав, по этим данным, входило 18 селений. Это: Хрюк, Зрых, Хулют, Кахул, Лакуи, Ихрах, Ича, Кича, Рутул, Хунюк, Кала, Шиназ, Уна, Пилек, Амсар, Лучек, Уруш, Кина. Причем, первые 6 селений были лезгинские, а остальные 12 — рутульские⁴. В Ихрекский магал входило 6 селений: Ихрек, Михрек, Джилихур, Н. Катрух, В. Катрух и Аракул. Первые три селения были рутульские, В. Катрух и Аракул — лакские, а Н. Катрух — азербайджанское⁵. По своему географическому положению каждый из указанных трех рутульских магалов занимал территорию западнее от Ахтыпара — сначала шел Рутульский магал, затем Шиназский и западнее от него Ихрекский, границами между которыми были границы территорий соседних сельских общин. Общими границами Рутула, под чем имелись в виду в основном все три магала, были указанные выше границы союза.

Наиболее ранние сведения о численности населения союзов сельских общин Самурской долины относятся к концу XVIII в. Согласно данным Ф. Ф. Симоновича, относящимся к 1796 г., в Ахты было 600 дворов, Мискинджи — 250, в Кара-Кюра — 150⁶. По данным А. П. Торماسова, в 1811 г. «Лезгинские народы, ахтинцы,

¹ Описание Самурского округа // Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архив. материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. С. 25.

² Берже А. Прикаспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1858; Комаров А. Указ. соч. С. 118—119; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 368—373.

³ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 150.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.

¹ Айтберов Т. М. Об общественном строе рутульцев (конец XVI—нач. XVII вв.) // Советская этнография. 1981. № 6. С. 112—118.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 79.

³ Айтберов Т. М. Указ. соч.

⁴ Комаров А. Указ. соч. С. 120—121; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 368—373.

⁵ Там же. С. 121—122; С. 376—385.

⁶ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 150.

маскенжинцы и крегуинцы (каракюринцы — авт.)» имели 8100 семейств, в которых проживало 48600 человек обоего пола¹. По данным Ф. А. Шнитникова за 1832 г., в селах магалов лезгин Самурской долины имелось следующее количество семейств: в Мага — 100, Кара-Кюра — 400, Минраг — 450, Каладжуг — 100, Тапье-Шихи, или Пирикент — 60, Куруш — 350, Фий — 200, Маза — 200, Ахтах — 800, Мискинджи — 350, Джиг-Джиге — 40, Ихоре — 120, Елджиге — 120, Джаба — 110². В 1835 г., как писал К. К. Краббе, в Мискинджи было столько же (350) семейств и примерно 960 жителей, в Ахтах также 800 семейств и 1500 жителей, а в магале в целом — 15 деревень; в Рутульском магале, который, по его сведениям, состоял только из 10 деревень, было 1600 семейств³. В «Обзрении Российских владений за Кавказом...» указывается, что в 11 селениях Ахтыпаринского магала было 1500 дымов⁴. Тремя годами позже А. Ф. Десимон писал о многолюдности селения Ахты и что «Самурский округ заключает в себе слишком (более — авт.) 6 т. дворов, т. е. около 50 т. жителей мужского и женского пола»⁵. На фоне всех приведенных цифр о численности населения и количестве дворов магалов Самурской долины выглядят заниженными цифры, которые дает П. Зубов, писавший, что «число жителей во всех обществах (Самурской долины — авт.) едва простирается до 12000 человек»⁶.

Основными занятиями жителей союзов сельских общин Самурской долины были земледелие и животноводство. Соотношение их в зависимости от местных географических условий было разное. Если в равнинных частях, долинах рек были более благоприятные условия для земледелия, то в горных и в особенности высокогорных обществах пахотуодобных участков было меньше и земледелие здесь было ограничено. О жителях всех союзов сельских общин Самурской долины И.-Г. Гербер писал: «Питаются скотиною и имеют между горами в долинах малое число пашен, и для того имеется у них нужда в хлебе, которой оные меняют

скотиною в Кубе»¹. Конечно, и в горной части территории лезгинских магалов, несмотря на суровость природных условий, также были удобные для земледелия участки. Бывший в конце 60-х — нач. 70-х годов XVIII в. в научной экспедиции в Прикаспийской области и посетивший наиболее высокогорную часть Кавказа — район Шах-дага, где находились и алтыпаринские и докузпаринские селения, акад. С. Г. Гмелин писал, что «позади сих гор, при подходе которых мы были, есть много деревень... место сие на взгляд очень страшно и состоит из гор одна на другой лежащих, из коих иные сплошь обросли травами, а иные совсем голы, а находящиеся между ними плодоносные поля и сухие луга составляют обиталища» местных народов². В 30-е годы XIX в. Ф. И. Гене отмечал, что жители сел в верховьях Самура «нуждаются» в хлебе³. Но в то же время он писал, что река Самур «в землях Рутульских и Ахтинских... орошает прекрасную плодородную и богато населенную долину»⁴.

Мы не располагаем данными по изучаемому периоду о площади пахотных и других категорий земель по магалам Самурской долины. Но, если учесть, что их количество практически не изменялось и позже, мы можем представить приблизительную картину и по изучаемому периоду. С. С. Агаширинова на основе анализа архивных данных пишет, что на один дым в Самурском округе приходилось всех земель пахотной, покосной и пастбищной — более 17 десятин. Поскольку значительная часть этих земель отходила под пастбища, пахотная земля каждого дыма в среднем составляла около одной десятины⁵. По сведениям Х.-М. О. Хашаева, эта цифра была еще меньше. На основе анализа данных посемейных списков 1886 г. он писал, что в Самурском округе было 11392 хозяйства, пахотной земли 6.940 десятин, т. е. на одно хозяйство приходилось только 0,6 десятины⁶. И далее он отмечал, что в середине XIX в. полезной площади на один двор лезгин приходилось в Докузпаринском наибстве 1/8 десятины, в Ахтыпаринском — 2/3 десятины, в Рутульском — 1 1/4 десятины⁷.

И не вся территория самурских магалов была одинакова по пригодности к земледелию. Более хорошие условия были на тер-

¹ Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

² Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С. 330—331.

³ Краббе К. К. Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. 1835 г. // ИГЭД. С. 335.

⁴ Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по Высочайшему повелению. СПб., 1835. Ч. IV. С. 147.

⁵ Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. С. 367.

⁶ Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1835. Ч. 3. С. 210.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.

² Гмелин С. Г. Путешествия по России для исследования трех царств в природе естества. СПб., 1785. Ч. 3. С. 51.

³ Гене Ф. И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. С. 345.

⁴ Там же. С. 342.

⁵ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX—начало XX в. М., 1978. С. 25, 26.

⁶ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 189.

⁷ Там же. С. 190.

ритории к западу от Ахтов, где были по обеим сторонам Самура пологие удобные для земледелия участки. Это же можно сказать о рутульских селах, расположенных в районе среднего течения Самура. Остальная территория не располагала такими возможностями, хотя, конечно, земледелием занимались повсеместно. В районах менее удобных для земледелия строились террасы, являвшиеся результатом огромной работы и показателем древности земледелия и в этой части Дагестана.

Не получили развития в изучаемое время в магалах Самурской долины огородничество и садоводство. Как пишет Х. Х. Рамазанов, «в горах только жители аула Ахты занимались садоводством»¹.

Зато широко было развито в магалах Самурской долины животноводство, в особенности овцеводство, имевшее в экономической жизни местного населения исключительно важное значение. Причем, в высокогорных обществах овцеводство занимало доминирующее положение. Как пишет Х. Х. Рамазанов, «В ряде высокогорных аулов, таких как Борч, Хнов, Хкем, Куруш, скотоводство являлось даже главной отраслью хозяйства»².

Из-за отсутствия своих зимних пастбищ жители магалов Самурской долины арендовали их в других владениях и обществах. Приходилось перегонять скот на зиму за десятки и сотни километров. Как писал в 30-е годы XIX в. Ф. А. Шнитников, «жители вольных народов на осеннее и зимнее время, т. е. с ноября по 1 мая, отправляют для пастбы своих баранов, составляющих главную их промышленность, в следующие провинции: торжалцы (жители селения Юхари-Тахирджал — авт.) — в Кубинскую, мискинжинцы — в Кубинскую и Дербентскую, алтыпаринцы — в Шекинскую, Кубинскую и Табасарань, ахтинцы — в Дербентскую, Шекинскую и Табасарань»³.

По сведениям начала 1812 г. все общества Самурской долины имели до 55 тыс. баранов⁴. Позже их стало в несколько раз больше. По данным начала XX в. в Самурском и Кюринском округах их было 400 тыс. голов. Больше всего овец имелось в сел. Фий — 155 тыс. За ним шло сел. Куруш — 90 тыс. В Смугуле было 20 тыс. овец. Такое же количество овец имелось в Шиназе, а в Рутуле их было 22,5 тыс.⁵.

Занимались жители магалов Самурской долины и разнообраз-

ными промыслами, среди которых основное место занимала обработка шерсти, дерева, металла, глины, кожи. Изготавливались сукна, войлок, ковры, паласы, различная домашняя утварь и сельскохозяйственные орудия, глиняная и металлическая посуда и т. д., обеспечивавшие их внутренние потребности и имевшие спрос в других обществах и регионах Дагестана. Причем, как пишет С. С. Агаширинова, «Во второй половине XVIII и особенно в XIX в. многие изделия местного производства приобретали ярко выраженный мелкотоварный характер, превратившись в дополнительный источник дохода многих семей. К числу лезгинских ремесленных производств, продукция которых имела широкий товарный выход и пользовалась спросом далеко за пределами не только Дагестана, но и на Северном Кавказе, следует отнести ковровое, керамическое и металлообрабатывающее производство»¹. Среди самурских лезгин особо выделялись мастера по производству ковров, суматов, ковровых мутах, подушек из Ахтов, Микраха, Маза, Хрюка, Каладжуха, Кара-Кюре, Мака и др. Производством мафратов и переметных сум были известны мастера селений Ихир, Маза, Фий, Гдым, Куруш². Керамическое производство было развито в Испице, Сальяне, Гезеркенте, Кахуле, где «изготавливались оригинальные по своим художественным особенностям тарелки, кувшины, миски, чашки и другие изделия поливной... керамики, украшенные ангобной росписью и наклепными узорами»³.

Центром металлообработки было сел. Ахты. Здесь «имелись кузнечные мастерские, работавшие на заказ»⁴. Как и в известных центрах ювелирного производства других народов Дагестана, таких как Кубачи, Кумух, Унчукатль и др., в Ахтах, Кюснете, Койсуне, Икра и др. производили ювелирные изделия, пользовавшиеся большим спросом⁵. И ювелиры «большой частью работали на заказ»⁶.

Сел. Ахты выделялось как один из известных экономических центров лезгин и других народов лезгинской языковой группы. Здесь проводились еженедельные ярмарки, куда стекались торговцы не только близлежащих обществ, но и других регионов Дагестана⁷. «Здесь можно было приобрести лезгинский хлеб, скот и мясомолочные продукты из Рутула, Цахура и Агула, лезгинские

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 139.

² Там же.

³ Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С. 331.

⁴ АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 162.

⁵ ЦГА РД. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3. Л. 72—73. Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 37.

¹ Там же. С. 69—70.

² ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 108. Л. 31; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 74.

³ Там же. С. 83.

⁴ Ихтилов М. М. Указ. соч. С. 130.

⁵ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 51.

⁶ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 94.

⁷ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 144.

и табасаранские ковры, сумахи и паласы, узорчатые шерстяные носки, хурджуны, шубы, тулупы, гончарные, деревянные, медные и металлические предметы быта»¹.

Через Ахты проходил торговый путь, известный под названием «Шекинская» или «Анапская дорога», соединявший Закавказье с Рутулом, Лакией и Аварией². По нему были вовлечены во внешнюю торговлю и жители лезгинских магалов Самурской долины. По этой торговой трассе они были связаны с Шемахой, Нухой, Шеки и др. городами Азербайджана, где приобретали необходимые товары. По данным 30-х годов XIX в. Ахтыпара, Докузпара и Алтыпара находились «в безпрестанных сношениях с магалами: Юхарыбашским, Аныхдаринским и Сыртским, получая оттуда пшеницу, сарачинское пшено, нефть и проч.». Причем, отмечалось, что «многие из их обитателей имеют в Юхарыбашском магале родственников и близких людей»³, что и было гарантом как прочности, так и активности связей между лезгинскими магалами, разделенными Самуром. Что касается Рутула, то он был более связан торговыми отношениями с провинцией Шекинской, так же как и Шиназ, который находился «в еще теснейших сношениях с жителями владения Елисуйского»⁴.

И, конечно, жители самурских магалов были связаны торговыми отношениями с городами Куба и Дербент. В первом из них, по сведениям И.-Г. Гербера, самурские лезгины в основном приобретали хлеб, который, как писал он, «они меняют скотиною» (т. е. за скот)⁵. Приобретали в Кубе лезгины и другие необходимые им товары. Как отмечал немногим позже изучаемого нами периода В. Константинов, торговля Кубы состояла в снабжении товаром Кураха, Ахтов, Лучека и т. д.⁶. Интересно, что, согласно сведениям конца XVIII в., жители Кубинского ханства свиней покупали в алтыпаринском селении Куруц, где находились «золотые, серебряные и свинцовые рудники»⁷.

В Дербент все горцы свозили для продажи продукты сельского хозяйства и главным образом животноводства, а также различные изделия ремесла и домашней промышленности (в основном шерстяные изделия — паласы, ковры, сукна и т. д.), в

обмен на которые и на деньги приобретали как дагестанские, так и азербайджанские, персидские, русские, индийские, китайские и др. необходимые им товары повседневного спроса и длительного пользования, как, например, домашнюю утварь из металла.

Весьма интересно своим своеобразием административно-политическое устройство союзов сельских общин Самурской долины. Хотя в организации их управления было много схожего с другими союзами сельских общин, тем не менее здесь, в частности в Ахтыпаринском магале, были и свои особенности.

Прежде всего отметим, что каждый магал управлялся отдельно. Сельские общества управлялись своими выборными старшинами¹, называемыми аксакалами. Однако не все сельские общества управлялись аксакалами, избираемыми из своих членов. «...несколько старшин имеют влияние на дела общества и могут направлять его действия, — говорится в сведениях, собранных в 30-е годы XIX в., об Ахтыпаринском магале². По другим сведениям, все 11 сельских обществ, входивших в Ахтыпара-I, управлялись старшинами, избираемыми не из своей среды, а старшинами (аксакалами) главного селения магала Ахты; два общества — Пиркент и Каладжиг, входившие в Алтыпара, управлялись макакarakюринскими аксакалами³.

Особенности были и в избрании аксакалов в Ахтах и в ряде других обществ. В Ахтах было 40 тухумов и каждый из них выбирал одного аксакала. Эти 40 аксакалов и управляли и самими Ахты и остальными обществами, входившими в Ахтыпара. Причем, как отмечается в источнике, звание каждого из 40 аксакалов «было наследственное в 1-м участке Самурской провинции, в прямой нисходящей линии, пока были в ней способные к тому люди; если таковых в прямой линии не оказывалось, то выбирался родственник бывшего аксакала из боковой нисходящей линии; если же и при этом условии не оказывалось человека, способного быть правителем, тогда выбор падал на члена другой фамилии, но того же тухума. Таким образом, одна наследственность не давала права быть аксакалом; кроме того, требовалось и согласие тухума на выбор преемника»⁴.

В обществах Хнов и Гдым, относящихся к Ахтыпара-2, как и в

¹ Ихилов М. М. Указ. соч. С. 133.

² Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 144.

³ Обзорение Российских владений за Кавказом... Ч. 4. С. 147.

⁴ Там же.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.

⁶ Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851. С. 337.

⁷ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 204; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 381; Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 221.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77, 80; Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

² Обзорение Российских владений за Кавказом... Ч. 4. С. 147.

³ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Арх. мат. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 28—29.

⁴ Там же. С. 26.

Ахтах, каждый тухум избирал своего аксакала. Причем и наследственность аксакалов в Хнове была такая же, как и в Ахтах¹. В остальных обществах аксакалы выбирались не от тухумов, а от сельских магалов. Так, Мискинджи делилось на 6 сельских магалов, из которых избиралось по одному аксакалу в правители². В трех селах Ахтыпара-2 (Борч, Маза, Фий) число аксакалов соответствовало «народонаселению, соображаясь, однако, с тем, чтобы приблизительно на каждые 20 дымов приходился 1 аксакал, избиравшийся из более достойных людей»³.

И в Рутульском союзе, как и в Ахтах, число аксакалов было по числу тухумов⁴. «За исключением Шиназа, Калы, Уны, Амсара и Хрюка, селения этого участка (союза — авт.) относились к Рутулу, как селения 1-й Ахты-пары к Ахтам»⁵. Интересно, как писал К. К. Краббе, в Рутульском магале, хотя были и «кадии и почетные беки», «жители, имея к ним уважение, однакож без согласия старшин не повинуются»⁶.

Ахтынские аксакалы не только имели власть над другими обществами магала, но и пользовались большими преимуществами или привилегиями. Общество обязано было давать им лошадей для поездок по общественным делам; все они в обязательном порядке приглашались на свадьбы и поминования; при этом они имели право приводить с собой одного из членов семьи; после разбора дел по кровомщению каждый из аксакалов той части села, в которой проживал кровник, «получал от удовлетворяемого по суду истца какую-нибудь вещь из оружия или посуды и кусок ткани, называемой «бурмет», на архалук»⁷.

Пользовались особыми правами и привилегиями и все ахтынцы. Без ахтынских посредников (меслегетчи) жители остальных 11 селений Ахтыпара «не имели права разбирать обоюдных претензий своих»; по первому же требованию ахтынцев они должны были являться на помощь в войне; эти 11 сел отбывали пахту, заключающуюся в том, что каждый ахтынец один раз в год имел право ехать в гости в любое из 11 селений и гостить там целые сутки, где они пировали; сами ахтынцы платили за кровь 300 руб., т. е. 300 баранов, а с жителей подчиненных селений брали 600 баранов⁸.

Помощниками аксакалов были исполнители — чауши. В Ахтах было 2 чауша; по одному на каждой стороне села. Они избирались аксакалами и должны были быть одобрены обществом. За свою службу от общества ахтынские чауши получали по 1 быку в год; каждая семья, где проходила свадьба или поминование, давала им масло, мясо и дрова; при наделе аксакалов и эфендия после разбора дела по крови в Ахтах наделались и чауши; каждый из них получал какие-нибудь вещи ценою на 3 руб., т. е. в 3 барана¹. В остальных 11 селениях Ахтыпара 1 не было ни одного чауша. Ахтынские чауши при необходимости «посылались в селения того участка, которым... во всех отношениях управляли ахтынские аксакалы»².

В селениях других магалов Самурской долины имелись по одному чаушу. Причем, хновский чауш выбирался так же, как в Ахтах, и получал такое же вознаграждение, как и ахтынские чауши³.

И в остальных 4 селениях Ахтыпара-2 чауши «избирались по-ахтынски, но не получали ежегодно по 1 быку от общества и трехрублевого пая при разборе дел о крови, как это было в Ахтах, а имели только право на такие же поборы при обрядах свадьбы и поминования, как и в Ахтах»⁴.

В магалах Докузпара и Алтыпара не было чаушей, а в Рутуле был один чауш. Выбор последнего и его вознаграждение, как и аксакалов Рутула, были такие же, как и в Ахтах⁵.

Важные дела решались на общих сходах магалов. В Докузпара для решения общих дел союза в Джаба собирались все аксакалы магала; все общественные дела Алтыпара обсуждались на сходе аксакалов обществ в сел. Микрах. Всеми общественными делами управлял и рутульский диван, состоявший из аксакалов, в числе которых всегда должен был быть и один бек⁶.

Духовное управление в магалах Самурской долины возглавляли примерно до середины XVIII в. эфендии, а позже казии (кадии). Во всех магалах их было всего 4 — в Ахтах, Рутуле, Хнове и Шиназе. Как пишется в источнике XIX в., «так как в шариате сказано, что следует иметь казиев, то вышеуказанные 4 селения и выбрали их из числа ученейших и достойнейших эфендиев»⁷.

Каждому из четырех казиев подчинялись в духовных (религи-

¹ Там же. С. 27.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Памятники... С. 27.

⁶ Краббе К. К. Указ. соч. // ИГЭД. С. 336.

⁷ Памятники... С. 26.

⁸ Там же. С. 25.

¹ Там же. С. 26—27.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 27.

⁴ Памятники... С. 27.

⁵ Там же. С. 28, 29.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 29.

озных) вопросах определенные села. Так, ахтынскому казию подчинялись обе Ахтыпары, за исключением Хнова, который имел своего кадия, хотя и менее влиятельного. Рутульскому казию подчинялись все селения, которые отбывали пахту; шиназскому казию подчинялись Шиназ, Уна и Кала, а сел. Амсар, хотя и не отбывало рутульцам пахту, в делах шарната подчинялось суду рутульского казия¹.

Эфендиев во всех магалах Самурской долины было столько, сколько и мулл. Но число их никогда не превышало 30. А мулл в каждом селении было столько, сколько и мечетей².

Казии сами разбирали дела, подлежащие разбору по шарнату. А эфендии присутствовали на сходах. В Ахтах поочередно от каждой части селения присутствовало на сходах по одному человеку, в Рутуле, Шиназе и Хнове — по одному человеку от села.

Муллы и эфенди избирались обществом и обязательно утверждались казем.

В Мискинджи, не входившем ни в один магал, не было казия. Здесь был только эфенди, который назывался ахундом; количество мулл здесь также было столько, сколько и мечетей³.

Как указывалось в первой главе работы, в изучаемое время магалы Самурской долины находились под влиянием Персии, Дербентско-Кубинского ханства. Еще ранее, как сообщал А. Ф. Десимон, персидские шахи ставили здесь своих правителей. Так, в 1560 г. управление сел. Ахты было поручено некоему Шах-Гусейн-Беку, а в 1014 г. х. (1598 г.) — Эю-Беку. До Надир-шаха и в его время Ахтыпара находилась «под покровительством дербентского начальника и ширванского главного управления»⁴. Во время разграничения «земли с турками, — как писал И.-Г. Гербер, — некоторая часть из сего уезда (здесь имеется в виду Алтыпара — авт.) под Россию надлежало»⁵. Ахтыпара, Докузпара и Рутул переходили под ведомство Турции. Однако все магалы Самурской долины не признавали власти ни Турции, ни России, точно так же, как они ранее не признавали власти Персии и Дербента. Как отмечал И.-Г. Гербер, «и хотя прежде сего султаны дербентские их яко подданными к Персии почесть хотели и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтоб их силою под владение привести, однакож

дагистанцы всегда противились и высланных дербенцов кровотекущими головами назад отсылали»¹. Поэтому они были оставлены в покое².

И Надир-шах практически не имел в магалах Самурской долины никакой реальной власти. Стремление, усилия его привести их в покорность, заставить подчиняться себе ни к чему не привели. Вместе с другими жителями Южного Дагестана и дагестанскими народами вообще население союзов сельских общин Самурской долины с первого же похода Надира в Дагестан боролось с надировскими завоевателями. Они устраивали завоевателям засады, разрушали мосты, портили дороги, чтобы надировские войска не могли пройти по их территории. И не раз Надир-шах применял к ним самые жестокие меры.

После смерти Надир-шаха общества Самурской долины находились в зависимости от Кубинского ханства, которое в 1806 г. было присоединено к России. В конце 1811—нач. 1812 гг. практически все общества Самурской долины были также присоединены к России. Генерал М. Н. Хатунцев писал, что после присоединения кюринцев «явились ко мне старшины и духовные кадии соседственных горских деревень **мискенжалинских, ахтинских, алтыпаральских и токус-паральских** с изъявлением покорности и с «усердным желанием быть под покровительством России»³. С образованием Кубинской провинции самурские магалы вошли в ее состав и были «обложены податию с платою ежегодно вместо баранов деньгами российским серебром, и от всякой другой повинности свободные»⁴. Но, как писал Н. Ф. Ртищев, с 1813 г. они обязались вносить в казну «вместо обычной дани... баранами со всех своих овечьих стад, с каждой сотни по одному»⁵.

2. Кюринские союзы сельских общин

Как писал Е. Вейденбаум, страна, занятая кюринцами (лезги-нами), распадается в географическом отношении на три отдела, соответствующие административному делению XIX в. и бывшему

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77—78.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 96.

³ Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) // Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махач-Кала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 101.

⁴ Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С. 330. См. также: Ртищев Н. Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 247.

⁵ Ртищев Н. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 247.

¹ Там же.

² Там же. С. 29—30.

³ Памятники... С. 30.

⁴ Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. С. 365.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.

политическому делению края. Первый отдел — описанная выше Самурская долина, занятая тремя магалами. Второй отдел — это правая сторона нижнего Самура. Это полоса земли шириной почти до Кубы, входившая в состав Кубинского ханства. А все остальное пространство между Табасараном и Самуром, писал он, называется Кюра или Кюре, а обитатели его собственно кюринцами¹.

И.-Г. Гербер в своем «Описании», как и магалы Самурской долины, названные им уездами, разделяя Кюру на две части — «Курали» и «Курги», также называет их уездами и народом. Первую он располагает между Табасараном, от которого отделена острыми горами, «к осту (востоку — авт.) оные также укреплены горами и густыми лесами, к зюйду (югу — авт.) течет река Самура, а к весту (западу — авт.) сойдутся они с курейли». Народы этой территории И.-Г. Гербер называет курали и курей². Анализируя эти данные, В. Г. Гаджиев пишет: «Нетрудно догадаться, что здесь речь идет о территории, известной в литературе под названием Кюра»³ (современный Сулейман-Стальский район Республики Дагестан).

Курги, по И.-Г. Герберу, находились «от Куры далее к весту (западу — авт.), подле реки Самуры до гор, между которыми имеется одна высокая гора именем Гатунавук, также и Курейдаг»⁴. Отмечая трудность определения этой территории, даваемой И.-Г. Гербером под названиями «Курги», «Курелы», «Куреи», В. Г. Гаджиев пишет, что горы под названием «Гатунавук», «Гаттин-Куль» или «Gattan Kul» «на карте республики не значится. По всей вероятности, — продолжает он, — здесь искажено написание названия горных возвышенностей». Он предполагает возможным «вместо «Гатунавук» или «Гаттин-Куль» читать «Гостин-Куль» и пишет в связи с этим: «Эта гора находится в нынешнем Курахском районе, недалеко от сел. Филя. А упоминаемая И. Гербером гора «Курейдаг» — это вершина Самурского хребта Куру-Даг, расположенная между селениями Рича и Катрух. Если эти вершины нами намечены правильно, то тогда становится возможным решить вопрос о локализации Курги. Между указанными вершинами, как известно, простирается территория современного Курахского и частично Табасаранского и Агульского районов...»⁵.

Проанализировав более ранние источники, В. Г. Гаджиев приходит к выводу: «Все это дает основание утверждать, что Курги нашего источника — это курахская земля, которая, как известно, являлась частью Кюры». В то же время он дает объяснение, почему в работе И.-Г. Гербера «Курали» и «Курги» даются как два самостоятельных владения или территории. Объясняется это, пишет он, тем, что в «хронографе» из Шиназа, составленном в 1710—1712 гг., «в связи с нашествием ширван-шаха Ибрахима на Южный Дагестан в 1511—1512 гг. о Кюре и Курахе говорится как о двух селениях»¹.

Нигде в других работах такого разделения этой территории лезгин на две части мы не находим. Напротив, и при описании народа, и при описании этой части территории лезгин подчеркивается единство жителей Кюры и разделенность ее в политическом отношении на ряд магалов. Немного позднее И.-Г. Гербера немецкий врач, находившийся на русской службе и дважды побывавший на Кавказе в 30-е и 40-е годы XVIII в., И. Я. Лерх писал, что «Куралинцы и Куреги составляют почти один народ»².

И при описании географического положения и границ автора-ми конца XVIII—XIX вв. Кюра дается как единая территория. Ф. Ф. Симонович, говоря о Кюра и части Агула, входящих во владение Хамутая Сурхай-хана казыкумукского, писал: «Лежит наперевес Дагестана, простираясь от горы Кохма провинциею Кура, с южной с провинциею Казыкумыцкою, в Северной Дагестан провинция Кура или Кюре простирается от Кавказского снегового хребта по четырем верхним полосам между реками Гургели (Гюльгерычай — авт.) и Самуром, к северу граничит с Табасараном, к востоку с Дагестанским (Дербентским — авт.) владением, к югу с Кубинским, Ахтынским и Рутульским владениями, а к западу окружается Кавказскими горами. Примечательнейшие в оном реки: Гургели, Арачал (Курахчай? — авт.), Арахчай (Чирахчай — авт.) и Самур»³.

Как о единой территории писал в 30-е годы XIX в. о Кюра («область Куринская») и П. Г. Зубов: «Река Гурьян, от самого ее истока, до втечения в Дербентский округ, отделяет область Ку-

¹ Вейденбаум Е. Путеводитель... С. 107—108.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 105.

³ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 197.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 106.

⁵ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 197—198.

¹ Там же. С. 199. Ссылается на работу: Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках / тексты, перев., коммент., введ. и прилож. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1968. Ч. II. Надписи XVIII—XX вв. С. 81.

² Лерх Я. Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1745 до 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. Месяц август 1791 г. Ч. LXII. С. 66.

³ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 151.

ринскую на Севере от Табасарана; Кохмадагский хребет на Западе от Ханства Казыкумукского, на Юге Алагиндагский и река Самур от памянутых (самурских — авт.) вольных обществ; к Востоку же сопредельна оной, округ Дербентский. Область сия к Западу покрыта высочайшими горами, составляющим отроги Салаватдагского кряжа. Горы сии понижаясь, постепенно к Востоку образуют равнины, усеянные небольшими отдельными возвышенностями¹. Как видим, здесь дано географическое описание и границы единой территории от Дербентского владения до Салават-дага и от Табасарана до союзов сельских общин Самурской долины. Это и была историческая территория Кюра.

По своей политической структуре Кюра делилась на магалы. Об их количестве первые сведения мы находим у Ф. Ф. Симоновича, согласно которым здесь было 5 магалов кюринцев: «1. Гунек, в нем уездное место Гилнар, на левом берегу реки Самура, защищается со стороны гор 4-мя построенными по углам каменными башнями.

2. Истал, во оном уездное селение Исталаяр на ручью, впадающему с левой стороны в Гургели.

3. Картас, в нем уездное место Касумкент лежит с правого берега реки Арахчай.

4. Гугдже, в нем уездное место Улукатах, на ручье, впадающем с правой стороны в Арахчай.

5. Котур Кюре, также имеет уездное и главное провинции место Кура, на правом берегу реки Курахчай»².

По данным XIX в. в Кюра было больше магалов. По А. Комарову их было здесь 7. Это: Кура с 18 селениями; Котур-Кюра с 35 селениями; Гюне (Стал-Чиле) — с 8 селениями; Ахмар — с 5 селами; Стал — Чиле (Гюне) — с 16 селами; Картас — с 17 селами; Гюгджа — с 11 селами; Кабир — с 5 селами³. Хотя магал Гюне в скобках дается как Стал-Чиле, а последнее также в скобках дается как первое, но в их составе перечислены разные населенные пункты. Поэтому, можно сказать, что фактически здесь дано 8 магалов, а не 7.

Количество кюринских магалов у Е. И. Козубского 9. Это: Курахский, Чилейский, Ахмарлинский, Кабирский, Гюгжейский, Кутуркюринский, Стал, Чиле, Картас, в которые входили соответственно 16, 8, 5, 4, 12, 31, 5, 16 и 20 селений⁴. Р. М. Магомедов

перечисляет те же магалы, но объединив из них Стал и Чиле в один магал под названием Стал Чиле¹.

Если суммировать количество сел, входивших во все кюринские магалы, по А. Комарову их было 105, а по Е. И. Козубскому — 117. В «Описании» И.-Г. Гербера, конечно, количество сел, входивших в Кюра, сильно занижено. Он писал: «Уезд Куралинский состоит с небольшим в 20 деревнях, которые одна возле другой недалеко от реки Самуры построены и крепко вместе держутся и заедино стоят», а уезд Курги «состоит в десяти до двенадцати деревнях, которые так недалеко от реки Самуры между собою в близости построены»². Общее количество сел обеих частей Кюры получается более 32, возможно, 35 сел. По сведениям Ф. Ф. Симоновича, 5 кюринских магалов вместе с магалами Рича и Чирах имели до 100 деревень, а жителей мужского пола было до 12000 душ³. Эти цифры более или менее правдоподобны, что видно из анализа и сопоставления сведений о народонаселении Казыкумукского ханства в целом и конкретно собственно народонаселения лакцев. По данным Ф. Ф. Симоновича, общее количество населенных пунктов в Казыкумукском владении, в составе которого даются и кюринские магалы, доходило до 150, а жителей мужского пола, «по народному исчислению, 30000 душ»⁴. По сведениям И. Т. Дренякина, в тот же период здесь насчитывалось 15666 дворов, где проживало 46998 человек⁵. По П. Г. Буткову в целом со всеми подчиненными у Хамбутаея казикумукского было до 300 деревень, душ до 150000⁶. По данным 1811 г. в целом в ханстве было 18000 семейств и 108 тыс. человек⁷. Как пишет В. Г. Гаджиев, проанализировав приведенные сведения, численность лакцев в начале XIX в. «колеблется от 32,5 тыс. до 47 тыс. человек»⁸. Если эту цифру отнять от средних данных общей численности населения Казыкумукского владения, мы получим приблизительную численность населения кюринских магалов. Впрочем, все же более верными, надо полагать, являются сведения о численности хозяйств, из которых можно вывести и сред-

¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 369.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 105, 106.

³ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 151.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Дренякин И. Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. Таблица.

⁶ Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁷ Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

⁸ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 150.

¹ Зубов П. Указ. соч. С. 211.

² Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 151.

³ Комаров А. Указ. соч. С. 107—116.

⁴ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 334—355.

ную численность населения кюринских союзов сельских общин, имеющих в рапорте командующего войсками в Дагестане ген. Н. М. Хатунцева главнокомандующему на Кавказе Ф. О. Пауллуччи от 9 января 1812 г., согласно которым в Кюре было более 5 тыс. дворов¹. Если предположить приблизительно по 4—5 человек в семье, то мы получим общую численность населения кюринских магалов 20—25 тыс. человек. Думается, что эта наиболее приемлемая цифра о численности населения Кюры для начала XIX в. Поэтому нам кажется слишком заниженной численность населения кюринских магалов, которую дал П. Зубов. Он писал, что здесь «не будет и 10000 человек»².

Наиболее крупным населенным пунктом кюринских магалов было селение Курах, в котором согласно данным нач. XIX в. было до 500 дворов³.

Основными занятиями жителей Кюры, как и других лезгинских союзов сельских общин, были земледелие и животноводство. Причем, здесь были более благоприятные природно-географические условия для ведения сельскохозяйственного хозяйства. Как известно и было показано выше, кюринские магалы занимали все три основные природно-географические или естественно-географические зоны. Равнина и предгорье являлись зонами наибольшего развития земледелия. В конце XVIII в. Ф. Ф. Симонович отмечал, что «...Кюра достаточествует скотоводством и есть вообще способна к произведению всех плодов. Она составляет произведениями своими большую часть богатства Хамутаева (казикумухский хан — авт.), с которой онный по Кубинскому положению подати собирает»⁴. Ниже он же писал, что в самом Казикумухском ханстве хлебопашество было ограничено ввиду суровости климата и каменному положению, и поэтому «недостаток... хлеба... заменяет провинция Кура»⁵. Больше всего земледелие было развито в Гюнейском магале, который являлся одним из основных хлебных районов у дагестанских лезгин⁶. И не без основания после образования на территории кюринских магалов Кюринского ханства население его было обложено налогом, который состоял, кроме из 3000 червон-

цев ежегодно, 2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя для содержания гарнизона, находящегося в Курахе¹.

Жители кюринских магалов занимались также садоводством и виноградарством, получивших наибольшее развитие в низменной части и в предгорье территории Кюры. Были здесь и прекрасные зимние пастбища. Подчеркивая более благоприятные естественно-географические условия для ведения земледелия, садоводства, виноградарства и животноводства в магалах Кюры, Ф. И. Гене писал: «Жители нижнего Дагестана прилежнее, нежели верхнего, и занимаются более хозяйством, особенно хлебопашеством, и вообще богаче прочих. В Кюринском владении и других местах ближе к морю растет виноград и другие фрукты. В означенном владении, немного выше селения Хош-кента, по левому берегу реки Гюльгяри-чай, тянется по чрезвычайно душистому лугу до селения Кюркента черешневый лесок величиною до 6-ти квадратных верст. Вообще владение сие богаче всех прочих в отношении растительной силе своей. Жители низменных мест на лето выгоняют свои стада в горы, а зато снабжают жителей оных хлебом и другими произведениями, которых у них нет, или в чем они нуждаются»². Примерно в это же время П. Зубов писал: «Почва восточной части (Кюра — авт.) весьма плодородна и соответствует и земледелию и садоводству»³.

Действительно, природно-географические условия кюринских магалов были более благоприятны для занятия указанными отраслями, в особенности земледелием. Но объяснить менее развитость горной части Дагестана, в том числе и изучаемого нами региона, тем, что жители его меньше трудились, были ленивы, не прилежны и т. д., вряд ли верно. И тем более нельзя никак согласиться с И.-Г. Гербером, писавшим о кюринцах, что «онные пашнями и скотоплодием не трудятся, а надеются, что чужие люди на них работают, ибо один их промысел и пропитание состоит в воровстве и грабеже»⁴, а ниже еще хуже — что кюринцы «не имеют ни пашен, ни сох и рукодельную работу не любят»⁵. Не было в Дагестане ни одного народа, который не имел бы пашен и сох. Не может быть, чтобы, оставив благоприятные природные условия, весь народ занимался только воровством и грабежом и вообще не занимался сельским хозяйством, являвшимся на самом деле основным занятием жителей горного Дагестана, точно

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII—начале XIX в.: Сбор. док. / Сост. В. Г. Гаджиев, М.-Д. С. Габиев, Н. А. Магомедов, Ф. З. Феодаева, Р. С. Шихсаидова. М., 1988. С. 296.

² Зубов П. Указ. соч. С. 212.

³ Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане 1811 г. // ИГЭД. С. 247.

⁴ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 151—152.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 25.

¹ Ртищев Ф. Н. Указ. соч. С. 247.

² Гене Ф. И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/35 г. // ИГЭД. С. 344—345.

³ Зубов П. Указ. соч. С. 211.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 105.

⁵ Там же.

так же как и жителей низменной и предгорной зон. То, что пишут И.-Г. Гербер и другие авторы XVIII—XIX вв. о горцах, как о людях, проводящих все свое время на годекане, — это просто незнание условий их жизни в горном Дагестане, где из-за трудных природных условий, малочисленности пахотоспособных земель, сезон сельскохозяйственных работ был ограничен и во времени, и по возможностям заниматься ими.

Второе основное занятие кюринцев — животноводство было развито повсеместно, во всех магалах Кюры, но с преобладанием в горной части овцеводства, а в равнинной и предгорной частях крупного рогатого скота. Как указывал Ф. Ф. Симонович, «...Кура достаточеству скотоводством»¹. Для содержания скота кюринцы имели прекрасные летние пастбища. Об «изобильном скотоводстве» во владении «Казыкумыцкого Сурхая хапа Хамбутаея», куда входили и кюринцы в конце XVIII—нач. XIX в., писал в 1804 г. А. И. Ахвердов². Для содержания скота кюринцы имели прекрасные летние пастбища, а в низменной части — и зимние³. В основном овцы были местной породы и они были больше распространены в «низменных и предгорных районах» Кюры⁴. Овец летом содержали на летних, а зимой — на зимних пастбищах.

Крупный рогатый скот и лошадей летом содержали на летних пастбищах, расположенных в горах. «По характеру эксплуатации летние пастбища делились на несколько категорий: высокогорные, приаульные пастбища и так называемые курухи»⁵. В зависимости от времени года и пасли на них скот. В наиболее жаркое время — на высокогорных пастбищах, с наступлением холодов — на приаульных пастбищах, где имелись постоянные помещения для людей и скота. Здесь же «пасли рабочий и оставшийся в ауле молочный скот»⁶.

Оставленный на зиму в аулах крупный рогатый скот в основном находился на стойловом содержании. Но, «если погода, позволяла, скот выгонялся на особые пастбищные участки, оставленные с лета и осени»⁷.

Животноводство давало жителям кюринских магалов мясо-молочные продукты и сырье для домашней промышленности и ремесла. Это прежде всего шерсть и кожа. Шерсть являлась основ-

ным сырьем для производства сукна, ковров, паласов, переметных сум, носков, войлока и т. д.

Наибольшее развитие ковроткачество получило в кюринских селениях: Касумкент, Аликент, Койсун, Орта-Стал, Ашага-Стал, Юхари-Стал, Магарамкент, Гильяр, Ашага-Араг, Куркент, Юхари-Ярак, Зизик и во всех селениях Кутур-Кюринского магала¹. Остальные изделия из шерсти производились практически повсеместно.

В богатых лесом магалах была развита деревообработка. Это селения: Ашага-Стал, Орта-Стал, Куркент, Зизик, Нютюг, Испик, Ашага-Картас, Юхари-Ярак, Бюлбюлкент, Гезеркент, Целягун².

Обработкой кожи и производством изделий из нее занимались в таких больших селениях, как Касумкент, Курах, Гиль и т. д.³.

Центром гончарного производства было сел. Испик, мастера которого продолжили художественные традиции «бирюзовых изделий старого селения Калы»⁴. Как писали исследователи керамического производства Дагестана, «лучшие из известных нам образцов испикской расписной керамики, относящиеся в основном к XIX в., и целый ряд дополнительных материалов и сведений позволяют думать о значительном расцвете испикского керамического промысла в конце XVIII—нач. XIX в. тем более, что в это время... несколько возросло торговое и экономическое значение крупнейших в прошлом торговых пунктов Дербента и Кубы, бывших непосредственными рынками сбыта испикской поливной керамики»⁵.

Практически в каждом селении имелись кузнецы, выполнявшие заказы местного населения на изготовление различных металлических вещей.

Согласно поздним сведениям, в отдельных кюринских селах занимались и ювелирным делом. Известностью пользовались изделия ювелиров селений Икра и Кочхюр⁶.

Все изделия ремесла (ковры, керамические изделия) и домашних промыслов (сукна, изделия из дерева и т. д.) так же, как и зерно низменных и предгорных магалов и продукты животноводства, находили спрос как на местных рынках, так и за пределами Кюры. Известными местными центрами торговли были селения

¹ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. // ИГЭД. С. 151.

² Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 225.

³ Полевой материал, собранный в Курахском и Магарамкентском районах.

⁴ Ихилов М. М. Указ. соч. С. 123.

⁵ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 140.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 141.

¹ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 71; Ихилов М. М. Указ. соч. С. 128.

² Там же. С. 52; С. 125.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 48.

⁶ Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Т. I. С. 92.

Курах, Икра, Касумкент, где находились базары местного значения¹. В базарные дни сюда собирались жители как близлежащих, так и отдаленных кюринских и других сел Южного Дагестана и приобретали необходимые им товары и продукты земледелия и животноводства.

Жители кюринских магалов были связаны и с другими торговоремесленными центрами Южного Дагестана (как, например, с Ахты) и Дагестаном в целом. Это прежде всего Дербент и Кумух. По территории кюринцев проходила известная торговая дорога, соединявшая Южный Дагестан со Средним Дагестаном. По ней с юга на север и обратно шли торговцы, которые продавали свои товары и кюринцам. Эта дорога проходила из сел. Ахты в Курах — Усуг — Рича — Чирах — Кумух. Были также дороги, которые шли по перевалам в торговые центры Северного Азербайджана, с которыми поддерживали торговые связи жители всех лезгинских магалов. Наиболее известным был путь из Нуха и далее через перевал в Ахты и через указанные выше селения в Аварию². Касаясь этого пути, шедшего из Азербайджана в Кюра, П. Зубов писал: «Главный путь сообщения по области Кюринской от Кубы до Казыкумык начинается у переправы через р. Самур, напротив деревни *Казире*, в Кубинской провинции, идет через Кабир, Курах, Ричу и Чирах; от сего последнего начинается... трудная дорога, до Чираха же дорога даже возможная для следования повозок, и единственное затруднение оной состоит в неоднократной переправе через быструю р. *Курачай*»³.

Как и другие жители Южного Дагестана, кюринцы активно поддерживали торговые связи с Дербентом и Кубой. Как писал Ф. Ф. Симонович, имея в виду жителей горной зоны Южного Дагестана в целом, они «достаточествуя скотоводством, промышленяют вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями, но в таковом рукоделии упражняется женский пол, а мужчины вырабатывают овчинные мехи и другие кожи. Все сии рукоделии, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги. Из сих же городов отправляют уже в Баку марionну, хлопчатую бумагу и хлеб на размен, как-то: на соль, нефть и русские товары, особливо же на железо и разные из оного вещи де-

ланные»⁴. Перечисленные товары, безусловно, жители кюринских союзов, как и другие горцы Дагестана, будучи в указанных городах, приобретали в обмен за свои товары или же за деньги.

Административно-политическое устройство кюринских магалов особо не отличалось от административного устройства других лезгинских, а также союзов сельских общин народов лезгинской группы в целом. По сведениям И.-Г. Гербера, «каждая деревня» Кюры имела своего старшину. Изображая кюринцев необузданными, самовольными, он писал, что они «мало им послушны», «и каждой делает что хочет»².

В этом же духе и, видимо, под влиянием И.-Г. Гербера, Я. Лерх писал примерно через 20 лет, что кюринцы «вообще воры и разбойники, не имеют никакого над собой начальника, но все между собой равны»³. Вряд ли можно согласиться с этим утверждением, ибо кюринцы, как и другие горцы, жили по своим адатам и нарушители их, в том числе и за непослушание старшине, вступление с ним в пререкание, невыполнение его решений и т. д. строго наказывалось.

На самом деле, кюринцы, как и другие жители лезгинских магалов, управлялись старшинами и в изучаемый период и раньше. А. Цветков, собравший материал о кюринцах во второй половине XIX в., писал: «До ханов селения управлялись старшинами (лезгински — *кёвха*), избиравшимися обществом преимущественно из одного какого-либо рода (тухума — авт.). ... Обязанности старшин заключались в наблюдении за порядком и в разборе споров и жалоб в своем селении, и в последнем случае они должны были призывать для разбирательства нескольких почетнейших стариков (аксакалов). По решениям таких судов старшины могли штрафовать виновных и даже разорять их дома»⁴.

Наиболее влиятельными тухумами, которые «вследствие приобретения общего уважения или по праву сильного наследственного поставляли своих членов на должность старшин», были: в Курахе Мирчиар, из числа, которых «с незапамятных времен избирался главный курахский старшина (*кёвха*), имевший большое влияние на окрестные селения». Причем, указывается, что такое положение курахского старшины существовало и до Надир-шаха и было «укреплено народным адатом». Другой курахский старши-

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсайдиев А. Р. Указ. соч. С. 144; Ихилов М. М. Указ. соч. С. 133.

² Маллачианов Б. К истории Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1167. Л. 17; Рамазанов Х. Х., Шихсайдиев А. Р. Указ. соч. С. 90; Ихилов М. М. Указ. соч. С. 133.

³ Зубов П. Указ. соч. С. 212.

¹ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 139.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 105.

³ Лерх Я. Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию, с 1745 до 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. СПб., месяц август 1791. Ч. LXII. С. 66.

⁴ Памятники ... С. 42.

на выбирался постоянно из тухума Манчарар. В Гельхане старшина избирался из тухума Кабуляр, в Цнале — из Бурган-тухума; в Хутарге — из Бейбут-тухума, пользовавшегося «большим почетом и влиянием» во всем магале Котур-Кюра и имевшем «право разбирать везде более важные дела»; в Захите старшины выбирались из тухумов Небиляр и Рамазанар; в Цмуре — из тухума Мелишар; в Кабире — из тухумов Куруджнгар и Казаглар, выдвинувшегося при Надир-шахе; в Бутхенте — из тухума Салманар (или Шейдаяр), который еще «с древнейших времен пользовался большим уважением в народе»; в Испике и Касумкенте тухум Картасляр (или Ягубханар) также отличался многочисленностью и силой; в Магарамкенте старшины выбирали из тухума Манатар (или Малатар), которые были выходцами из турецкого местечка Малатия; в Верхнем и Среднем Стале — из тухума Пирляр, по-лезгишски Перер, который издревле пользовался «правами наследственной святости, подтвержденными неоднократно грамотами персидского шаха и турецких султанов»; в Гильяре правом выдвигать старшин пользовался тухум под тем же названием Перер, как и в Стале¹.

Хотя формально старшины кюринских магалов и выбирались, как и у других народов Дагестана, но эта выборность давно превратилась в формальность, так как постоянно должности старшин занимали представители указанных выше тухумов. В формальность превратилась и их подотчетность перед избравшими их джамаатами, «на практике эта подотчетность превращалась в фикцию. Фактически сельские старшины разбирали судебные дела и осуществляли управление независимо от джамаата, в интересах сильных тухумов»¹. Причем, старшины отдельных сел вершили дела и других сел своих магалов. Так, по сведениям А. Цветкова, «старшины селений Курах, Хутарг и Цнал приобрели такое влияние на прочие селения своих магалов, что им единственно представлялось право разбора важных дел, как, например, кровных, по увозу девушек и т. п. Время от времени они объезжали окрестные селения и вместе с аксакалами творили суд и расправу»². При этом интересно, что все три старшины указанных сел получали за свою службу вознаграждение, в то время как старшины других кюринских сел не получали его. Старшинам названных трех сел «при примирении кровных врагов убийца или виновный давал по одному быку»³.

Помощниками старшин были «исполнители и глашатаи решений старшины — чоуши», которые также избирались обществом. За свою службу они получали «вознаграждение, или заранее определенное общественным приговором или же смотря по щедрости каждого хозяина дома». Но в основном вознаграждение было натурой: зерном, мукой, медом, сыром¹.

Духовное управление возглавляли кадии, выдвигавшиеся из числа ученых людей. Но в ряде случаев, как и старшин, кадиев выдвигали из одних и тех же тухумов. В Курахе вплоть до Юсуф-хана кадиев выбирали из тухума Кадиляр, отчего и произошло название самого тухума; в селениях Верхнем и Среднем Стале тухумом, из которого выбирали кадия, был Пирляр (Перер), пользовавшийся «издревле правами наследственной святости»; в сел. Гильяр такой тухум также назывался Перер и тоже был известен «ученостью и считался таким же святым, как и стальский»².

В каждом селении для решения дел по шарнату из грамотных людей выбирались муллы. За свою службу некоторые из них получали зекат, другие — «пользовались только известной частью при разделе имущества между наследниками»³.

Для обсуждения более важных вопросов созывались сельские сходы, проводившиеся, как правило, около мечетей. «Дела решались большинством голосов, но по большей части случалось так, что сильные влиятельные тухумы брали верх»⁴.

Дела, относящиеся ко всему магалу и представляющие большую важность, решались на магальных сходах, на которых участвовали выборные от каждого селения. Но на них мог участвовать и каждый желающий. Проводились магальные сходы на определенных — «известных, освященных обычаем местах... курахцы собирались на площадке выше сел. Курах, называемой «Ярги-Келядых» («Высокая башня»); котюр-кюринцы — у родника возле дороги из сел. Цнал в сел. Захит, на месте под названием «Руат»; гюнейцы, картасцы, сталчелейцы и гёгджинцы на горе Каляк». С образованием Кюринского ханства магальные собрания перестали созываться⁵. С этого времени структура управления магалами меняется, высшей инстанцией управления становится хан, который сосредоточил в своих руках, как отмечается в источ-

¹ Там же. С. 41—42.

² Рамазанов Р. Р., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 161.

³ Памятники... С. 42.

⁴ Там же. С. 42—43.

¹ Там же. С. 43.

² Памятники... С. 41—42.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

нике, большую власть, чем в других феодальных владениях и подобную по деспотичности власти казикумухского хана¹.

Характеристику исторической политической географии кюринских магалов начнем со слов Е. Вейденбаума, писавшего: «Страна Кюра, легко доступная для соседей, долго составляла предмет раздоров и борьбы между владетелями Дербента, Кубы и Казикумуха»². И на самом деле, если проследить всю известную историю кюринцев, начиная с арабских походов и возвышения над остальными феодальными владетелями шамхала казикумухского, то действительно наблюдаются постоянные претензии то одного владения, то другого за влияние в кюринских магалах. На это указывал и Ф.Ф. Симонович, который писал: «По древнему распоряжению шаха Абумуселима состояла провинция Кура под владением шамхаловым, но по воспоследовавшему в Дагестане междоусобию, зависела она от дербентских султанов, а в новейшие времена от кубинских ханов и, наконец, уступил его Фет Али хан Хамутану казыкумыцкому в наследственное и независимое владение»³.

Примерно в середине XVII в. с окончательным перенесением столицы шамхальства Казикумухского из Казикумуха в Тарки происходит фактический распад шамхальства, от которого отделяются как собственно лакская территория, Акуша-Дарго, так и территория Южного Дагестана. «Самостоятельными стали Цахурское владение, Рутульский, Агульский и другие союзы сельских обществ Южного Дагестана»⁴, в числе которых были и кюринские магалы. Но после этого кюринцы попадают в зависимость от других владетелей, вплоть до конца изучаемого периода здесь сменяются то одни владетели, то другие. И до начала XVIII в., как писал А. Комаров, «Кюра частью подчинялась кубинскому хану, Султан-Ахмед-хану, внуку Гуссейн-хана, частью Дербенту, а горная ее часть считалась независимой»⁵.

В начале XVIII в. в связи с антииранскими выступлениями в Северном Азербайджане, выступлениями дагестанских народов во главе с Дауд-Бекон и Сурхай-ханом казикумухским Кюра попадает под влияние последнего. И хотя по разграничению границ между Россией и Турцией, как писал И.-Г. Гербер, «куралы и курей надлежат под Российскую империю», тем не менее Сурхай-хан «их подданными своим почитает и добром допустить не хочет,

чтоб от него отделены были». Причем, и сами кюринцы не хотели признавать свое подданство России, что видно из следующих слов цитируемого выше автора: «также оные между собою не только заедино стоят, но хаси-кумыки и нижние (южные — авт.) дагистанцы с ними крепко соединились. И того ради еще силою в послушание не приведены, что и учинить трудно и убыточно, и в том их содержать трудно будет, ибо они люди непостоянные и не к чему не пригодные». Поэтому И.-Г. Гербер предлагает при первой же возможности «незапно на них напасть и до подошвы (до гор — авт.) раззорить»¹.

Но ни подчинить, ни совершить похода на кюринские магалы России до начала XIX в. не удалось, и Кюра и после похода Петра I в Прикаспий оставалась под влиянием казикумухских ханов. Во время борьбы народов Дагестана с Надир-шахом войска завоевателей несколько раз совершали походы на территорию кюринцев. Надир был в кюринских магалах в 1734 г., в 1735 г. одному из своих отрядов Надир «приказал идти в Кабир в Кюринском владении, чтобы перекрыть»² дорогу «людям, бежавшим из Ахты в Кумух»³.

В период борьбы с Надир-шахом и после его убийства кюринские магалы оставались под влиянием Казикумухского ханства. Бывший на Кавказе в это время Я. Лерх писал, что «куралинцы и куреги... должны нам принадлежать; однако держатся стороны Сурхая»⁴. Они не признавали русской власти. И, как продолжал писать Я. Лерх, «Два года тому назад, как бригадир Лукей ходил против их из Дербента, но они его неподалеку от Низова убили»⁵. Казикумухский Магомед-хан продолжал в посленадировское время активную внешнюю политику в кюринских магалах. Но уже со второй половины XVIII в. у него появился весьма энергичный и влиятельный соперник. В 1758 г. кубинским ханом становится Фатали-хан, сын Гусейн-Али-хана. Он вскоре после вступления на престол овладел частью Ширвана, Кюрой и Дербентом. Естественно, усиление Фатали-хана вызвало негативную реакцию у других феодальных владетелей Дагестана. В 1774 г. в сражении на Гавдушанском поле дагестанские правители разгромили Фатали-хана. Магомед-хан казикумухский завладел Кубой и Кюрой и присоединил их к Казикумухскому ханству⁶. Что до этого

¹ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

² Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 108.

³ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 151.

⁴ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 249.

⁵ Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 2. С. 9.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 105.

² Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Иран. Баку: Эям. 1991. С. 143.

³ Алкадари Г.-Э. Асар-и Дагестан. Махачкала: Юпитер, 1994. С. 62.

⁴ Лерх Я. Указ. соч. С. 66.

⁵ Там же.

⁶ Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 2. С. 14.

времени Кюра подчинялась Фатали-хану свидетельствовал акад. И. А. Гюльденштедт, писавший в конце 70-х годов XVIII в., что «Куреле ... большею частью принадлежит Фет-Али-хану Куби»¹.

Но Фатали-хан не мог примириться с потерей кюринских магалов. В 1775 г., когда русский отряд под командованием ген.-майора де Медема прибыл в Дагестан с целью «поддержать Фет-Али-хана Кубинского и наказать уцмий за плен академика Гмелина. Фет-Али-хан превосходно воспользовался этой помощью»². После разгрома русскими войсками главного его противника — уцмий Кайтага Амир-Гамзы около сел. Башлы Фатали-хан, «опустошив весь Терекемский магал, пришел в Дербент и, соединившись там с русскими, отправился в Кюринское владение. Магомед-хан Казикумукский был разбит»³. Как писал Г.-Э. Алкадари, Фатали-хан разграбил много имущества в селениях «того края» (Кюра — авт.)⁴. Кюра обратно попадает под власть Фатали-хана. Об этом писал и Я. Рейнеггс, бывший в период описанных событий в Дагестане. По его словам, юго-западные границы Дербентского ханства, правителем которого был Фатали-хан, простирались «до самого Газн-Кумука»⁵, т. е. до земель Казикумукского ханства, с которым (территория Агула, входившая в его состав) на севере и северо-западе граничили кюринские магалы.

С уходом русских войск Амир-Гамза с трехтысячной конницей совершил поход на город Ардабил и, возвращаясь по ахтынской дороге, «прошел через Кюринский округ и Табасаран и вернулся в свое владение»⁶. По словам А.-К. Бакиханова, «ни один из владетелей областей, через которые он проходил, не смел ему противиться, а некоторые старались задобрить его подарками и отклонить таким образом от своих владений»⁷ и, как писал Г.-Э. Алкадари, население этих владений «вместо сопротивления оказывало ему из-за страха почет и внимание»⁸.

Лишь Фатали-хан не мог никак примириться с политикой и действиями и Амир-Гамзы, и Магомед-хана казикумукского. Желая ослабить их, он предпринял ряд шагов. «Чтобы обезопасить

себя со стороны уцмий Амир-Гамзы, Фатали-хан посредством какого-то одолжения заставил его племянника по имени Хан-Магомед отвернуться от него и сделал его покорным себе», построил для него недалеко от Дербента селение Хан-Магомед-Кала¹. Следующий шаг его был связан с кюринскими магалами. «...чтобы обезопасить на будущее время за собою владение Кюрой, он воспользовался ссорой Магомед-хана с старшим сыном его Ших-Марданом»². Он привлек его на свою сторону и «отдал ему во владение часть Кюринского округа до Кабирека (Кабир — авт.), принадлежавшего Дербенду, и Гюнейский магал, принадлежавший Кубе»³, а также «магалы Кабирской и Кутуркюринский, относящиеся к Дербентскому владению»⁴. Причем, управление кюринскими землями Шахмардану было отдано на ханских правах. Последний, не ограничившись перечисленными магалами, вскоре «успел присоединить Курахский магал»⁵ «и захватил таким образом весь Кюринский округ, который впоследствии остался навсегда во владении Казикумукского хана»⁶. Но сначала из кюринских магалов было образовано «особое Кюринское владение»⁷. Тем самым был положен конец союзам сельских общин кюринцев.

Но борьба феодальных владетелей за Кюру не прекращалась и после этого. Пришедший после смерти Магомед-хана к власти в Казикумукском ханстве его сын Сурхай-хан II Кун-Буттай, воспользовавшись смертью Фатали-хана, овладел Кюрой и присоединил ее к Казикумуху, после чего «обратил свое внимание на общества долины Самура»⁸. И в дальнейшем, вплоть до 1811 г., как писал Х.-М. О. Хашаев, кюринские лезгины и агулы находились в составе Кюринского ханства. При этом он ссылаясь на сведения А. И. Ахвердова о том, что «территория кюринских лезгин с центром Курах принадлежит казикумукскому Сурхай-хану»⁹.

В конце XVIII — нач. XIX в. в связи с проводимой антиросийской политикой дербентского правителя Шихали-хана и казикумукского Сурхай-хана II и активизацией политики России в Дагестане Кюра не раз была объектом активных политических событий. Во время похода русских войск под начальством В. Зубова

¹ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия Г.-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С. 134.

² Казикумукские и кюринские ханы. // ССКГ. Тифлис. 1868. Вып. 2. С. 14.

³ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 162.

⁴ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 78.

⁵ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII — XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 284.

⁶ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 79; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 163.

⁷ Там же.

⁸ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 79.

¹ Там же. С. 79; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 163.

² Казикумукские и кюринские ханы. // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 2. С. 14.

³ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 63; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 79; История Дагестана. Т. I. С. 380.

⁴ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 80.

⁵ Казикумукские и кюринские ханы. С. 15.

⁶ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 163.

⁷ Казикумукские и кюринские ханы. С. 15.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 191.

в 1796 г. Шихали-хан дербентский и Сурхай-хан II казикумухский, собрав около 20 тысяч конных и пеших воинов, хотели напасть на авангард русских во главе с ген. Соболевым. В том же году с прибытием главных сил русской армии был взят Дербент, что однако не уменьшило антироссийской политики противников России. Но и в их среде продолжались феодальные распри, результаты которых отражались и на кюринских магалах. Когда в 1798 г. Шихали-хан заболел, Сурхай-хан II «подослал своего сына Нух-бека, который... овладел крепостью Кубою». Но выздоровевший Шихали-хан, «получив в помощь от койсубулинского шамхала и Акушинского общества 10-тысячное войско, вытеснил Сурхай-хана из Кубы и, разбив его в Кюринском владении, опустошил его до самой деревни Чираг»¹.

Шихали-хан и Сурхай-хан II в конце XVIII—нач. XIX в. безуспешно оказывали сопротивление русским войскам, втянув в свою антироссийскую политику и другие народы Дагестана, в том числе и кюринцев. В 1811 г. на стороне Шихали-хана выступили «лезгинны из Магарамкента»². В конце того же года, когда Шихали-хан собирался напасть на Кубу, где находился небольшой отряд под начальством ген. Гурьева, Сурхай-хан II отправил к нему на помощь своего сына Нух-бека с казикумухцами и кюринцами. Прибывший на помощь русским ген. Хатунцев разбил Шихали-хана при селении Рустов и двинулся на Кюру для наказания Сурхай-хана, спешившего на помощь к сыну³.

Сурхай-хан и его сын Нух-бек, «стянув свое войско в (кюринском — авт.) селении Шихи-Кент, соорудили здесь окопы и укрепились». Хатунцев разбил войска Сурхай-хана сначала в том селении, а затем на следующий день (11 декабря) близ сел. Татар-хан, откуда пошел на Курах, сильно укрепленный Сурхай-ханом. 15 декабря Курах был взят, и Сурхай-хан бежал «с небольшим конвоем и родственниками» в Казикумух. Хатунцев не стал преследовать его и остался в Курахе, ввиду того, что в Казикумухе «в это время появилась сильная чума»⁴.

На другой день после взятия Кураха старшины всех кюринских селений явились к ген. Хатунцеву «с изъявлением полной покорности, охотно приняли присягу на верноподданство и просили, на будущее время, защиты от покушений Сурхай-хана»⁵.

Шихали-хан в это время находился в сел. Сумбатле. Главно-

командующий войсками в Грузии ген. маркиз Паулуччи поручил ген. Хатунцеву войти в сношения с Сурхай-ханом, предложить ему выдать Шихали-хана и дать в аманаты Нух-бека, за это обещая ему полное прощение и возвращение под его власть Кюры. Однако Сурхай-хан отказался¹. Паулуччи, «не имея возможности держать в Кюре постоянно войска в достаточном числе для защиты ее и находя рановременным введение там русского управления, счел за лучшее образовать из нее особое владение и поручить управление им Аслан-беку, известному своим отличными способностями и непримиримому врагу дяде его, Сурхай-хану, со стороны которого можно было ожидать постоянных покушений на присоединение вновь Кюры к Казикумуху»².

И на самом деле лишь только Аслан-хан «успел укрепиться в Курахе, как Сурхай-хан начал делать покушения на возвращение Кюры под свою власть»³. Но ему так и не удалось сделать этого. После возвращения из Персии, куда он отправился за помощью, в 1820 г. в сражении между Чирахом и Хосрехом Сурхай-хан II был разбит и бежал в Аварию (Согратль). Ген. Мадатов без боя взял Казикумух и объявил, что «Казикумухское владение вместе с Кюринским владением передается во власть генералу Аслан-хану с условием подчинения Российскому государству»⁴.

3. Союзы сельских общин Табасарана

Выше было отмечено, что история союзов сельских общин табасаранцев в целом и их историческая география неразрывно связаны с существовавшими здесь феодальными владениями — майсумством и кадийством. Невозможно отделить историческую географию союзов сельских общин от исторической географии этих владений. Табасаранцы — это один народ, хотя и разделены на феодальные владения и на союзы сельских общин. У них единая история, единая территория, единые адаты, которыми они руководствовались в повседневной жизни. Поэтому и невозможно, да и было бы неправильно методически рассматривать отдельно историческую географию феодальных владений и историческую географию союзов сельских общин Табасарана. Поэтому основные вопросы исторической географии союзов сельских общин Табаса-

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 181

² Там же. С. 193.

³ Казикумухские и Кюринские ханы. // ССКГ. Вып. 2. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Там же. С. 18—19.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 20.

⁴ Алкадар Г.-Э. Указ. соч. С. 110.

рана даны во второй главе, где рассматриваются Табасаранское майсумство и Табасаранское кадийство. В данной же части работы для полной картины союзов сельских общин Южного Дагестана мы остановимся лишь на некоторых вопросах, которые дают общее представление о союзах сельских общин Табасарана.

Ни один из авторов, писавший о Табасаране, не выделяет отдельно, не описывает отдельно географическое положение, естественно-географические условия проживания, рельеф — в целом ландкарту союзов сельских общин. Отмечается лишь, что Табасаран делился на Верхнюю и Нижнюю или Северную и Южную части, и отдельно на Горную часть. Под Горной частью и имелась в виду территория, занятая союзами сельских общин. Известна была эта территория и как «Вольная Табасарань».

Хотя общая территория и границы Табасарана в целом и приведены выше — во второй главе, для конкретного определения их собственно для союзов сельских общин напомним их еще раз. Как писал И.-Г. Гербер, «Табасаран, уезд», «зачинается близ города Дербента, простирается к северу (северу — авт.) до хайдаков и карахайдаков, которых оной разделяет река Дарбах, к северу (западу — авт.) до Зурхаева (казикумухского Сурхай-хана I — авт.) владения, которого разделяет река Агула, к югу (югу — авт.) до куролей (кюринские магалы — авт.), от которых оной острыми горами отделен»¹.

Как видно из приведенного, здесь нет никакого выделения ни майсумства, ни кадийства, ни союзов сельских общин, а следовательно, не выделены их внутренние и внешние границы. Но сведения И.-Г. Гербера нам представляют возможность выделить внешние границы союзов сельских общин Табасарана. Это часть южных границ с кюринскими магалами, часть северных и северо-западных границ с Кайтагским уцмийством и западные границы с агульским магалом Кошан, входившим в состав Казикумухского ханства. Подтверждение этому мы находим и в описании Южного Дагестана Ф. Ф. Симоновича, который отмечал: «Девек Елеми, составляет горный Табасаран, простираясь от [владения] Кадия к Дрич Табасарану, казыкумыкам и каракайдакам»². М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг, называя селения феодальных владений Табасарана покорными, а в целом «Округом Табасаранским»³, писали также, что к западу он граничил с «Вольною Табасаранью»³, т. е. союзами сельских общин.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

² Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 154.

³ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 311.

Рельеф Горной части Табасарана, занимаемой союзами сельских общин, описан П. Ф. Колоколовым. «Главный хребет гор в Табасаране, — писал он, — Рапак, идущий от хребта Катаган-даг (начало в обществе Каттаган в Кайтаге — авт.). Он имеет направление к юго-востоку; вершины оного иногда и в летнее время покрываются снегом. Жители Табасарани имеют по оному свои пастбища. Второй хребет, идущий от хребта Рапак, состоит из гор Нитриг-герве (в Нитригском магале — авт.) и Калуг-даг; он имеет направление параллельно хребту Рапак; по вершинам оного есть хорошие пастбищные места. Хребет Кора-Меша идет от хребта, состоящего из гор Нитриг-герве и Калуг-даг; он имеет направление к югу, вершины оного покрыты снегом. Хребет Бент-Меша идет от хребта Рапак и имеет направление к востоку; вершины оного в некоторых местах покрыты снегом»¹.

Как видно из приведенного, все горные хребты, имеющие наибольшую высоту, находились на территории союзов сельских общин и то общее название «Горный Табасаран», под которым имелась в виду территория союзов сельских общин Табасарана, вполне отвечает его географическому положению и рельефу поверхности. Нельзя не согласиться с М. Р. Гасановым, когда, касаясь территории союзов сельских общин Табасарана, он пишет, что каждый из них «занимал небольшую естественно-географическую зону, ограниченную рекой, горной цепью»².

Ранее XIX в. мы не имеем конкретных сведений с перечнем всех союзов сельских общин Табасарана. Встречаются лишь названия отдельных союзов как Дрич, Нитриг и т. д. Девек Елеми, о котором писал Ф. Ф. Симонович, в работах отдельных авторов известен как федерация союзов сельских общин. По имеющимся же данным XIX в., в Верхнем Табасаране было 9 союзов сельских общин, называемых местными жителями «магьял» (магал). Такое количество табасаранских магалов дается в работах П. Ф. Колоколова, А. Комарова и Е. И. Козубского³. Первый из них, который посвятил Табасарану специальную работу, писал, что в Верхнем (Горном) Табасаране было 9 магалов, а в Нижнем — 7. Причем, он отмечал, что из 9 магалов Верхнего Табасарана «7 признают себя независимыми, остальные два принадлежат Аслан хану казыкумыцкому и кюринскому»⁴. Он указывал также, что «ни от

¹ Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 313.

² Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 205.

³ Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 314; Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. С. 95—102; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. С. 316—363.

⁴ Колоколов П. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 314.

кого не зависимые» это Когрын, Гуркул, Хираг, Хараг-Шилли, Суак, Нитриг и Дыре¹.

А. Комаров и Е. И. Козубский перечисляют все магалы Горного Табасарана, являвшиеся независимыми. Указывают они и на состав каждого магала, давая перечень всех сел, входивших в их состав, хотя по этому вопросу у них имеются и отдельные расхождения. А. Комаров перечисляет магалы: Чуркул с 14 селами; Хараг — с 6 селами; Кухрук — с 24 селами; Кераг — с 10 селами; Харали-ар — с 9 селами; Джогдиль-дере — с 6 селами; Нитриг — с 14 селами; Дюрке (Дирче) — с 7 селами; Суак — с 11 селами². У Е. И. Козубского они названы так: Чуркул — с 14 селами; Кыраг — с 10 селами; Кухрын — с 20 селами; Хырах — с 10 селами; Нитриг — с 15 селами; Дырча — с 7 селами; Сувак — 13 селами; Харали-ар — с 10 селами и Джогдиль-дере — с 5 селами³.

Как видим, здесь наблюдаются некоторые расхождения как в названиях ряда магалов, так и по их составу. Кроме магала Кухрик, в составе которого по Комарову было 24, а по Е. И. Козубскому 20 селений, и магала Джогдиль-дере, в составе которого первый перечисляет 6, а второй 5 сел, во всех остальных случаях состав магалов Табасарана был шире у Е. И. Козубского. Еще задолго до них Ф. Ф. Симонович в 1796 г. писал, что в составе Девек Елеми «до 15 деревень, из которых знатнейшие суть: Ягдик, Пилек и Хурук»⁴.

Из отечественных исследователей советского периода о количестве табасаранских магалов писали Р. М. Магомедов, Х. Х. Рамазанов и М. Р. Гасанов. Первый из них перечисляет табасаранские магалы среди лезгинских магалов и их у него только три: Чуркул, Хирах и Кухрук, в первом из которых, по его мнению, было 14, а во втором — 30 сел⁵. Х. Х. Рамазанов пишет о 9 магалах Верхнего Табасарана, из которых «семь признавали себя независимыми, а остальные два входили в состав Кюринского ханства». Среди независимых магалов им перечислены: Корчан, Куркул, Хираг, Харагшиллы, Суак, Нитриг и Дыре⁶. Здесь магалы даны в том написании, как они встречаются в архивных данных.

¹ Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 314.

² Комаров А. Списки населенных мест... С. 95—102.

³ Козубский Е. И. Памятная книжка... С. 316—363.

⁴ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796. // ИГЭД. С. 154.

⁵ Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 369; Его же. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961. С. 221; Его же. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С. 239.

⁶ Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Указ. соч. С. 198. Ссылается на ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18503. Л. 1—9.

Куркул — это, очевидно, Чуркул, Хираг-Хараг, Харагшиллы — это Харали-ар или Хараг-Шиллы, не ясно только что за магал Корчан.

Более полно, исследуя Табасаран в целом, пишет о союзах сельских общин М. Р. Гасанов. Разумеется, для нашего исследования его сведения о табасаранских союзах представляют наибольший интерес, ибо им собраны материалы о них непосредственно на месте, даются им под теми же названиями под которыми они известны у местных жителей и соседей. По его данным, в Табасаране также было 9 союзов сельских общин: Девек Елеми, Харали-ар, Кухрук, Чуркул, Сувак, Дырче, Нитриг, Кирах и Хираг¹. В его перечне нет магала Джогдиль-дере. Согласно его данным и собранному нами в 80-е годы полевому материалу, табасаранские магалы имели свои названия: Нитрич мягьял или НитИрихъар, Сугъкар мягьял или Сувккар, Дрич мягьял или Дерчвар, ЧурКулар мягьял, Гъуннар (Кырах), Кухурук мягьял, Жваран мягьял, Къалхъвар². По данным М. Р. Гасанова, в перечисленные им магалы входило соответственно 15, 8, 12, 16, 13, 3, 12, 10 и 10 сел. Общее количество сел, входивших в состав союзов сельских общин Табасарана, по его данным, составляло 86 селений, в то время как по данным А. Комарова их было 101, а Е. И. Козубского — 104 селения с учетом еще одного магала Джогдиль-дере, которого нет у М. Р. Гасанова и куда входило, по данным первого, 5, а второго 6 селений. У каждого из них имеются расхождения о составе того или иного магала. Но исходя из них, можно все же представить примерное количество всех сел табасаранских магалов. Думается, что не будет ошибкой, если предположить, что их количество доходило до 110.

Сведений о численности населения как каждого из магалов, так и всех вместе, т. е. их общей численности, нет. По данным Ф. Ф. Симоновича, Девек Елеми, который, как пишет М. Р. Гасанов, являлся «Главным среди союзов сельских общин» Табасарана, граничил с владением кадия, Казикумухским ханством, Кайтагом и с другими союзами сельских общин, состоял из «15 деревень» и в нем проживало до 5000 душ мужского пола³. Если исходить из того, что это мужское население 15 сел, то, сопоставив их со сведениями П. Ф. Колоколова о том, что и раньше, т. е. до 1826 года существовал союз двух магалов — Гуркула и Хирага,

¹ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 203.

² Там же. С. 204; Его же. Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв. Махачкала, 1978. С. 12; полевой материал, собранный нами в Табасаранском районе в 1984—1985 гг.

³ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 154.

можно предположить, что в этом примере речь идет о населении именно только этих двух союзов, в составе которых, по данным XIX в., было уже 20 селений. Этот союз, надо полагать, и назывался Девек Елеми, к которому в 1826 году, как писал П. Ф. Колоколов, «во время смутных обстоятельств», присоединились «магалы Хараг-Шилли, Когрын, Суак, Дыре и Нитриг», признав «себя независимыми»¹. М. Р. Гасанов на основе этого факта пишет, что «следовательно, Девек-Елеми был союзом союзов (суперсоюз), который объединил ряд союзов сельских обществ Табасарана»². Как отметили выше, Девек Елеми как суперсоюз (пусть даже состоящий только из двух магалов), существовал еще раньше, о чем и писал Ф. Ф. Симонович³. Приводимый же П. Ф. Колоколовым факт о присоединении к этому союзу и других табасаранских магалов говорит о его дальнейшем расширении. Видимо, население этого союза или федерации союзов сельских общин надо иметь в виду, когда М. Р. Гасанов пишет, что «население, живущее в союзах сельских обществ (Табасарана — авт.) в первой четверти XIX в., составляло 20 тысяч»⁴. Но в первой трети XIX в., по имеющимся сведениям, из общего количества народонаселения Верхнего и Нижнего Табасарана — 5379 семейств «в магалах, признающих себя независимыми», находилось «до 2323 семейств»⁵. Если в среднем на одну табасаранскую семью, учитывая их многодетность, взять 5—6 человек, то общая численность населения союзов сельских общин Табасарана получится 12—13 тыс. человек. Это почти половина населения всего Табасарана, численность которого, как предполагает В. Г. Гаджиев, исходя из анализа данных XVIII—XIX вв., в первой половине XVIII в. составляла 25—35 тыс. человек⁶.

Как было отмечено в предыдущих главах, природно-географические условия Табасарана в целом благоприятствовали развитию основных отраслей хозяйства: земледелия и скотоводства. В изучаемое время они получили достаточно широкое развитие во всех частях Табасарана. Поэтому невозможно согласиться с утверждением И.-Г. Гербера о том, что жители Табасарана, «к горам живущия (т. е. население союзов сельских общин — авт.) питаются только одною скотиною и не имеют пашен или хлеба»⁷. Неверно и его утверждение, что здесь «от стужи ничего не

ростет», так как «горы, под которыми они живут, летом и зимою снегами покрыты, и снега, которые у них падают, в июле месяце растаевают, и для того убогие (бедные — авт.) люди»¹. Нет в Горном Табасаране гор, покрытых зимой и летом снегом. И в этой части Табасарана было развито земледелие, хотя, безусловно, в меньшей степени и в меньших размерах, чем в Нижнем Табасаране. Отсутствие хороших пахотуудобных полей компенсировалось строительством террас, наличие которых является свидетельством древности земледелия и в Горном Табасаране. Это подтверждается и авторами конца XVIII — нач. XIX в. Ф. Ф. Симонович отмечал, что главным промыслом табасаранцев было хлебопашество². Здесь, конечно, речь идет о всем Табасаране, хотя он отмечает менее развитость его в горных магалах, где почва была «большею частью каменистой и бесплодной»³. Касаясь конкретно Горного Табасарана («Верхний Табасаран»), П. Ф. Колоколов писал, что здесь «почва земли не весьма плодородна, слой оной, состоящий из илу, неглубокий, и хлебопашество не весьма удобно, но сенокосы очень хорошие»⁴. Основными зерновыми культурами, которые сеяли в Горном Табасаране, были «пшеница, ячмень, в небольшом количестве просо, конопля и кукуруза»⁵.

Развито было в Горном Табасаране и садоводство, хотя, конечно, и менее, чем в Нижнем Табасаране. «Из плодородных деревьев большею частью ореховые, кои растут по долинам, — писал П. Ф. Колоколов об этой части Табасарана. В некоторых магалах есть в небольшом количестве фруктовые и виноградные сады»⁶.

Большой вес, большее значение в экономической жизни Горного Табасарана имело скотоводство и главным образом овцеводство. Как писал П. Ф. Колоколов, жители Табасарана имели «довольное количество рогатого скота, преимущественно же баранов и коз, кои пасутся летом по хребтам Верхней Табасарани, а зимою по долинам Нижней»⁷. Летние пастбища были расположены по хребту Рапак, Калуг-даг⁸.

Были развиты в магалах и разнообразные промыслы. Жители табасаранских союзов занимались обработкой шерсти, кожи, дерева, камня, металла, глины. Наибольшее развитие, как и у других горцев Дагестана, получила обработка шерсти, из которой

1 Колоколов П. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 315.

2 Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 207.

3 Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 154.

4 Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 206.

5 Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 312.

6 Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание...». С. 204.

7 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

1 Там же.

2 Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 199.

3 Там же.

4 Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 314.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. С. 170.

изготавливали сукна, паласы, ковры, войлоки, попоны, носки, чулки, хурджины, мешки¹. Не было селения, где не занимались бы изготовлением различных вещей из шерсти.

Основным центром обработки глины было селение Джули, где изготавливали разнообразную глиняную посуду, маслосборники, глиняные кувшины для воды, сосуды для сбивания масла и т. д.

Резьба по дереву получила развитие в селениях Хурик, Ханаг и др., «где были известные мастера-универсалы, изготавливавшие предметы с начала до конца»².

Хотя горные общества меньше были вовлечены в торговлю, но и им не чуждо было это занятие, так как они нуждались в хлебе и других вещах, которых у них не было. Торговые связи поддерживались не только с жителями Нижнего Табасарана, где было более развито земледелие и производили излишки хлеба, но и с Дербентом, где горцы продавали в основном продукты животноводства и приобретали здесь разнообразные вещи дагестанского, азербайджанского, российского, персидского и т. д. производства³.

Административное управление табасаранских магалов было схоже с управлением союзов сельских общин других народов Дагестана. «Деревни управлялись старшиной и муллою; — писал Сотников, — старшина решал дела по адату, а мулла — по шариату (по наследству, брачные)»⁴.

У старшины были помощники, чауши, которые приводили решения их в исполнение. Старшины назывались «кевха», а исполнители — бакавулами. Были и надсмотрщики полей, называемые в узденском Табасаране кизиль⁵. Причем, кевха и бакавулы были наследственными, а кизильяры — выборные.

Отдельные сельские старшины табасаранских магалов назывались не кевха, а ахи-сакалы. Наиболее известным ахи-сакалом был ханагский (магал Кухрик), который сам собирал магал на общую сходку⁶.

Однако, помимо ханагского ахи-сакала, в узденском Табасаране были три главных ахи-сакала — старшины селений Ругуж, Храх и Хив, которым подчинялся и халагский ахи-сакал. Они-то и управляли узденской Табасаранью. «Без них никто не мог со-

брать народ на общую сходку. Они после совещания между собою сообщали народу цель сбора и назначали место для сбора»¹. Причем, в Табасаране было очень много мест, где собирали общий сход.

Общий сход собирали, «когда нужно было произвести общее восстание или для разбора дела по важным убийствам, прелюбодеяниям, грабежам и большим воровствам; решения их приводились в исполнение на месте разбора, виновный штрафовался: за убийство — 6 штуками рогатого скота (1 — трем главным старшинам, 1 — их бакавулам и 4 — для народа — авт.), а за прелюбодеяние, грабежи и воровство менее, до 1 штуки». Причем, отмечается, что на сборах «сильные тухумы имели влияние по большинству членов»².

Каждый из трех главных старшин имел право разбирать жалобы явившихся к нему членов общества, и он объявлял решение в том селении, откуда был жалобщик, для исполнения. Решения главного старшины не подлежали нарушению и неисполнению. Интересно, что исполнение решения должны были приводить сами односельчане виновного³.

Сотников, собравший приведенные сведения об управлении узденским Табасараном, отмечал, что неизвестно, когда возвысились указанные три старшины над остальными, как им удалось сосредоточить всю полноту власти в своих руках и как «потом право это перешло и к их наследникам»⁴. Поэтому, хотя сведения и были собраны в 60-е годы XIX в., они имеют прямое отношение и к изучаемому нами периоду.

Следует здесь сказать и о плате, которую получали старшины за свою службу. Как отмечалось выше, главные управители — старшины Ругужа, Храх и Хива получали часть штрафов, а сельские старшины (кевхи) «штрафов не брали, исключая если истец, выиграв дело, сам давал, — что они разделяли с бакавулами». Другой платы от общества они не получали. Кизильяры получали «по 1 или 1/2 сабы ячменя или пшеницы со двора за летнее время, кроме того, в их пользу шел штраф (в первый раз — чурек, во второй — кия ячменя или пшеницы, в третий — саба хлеба, высший штраф)»⁵.

Таково кратко административное управление табасаранских магалов.

¹ Там же. С. 49.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 48.

¹ Там же. С. 172.

² Там же. С. 175.

³ Полевой материал, собранный в Табасаранском районе.

⁴ Памятники обычного права Дагестана. XVII—XIX вв.: Архив, матер./Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 48.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Что касается исторической политической географии союзов сельских общин Табасарана, то, как было отмечено выше, она неотделима от исторической политической географии Табасарана в целом, которая более или менее подробно дана во второй главе работы при характеристике исторической географии феодальных владений Табасарана — майсумства и кадийства, и в общих чертах — в первой главе при характеристике исторической политической географии Южного Дагестана в целом.

Здесь же хочется лишь отметить, что, как и феодальные владения Табасарана, союзы сельских общин были вовлечены в активную политическую жизнь. Население табасаранских магалов, как и жители майсумства и кадийства Табасарана, принимало активное участие в политической жизни Южного Дагестана. Изучаемое время, как показано выше, было богато разными политическими событиями, связанными как с взаимоотношениями дагестанских владений между собой, так и с политикой Турции, Ирана и России, проводимой ими в Дагестане в целом и в Южном Дагестане, в частности. В них активно участвовали и союзы сельских общин Табасарана.

4. Союзы сельских общин Агула

Агулы занимали территорию между Табасараном — на востоке, кюринскими магалами — на юге, Уцмийством Кайтага и союзом Буркун-Дарго — на севере, Рутулом и Казикумухским ханством — на западе. Но по имеющимся сведениям на этой территории находилось три союза сельских общин, и каждый из них имел свою территорию и внешние границы, которыми являлись границы обществ, занимавших пограничные территории.

Магал Кошан на востоке граничил с табасаранскими магалами Сувак, Хырах и Дырча, на севере с Кайтагским уцмийством, на северо-западе с обществом Буркун-Дарго, на юге — с агульским магалом Агул-дере. Последний граничил на востоке небольшой полосой с табасаранскими магалами Дырча, на юге с кюринскими магалами, на западе и юго-западе — с агульским магалом Рича, известным как Ричейский магал, который, в свою очередь, на юге граничил с кюринскими магалами, на западе и северо-западе — с Казикумухским ханством, на юге и юго-востоке — с Рутулом. Это в целом, юго-восточная часть Дагестана, заключенная в четырех ущельях: Агул-дере, Кошан-дере, Курах-дере и Хпюк-дере, занимаемая ныне Агульским и отчасти Курахским районами. «Дере» — по агульским означает «ущелье». От названий местностей и занимаемых каждым магалом ущелий и

возникли названия двух магалов Агула: Агул-дере, Кошан-дере, а третий союз Ричейский получил название от названия главного селения магала — Рича. Территория двух первых союзов ныне целиком находится в составе Агульского района, а территория третьего магала — часть в Агульском, часть в Курахском районах Республики Дагестан. Все агульские села компактно были расположены в указанных четырех ущельях. Ныне у агулов имеется 21 селение. По изучаемому времени ни один автор не указывает на количество сел, входивших в состав указанных выше трех магалов. Из современного расположения их видно, что наибольшее количество агульских сел находилось в Агул-дере, затем идет Кошан-дере, а в Хпюк-дере агульских только три селения¹. Было ли в изучаемое время такое же количество агульских сел мы не можем сказать. О них мы можем судить, только исходя из сведений XIX в.

По данным А. Комарова в магал Кошан входило 6 селений: Буршаг, Арсуг, Худык, Кураг, Яркег и Фите; в магал Агул — также 6 селений: Дуруштул, Гуэ (Гоа), Дюлдуг (Дулдуг), Хутхул, Миси, Типиг (Тпиг); а магал Рича — 7 селений: Виттих (Бядуги, Бадёк), Хорадж (Хоредж), Квардал, Гельхан, Укуз (Укуд), Усух (Усу) и Рича. Это были небольшие села, количество хозяйств которых не превышало 50—100, за исключением сел. Тпиг, где было 106 хозяйств. В основном же в них было всего по несколько десятков хозяйств (от 24 до 88). Всех же сел в Агуле, по данным А. Комарова, во всех трех магалах было 19². Такое же количество сел в конце XIX в. дано Е. И. Козубским. Причем, у него объединены два первых магала под общим названием Агулькошанский магал³.

О численности населения по изучаемому периоду как во всем Агуле, так и в магалах его нет сведений.

Если исходить из данных посемейных списков 1886 г., то общее количество хозяйств во всех трех агульских магалах было 945, а численность населения — 6339 человек⁴, по данным Е. И. Козубского, через менее 10 лет было 1651 хозяйство и 6604 человек⁵. Надо полагать, что к началу XIX в. в агульских магалах проживало не менее 4 тыс. человек.

¹ Калоя Б. А. Агулы // Народы Дагестана. М., 1955. С. 204.

² Комаров А. Списки населенных мест... С. 105—106.

³ Козубский Е. И. Памятная книжка... С. 342—347.

⁴ Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья // Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис, 1890. С. 75—77.

⁵ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 342—347.

В политическом отношении агульские магалы не всегда могли сохранить свою самостоятельность. Исследовав Агул с древнейших времен и вплоть до первой половины XIX в., Ш. М. Ахмедов писал: «К середине XIV в. некоторые селения Агул-дере и часть селений Кушан-дере, в частности Яркуг, окончательно входят в состав Казикумухского шамхальства. Видимо, в это время казикумухские ханы построили укрепление в селении Хутхул»¹.

К середине XVI в. в связи с рядом причин происходит распад шамхальства, и отдельные сельские общества или их союзы выходят из-под зависимости феодальных правителей². Однако на рубеже XVII—XVIII веков агулы, жившие в Агул-дере, «попали под власть казикумухского хана. Другие агульские ущелья истари входили во владения иных феодалов, в частности кадия табасаранского. Таким образом, агулы были разобщены не только территориально, но и политически, и вместе с тем являлись объектом постоянной борьбы между различными феодалами»³. Об этом же писал М. М. Ихиллов. «Еще в XVIII веке казикумухские ханы, табасаранские майсумы неоднократно вторгались на территорию агульских обществ, — отмечал он. — Сурхай-хану удалось подчинить себе часть агулов и прибрать к своим рукам агульское селение Буркихан, которое он отдал в управление своему племяннику Абдугафуру. Часть агульских селений в Гушандере очутилась во власти табасаранских майсумов.

В начале XIX века агулы оказались расчлененными между казикумухскими, кюринскими ханами и табасаранскими майсумами»⁴. И, естественно, агульские магалы были втянуты в политику, проводимую теми феодальными правителями, в составе владения которых они находились. Особенно активная политика проводилась казикумухскими правителями, выступавшими одним из основных противников России в Дагестане. В конце XVIII—нач. XIX в. царское военное командование организовало ряд экспедиций во владения казикумухского хана Сурхай-хана, «в результате которых были захвачены все лезгинские земли, принадлежавшие до этого Сурхай-хану, и образовано самостоятельное Кюринское ханство, куда вошли и агульские селения, за исключением сел. Буркихан и Цирхе, которые продолжали входить в состав Казикумухского ханства»⁵.

Но Сурхай-хан II не мог примириться с потерей южнодагестан-

ских земель. В конце 1811 г. он потерпел поражение около сел. Курах, после чего русские войска заняли агульские селения Бедюк и Рича, где были расквартированы гарнизоны¹.

Сурхай-хан не успокоился и после этого разгрома. Он «отрезал все пути, связывающие сел. Рича с Курахом... Сурхай-хан уничтожал посевы, грабил, уводил скот окрестных агульских сел...»². Центром борьбы с царскими войсками «становится пограничное с Рича, укрепленное селение агулов Буркихан, где находился сын Сурхай-хана Муртузали-бек³. Совершая походы на «кюринские провинции», он «попутно грабил и те агульские общества, которые не поддерживали казикумухцев. Так, например, он напал на селение Хутхул, разграбил его и угнал скот»⁴.

Для разгрома Муртузали-бека царское военное командование снарядило специальную экспедицию в Агул. Муртузали-бек был разгромлен. Но и после этого Сурхай-хан не успокоился. Он «не мог примириться с потерей крупных привилегий в Агуле. В частности, он лишился крупных летних пастбищ около Бедюка, Рича и Яркуга и др., которые приносили ему большой доход, и что наиболее важно, лишился единственного пути в Южный Дагестан. Потеря Рича, Чирага, Друштула, которые контролировали этот путь, означала для Казикумухского ханства, где своего хлеба было мало, потерю «кюринского хлеба и прочих товаров, которые поступали из Южного Дагестана и Азербайджана. Поэтому Сурхай-хан предпринял ряд попыток для возвращения данного района Казикумухскому ханству». С этой целью прежде всего он совершает нападение на Бедюк, Рича, Чирах, но безуспешно⁵.

Сосредоточив в Южном Дагестане, в том числе в Агуле, большие военные силы, царское военное командование в 1820 г. нанесло Сурхай-хану II окончательное поражение около сел. Хосрех. Власть Сурхай-хана была ликвидирована, и Агул был включен в состав Кюринского ханства.

Историческая география хозяйства жителей агульских союзов сельских общин характеризуется развитым земледелием и скотоводством. «Широкому развитию земледелия в Агуле способствовали и природные условия. Населенные пункты агулов расположены в широкой долине Чираг-Чая, по обеим берегам которой раскинулись очень удобные обширные и относительно ровные пахотные и сенокосные участки. Такой рельеф местности в сочетании с су-

¹ Агулы. С. 16.

² История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. С. 247.

³ Калоев Б. А. Указ. соч. С. 205.

⁴ Ихиллов М. М. Указ. соч. С. 102.

⁵ Агулы. С. 17—18.

¹ АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 620.

² Агулы. С. 18.

³ АКАК. Т. V. С. 622. Агулы. С. 18.

⁴ Агулы. С. 18.

⁵ Там же. С. 19.

хим континентальным климатом и значительным количеством осадков, выпадающих в вегетационный период, благоприятствовали развитию земледелия». Менее удобна была территория магала Кошан, но и там земледелие занимало одно из ведущих мест в хозяйственной деятельности его жителей¹.

О развитости земледелия у агулов свидетельствует и наличие у них довольно четкого земледельческого календаря, включающего «в себя тот рациональный опыт земледельца, который был накоплен им за многовековую историю своего существования. Он служил руководством для проведения земледельческих работ»².

Основными зерновыми культурами агулов являлись рожь («суыл»), ячмень («жарх», «мух»), голозерный ячмень («магар»), конские бобы и горох («харар», «кӀахар»).

Огородничеством в изучаемый период жители агульских магалов не занимались. Оно стало развиваться только со второй половины XIX в.

Второй основной отраслью хозяйства агулов было животноводство. Разводили они крупный и мелкий рогатый скот. Причем, в изучаемое время «овцеводство в хозяйстве агулов приняло еще большие размеры»³. Особенностью овцеводческого хозяйства агулов было то, что оно являлось горно-стационарным. До осени овцы паслись на альпийских пастбищах, а начиная с глубокой осени до весны — на зимних пастбищах. «Скот располагался у подножий солнечных пригревов, где во всех селениях были построены специальные загоны — «махы», в каждом из которых содержалось от 200 до 300 голов мелкого рогатого скота»⁴.

Существовали свои особенности в содержании и крупного рогатого скота. «Наиболее распространенной формой было содержание скота круглый год в самих населенных пунктах». Существовала и хуторская форма содержания крупного рогатого скота. Заключалась она в том, что «основная масса крупного рогатого скота ранней весной перегонялась в горы («су»), где у каждого аула существовали хутора («сува хулар»)». Это были сезонные хутора, находившиеся на субальпийских пастбищах. Такие хутора существовали в Тпиге, Рича, Хутхуле, Дулдуге, Друштуле и др. селениях⁵.

Были развиты у агулов и разнообразные домашние промыслы. Наиболее развита была, как и у других горцев, обработка шерсти,

из которой производили одежду, обувь, ковры, сукна разных цветов, мешки, переметные сумы, джурабы, носки, рукавицы и т. д. Причем, обработкой шерсти занимались повсеместно. Особое место занимало ковроткачество. «Характерно, что в Агуле производились только безворсовые ковры. Они шли не только на удовлетворение собственных нужд, но и продавались в соседние районы Дагестана. Джурабы — особый вид носков — пользовались спросом во многих районах Дагестана»¹.

Были развиты у агулов также обработка металла и гончарное производство. Как пишут авторы «Агулов», «до недавнего времени здесь широко было развито производство грубой толстостенной лепной керамики»².

Как и другие горцы союзов сельских общин Южного Дагестана, агулы занимались и торговлей, обменивая в основном продукты животноводства и изделия домашней промышленности, в частности из шерсти на необходимые для себя вещи. По территории Агула проходила торговая трасса Рича—Тпиг—Хив—Касумкент—Дербент³, которая способствовала как торговле агулов с проходящими по ней торговцами, так и торговым связям агулов с другими населенными пунктами и регионами Дагестана.

Как и у других горцев, у агулов существовало организованное сельское (общинное) и союзное (магальное) управление. Высшим органом управления в сельских обществах были сельские сходы, а иногда советы старейшин, состоящие из представителей тухумов. «Во главе старейшин находился старшина — кевха, должность которого формально была выборной, но на деле он избирался только из богатых тухумов»⁴. Как и повсеместно, количество старшин зависело от размера села и количества тухумов. Старшины решали повседневные вопросы, тяжбы, возникавшие между сельчанами и т. д. За свою службу старшины получали плату. А в таких селах как Арсуг, Худиг и Рича старшинам выделяли специальные пахотные и сенокосные участки⁵.

Старшины центров магалов выделялись среди остальных сельских старшин, сосредоточив в своих руках всю полноту власти. Так, ричинскому старшине подчинялись старшины сел. Бедюк, Усуг и Квардал. «Жители этих селений для разбора спорных вопросов обращались к старшине с. Рича. Последний для решения их назначал специальный день. Тяжущиеся обязаны были при-

¹ Агулы. С. 45.
² Там же. С. 48.
³ Там же. С. 55.
⁴ Там же. С. 56.
⁵ Агулы. С. 58.

¹ Там же. С. 59.
² Там же. С. 63.
³ Там же. С. 64.
⁴ Агулы. С. 39.
⁵ Там же.

ехать в Рича в этот день. Штрафы и прочие поступления старшины присваивали себе»¹.

Наиболее важные вопросы, касающиеся целого магала, решались на общемагальском сходе. Так, в Ричинском магале для этого собирались в ущелье Укудеше, а для решения менее важных вопросов — в самом сел. Рича².

Как и у других народов Дагестана, у агулов существовал и институт «маслагата», когда различные вопросы тяжущихся сторон решались не сельскими старшинами, а посредниками, выбираемыми самими тяжущимися. Ими, как правило, бывали старшины других сел и наиболее уважаемые люди, известные своей неподкупностью и справедливостью³.

Такова в общих чертах краткая историческая география союзов сельских общин (магалов) агулов.

5. Джаро-Белоканский союз

Остается еще рассмотреть Джаро-Белокаanske союзы сельских общин, находящихся ныне на территории или в составе Азербайджана, но история которых неразрывно связана с историей Дагестана в целом и, в особенности, ряда дагестанских (аварских) союзов сельских общин. И в то же время жители Джаро-Белокан — это дагестанские народы. Как отмечал Г.-Э. Алкадари, территория «Джарского округа» в прошлом находилась в составе Дагестана⁴. Поэтому мы и рассматриваем здесь эту территорию, как юго-западную часть Южного Дагестана, а в составе Дагестана в целом — как один из южных его районов.

Географически Джаро-Белокаanske союзы в целом находились на южном склоне Главного Кавказского хребта, как писал И. П. Петрушевский, если исходить из нынешних границ Дагестана, «на стыке между Дагестаном, Грузией и ханством Шекинским»⁵. Перечисляя все общества, составлявшие собственно, Джаро-Белокан, в том числе Белокаское, Катехское, Джарское,

Тальское, Мухахское и Джинихское, а также общества Илисуйское, Карадулакское, Баш-Сувагильское и Цахурское, входившие в состав султанства Илисуйского, И. П. Петрушевский писал, что все они «занимали территорию по нижнему течению р. Алазани, ограниченную с запада и северо-запада Кахетией, с юга — Ширакской степью, с востока — Шекинским ханством; в состав этой территории входили и земли, лежащие на северных склонах Главного Кавказского хребта»¹.

Описывая территорию, границы Джаро-Белоканского союза, П. Зубов дает характеристику и рельефа, природно-географических условий проживания его жителей. Он писал: «Область сия рекою Алазанью, от ея истока до селения Гоглярно, отделена от Кахетии; на Севере Главным кряжем Кавказа отделена от Ханства Аварского, Ханства Казыкумьского и вольного общества Рутуль; на Юго-востоке сопредельны оному Элисуйские владения. Вся Северо-восточная часть весьма гориста, но зато мало обитаема; все же берег Алазани до южных предгорий представляет обширные плодородные равнины, орошаемые великим количеством рек, впадающих в Алазань, из коих главнейшая: Яхахи, Лопхани, Белоканы и Кандихсева. Примечательныя места: Кр. Новые Закаталы... Чары, Белоканы и Катехи...»².

Говоря конкретно о занимаемой территории, географическом положении, населенных пунктах, входивших в отмеченные выше общества Джаро-Белокан, военный топограф царской армии Т. Н. Яишиников писал: «Селение Джары, главное в своем обществе, расположено, или, лучше сказать, разбросано, по южной покатости хребта при выходе из ущелья небольшой речки, впадающей в Катеху. Селение Белоканы лежит на западе от Джар, в 25 верстах от оною, ближе к границам Нижней Кахетии. Селение Талы — на восток от Джар, в весьма близком от него расстоянии. Селение Мухаха — правее Талы, а селение Джаники — на границах владения султана элисуйского, простирающихся на востоке до речки Каинлы-Кеби и болот Джабли-Саз, коими отделяется от Шекинской провинции»³.

В исследуемое нами время Джаро-Белоканский союз уже существовал как одна из довольно значимых политических структур. Общества, образующие его вместе с обществами Илисуйского султанства, И. П. Петрушевский называет «аваро-цахурскими

¹ Там же.

² Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — первой половине XIX в. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дисс. д-ра ист. наук. Махачкала, 1990. С. 349.

³ Агулы. С. 39.

⁴ Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994. С. 11.

⁵ Петрушевский И. П. Джаро-Белокаanske вольные общества в первой половине XIX в. / Редакция, вступ. статья, коммент. и примеч. проф. В. Г. Гаджиева, Махачкала, 1993. С. 28.

¹ Там же. С. 33.

² Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 216—217.

³ Яишиников Т. Н. Выдержки из описания лезгино-джарских вольных обществ. 1830 г. // ИГЭД. С. 301.

вольными обществами»¹ и пишет: «История Джара дает факты, подкрепляющие отвержение излюбленной буржуазными историками и лингвистами теории миграции. Процесс образования джарских вольных обществ в XVI—XVII вв. дает картину образования в период, очень близкий к нам, этнических групп, совпадающих почти полностью с социально-производственными группами. И здесь выводы Н. Я. Марра о совпадении на известном этапе развития этнических групп с производственными находит себе подтверждение»².

Другого мнения придерживался, на основе собранных им материалов, офицер царской армии, участник военных действий против Пруссии в 1826 г. и служивший в Грузии М. А. Коцебу — немец по происхождению. Он сообщает, что в прошлом Кахетия была разделена на три части: 1) земля, на которой потом образовалось Илисуиское султанство; 2) горские владения; 3) собственно Кахетия. Как пишет он далее, по рассказам старожилов, лет 600 тому назад Кахетия лишилась третьей части своей территории³. Произошло это следующим образом. Народы, живущие близ Кахетии, «чурмуты, кесерухи, калали, мишлиши, кусури, цахури, и под общим именем глуходары известные», из-за «бедности и скудного произведения земли их» приходили на лето в Кахетию и занимались на работы. Со временем их стало приходить настолько много, что они не находили себе работы. Потом они возвращались к себе обратно и совершали набеги на Кахетию. Из-за многочисленности их царь кахетинский не в состоянии был оказать им сопротивление. На новой земле дагестанцы «построили себе селения при каждом выходе ущелья, разделились на 5 обществ, причислили к каждому из оных соразмерное число селений подданных, а свои называли владельческими»⁴. Это и были перечисленные выше пять обществ: Чарское, Белоканское, Тальское, Мухакское и Джинихское, наиболее сильным из которых было Чарское общество. От названий этого общества и другого более сильного и большого среди оставшихся четырех других обществ — Белоканского, и возникло название союза этих пяти обществ — Джаро-Белоканы.

Если правдоподобно то, что пишет М. А. Коцебу, значит указанные события имели место более 750 лет тому назад. Следовательно, перечисленные союзы сельских общин образовались в XIII—XIV вв., т. е. примерно тогда же, когда образовались и

другие аварские союзы сельских общин¹. Об этом писал в другой работе И. П. Петрушевский².

Но по вопросу переселения аварцев, следовательно, образования перечисленных выше союзов сельских общин, имеются и другие мнения. Согласно одного из них, дагестанцы отторгли от Грузии западную часть бывшего Закатальского округа в течение XVII—XVIII вв. и, «покорив местных аборигенов, утвердили здесь собственную государственность, образовав вольную Джаро-Белоканскую общину»³.

Все пространство земли, занятое «переселенцами» из аварских союзов сельских общин в Кахетию равнялось около 60 верстам в длину и столько же в ширину. Описывая границы этой территории, М. А. Коцебу отмечал: «К северу чарцы граничат хребтом гор, пролегающим чрез всю Кахетию, земли Элисуй-султана и Нухинскую провинцию; за хребтом сим живут народы: против селения Белокап: чурмуты; против селения Катехи: кесерухи; против селения Чары: калали; против селения Мухахи: мишлиши; против селения Душних: кусури; к востоку речкою Капичай, отделяющей владения их от Элисуй-султана; к югу рекою Алазань и Кизихом, принадлежащим Сигнаскому уезду; к западу границы чарцев весьма неопределенны; иные принимают за границу самую Кахетию, другие урочище Лагодехи, а многие речку Нагал-Емире; но как все пространство земли, лежащее между селением Белоканы и Кахетию (около 60 верст), с давняго времени уже не населено, то всякий мог бы ею пользоваться безспорно, еслиб шайки разбойников, выходящая из-за близлежащего хребта, не беспокоили страну сию»⁴.

Располагая по значимости, силе, богатству, составу, влиянию и политическому весу общества, входящие в Джаро-Белоканы, М. А. Коцебу пишет, что «Земля, известная здесь вообще под именем Чары, принадлежит пяти обществам, имеющим равные права; но общество Чарское могущественнее и богаче прочих, а посему оно есть первое, второе Белоканское, третье Тальское, четвертое Мухакское, пятое Джинихское»⁵.

¹ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 33.

² Там же. С. 31.

³ Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 252.

⁴ Там же. С. 252—253.

¹ Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана... С. 101.

² Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне Российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934. I. С. 193.

³ Феодалные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в.: Архивные материалы / Сост. предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1969. С. 306.

⁴ Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 253—254.

⁵ Там же. С. 254.

По существу то же самое отмечено И. П. Петрушевским, писавшим, что «формально все эти общества не составляли единого политического целого, фактически же на всей этой территории главенствовало Джарское общество; остальные вольные общества, как и султанство Илисуйское, были по существу вассалами Джара. Под сильным его влиянием, граничившим с зависимостью, находился и ряд загорных обществ западного Дагестана (Ан-кратль, Андалаль, Анцух и др.), примыкавших к территории Джаро-Белокана с СЗ»¹.

Приведенное говорит о том, что по своему политическому устройству союз Джаро-Белокан был объединением обществ не на федеративной, а на конфедеративной основе.

Следует иметь в виду и влияние Джарского общества и на феодальные владения Закавказья. «Это политическое образование», писал И. П. Петрушевский о Джаро-Белокане, — занимало особое место в Закавказье. Вольные общества — особенно Джарское — в течение всего XVIII в. оказывали заметное влияние и на Грузию, и на ханства северного Азербайджана, и на Дагестан, продолжение которого в этническом отношении они составляли. Усиление политического влияния Джара шло рука об руку с процессом феодализации вольных обществ. И этот процесс, и историческая роль Джара в конце XVIII в. — нач. XIX в. не могут быть поняты вне связи с вопросом о возникновении здесь аваро-цахурских общин»².

И. П. Петрушевский пишет, что до конца XVII в. Джарская область в политическом отношении составляла одно целое с Кахетией. Он критикует мнение, что аваро-цахурское население здесь появилось в результате «хищнического вторжения» дагестанцев в Кахетию, приуроченного к началу XVII в., к эпохе шаха Аббаса I. Приведя исторический факт перекочевки дагестанцев на зиму на свои зимние пастбища, находившиеся на южной стороне Главного Кавказского хребта, он пишет, что это обстоятельство и малоземелье привлекло дагестанцев в Кахетию небольшими группами и отрицает крупное, массовое переселение дагестанцев в одно время, связанное с завоеванием. Но главное, на чем хочется заострить внимание, — это то, что он пишет: «Несомненно, что дагестанские (аварские и цахурские) общины существовали в Кахетии задолго до перехода к ним власти здесь, задолго до XVII в. Они, во всяком случае, существовали здесь до XVI в., т. е. из сообщения Мухаммеда Рафи мы узнаем, что термин Голода —

Goloda — (под этим именем еще в XIV в. известны именно аварские, не ингилойские поселения Джаро-Белоканской области) был известен уже к началу XIV в. В это время Голода и Цахур даже считались «собственностью», одним из владений шамхала Кумухского — самого крупного из феодалов Дагестана»¹.

И. П. Петрушевский предполагает, что аварские и цахурские общества, которые признавали зависимость от кахетинских царей в XVI в. «стали объединяться в вольные общества — джамааты», а «к половине XVI в. относится и образование Джарского общества, или, по крайней мере, его ядра. Но и в это время аварские поселения жили чреполюсно с грузинскими, признавая власть кахетинских царей». Причем, он подчеркивает, что ни о каком массовом вторжении не может быть речи. Напротив, сами кахетинские цари «в целях укрепления своей власти... даже приглашали новых поселенцев из Дагестана, на которых рассчитывали опереться, как на военную силу». Но он признает справедливость утверждения, что «в XVII в., после персидских походов в Грузию, с началом разложения кахетинского феодального царства, жившие на плоскости и в предгорьях аварские и цахурские поселения стали постепенно освобождаться от власти кахетинских князей и феодалов и захватывали их владения»². Персидские шахи поддерживали их как мусульман.

Исходя из всего приведенного, И. П. Петрушевский предполагает, что «авары и цахуры вполне освободились от власти кахетинских феодалов и вполне заменили их только к началу XVIII в.»³, т. е. в изучаемое нами время. Отсюда и другой вывод его, что «создание вольных обществ в восточной Кахетии было результатом не быстрого завоевания и массовой миграции в одно время, а длительного процесса»⁴. Интересно, что недовольные феодалами кахетинские крестьяне «переходили на сторону «джарских лезгин» целыми селениями»⁵.

В результате всего этого на современной территории Закатальского района Азербайджана образовалась сильная территориально-политическая единица. И мы не согласны с И. П. Петрушевским, когда он пишет, что Джаро-Белоканские общества «никогда не составляли и союза, хотя представители великодержавной историографии (Коцебу, Иваненко, Бакрадзе и др.), не представлявшие себе социально-политического строя Кавказа иначе, как

¹ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 33.

² Там же.

¹ И. П. Петрушевский. Указ. соч. С. 34.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 37.

по европейским трафаретам, и говорили порой о «Джарской федерации демократических республик»¹. Но в то же время он пишет: «Однако уже одно то, что шести джамаатам (обществам) приходилось жить в окружении значительных государственных образований, как Грузия, ханство Гянджинское, Шекинское, отстаивать свой внутренний строй от покушений со стороны персов и османов, а в первой трети XIX в. — русских, предпринимать совместные военные походы в Грузию, создавало длительные союзные отношения между вольными обществами»².

Нам думается, что простые, пусть даже длительные союзные отношения не могли создать такую сильную политическую структуру, каковой был Джаро-Белоканский союз на самом деле. Известно, что одной из главных причин образования и других союзов сельских общин была необходимость защиты от феодального окружения. Поэтому и в примере с Джаро-Белоканом эта причина в их единении, безусловно, сыграла решающую роль. Объединение равноправных обществ, конечно же, существовало. Да и сам И. П. Петрушевский, как указывалось выше, признавал это, отмечая, что, возвысившись над остальными обществами, Джарское общество выдвинулось как лидер, как глава, и другие общества были фактически в вассальной зависимости от него. Значит, это было конфедеративное объединение, формально равноправных обществ, на самом же деле зависящих от одного более сильного среди них общества. Такое явление наблюдалось и с другими союзами сельских обществ, как например, в Акуша-Дарго, Ахтыпара и т. д.

Временные или длительные союзы без настоящего единого политического руководства, без настоящего объединяющего политического центра не могли сделать Джаро-Белоканские союзы той политической силой, которая противостояла окружающим феодальным владениям Закавказья. Конечно же ни одно из пяти обществ, составлявших союз, не могло в отдельности ни противостоять им, ни защитить свою самостоятельность, сохранить свою независимость и подчинять себе другие территориально-политические структуры. Признавая последнее, И. П. Петрушевский писал: «В XVIII в. политическое влияние аварских вольных обществ, особенно Джара, сильно возросло во всем Закавказьи. По временам они признавали над собой власть то Персии, то Турции (смотря по тому, чье влияние одерживало верх в Закавказье), чаще всего они были вполне независимы. Не только в политических

комбинациях мелких ханств Азербайджана и Дагестана их поддержка нередко играла решающую роль, но и обе главные соперницы — Турция и Персия — стремились заручиться союзом с Джаром. Чаще джарцы поддерживали суннитскую Турцию. Их отряды хозяйничали порой и на очень отдаленных от Джара территориях. В 1710 г. они взяли Шемаху и разграбили Ширван. В 1714 г. кахетинский царь Имам-Кули-хан обязался платить Джару ежегодную дань в размере 100 туманов. В 1722 г. джаро-белоканские авары взяли приступом Тифлис, который должен был уплатить контрибуцию в 6000 туманов. В 1734 г. джарцы разбили соединенное персидско-кахетинское войско, посланное против них Надир-шахом. В 1741 г. Надир, тогда уже шах, должен был выделить для осады Джара крупные военные силы, с участием Грузии. Но решительного удара персы не смогли им нанести, и во второй половине XVIII в. Джар вместе с союзниками — другими вольными обществами — был одним из сильных политических образований Закавказья»¹.

Именно вместе с другими «вольными обществами», как пишет И. П. Петрушевский, самое крупное и богатое общество из них — Чарское (Джарское) стало мощнее. В силу этого и весь союз приобрел значимость и большой политический вес в Закавказье и среди других дагестанских союзов сельских общин.

Состав Джаро-Белоканского союза из приведенных выше материалов нам известен. Состоял он, как видно, из пяти обществ. В свою очередь, каждое из них состояло из сельских общин. Рассмотрим, в каком обществе сколько их было. К сожалению, у нас нет сведений по всему исследуемому периоду. Мы располагаем только сведениями М. А. Коцебу, относящимися к 20-м годам XIX в. Но исходя из состава Джаро-Белокана, можно с уверенностью сказать, что все пять сел — центры обществ, составивших союз, существовали все исследуемое время. Это Чары, Белоканы, Талы, Мухахи и Джинихи.

Чарское общество состояло из 23 сел. Но, если, как писал М. А. Коцебу, Чары, Закаталы и Гогамы составляли «одно селение», то в это общество входило 21 селение. Это, кроме указанного объединенного селения: Чобанколи, Кеймури, Алиабад, Патара Лонджи, Диди Лонджи, Загани, Карапалдури, Тосмало, Бабало, Корагани, Алмало, Лалало, Бояматлу, Киндергало, Падара, Мусули, Верхуяни, Курдемури, Энгияни, Гоглярно. Конечно, наиболее крупными были три селения, считавшиеся одним, в их составе находилось 1260 хозяйств. Вслед за ними шли Алиабад и Алмало,

¹ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 39.

² Там же. С. 39—40.

¹ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 37—38.

имевшие по 360 дворов, Лалало — 300 дворов, Мусули — 200 дворов и Верхуяни — 160 дворов. Остальные — это небольшие села, число дворов которых не превышало 60. Бояматлу имело всего 8 дворов¹. Все 20 сел имели 1861 двор, а всего в обществе вместе с дворами Чары, Закаталы и Гогамы было 3121 двор.

Общество Белоканское состояло из селений: Белоканы, Цаблованы и Цандрисхеви. Всего в этих трех селах было 800 дворов.

Общество Тальское составляли собственно Талы и Каргилу, считавшиеся одним селением, в котором, как и в Белоканском обществе, было 800 дворов. Сюда же входили еще 4 селения: Муганло (300 дворов), Палдаро (140 дворов), Кандахи (140 дворов) и Капанакчи (30 дворов), всего 610 дворов, а вместе с Талы и Каргилу 1410 дворов.

Мухахское общество возглавляло сел. Мухахи, содержащее 800 дворов. Сюда же входили селения Базар (30 дворов) и Чердахи (200 дворов). Всего в Мухахском обществе было 1030 дворов.

Во главе Джинихского общества стояло селение Джиних, имевшее 800 дворов. К нему относились и селения Лалапаша (30 дворов), Шудуллу (40 дворов) и Марсань (20 дворов). Всего в обществе было 890 дворов².

Т. Н. Яишников называет все эти селения лезгино-джарскими и пишет, что кроме них «находятся еще за хребтом гор по реке Самуре несколько хуторов, принадлежащих обществам». Среди них: Кючук—Усур, 150 дворов, принадлежали Тальскому обществу; Верхний Мухах, 50 дворов; селение Калал, 100 дворов, принадлежали Мухахскому обществу; Атал, 25 дворов; Джиних, 200 дворов; Корчь, 40 дворов; Мишлиш, 160 дворов, принадлежали Дженихскому обществу, но половина дворов принадлежала Джарам³.

По сведениям М. А. Коцебу, на территории, считавшейся Джаро-Белоканской, находились и такие селения, которые не принадлежали никакому обществу и не имели подвластных деревень. Это селения: Катехи — 300 дворов, Мацехи — 300 дворов, Караджалы — 50 дворов, Капидара — 30 дворов, Джинджибахи — 20 дворов, Алиасхари — 40 дворов, Сапинчо — 40 дворов, Мемрехи — 140 дворов и Кусур — 10 дворов, всего 930 дворов. Но каждое из перечисленных селений прибегало «под защиту к одному из близлежащих обществ». Так, к Чарскому обществу придержи-

вались селения: Катехи, Мацехи, Караджалы и Капидара; к Мухахскому: Джинджибахи, Алиасхари, Сапинчо и Мемрехи; к Тальскому: селение Кусур¹.

Общее количество дворов всех перечисленных селений достигло 8906. Если в среднем на один двор взять 4—5 человек, то население всего Джаро-Белоканского союза в начале XIX в. равнялось 35—40 тыс. человек. По данным М. А. Коцебу, в собственно перечисленных им селах, находился 8181 двор. Он писал: «Полагая на каждое семейство по три человека вооруженных, чего уже нельзя менее, все количество составит 24543»². И, кроме того, «живущие за хребтом чарцы во всякое время за умеренную плату могут иметь 6000 вооруженных. И поэтому довольно вероятно, что при всеобщем ополчении число вооруженных простираться может до 30000 человек, в числе коих до 5000 конницы»³.

Вряд ли все это верно. Какая должна быть численность населения, чтобы выставлять 30000 вооруженных. И вряд ли верно, что каждое хозяйство выставляло по три человека вооруженных. Это возможно было только теоретически, если предположить, что каждая семья имела, кроме главы семьи, еще несколько, по крайней мере, двух взрослых сыновей. Да и сам М. А. Коцебу понимал это и писал: «Собрать такое количество вооруженных и вместе действовать чарцы никогда не в состоянии. Главное скопище всегда бывает в Закаталах, где со всеми пришельцами вместе число вооруженных не может простираться далее 10000 человек»⁴.

Кажутся более правдоподобными цифры, которые дает французский консул в Тифлисе Гамба, указывавший, что собственно лезгинских домов в Джаро-Белоканском союзе было от 5500 до 6000, а население «их должно быть от двадцати семи тысяч пяти сот до двадцати восьми тысяч душ»⁵. Он также писал, что в случае нужды «собственно лезгины» могли выставить до 6 тыс. воинов, считая и подвластных им татар. Причем, они были хорошо вооружены и славилась отличной храбростью⁶. Значит, есть вероятность правдоподобия, что вместе с нанимаемыми за плату всего вооруженных Джаро-Белоканский союз мог выставить более 10000 человек. Но и это количество вооруженных джаро-белоканцев представляло внушительную силу, что и делало Джаро-Белоканский

¹ Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 256.

² Там же. С. 257.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Гамба Г. Еще отрывки из путешествия Г. Гамбы в Южную Россию // Северный архив. СПб., июнь 1827. № 11. С. 247.

⁶ Там же.

¹ Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 254.

² Там же. С. 254—255.

³ Яишников Т. Н. Указ. соч. // ИГЭД. С. 301.

союз влиятельной политической силой, вмешивающейся и влиявшей на политическую жизнь закавказских феодальных государств.

На фоне всего сказанного кажутся заниженными цифры о количестве населения Джаро-Белоканского союза, которые дает П. Зубов, писавший: «всех... жителей в области со включением Унсадальского и Анцослинского обществ считаются до 20000 душ»¹.

В изучаемый период все население Джаро-Белоканского союза было «магометанского исповедания». Но, если собственно «джарские лезгины» (дагестанцы) были коренными магометанами, то здесь проживали и те, «которые, — по словам М. А. Коцебу, — за 600 лет были христианами», известными под названием «ингило», «ингилойцы». Это, так сказать, новокрещенные — принявшее ислам местное население. «Коренные магометане» (дагестанцы) составляли 2/3 народонаселения Джаро-Белоканского союза, остальные были «говорящие татарским языком» ингилойцы. «Татарские» селения, это населенные пункты, которые были образованы позднее жителями, говорящими на «татарском языке». Их было 17 селений².

Джаро-Белоканский союз занимал весьма богатую в природно-климатическом отношении территорию. «Все пространство чарских владений, — писал М. А. Коцебу, — начиная от снежной черты хребта гор до реки Алазани, покрыто густым лесом отличного достоинства для строений и большею частью из фруктовых деревьев состоящим. Почти все деревья обвились виноградными лозами необыкновенной толщины»³.

Богатая и плодородная земля способствовала развитию здесь основных отраслей сельскохозяйственного производства. Как писал М. А. Коцебу, главные произведения жители Джаро-Белоканского союза получали «от хлебопашества, шелководства и скотоводства»⁴.

О богатстве земли и занятости населения основными отраслями хозяйства говорят следующие сведения: «Богатый двор имеет 30 скотин, 8 лошадей и 100 баранов. Средняго состояния имеет 15 скотин, 2 лошади и 300 баранов. Бедный имеет 3 скотины и 1 лошадь». Речь идет о зависимых ингилойских селениях, имевших 2791 двор. Все они в общей сложности имели 44656 голов крупного рогатого скота, 8373 лошади и 167000 баранов⁵. Интерес-

ны сведения о посевах зерновых указанных трех групп жителей зависимых селений. Богатый двор высевал ежегодно: 13 тагар пшеницы и получал 100 тагар, 4 тагара ячменя и получал 80 тагар; средний двор высевал 6 тагар пшеницы и получал 40 тагар, высевал 2 тагара ячменя и получал 40 тагар; бедный двор высевал 3 тагары пшеницы и получал 25 тагара, высевал 1 тагар ячменя и получал 20 тагар. Всего получали 153505 тагар пшеницы и 131177 тагар ячменя. Отличались и показатели количества сена, которое собирали указанные группы населения. Богатый двор скашивал в год 20 ароб сена (арба сена равнялась 3,5—8 пудов) и 30 ароб мякины (соломенная сечка); среднее хозяйство — 9 ароб сена и 9 ароб мякины; бедное хозяйство — 3 арбы сена и 3 арбы мякины¹. Кроме того, высевали они и сарачинское пшено. Богатый двор ежегодно высевал 2 тагары и получал 40 тагар при достаточном количестве воды, а бедный двор соответственно 1/2 и 10 тагар сарачинского пшена².

По шелководству мы имеем следующие сведения: богатый двор вырабатывал ежегодно 4 батмана (1 батман равен 6 фунтам) шелку; бедный — 1/2 батмана. Богатый имел 100 кур; бедный — от 5 до 20. Богатый двор выдавливал 4 сапальни вина, а бедный 1/2 сапальни³.

Все указанное говорит о том, что жители Джаро-Белоканского союза занимались полеводством, садоводством, шелководством, животноводством и от всех этих занятий получали большие доходы, что является еще одним свидетельством плодородности почвы и благоприятных природно-климатических условий территории Джаро-Белоканского союза. Об этом писал почти в одно время (1820—1824 г.) с М. А. Коцебу и французский посол в Тифлисе Гамба. Он отмечал: «Земля их весьма плодородна, она производит множество всякого рода плодов, которые они умеют хранить на зиму. У них есть много винограда, из коего вина они не делают, потому что это питье запрещенное, но зато делают они бузу (род вареного вина, напиток весьма крепкий).

Жито всякого рода, пшено и даже хлопчатая бумага, в некоторых частях земли Лезгинцев, родятся хорошо; но всего более они пекутся о тутовых деревьях и всего лучше за ними ходят. Шелковичные черви, не требуя столько труда, как выделывание хлебных растений и принося более выгоды, благоприятствуют их лености и обогащают их. Они большею частью продают шелк Армянам, которые за ним приезжают; что касается до хлеба и

¹ Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 217.

² Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 257—258.

³ Там же. С. 259.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Там же.

² Там же. С. 260.

³ Там же.

пшена, то они сеят их столько, сколько нужно для них самих. Однако ж они посылают небольшое количество жита в горы к Лерцам и другим Лезгинцам... Они отправляют много плодов, яблок, груш, каштанов, орехов и проч. в Тифлис и др. места Грузии»¹.

Как видим, сведения Гамбы и М. А. Коцебу идентичны, отмечают развитость и земледелия, и садоводства, и виноградарства, и шелководства, что говорит об их достоверности. Конечно, хозяйство жителей Джаро-Белоканского союза было более развито, чем хозяйство жителей соседних горных союзов сельских общин Дагестана.

Но зато особо не отличался от дагестанских союзов общин Джаро-Белоканский союз по административно-политическому устройству.

М. А. Коцебу характеризовал правление союза в целом как «аристократическое, или вельможно-народное»², а другие «представители великодержавной историографии» рассматривали Джаро-Белоканский союз как «федерацию демократических республик». Как было отмечено выше, с такой характеристикой не был согласен И. П. Петрушевский, писавший, что они не представляли «себе социально-политического строя Кавказа иначе, как по европейским трафаретам»³.

Структура управления Джаро-Белоканского союза напоминала структуру управления федерации или конфедерации дагестанских союзов сельских общин. Подобно им, каждое селение союза управлялось старшиной. «Каждая деревня избирает из самых почтенных людей, — писал Гамба, — одного или нескольких, смотря по числу жителей. Его имя Кемхки (Kemchki) и ему поручают все подробности управления и судопроизводства. Судьи сии избираются ежегодно в собрании, которое называется *джамаат* (djamate)»⁴. Но они могли оставаться на этой должности и на более длительный срок, если только они понравились народу «или своим поведением, или чаще происками». И в этом случае свою должность они могли передавать по наследству детям. «Богатство, многочисленное семейство, связи, — продолжает Гамба, — престарелые лета и особенно храбрость доставляют большое влияние в сих собраниях»⁵. По свидетельству М. А. Коцебу, в Чарах было пять фамилий, а именно: Чапар-али, Нахлари, Чимчинлари, Те-

белли и Кахау; в Белоканах — две фамилии: Аладжали и Анапеяне; в Талах — три фамилии: Аджингалар, Араплар и Кергани; в Мухахах — три фамилии: Тебелли, Чугурмуты и Шитилары; в Джиннихах — одна фамилия: Магмуд-Асан-ага, которые имели право передачи должности старшин по наследству¹.

Обязанности и повседневная работа старшин хорошо освещены у Гамбы, который писал: «Всякий день Кемхки и несколько стариков из самых почетных людей собираются у мечети, судят распри жителей, читают бумаги, полученные от Русских и проч. Определения их записываются писцом, которого называют *дирибия* (diribia) и который прилагает к оным свою печать. В небольших деревнях эту должность обыкновенно занимает *мулла*. Если представится дело важное, то его отлагают до пятницы и рассматривают в общем собрании всех жителей. Небольшие деревни часто передают распри свои на суждение *джамаатов* самых больших и богатых деревень и подвергаются их решению: эту честь пользуется особенно *Чори* (Tschory)»².

Как и в дагестанских союзах и их федерациях, в Джаро-Белоканском союзе, если рассмотрению подлежал вопрос, касающийся всех обществ, «то все Кемхки и все самые значительные люди» собирались на общесоюзный сход, который проходил в местности, которое называлось «*Ашкдом* (Aschkdom)» и находился между «Мушкаски и Чердахки (Mouchkachky)» и (Tscherdachky)». На этих всеобщих *всесоюзных* сходах рассматривались вопросы, «касающиеся войны, мира и финансов». Общесоюзные сходы иногда собирались и «для решения случающихся споров и ссор между деревнями»³.

Приведенное говорит не только о сходстве управления Джаро-Белоканского союза и других дагестанских союзов и их федераций, наличии такого же организованного управления, но и о существовании федерации союзов, что отрицал И. П. Петрушевский. Без такого союза не могло быть и общесоюзного схода, на котором решались вопросы, касающиеся всех обществ.

¹ Гамба. Указ. соч. С. 243—244.

² Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 258.

³ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 39.

⁴ Гамба. Указ. соч. С. 239.

⁵ Там же.

¹ Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 258.

² Гамба. Указ. соч. С. 239—240.

³ Там же. С. 240.

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный выше материал показывает, что Южный Дагестан — это один из трех регионов Дагестана, его третья составная часть. Южный Дагестан — это понятие или название не политическое и не этническое, а просто географическое название южной части территории Дагестана. Это одна из структурообразующих частей Дагестана, состоящая из различных территориально-политических единиц — феодальных владений и союзов сельских общин.

По своим природно-географическим показателям Южный Дагестан так же, как и Страна гор в целом, охватывал все естественно-географические зоны — равнину, горы и высокогорную часть, различающиеся друг от друга своим рельефом поверхности, почвами, климатическими условиями и возможностями ведения земледельческо-животноводческого и других отраслей хозяйства (садоводство, шелководство, мариноводство и т. д.). В связи с различными отраслями хозяйства находилась и развитость в регионе того или иного вида домашней промышленности и ремесленного производства. Природно-географические условия вместе с политической обстановкой, складывающейся в различные периоды истории, являлись определяющими факторами при заселении различных частей региона и расселении в нем различных этнических групп.

Южный Дагестан в границах современной территории Дагестана и его административно-территориального деления — это территория Дербентского, Магарамкентского, Табасаранского, Хивского, Сулейман-Стальского, Курахского, Ахтынского, Докузпаринского, Агульского и Рутульского районов. Это довольно большая территория, заселенная различными коренными и пришлыми в более позднее время народностями и этническими группами. Это прежде всего лезгины и другие народности лезгинской языковой группы (табасаранцы, агулы, рутульцы и цахуры), рас-

селившиеся по долинам рек, протекающих в Южном Дагестане (Самур, Гюльгеричай, Ахтычай, Рубас, Курахчай) и их притоков, а также у подошв и на склонах гор и горных хребтов, расположенных в этом регионе. Проживали в Южном Дагестане также азербайджанцы, армяне, евреи, персы и арабы.

В исследуемый (XVII—нач. XIX в.) период, в особенности в его начале, территория Южного Дагестана, следовательно, и Дагестана в целом, была шире, чем территория в границах современного Дагестана. Прежде всего отметим, что в составе Дербентского владения находились земли нынешнего Северного Азербайджана, известные под названиями Мушкур, Низабат, Шабран, Рустау и Бермяк. То же самое можно сказать о территории и селах современных Кусарского, Кубинского, Куткашенского и Кунахкентского районов Азербайджана, заселенных лезгинами. Лезгины — одна из крупных народностей Дагестана — были расселены как по левой стороне, так и по правой стороне реки Самур, и они не считали себя находящимися в разных государствах, как в нынешние времена. Это было разделение не политическое, а чисто географическое, которое впоследствии и стало основой их политического разделения, а следовательно, и отторжения из состава Южного Дагестана части территории, на которой издревле были расселены лезгины.

Интересно само понятие Дагестан в целом, которое встречается у ряда авторов и на политических картах, составленных в XVIII—XIX вв., под которым имеется в виду территория то до Ширвана, то до Баку и Апшерона, то в его составе перечисляется как составная часть Кубинская провинция, на территории которой ранее находилось Дербентско-Кубинское ханство, а до второй половины XVIII в. — Кубинское ханство. Значит, по мнению этих авторов и на отмеченных картах территория Южного Дагестана была шире и охватывала также указанные выше области. Надо полагать, что это не незнание действительной обстановки. Авторы этих утверждений, очевидно, руководствовались сведениями, которыми они располагали о действительной территории как Дагестана в целом, так и, в частности Южного Дагестана, как составной части первого.

Границами территории Южного Дагестана были внешние границы приграничных политических структур, входивших в него. Это практически внешние границы Дербентского ханства, Майсумства и Кадийства Табасаранских, Илисуевского (Цахурского) султанства, союзов сельских общин (магалов) Ахтыпара, Докузпара, Алтыпара, табасаранских, кюринских магалов, Агула и Рутула. Эти все структурные единицы и составляли в совокупности Южный Дагестан в границах современного Дагестана. Но как отме-

чалось выше, в прошлом под Дагестаном понималась более обширная территория, в том числе и территория Джаро-Белоканского союза, где, как указывают источники, проживали «лезгины», или «дагестанские лезгины», т. е. те же дагестанцы, которые жили в Дагестане и были известны под общим собирательным названием «лезгины», «лезгинцы» и т. д.

В Южном Дагестане находилось более 30 территориально-политических единиц. Это в основном территориально-этнические структуры, имевшие свои территории, границы, население, управление. Среди них 4 феодальных владения и более 25 союзов сельских общин. На территории Табасарана было 2 феодальных владения и 9 союзов сельских общин; лезгины имели более 10 союзов сельских общин, рутульцы и агулы — по 3 союза сельских общин, цахуры — Илсуйское султанство и Горный магал. Дербентское владение представляло из себя полиэтническую структуру, где проживало разноязычное население.

Особенностью исторической экономической географии Южного Дагестана, как Северного и Среднего Дагестана, являлось многоотраслевость хозяйства и специализация жителей различных естественно-географических зон на отдельных отраслях хозяйственной деятельности. Наиболее развиты были земледелие и вообще полеводство, а также садоводство и виноградарство в равнинной (низменной) и предгорной частях региона (Дербентское владение, многие табасаранские и кюринские общества). Для этих зон было характерно земледельческо-скотоводческое хозяйство, а для горной и высокогорной частей — скотоводческо-земледельческое хозяйство с превалированием в экономической жизни населения значения животноводства. Преобладающее место в ремесле занимала обработка шерсти. Население Южного Дагестана широко было втянуто во внутреннюю и внешнюю торговлю. Особое место в торговле занимал торгово-ремесленный центр не только Южного Дагестана, но и Восточного Кавказа — город Дербент, куда стекались торговцы со всех владений Дагестана, Закавказья и зарубежья — России, Китая, Индии, Ближнего и Среднего Востока. Необходимо отметить традиционность особых торгово-экономических контактов народов Южного Дагестана с народами Азербайджана.

Историческая политическая география Южного Дагестана характеризовалась активной политической жизнью его населения, втянутого во многие политические события, происходившие как на собственной их территории, так и вне ее. Начальный период изучаемого времени характеризовался активным вмешательством во внутреннюю жизнь населения Южного Дагестана иранских шахов (в особенности Аббаса I), стремившихся подчинить его

своей власти, укрепиться на его территории после разгрома в Дербенте турецкого гарнизона и установления здесь своей власти. В начале XVIII в. народы Южного Дагестана приняли самое активное участие в антииранском движении, приведшем к разграблению и разгрому Шемахи, что было использовано Петром I в качестве повода для Каспийского похода 1722 г. В 30—40-е годы XVIII в. народы Южного Дагестана вместе с другими горцами активно боролись с войсками персидского шаха Надира. Вторая половина XVIII в. примечательна тем, что Южный Дагестан был втянут в политику, проводимую правителем Дербентско-Кубинского ханства Фатали-ханом, распространявшим свою власть на ряд лезгинских магалов. Конец XVIII—нач. XIX в. характеризуется активной антироссийской политикой сына Фатали-хана Шихали-хана дербентского. В то же время это период активной политики России во всех районах Южного Дагестана, что в конечном итоге привело к присоединению региона к Российской империи.

С присоединением Южного Дагестана к России начинаются различные изменения как в политическом положении региона, так и в его административно-политическом устройстве, которые привели к изменениям территорий, границ, состава ряда политических структур.

Имеющийся в распоряжении исследователей фактический материал свидетельствует о неразрывной экономической, политической и культурной взаимосвязанности народов Южного Дагестана с народами остальной части Дагестана и его ближайшего соседа — Азербайджана в XVII—нач. XIX в. Наиболее ведущую роль в политических событиях региона играли правители феодальных владений региона, в частности Дербента и Дербентского ханства, которые оказывали существенное влияние на политический настрой правителей других феодальных владений региона. Аналогичную роль среди союзов сельских общин играл Ахтыпаринский союз, особенно авторитетный среди обществ Самурской долины.

В целом поднятые в данной книге вопросы не потеряли своей актуальности и по сегодняшний день. Многие из них находят отзвуки и в нынешней сложной политической ситуации на Кавказе, где межнациональные конфликты и претензии стали реальностью. Если наша книга сыграет хотя бы малую роль в мирном их урегулировании, будем считать свою цель достигнутой.

instituteofhistory.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ИСТОЧНИКИ

А. ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ АРХИВОВ

РГВИА

- Ф. ВУА. Д. 2799, 2800(1), 2801, 2802, 6164. Ч. 64 (1—2), Ч. 93, Ч. 96(1) 6265, 18474. Ч. 1—4.
Ф. 400. Главный штаб. 1868—1918 гг. Д. 1, 326.
Ф. 414. Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о Российской империи. Д. 300.
Ф. 416. Генеральные карты России (печатный каталог и картотека). Оп. 4. Д. 16.
Ф. 482. Кавказские войны. Д. 36, 64, 101, 106, 107, 119, 127, 128, 192.

РГИА СПб

- Ф. 1268. Кавказский комитет. 1833—1882 гг. Оп. 1. Д. 424, 782; Оп. 5. Д. 372.

ЦГИА РФ

- Ф. 2. Канцелярия Главнокомандующего Закавказским краем. 1801—1848 гг. Оп. 1. Д. 471.
Ф. 8. Департамент общих дел Главного управления наместника Кавказа. 1825—1867 гг. Д. 237.
Ф. 12. Канцелярия Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.
Ф. 13. Канцелярия наместника на Кавказе. Д. 229, 231.
Ф. 16. Канцелярия Тифлисского военного губернатора управляющего гражданской частью. 1802—1849 гг. Оп. 1. Д. 614.
Ф. 231. Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края по военно-народному управлению. 1883—1917 гг. Д. 260.
Ф. 263. Горная экспедиция Грузинского верховного правительства. 1801—1831 гг. Оп. 2. Д. 4.
Ф. 416. Кавказская археографическая комиссия. 1864—1917 гг. Оп. 1. Д. 471; Оп. 3. Д. 1224.

ЦГА РД

- Ф. 2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области. гор. Темир-Хан-Шура. 1883—1917 гг. Оп. 1. Ед. хр. 14; Оп. 2. Д. 140-в, 142; Оп. 3.

Д. 140-в, 140-к, 142, 142-в, 142-з, 143-а, 143-в, 143-д; Оп. 5. Д. 12, 28; Оп. 12. Д. 43.

- Ф. 15. Дербентское городское полицейское управление Дагестанской области.
Ф. 18. Дербентский комендант. 1812—1849 гг. Оп. 1. Д. 133.
Ф. 20. Дербентский карантинно-таможенный пост Дагестанской области.
Ф. 21. Дагестанский областной статистический комитет, гор. Темир-Хан-Шура. 1864—1918 гг. Оп. 5. Д. 87.
Ф. 80. Податной инспектор Даргино-Табасаранского участка Даг-й области, гор. Дербент. 1844—1917 гг. Оп. 3. Ед. хр. 6.
Ф. 90. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1877—1898 гг. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д.
Ф. 126. Канцелярия начальника Дагестанской области.
Ф. 150. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Южного Дагестана, гор. Дербент Даг-й области. 1869—1882 гг. Оп. 1. Д. 1, 3, 4-в, 5, 6, 6-в; Ч. 2, 7, 7-а, 8, 9, 16-а, 19;
Ф. 379. Кизлярского коменданта и уездного окружного начальника.

Б. МАТЕРИАЛЫ РУКОПИСНОГО ФОНДА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Бутаев Д. Б. Дагестанские народности, их языки, занятия, численность и местонахождение. Ф. 3. Оп. 3. Д. 8.

Бутаев Д. Б. «Лезгин», «Уздень». Ф. 5. Оп. 1. Д. 74.

Гасанов А. Древняя и новая история Дагестана. Ф. 3. Оп. 3. Д. 18.

Гасанов М. Р. История аулов Табасарана. Ф. 3. Оп. 1. Д. 138.

Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие аулов кадийства Табасаранского. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188.

Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие юго-западного Табасарана (Дирический союз сельских обществ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 169.

Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие Табасарана (аулы майсумства Табасаранского). Ф. 3. Оп. 1. Д. 202.

Клапрот Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций, находящихся между Россией и Персией. Париж: Лейпциг, 1827. Оп. 1. Д. 76. (пер. с фр. З. Кидаловой).

Малачиханов Б. К истории Дагестана Д. 1167.

Материалы по истории Дагестана. XVII—XIX вв. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.

Материалы по истории Дагестана XIX века. Ф. 6. Оп. 1. Д. 51.

Микрофильмы архивных документов, извлеченных В. Г. Гаджиевым из АВПр Министерства иностранных дел СССР. Ф. Сношения России с Персией. 1796 г. Ф. 6. Оп. 1. Д. 59.

Полевой материал 1971 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 511.

Полевой материал, собранный Ш. М. Ахмедовым в 1968 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.

Панек Л. В. Ахты, как экономический, политический и культурный центр лезгин Самурской долины. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2.

Челеби Э. Книга путешествия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.

Юшков С. В. Рукопись по истории Дагестана. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42.

В. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Адаты Южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис: Изд. Кавк. горск. упр., 1873. Вып. 7. С. 1—128.

Ахты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис: Тип. глав. упр. намест. Кавказа, 1866—1904. Т. 1—12.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, 1578—1613 гг. М.: Университет-я тип., 1889 г. Т. 1.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: Тип. императорской АН, 1869. Ч. 1—3.

Всеподданнейший рапорт ген. Ермолову от 7 июля 1820 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Высочайшее повеление ген. Ермолову от 22 июля 1820 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Выписка из указов Т. С. кн. Голикова и др. ген. Левашову от 11 февраля 1734 // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. II.

Генеология Елисейских султанов // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III.

Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М. 1958. С. 60—124.

Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII—XVIII вв. / Сост., введ., вступ. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья / Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис: Тип. И. Мартиросянца, 1890.

Докладная записка Елисейского султана кап. Даниель-бека барону Розену от 9 марта 1832 года // АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII.

Документы о ханстве Кюринском // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V.

Из истории права народов Дагестана: Матер. и докум. / Сост. А. С. Омаров. Махачкала; Тип. Даг. ФАН СССР, 1968.

История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.: Арх. мат. / Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры 1958.

Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. IV.

Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала: Даггосиздат, 1940. Т. III. Ч. 1. 1801—1839.

Описание Кюринской провинции от 1812 г. // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V.

Отношение барона Розена к гр. Чернышову от 6 августа 1832 года // АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII.

Отношение ген. Ермолова к ген. Нессельроде от 29 мая 1821 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 28 июня 1821 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Отношение гр. Гудовича к барону Будбергу 21 декабря 1806 г. // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III.

Отношение гр. Гудовича к барону Будбергу от 27 янв. 1807 г. // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III.

Отношение маркиза Пауллуччи к воен. министру от 4 янв. 1812 г. // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V.

Отношение Тормасова к Голикову 21-го февр. 1810 г. // АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV.

Отрывок из географического описания Дербента ботаника Ландеса // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. I.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архив. матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.

Письмо ген.-м. Гулякова кн. Цицианову 5 апр. 1803 г. // Тифлис, 1868. Т. II. Ч. I.

Письмо Джафар-Кули-аги к маркизу Пауллуччи // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V.

Письмо ген. Ртищева к Джарскому обществу от 26-го сент. 1813 года. // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V.

Письмо Джарских обществ к ген.-л. Кноррингу // АКАК. Тифлис, 1866. Т. I.

Письмо кн. Цицианова к Мамед-Хасан-хану от 21 марта 1803 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. I.

Письмо К. С. Мазаровича к ген.-л. Вельяминову от 14 мая 1821 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Письмо К. С. Мазаровича к ген.-л. Вельяминову от 12 сент. 1821 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Предписание ген.-л. Вельяминова ген.-м. барону Вреде от 18 августа 1822 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Предписание ген. Ермолова ген.-м. барону Вреде от 19 января 1823 года. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Предписание ген. Ермолова ген.-м. Пестелю от 24 июля 1818 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Предписание ген. Ермолова ген.-м. фон-Краббе от 23 сентября 1823 г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Предписание ген.-м. [Пестеля] барону Вреде от 17 марта 1819 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Предписание ген.-м. [Пестеля] барону Вреде от 14 марта 1819 года // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Предписание кн. Цицианова ген.-м. Гулякову от 6 апр. 1803 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. I.

Предписание кн. Цицианова ген.-м. Гулякову от 14 апр. 1804 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. I.

Предписание кн. Цицианова ген.-м. Орбелиани от 14 апр. 1805 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. 1.

Рапорт ген.-м. Мадатова ген.-л. Вельяминову от 15 августа 1819 г. // АКАК. Тифлис, 1835. Т. VI. Ч. II.

Рапорт ген.-м. Несветаева гр. Гудовичу от 11 августа 1806 г. // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III.

Рапорт ген.-м. Пестеля ген. Ермолову от 11 июля 1818 г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Рапорт ген.-м. Пестеля ген. Ермолову от 14 июня 1818 г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Рапорт кн. Цицианова царю от 17 апр. 1803 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. I.

Рапорт ген.-м. Хатунцова ген. Ртищеву от 25 июля 1815 г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. V.

Русско-дагестанские отношения в XVIII—начале XIX в.: Сб. док. / Сост. В. Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н. А. Магомедов, Ф. З. Феодаева, Р. С. Шихсаидова. М.: Наука, 1988.

Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв.: Док. и матер. / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в.: Архив. матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Глав. ред. вост. лит.-ры. 1969.

Фирман турецкого султана на имя Али-Султана Захурского от 1667 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. II.

Фирман Шах Аббаса Захурскому Али-Султану от 1616 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. II.

Фирман Шаха Сефи Магомед-Хан-беку Цахурскому от 1652 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. II.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском, турецком языках / Изд. текстов, пер., коммент., статья и прилож. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1966. Ч. 1. Надписи X—XVII вв.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках / Изд. текстов, пер., коммент., статья и прилож. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1968. Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках / Изд. текстов, пер., коммент., статья и прилож. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1980. Ч. 3. Надписи X—XX вв. Новые находки.

II. ЛИТЕРАТУРА

А. КНИГИ

Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX—начало XX в. М.: Наука, 1978.

Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—начале

XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988.

Агулы. Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1975.

Айтберов Т. М. Закавказские аварцы (VIII—начало XVIII вв.). Махачкала, 2000. Ч. 1.

Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999. 338 с.

Алимова Б. М. Табасаранцы. XIX — нач. XX вв.; Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994. Махачкала, 1929.

Алкадарский А. География ДАССР. Махачкала, 1929.

Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982.

Бакиханов А.-К. А. Гюлистан — Ирам. Баку, 1929; Баку: Элм, 1991. Белл Д. Беллевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испанию, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т. 3.

Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань: Университетская тип. 1850. Ч. 1—3.

Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. I—II.

Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис: Изд. центр. книж. торговли, 1901.

Вейденбаум Е. Г. Путеводитель по Кавказу. Тифлис: Тип. канц. Главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1888.

Викторов А. В., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулч Н. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР: Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958.

Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала: Газетно-журн. тип. Мининформпечати РД, 1996.

Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

Гаджиев В. Г., Шигабудинова М. Ш. История Дагестана. Махачкала, 1997.

Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 1906.

Гасанов М. Р. Загадки этнонимов Дагестана. Махачкала: Тип. «Промстройинвест», 1997.

Гасанов М. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XVIII века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994.

Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XIII — нач. XIX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978.

Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994.

Генко А. Цахурский (цахский) алфавит. Баку, 1934.

Географический атлас Дагестанской АССР. Махачкала: Дагучпедгиз, 1964.

Гиммельрейх В. А. География Дагестанской АССР. Учебное пособие для VIII классов. Махачкала, 1963.

Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб.: Изданием импер-й АН, 1785. Ч. III

Гольденберг Л. А. К вопросу о картографическом источниковедении // Историческая география России XII—XX вв. М.: Наука, 1875.

Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.: Тип. импер. АН, 1809.

Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тертеров А. А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959.

Гюль К. К., Кисин И. М., Тертеров А. А. Природа Дагестана, Очерки. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959.

Гюль К. К. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1957.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв./ Сост., введ., вступ. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992.

Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М.: Университетская тип., 1846.

Даниялов Г. Д. История Дагестана. Махачкала, 1998.

Дирр А. Цахурский язык, Тифлис, 1913.

Добрынин Б. Ф. География Дагестанской ССР. Буйнакс: Даггосиздат, 1926.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Т. I. Кн. I.

Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края, с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. СПб.: Тип. Штаба корпуса внутренней стражи, 1835.

Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980.

Закария ал-Казвини. Космография. Ч. II.

Зевакин Г. Азербайджан в начале XVIII века. Баку, 1929.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб.: Тип. К. Винтера, 1835. Ч. 3.

Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М.: Наука, 1978.

Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. М.: Наука, 1990.

Историческая география Азербайджана / Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З. М. Бунятов. Баку: Элм, 1978.

Историческая география России XII—XX вв. М.: Наука, 1975.

История Азербайджана / Под ред. акад. АН Азерб. ССР. И. А. Гусейнова, А. С. Сумбатзаде и др. Баку: Изд. АН Азерб. ССР, 1958. Т. I.

История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I.

История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т. 2.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.) М.: Наука, 1988.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.

Ихиллов М. М. Народности лезгинской группы: этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала: Тип. Даг. Фан СССР, 1967.

Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

Каспарин А. А. Покоренный Кавказ. СПб.: Родина, 1904.

Кауфман А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М.: Типолит. т-ва Н. Н. Кушнеров и К^о, 1907.

Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М.: Всесоюз. коопер. изд-во, 1959.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова и К^о, 1890. Т. 1—2.

Ковалевский П. И. Кавказ до присоединения Грузии. СПб., 1915.

Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В. М. Сорокина, 1902. Вып. 1.

Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В. М. Сорокина, 1895.

Котов Ф. Хождения купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М.: Изд. АН СССР, 1963.

Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978.

Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. сбор. соч. Т. 3. С. 1—609.

Магомедов М. Г. История Дагестана. Махачкала, 1997.

Магомедов Н. А. Дербент и Дербентское владение в XVIII—первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала. 1998.

Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1971. Вып. 1; Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. Вып. 2.

Магомедов Р. М. История Дагестана о древнейших времен до начала XIX века. Махачкала: Дагучпедгиз, 1961.

Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1957.

Магомедов Р. М. По аулам Дагестана: выписки из полевых дневников. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. Вып. 1.

Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. Вып. II.

Магомедов Р. М., Магомедов А. Р. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994.

Мурзаев Э. М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995.

Мусаев Г. М. Рутулы (XIX — начало XX вв.): Историко-этнографическое исследование. Махачкала: АОЗТ «Юпитер», 1997.

Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, 1980.

Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди. Второе совершенно вновь обработанное и дополненное издание. Тула: Тип. и литогр. Е. И. Дружина, 1895.

Надеждин П. П. Опыт географии Кавказского края. Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1891.

Народы Дагестана. М.: Изд. АН СССР, 1955.

Народы Кавказа. М.: Изд. АН СССР, 1960.

Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен.-учеб. завед., 1848.

Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб.: Тип. воен.-учеб. завед., 1847.

Новичев А. Д. История Турции. Эпоха феодализма. Л.: Изд. ЛГУ, 1963. Т. I.

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В. С. Легкобытова. СПб.: Тип. внеш. торговли, 1836. Ч. I, IV.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А. С. Суворова, 1906.

Османов М.-З. О. Формы традиционного скотоводства Дагестана в XIX — начале XX в. М.: Наука, глав. ред. вост. лит.-ры, 1990.

Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996.

Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996.

Петрушевский И. П. Джаро-Белокапские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступит. статья, коммент. и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1993.

Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л.: Изд. ЛГУ, 1949.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб.: Из книж. склада В. А. Березовского, 1887. Вып. 1. Т. I; Т. 2. Вып. 1, 2, 4.

Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1964.

Рахмани А. А. «Тарихи алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960.

Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, Лен. отдел., 1984.

Сказкин Е. В. Литература о Дагестане на западно-европейских языках. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1964.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб. 1901. Кн. IV. Т. XVI—XX.

Стрейс Я. Три путешествия. М.: Соцэкгиз, 1935.

Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование агульского языка. Махачкала, 1993.

Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск. 1994.

Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1973.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. VI. Кюринский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1896.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.

Челеби Э. Книга путешествия. Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века. Земли Северного Кавказа. Поволжья и Подолия / Пер. и коммент. М.: Наука, 1979. Вып. 2. М.: 1983 г., Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана.

Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1954.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд. АН СССР, 1961.

Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. / Под. ред. А. А. Зимина. М.: Соцэкгиз, 1962.

Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1935.

Шиллинг Е. М. Агулы // Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996.

Шихсанов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторические источники. М.: Наука, 1984.

Эльдаров М. М. География Дагестанской АССР. Махачкала: Дагучпедгиз, 1980.

Б. СТАТЬИ

Агларов М. А. Территория сельских обществ и их союзов Горного Дагестана в XV—XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—изч. XIX в. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1980.

Айтберов Т. М. Об общественном строе рутульцев (конец XVI — начало XVII вв.) // СЭ. 1981. № 6. С. 112—118.

Анреп И. Р. Сведения о населении Джаро-Белоканской области и обществ Анцухского и Капучинского. 1839/41 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры. 1958.

Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД.

Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857.

Берже А. Прикаспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856.

Брюханов П. А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сб. трудов Пятигорского госпединститута. Ставрополь: Крайнигиздат, 1947. Вып. 1.

Бутин Н. А. Проблема «Природа и культура» в этнографической науке // Роль географического фактора в истории докапиталистического общества. Л.: Наука, Лен-е отдел-е., 1984.

Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербеевском владениях. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Венедиктов М. Взгляд на Кавказских горцев // Сын отечества. СПб., 1885 г. Ч. 188.

Гамба Г. Орывки из путешествия Г. Гамбы в Южную Россию и особенно в области, лежащие по ту сторону Кавказа // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 27. № 11.

Ган К. Ф. Опыт объяснений Кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.

Гене Ф. И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Голотвин Е. Г., Мататов М. Е. Таты // Вопросы истории. М., 1986. № 11.

Гумилев Л. Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // НАА. М., 1970. № 1.

Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Дирр А. М. Современные названия Кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.

Дренякин И. Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

З. Л. Поездка Г. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. Отд. IV. С. 30—51.

Иванов И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал, 1940. № 2.

Исламмагомедов А. И. Поселения и жилища цахуров в XIX—XX вв. // ДЭС. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1974.

Казикумухские и кюринские ханы. // ССКГ. Тифлис, 1868 г. Вып. 2.

Калоев Б. А. Агулы (Историко-этнографический очерк) // КЭС. М., 1962. Вып. 3.

Калоев Б. А. Агулы // Народы Дагестана. М.: Изд. АН СССР, 1955.

Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Козлова А. Н. «Наме-йи Алмара-йи Надири» Мухамеда Казвини о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1986.

Козлова А. Н. Страницы освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1976. Вып. XVIII.

Козлова А. Н. Указ (фирман) шаха Аббаса I на имя Амир-Хамза-хана уцмий Кайтага от 1607 года // Источниковедение средневекового Дагестана: Сб. статей / Сост. Г. М.-Р. Оразаев. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1986.

Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8.

Комаров А. В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1869. Т. I.

Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Краббе К. К. Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. До 1835 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Кремский А. А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Лавров Л. И. Рутулы в прошлом и настоящем // КЭС. М.: Л. 1962. Вып. III.

Лавров Л. И. Рутульцы // Народы Дагестана: Сб. статей. М.: Изд. АН СССР, 1955.

Ленин В. И. Государство и революция // Поли. собр. соч. Т. 33. С. 1—120.

Ленин В. И. О государстве: Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Пол. собр. соч. Т. 39. С. 64—84.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Поли. собр. соч. Т. I. С. 67—122.

Лерх Я. Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию, с 1745 до 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. СПб., месяц август 1791. Ч. LXII.

Линевич И. Бывшее Елисейское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7.

- Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан 1718 г. // ИГЭД М.: Изд. вост. литер., 1958 г.
- Мазанасев Ш. Агулы // Политический собеседник. 1990. № 6. С. 15—20.
- Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1965. Т. 14.
- Маретина С. А. Роль географического фактора в общественном развитии горных народов Индии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, Лен-е отд-е, 1984 г.
- Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400—411.
- Маркс К. Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 250—251.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
- Мататов М. Е. Татская народность: история и проблемы // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2.
- Мусаев Г. Из прошлого рутулов // ВИЭД. Махачкала, 1976. Вып. VII.
- Мусаев Г. М. К вопросу о дореволюционном жилище рутульцев XIX—нач. XX в. // ВИЭД: Сб. науч. сообщ. ДГУ. Махачкала, 1974. Вып. V.
- Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русской литературы // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22.
- Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х или начало 30-х годов // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.
- Никольская З. А. Цахуры // Народы Дагестана. М.: Изд. АН СССР. 1955.
- Новосельцев А. П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI—XVII вв. // Вопросы истории. М., 1972. № 5.
- Османов М.-З. О. Формы скотоводства даргинцев в XIX—XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хоз-во, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1977.
- Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне Российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934.
- Петухов П. Очерк К.-Табасаранского округа (В Южном Дагестане) // Кавказ, 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17.
- Рассудова Р. Я. Естественные условия и система хозяйственно-социальных отношений в позднефеодальный период народов Средней Азии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, Лен-е отд-е, 1984.
- Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.
- Серебров А. Г. Историко-этнографические описания Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.

- Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.
- Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796. // ИГЭД. М., 1958.
- Сулейманов Н. Д. Агулы // Советский Дагестан. Махачкала, 1974.
- Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД.
- Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. 251 с.
- Умаханов М.-С. К. О классовой борьбе в феодальном Дагестане в XVII в. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1975. Вып. 3.
- Фон-Плотто А. И. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4.
- Ханыков Н. Археологические известия // Кавказ, 1850. № 52—53.
- Ханыков Н. Очерки ученой деятельности за Кавказом // Кавказ, 1851, № 25.
- Шиллинг Е. Цахуры // Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996.
- Шихсанов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1961. Т. IX.
- Шпитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.
- Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 327—345.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23—178.
- Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 495—546.
- Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Уч. зап. Свердловского госпединститута (Исторический). Свердловск, 1938. Вып. 1.
- Яишников Т. Н. Описание владения Илсуйского султана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.

Г. ДИССЕРТАЦИИ

- Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — первой половине XIX вв. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1990.
- Асламов Д. А. Социально-экономическое и политическое развитие Кюринского ханства в XIX веке: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.
- Брюханов П. А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период завоевания России и походы А. П. Ермолова в горы: Дисс... канд. ист. наук. М., 1941.

instituteofhistory.ru

Джалилова Х. М. Рутулы: социально-экономическое и политическое развитие в XVII — первой половине XIX века: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Закарняев З. Ш. Социально-политическое развитие союзов сельских общин Самурской долины в XV—XVIII вв.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Ибрагимов И. Г. Агулы в XVIII — первой половине XIX в. (проблемы социально-экономического развития и политического устройства): Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

Пашаев К. И. Историческая география Южного Дагестана (XV—XVII вв.): Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Рагимова Б. Р. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII — нач. XIX в.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1987.

Сайдова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс... канд. ист. наук. М., 1947.

Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения народов Дагестана в XVII — начале XIX в. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов): Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1994.

Д. АВТОРЕФЕРАТЫ

Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XV—нач. XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 1986.

Гамрекели В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972.

Иноземцева Е. И. Русско-дагестанские торгово-экономические взаимоотношения в XVIII в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1996.

Карнов Ю. Ю. «Вольные» общества Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX веков: К вопросу о роли патриархально-родовых и общинных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1984.

Киласов Р. К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII — первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможни): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1971.

Магомедов Н. А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (Ремесло. Торговля. Налогово-финансовая система): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР** — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел.
АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.
ВИД — Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала.
ВИЭД — Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.
ВУА — Военно-учебный архив.
Г. — Город.
Д. — Дело.
ДГСВК — Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20—50 гг. XIX в. Махачкала.
ДЭС — Дагестанский этнографический сборник. Махачкала.
ЗКОРГО — Записки кавказского отдела русского географического общества. Тифлис.
ИГЭД — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М.
ИИАЭ ДНЦ РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.
ИКОРГО — Известия кавказского отдела русского географического общества. Тифлис.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра Российской академии наук.
ИНСК — История народов Северного Кавказа... М.
КК — Кавказский календарь. Тифлис.
Кр. — крепость.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. М.
КЭС — Кавказский этнографический сборник. Тбилиси.
Л. — Ленинград.
Л. — Лист.
МИД — Министерство иностранных дел.
МИДЧ — Материалы по истории Дагестана и Чечни... Махачкала.
М. — Москва.
Оп. — Опись.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА СПб — Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Р. — Река.

РФ — Рукописный фонд.

С. — Село.

С. — Страница.

СА — Советская археология. М.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

СПб. — Санкт-Петербург.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

СССК — Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис.

СЭ — Советская этнография. М.

УЗ (Уч. зап.) — Ученые записки.

Ф. — Фонд.

ФОД — Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. М.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА РГ — Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аббас I — 80, 81, 82, 98, 107, 110, 115, 149, 156, 157, 158, 169, 171, 246, 258
Аббас II — 115, 116, 158, 169, 171
Абдулгафар — 238
Абдулла-бек — 163, 164
Абдуллаев И. Х. — 54
Абдурагимов Г. А. — 192
Абдур-Раззак-бек — 164
Абу-Бекр-мирза — 79
Абумуслим (Абумуселим) — 222
Агаев А. Г. — 53
Ага-Магомед хан (Ага-Мухамед-хан) — 91, 125
Агаширинова С. С. — 9, 44, 70, 72, 77, 193, 201, 203
Агларов М. А. — 10
Аджингалар — 255
Ади-Куркулу-бек — 168, 169, 170, 177
Адиль-Гирей — 85
Айтберов Т. М. — 198
Ак-Масум-хан — 151, 157
Аладжали — 255
Александр (груз. царевич) — 181
Александр I — 108, 163, 182, 184
Алексей (рус. царь) — 149
Алибек цахурский — 80, 168, 170, 171, 176
Алиев Ф. М. — 121
Али-Кули — 91
Алимова Б. М. — 10
Али-Султан (уцмий) — 116
Али-Султан цахурский — 170, 171, 172, 182
Али-Султан-Ушаги — 173
Алиханов-Аварский А. — 53

Алкадари Г.-Э. — 6, 39, 40, 48, 80, 88, 91, 224, 242
 Алкадарский А. — 6
 Аллага — 170
 Амир-Гамза — 90, 111, 116, 161, 224, 225
 Амир-хан-султан — 115
 Андуник — 148
 Анапеяне — 255
 Ануширван — 134
 Араплар — 255
 Асланов Д. А. — 194
 Аслан-бек (Аслан-хан) — 147, 164, 185, 187, 188, 189, 190, 227, 229
 Ахвердов А. И. — 4, 13, 38, 63, 103, 216, 225
 Ахмедов Ш. М. — 9, 70, 81, 238
 Ахмед-хан (уцмий) — 83, 116, 123
 Ахмед-Султан элисуиский — 184
 Ахмед-хан цахурский (елисуиский) — 170, 171, 177, 183, 184

Б

Бакиханов А.-К. — 6, 39, 40, 43, 46, 79, 80, 149, 157, 170, 224
 Бакрадзе — 247
 Баладзори — 53
 Бартоломей — 41
 Бархудар-султан — 97
 Белл Дж. — 4, 15, 65
 Беневени Ф. — 96
 Березин И. Н. — 5, 39
 Берже А. — 5
 Бларамберг И. Ф. — 14, 39, 41, 66, 104, 140, 147, 149, 228
 Боденштедт Ф. — 43
 Брейн К. — 4, 15, 36
 Броневский С. М. — 5, 16, 38, 104, 109, 122, 123, 142, 146
 Бругельман — 4
 Брюханов П. А. — 7
 Будай (шамхал) — 116, 149
 Будберг — 184
 Булатова А. Г. — 9, 70
 Булгаков — 125, 144
 Булач-нуцал — 148
 Бунятов З. М. — 113
 Бутаев Д. Б. — 53
 Бутков П. Г. — 4, 13, 38, 46, 63, 85, 88, 101, 102, 108, 122, 124, 125, 126, 128, 129, 143, 146, 153, 162, 213

Бушуев С. К. — 13
 Бюрган-мирза — 79

В

Вахаишвили Элисенский — 168
 Вахушти — 165, 179
 Вейденбаум Е. — 6, 209, 222
 Вельяминов — 164
 Викторов А. Ф. — 8
 Волынский А. П. — 4, 76
 Воронцов — 163
 Вреде — 188

Г

Гаджиев В. Г. — 8, 9, 11, 15, 46, 148, 154, 170, 193, 210, 211, 213, 232
 Гаджиев М. Г. — 11
 Гамба Г. — 251, 253, 254, 255
 Гамзат-бек — 176, 177
 Ган К. Ф. — 6
 Гарун-бек — 189
 Гасан-Али-хан — 83, 170
 Гасанов М. Р. — 9, 10, 11, 46, 48, 56, 57, 58, 70, 71, 73, 74, 78, 88, 89, 132, 133, 134, 142, 147, 148, 149, 151, 165, 193, 229—232
 Гасан-хан — 120
 Гезер-Гасан — 80
 Гене Ф. И. — 14, 67, 201, 215
 Гербер И.-Г. — 4, 5, 10, 13, 16, 36, 37, 38, 47, 48, 49, 50, 65, 68, 69, 77, 83, 84, 85, 86, 99, 100, 107, 121, 135, 136, 139, 145, 151, 196—200, 204, 208, 210, 211, 213, 215, 216, 219, 222, 223, 228, 232
 Гиммельрейх В. А. — 8
 Гирей (шамхал) — 116
 Гмелин С. Г. — 4, 15, 46, 75, 127, 161, 201, 224
 Голотвин Е. Г. — 10
 Гольденберг Л. А. — 19
 Грюмберг Г. Е. — 11
 Гурьев — 226
 Гудович — 125, 183, 184
 Гуляков — 143, 181, 182
 Гумилев Л. Н. — 21

Гусейн-Али-хан — 83, 223
Гусейн (Гусейн-хан, Гуссейн-хан) — 82, 116, 123, 160, 172, 222
Гюль К. К. — 7
Гюльденштедт И. А. — 4, 5, 15, 16, 37, 38, 224

Д

Давудов О. М. — 11
Даниель-бек (Даниел-Султан) — 169, 170, 177
Даниялов Г. Д. — 11
Дауд (Дауд-бек, Хаджи-Дауд, Дауд-Хаджи мюшкурский) — 83, 84, 85, 159, 222
де Медем — 90, 142, 161, 162, 224
Десмон А. Ф. — 14, 200, 203
Десятчиков Ю. М. — 56
Джалилова Х. М. — 194
Джафар-паша — 79
Дирр А. М. — 6, 52, 53, 55, 62
Добрынин Б. Ф. — 6
Дренякин И. Т. — 4, 63, 213
Дубровин Н. Ф. — 5

Е

Евецкий О. — 5, 69
Евреинов — 84
Екатерина II — 161
Ермолов А. П. — 188

Ж

Жуков Е. М. — 17

З

Закарияев З. Ш. — 12, 194
Зубов В. — 5, 37, 100, 124, 125, 195, 225
Зубов П. — 200, 211, 214, 215, 218, 243, 252
Зульфугар-хан — 80, 157, 158

И

Ибрагим Карчагский — 147
Ибрагимов Г. Х. — 9, 11, 12, 59, 60
Ибрагимов И. Г. — 193
Ибрахим (ширван-шах) — 24
Иваненко — 247
Иванов А. — 7
Имам-Кули-бек — 120
Имам-Кули-хан — 249
Имран-Ага — 177
Ираклий-хан — 180
Иса-бек — 185
Исламмагомедов А. И. — 9, 60, 70
Ихиллов М. М. — 9, 44, 70, 73, 193, 238

К

Кадит Зихраров сын — 151
Кадыр-Рустам-бек — 159
Казаналп — 116
Казвини М. — 82, 88
Казембек А. — 57, 149
Казиллов Г. Н. — 71
Калоев Б. А. — 8, 61, 62, 193
Карахан-кизы-ханум
Кара-Юсуф — 40
Каспаров А. А. — 124
Кауфман — 17
Кахау — 255
Кергани — 255
Кисин И. М. — 8
Клапрот — 49
Кнорринг — 180
Ковалевский М. К. — 14, 39, 41, 66, 104, 140, 147, 149, 228
Ковалевский П. И. — 16, 41
Козубский Е. И. — 6, 47, 213, 229, 230, 231, 237
Колоколов П. Ф. — 14, 66, 68, 69, 75, 78, 138—142, 147, 149, 154, 229, 231, 232, 233
Комаров А. В. — 5, 51, 60, 212, 213, 222, 229, 230, 231, 237
Константинов В. — 76, 204
Косвен М. О. — 13
Котов Ф. — 4, 15, 65, 98

Коцебу М. А. — 13, 14, 244, 245, 247, 249—254
Краббе К. К. — 14, 197, 200, 206
Кремский А. А. — 13, 75, 104
Криднер — 162
Крузе — 4
Кушева Е. Н. — 98

Л

Лавров Л. И. — 8, 16, 48, 53, 59, 60, 193
Левашов — 124
Легкобытов В. — 105
Лерх И. Я. — 211, 219, 223
Линден Н. — 169
Линевич И.-Б. — 6, 165, 167, 179
Лопухин А. И. — 4, 13, 36, 65, 99, 100, 135
Лукей — 223
Львов П. Л. — 8

М

Магди (шамхал) — 124
Магомед (шамхал) — 125
Магомед-бек — 89
Магомед-Гусейн — 126
Магомед-Гусейн-бек — 91, 162, 163
Магомед-кади — 163
Магомед-майсум — 92
Магомедов А. Р. — 11, 185
Магомедов М. Г. — 11
Магомедов Н. А. — 70, 96, 130
Магомедов Р. М. — 8, 9, 11, 13, 17, 51, 52, 94, 95, 185, 193, 212, 230
Магомед-хан-бек цахурский — 169, 170
Магомед-хан казикумухский — 90, 91, 111, 160, 161, 162, 185, 188, 223, 224, 225
Магумет (майсум) — 135, 151
Мадатов — 164, 227
Мазанаев Ш. — 11
Майсум-бек — 159
Малачиханов Б. — 77
Мамед-Хасан-хан — 181
Мамед Эфенди — 147

Маретина С. А. — 20, 21
Марр Н. Я. — 244
Маршаев Р. Г. — 14
Маршал-Биберштейн — 38
Массум-хан табасаранский — 157
Масуди — 53
Мататов М. Е. — 10
Махмуд-бек — 163
Махмуд-Асан-Ага — 255
Махмуд (султан Турции) — 92
Мехти (шамхал) — 108, 163, 164
Миканлов К. Ш. — 54
Микулич И. Н. — 8
Минорский В. Ф. — 54, 57
Мирза-бек — 144
Мирза Хидир Везиров — 117
Мирмахмуд — 84
Михал-шах — 34
Михал-хан — 35
Мурад-хан III Оздемир-заде Осман-паша — 34
Мурад-хан IV — 34
Муртазали (Муртазали-бек) — 83, 239
Муртазали кадий — 147, 154
Муртазали майсум — 154
Мурзаев Э. М. — 28
Мусаев Г. М. — 9, 11, 193
Мустафа-бек Карчагский — 152, 163
Мухаммед-бек (брат Даниял-бека елисуйского) — 177
Мухаммед-Казим — 160, 161
Мухаммед Рафи — 246
Мухаммед-хан (казикумухский хан) — 119
Мухаммед-Хасан-хан — 97

Н

Наврус-бек — 154
Надеждин П. П. — 6, 19
Надир-шах — 87, 88, 89, 110, 117, 119, 120, 123, 160, 161, 208, 209, 219, 220, 223, 249, 259
Надир-бек — 126
Нахлари — 254
Неверовский А. — 5, 16, 42

Низам-ал-Мулк ал Хасан ибн Али ибн Исхак — 166
Никольская З. А. — 60
Новосельцев А. П. — 86
Нух-бек — 226, 227
Нуширван — 56, 57

О

Олеарий А. — 4, 15, 28, 35, 36, 47, 76, 98, 106, 127
Орбелиани — 183
Осман II — 169
Османов А. И. — 41
Османов М.-З. О. — 178

П

Павел I — 163
Панек Л. Б. — 7, 193
Паскевич — 177
Паулуччи — 164, 214, 227
Пашаев К. И. — 12, 194
Периджи-ханум — 126
Пестель — 188
Петр I — 4, 16, 37, 82, 84, 85, 96, 99, 105, 117, 118, 124, 125, 135, 159, 160, 223, 259
Петрушевский И. П. — 7, 98, 165, 168, 171—176, 178—181, 184, 242—249, 254, 255
Петухов П. — 5, 48, 58
Плотто А. И. — 6
Потто В. — 6, 39, 42

Р

Рагимова Б. Р. — 10, 193
Рамазанов Х. Х. — 8, 44, 45, 68, 70, 72, 150, 159, 180, 193, 202, 230
Рахмани А. А. — 113
Рейнеггс Я. — 4, 15, 42, 47, 62, 65, 68, 224
Ртищев Ф. Н. — 13, 47, 63, 108, 164, 176, 185, 209
Рустам-кадий (Рустем-кадий) — 92, 154, 159, 160, 162, 163
Рустам-хан (уцмий) — 115, 116, 157
Рустем-бек (Рустам, Рустен-бек) — 84, 85, 91, 125, 135, 151

С

Савельев — 91, 125, 126
Саид-бек — 185
Саидова М. В. — 7
Сам-Мирза — 160
Серебров А. Г. — 4, 13, 14, 63, 107, 123
Сефи-Мирза — 119
Сефи I — 158, 171
Симонович Ф. Ф. — 4, 13, 14, 24, 25, 37, 46, 48, 49, 62, 66, 68, 76, 100, 101, 122, 125, 136, 137, 140, 142, 144, 145, 146, 149, 150, 153, 196, 198, 199, 211—214, 216, 218, 222, 228—233
Соболев — 226
Сограб (Сограб-бек) — 162, 163
Стрейс Я. — 4, 15, 46, 106
Сулейман-шах — 82, 116, 159
Сулейманов Н. Д. — 9, 11, 61, 62
Султан-Ахмед-хан (авар. хан) — 188, 222
Султан-Ахмед-хан элисуйский — 183
Султан-Гусейн (шах) — 116
Сурхай-хан I — 83, 84, 86, 87, 91, 92, 117, 119, 228
Сурхай-хан (Кун-Бугай, Хамутай, Хамбутаи казикумухский и кюринский) — 154, 159, 160, 163, 185, 188, 211, 213, 214, 216, 222, 223, 225, 226, 227, 238, 239
Сурхай-шамхал — 116

Т

Тагиев Т. — 57
Тарланов З. К. — 11, 61
Тахмасп I — 168, 169
Тебелли — 255.
Тебелли — 255
Тертеров А. А. — 8
Тимур — 40
Тормасов А. П. — 63, 199
Туркул — 105

У

Улуг (Уллубий) — 116
Услар П. К. — 6, 51, 54, 55, 56

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Ф

- Фаррух-султан — 97
Фатали-хан (Фет-Али-хан) — 89, 90, 91, 97, 102, 109, 111, 120, 121, 123, 126, 161, 162, 185, 222—225, 259
Фет-Али — персид. шах. — 92
Фромгольд М. — 90

Х

- Хаджи-ага — 173
Хаджи-Манучехр-хан — 82
Хаджи-Мухаммед — 97, 157
Халил Улла — 40, 41
Халиль-бек — 169, 171
Хамутай — 37, 38, 100, 101
Хан-Магомед-бек — 91, 225
Ханыков Н. — 40
Хатунцев (Хатунцов) Н. М. — 92, 164, 209, 214, 226, 227
Хашаев Х.-М. О. — 8, 13, 14, 41, 45, 169, 193, 196, 201, 225
Хусейн-хан-Мавсум — 151

Ц

- Цветков А. — 189, 219, 220
Цицианов — 163, 181—183

Ч

- Чап-ар-али — 254
Челеби Э. — 4, 33, 34, 35, 36, 37, 73, 74, 76, 81, 99, 107, 134, 135, 170
Чимчи-ларн — 254
Чернышев — 169
Чугурмуты — 255

Ш

- Шах-Гусейн-Бек — 208
Шахмардан-бек (Шахмардан, Ших-Мардан) — 91, 185, 225
Шах-Мирза-хан — 79
Шахрух — 40

- Шевшад — 33
Шигабу-динов М. Ш. — 11
Шиллинг Е. М. — 7, 60, 193
Шитилары — 255
Шихали-хан — 92, 104, 118, 125, 163, 164, 225, 226, 259
Шихсаидов А. Р. — 8, 11, 16, 43—45, 70, 81, 82, 150—152, 157—159, 171, 180, 193
Шинитников Ф. А. — 14, 200, 202
Шуанб-бек — 185

Э

- Эльдаров М. М. — 8
Эмир-Юсуф-бей — 35
Эркерт Р. — 16
Эсадзе — 165, 179
Эскендер — 40

Ю

- Юсуф-хан — 40, 80, 81, 171, 221
Юшков С. В. — 7

Я

- Яишников Т. Н. — 13, 14, 243, 250
Якут — 53
Яцунский В. К. — 20

instituteofhistory.ru

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абасала — 143
 Абасова — 97
 Абахло — 174
 Аваро-цахурские вольные общества — 243
 Аваро-цахурские общины — 246
 Аварское Койсу — 78
 Авары, аварцы — 35, 51, 60, 110, 165, 179, 180, 181, 242
 Аварское ханство — 39, 41, 95, 243
 Авария — 35, 77, 88, 94, 204, 218, 227
 Агмергу — 138, 154
 Агатай — 177
 Агул — 24, 51, 55, 61, 62, 67, 71, 73, 135, 195, 199, 211, 224, 228, 236—239, 241
 Агул-дере — 60, 61, 62, 138, 154, 199, 203, 236, 237, 238, 257
 Агьул (агьулар, агьул-шуй) — 61, 62
 Агулы (агульцы) — 7, 8, 11, 12, 32, 46, 55, 56, 58, 60, 61, 62, 67, 68, 69, 73, 74, 141, 145, 147, 180, 185, 190, 194, 225, 237, 238, 239, 241, 242, 256, 258
 Агулькошанский магал — 237
 Агульские магалы — 136, 137, 138
 Агульский район — 31, 81, 210, 236, 237, 256
 Агульский союз сельских общин — 32, 131, 222
 Аджиахур (кр.) — 40
 Адур — 50
 Азагли — 123
 Азадоглы — 108
 Азербайджан — 27, 28, 32, 33, 34, 36, 38, 42—45, 49, 50, 58, 59, 69, 73, 74, 76—79, 97, 110—121, 123, 149, 178, 204, 218, 239, 242, 246, 247, 249, 257, 258
 Азербайджанская ССР — 110

Азербайджанское государство Атабеков — 113
 Азербайджанцы — 32, 43, 44, 46—49, 56, 60, 113, 114, 115, 119, 120, 147, 148, 173, 199, 205, 257
 Азия (Изия) — 36, 96
 Акка — 132
 Аксаевское владение — 118
 Акуша — 164
 Акуша-Дарго — 37, 41, 42, 75, 77, 95, 197, 222
 Акушинские горы — 24
 Акушинское общество — 226
 Акушинский союз — 197
 Акушинцы — 55, 197
 Алагез — 171
 Алагиндагский хребет — 195, 212
 Алагун-даг (Алахун-даг) — 25, 26, 27.
 Алазань — 243, 245, 252
 Алазанская долина — 178
 Аламло — 174
 Алан — 35
 Алибад — 249
 Алиасхари — 250, 251
 Алибегло — 174, 177
 Алик (Алык) — 50, 177
 Аликент (Али-кент) — 190, 191, 217
 Аямало — 249
 Алты-Агач — 87, 160
 Алтыпара — 16, 42, 68, 77, 83, 85, 87, 92, 195, 196, 197, 199, 204, 205, 207, 208, 257
 Алтыпаринский магал — 85
 Алтыпаринское общество — 83, 85
 Алтыпаринцы — 202
 Аманло — 173, 174
 Амсар — 78, 199, 206, 208
 Амух — 178
 Анахдаринский магал — 50, 204
 Андалаль — 246
 Анди — 78
 Андийское Койсу — 39
 Андийцы — 73
 Анжратль — 246
 Анцослинское общество — 252
 Анцух — 246
 Апшерон — 41, 44, 257
 Арабилер Сорсар — 108, 124

Арабляр — 29
 Арабы — 46, 48, 49, 147, 257
 Араг — 29
 Арак — 47, 155
 Аракул — 199
 Арачай — 25
 Арахчай — 211, 212
 Ардабил (Ардебил) — 90, 110, 114, 120, 224
 Арешское султанство — 111, 120
 Аркит — 71, 78, 131, 133, 142, 143
 Армения — 79
 Армяне — 46, 47, 49, 75, 109, 122, 253, 257
 Арсу — 119
 Арсуг (Арсух) — 81, 190, 237, 241
 Архит — 47, 155, 189
 Арчинцы — 55
 Астал — 80, 158
 Астрахань — 126, 129, 130, 164
 Атал — 250
 Атачай — 105
 Атек — 103
 Атрик — 131
 Афганистан — 96, 119
 Ахмар, Ахмарлинский магал — 212
 Ахталу — 51
 Ахты-Курал — 51
 Ахтынские земли — 67, 201
 Ахтынские отрасли — 25
 Ахтынский магал — 195
 Ахтынский район — 32, 49, 256
 Ахтынское владение — 37, 38, 45, 122, 211
 Ахтыпара — 16, 31, 42, 77, 88, 195, 197, 198, 199, 204—208, 248, 257
 Ахтыпаринский магал — 200, 205
 Ахтыпаринский союз — 259
 Ахтыпаринское наместничество — 201
 Ахтыпаринское общество — 85, 199
 Ахтычай — 27—30, 58, 103, 257
 Ахты (Ахцайгар, Ахсагар) — 27, 28, 35, 40, 41, 51, 62, 67, 70, 72, 73, 76—79, 81, 87, 90, 99, 180, 195, 196, 197, 199, 200, 202—208, 218, 223
 Ахтынцы (ахцахары) — 52, 199, 202
 Ашага — 77
 Ашага-Араг — 70, 217

Ашага-Картас — 71, 217
 Ашага-Мага — 190
 Ашага-Стал — 70, 71, 158, 217
 Ашар — 69, 189, 190
 Аюрумлу — 107

Б

Баба-даг — 25
 Баб ал-абваб — 53
 Бабало — 168, 249
 Бабели — 123
 Базар — 250
 Базардюзи — 27, 29, 50, 196
 Байбулак — 77
 Байдарлю — 174
 Бакинская губерния — 40
 Бакинский полуостров — 39
 Бакинский уезд — 46
 Бакинское ханство — 39, 41, 111
 Баку — 39, 42, 44, 74, 76, 110, 112, 114, 119, 120, 123, 129, 156, 218, 257
 Балдурган-дега — 78
 Бала-Кусар — 49
 Балуджа — 197
 Балхар — 71
 Бар-Бар-кент — 190, 191
 Башлы — 116, 224
 Баш-Сувагильское общество — 243
 Бебешли — 123
 Бедюк (Бедёк, Бядуги, Виттиг) — 190, 234, 237, 239, 241
 Бейбуд — 220
 Бей-Булакский массив — 26
 Белиджи — 108, 124
 Белоканка — 243
 Белокан (Белоканы) — 181, 182, 183, 243, 245, 249, 250, 255
 Белоканский район — 59
 Белоканское общество — 242, 244, 245, 250
 Белоканцы — 184
 Бенд — 133
 Бендлик кикаюрар — 133
 Бент — 21, 143
 Бент-Меша — 138, 229

Бербиле — 103
 Бермек (Бермяк) — 24, 37, 100, 122, 257
 Бермекский округ — 37
 Бермецкие горы — 38
 Беш-Бармак — 118, 122
 Биладельский перевал — 78
 Ближний Восток — 258
 Богнаг — 132
 Бойнак — 111
 Большой Дарбах — 24, 136, 137, 144
 Большой Самур — 28
 Борч (Вичел) — 59, 68, 78, 198, 202, 206
 Бояматлу — 249, 250
 Будух (Будуг) — 50, 87
 Будухская округа — 49, 50, 108
 Бурган — 220
 Буркихан — 73, 185, 238, 239
 Буркиханцы — 190
 Буркун-Дарго — 145, 236
 Бурханкент — 132
 Буршаг — 69, 73, 81, 190, 237
 Бурши — 190
 Бутхент (Бут-кент) — 189, 190, 191, 220
 Бухара — 96
 Бюлбюлкент (Бюль-Бюль-кент) — 71, 190, 191, 217

В

Варандинское меликство — 111
 Варди — 132
 Варсит — 73
 Варта — 132, 143
 Вертиль — 131, 133
 В. Катрух — 199
 Верхний Мухах — 250
 Верхний Стал — 189, 220, 221
 Верхний Табасаран — 69, 139, 140, 141, 147, 229, 230, 232, 233
 Верхуани — 249, 250
 Владение Хамбутаг (Сурхай-хана казикумухского) — 137, 143
 Внутренне-горная зона — 26
 Внутренний Дагестан — 42
 Внутренняя зона — 25
 Вольная Джаро-Белоканская община — 245

«Вольная Табасарань» — 148, 149, 228
 Вольное общество Рутуль — 243
 Восток — 79, 96, 119
 Восточная Кахетия — 165
 Восточный Дагестан — 52
 Восточный Кавказ — 43
 Восточный Табасаран — 42
 Восточное Закавказье — 166, 179

Г

Гавдушан (Гавдушанское поле) — 90, 112, 161, 223
 Галандар — 133
 Галул-гьул — 131
 Гамагь-накьвар — 131
 Гамри-Озень — 125, 144
 Гамринский магал — 85
 Ганджа (Гянджа) — 76, 78, 90, 111, 120
 Гарвардский университет — 41
 Гасик — 131, 132
 Гаттин-Куль (Gattan Kul, Гостин-Куль) — 210
 Гвардал (Квардал) — 190
 Гдунг — 198
 Гдым — 70, 198, 203, 205
 Гдымский перевал — 27
 Гегджинцы — 221
 Гегнаг — 132
 Гезеркент (Газыр-кент) — 71, 190, 191, 203, 217
 Гельмец — 78, 166
 Гельхент (Гельхан) — 92, 178, 189, 220, 237
 Гельгень — 103
 Генек — 87
 Георгиевск — 91, 163
 Герик — 131
 Гестиль-Киль — 26
 Гетегор — 51
 Гехрах — 138
 Гилиар — 212
 Гиль — 71, 217
 Гильяр — 70, 80, 217, 220, 221
 Гилян — 98, 127
 Гипта — 178
 Гисик — 132, 133

Гияр-Шаер — 87
 Главный Кавказский водораздел — 29
 Главный Кавказский горный массив — 20
 Главный Кавказский хребет — 27, 39, 50, 64, 166, 178, 195, 197, 242, 243, 246
 Главный хребет Кавказа — 38, 168
 Главный хребет Кавказских гор — 50, 196
 Гоа (Гуэ) — 237
 Гогами — 249, 250
 Гоглярно — 243, 249
 Голода (Goloda) — 246, 247
 Гора — 35
 Горный Дагестан — 24, 60, 64, 74
 Горный магал — 32, 59, 166, 195, 196, 258
 Горный (узденский) Табасаран — 150, 228, 229, 232, 233, 234
 Горские татары — 127
 Глуходари — 244
 Грузино-Имеретинская губерния — 169
 Грузинские земли — 170
 Грузинское царство — 181, 182
 Грузины — 75, 122, 165, 166, 168, 179, 181
 Грузия (Гюджистан) — 35, 36, 37, 41, 79, 166, 181, 182, 183, 227, 242, 244—249, 254
 Губден — 87
 Гувлиг — 133
 Гугдже (Гюджейский магал) — 212
 Гуз — 190
 Гулли (Гули) — 132, 133
 Гуми — 142
 Гуннар — 133
 Гунек — 212
 Гургели — 24, 25, 100, 101, 136, 211, 212
 Гурик — 132, 133
 Гъуннуар — 133
 Гурмени — 186
 Гурьян — 211
 Гутанавык — 210
 Гутон — 27
 Гюлистанское меликство — 111
 Гюльгерычай (Гюргенчай, Гюльгеры) — 26, 28, 29, 30, 51, 67, 138, 211, 215, 257
 Гюне (Гюнейский магал) — 91, 212, 214, 225
 Гюнейцы — 221
 Гюнюк — 78

Гюхряг — 132, 133
 Гъуйир — 133
 Гъуннар — 133
 Гъуьгъвер — 131
 Гянджинское ханство — 248

Д

Дадестан — 3—23, 25, 27, 29, 31—36, 38—46, 49—54, 57—60, 65, 70—74, 76—83, 85—103, 106—111, 113—119, 121—125, 128, 130, 134, 142, 143, 145, 148, 156—161, 164, 165, 168, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 180, 183, 184, 185, 188, 192, 202, 203, 209, 211, 214, 215, 217, 218, 219, 220, 222—226, 233, 236, 238, 241, 242, 246, 247, 249, 254, 256—259
 Дагестанская АССР — 210
 Дагестанская область — 51, 137
 Дагестанская Персия — 123
 Дагестанские татары — 122
 Дагни — 132, 133
 Даличай — 29
 Дар Баст (Дербент) — 108
 Дарбах (Дарваг) — 40, 47, 55, 62, 77, 89, 90, 105, 135, 228
 Дарваг (село) — 133, 141, 142, 144
 Даргинцы — 51, 55, 60, 73, 145, 147, 180
 Датиль — 142
 Даут Калисы — 36
 Деавгай-даг — 27
 Девек Елеми — 62, 73, 134, 136, 137, 146, 148, 228—232
 Девн — 103
 Девичу Магатан (Девичумагатан) — 141, 142, 144, 145
 Дербент (Дарбант, Демир-капу) — 5, 13, 16, 25—28, 33—37, 39, 40, 42—47, 53, 55, 57, 62, 63, 65, 68, 70, 74—80, 82—85, 87, 90, 91, 96—101, 103—135, 137, 139—145, 151, 156, 157, 159—162, 164, 165, 180, 185, 191, 204, 208, 217, 218, 222—226, 228, 234, 241, 258, 259
 Дербентская крепость — 46, 84.
 Дербентская провинция — 63, 107, 123, 124, 202
 Дербентские ворота — 25
 Дербентский округ — 100, 211, 212
 Дербентский район — 26, 31, 47, 256
 Дербентский уезд — 65
 Дербентское владение — 5, 13, 25, 27, 30, 32, 34, 36, 37, 38, 42, 45,

47, 48, 49, 51, 67, 70, 79, 89, 96, 101, 108, 122, 136, 137, 143, 144, 145, 186, 211, 212, 225, 257, 258

Дербентское княжество — 42

Дербентское подгорье — 24

Дербентское предгорье — 237

Дербентское султанство — 95, 120

Дербентское ханство — 39, 69, 47, 95, 96, 97, 100, 102—124, 127, 130, 161, 185, 224, 257, 259

Дербентско-Кубинское ханство — 208, 257, 259

Дербент-хале — 108, 124, 257

Дере — 87

Деремержлер — 141, 144

Дерки — 50

Дерчвар — 132

Дехми-Дагельды — 174

Джаба — 87, 197, 200, 207

Джабли-Саз — 243

Джавгат — 73

Джак — 5

Джалган (Шалгау) — 26, 47, 97, 108, 124

Джалганский хребет — 26

Джаники — 243

Джар (Чары, Чоры) — 83, 173, 175, 178, 180—184, 243—246, 248, 249, 250, 254, 255

Джарабердское меликство — 111

Джаро-Белоканская область — 247

Джаро-Белоканская провинция — 182

Джаро-Белоканские авары — 249

Джаро-Белоканские вольные общества — 121, 166, 174, 176, 181, 287

Джаро-Белоканские сельские общества — 115

Джаро-Белоканские союзы сельских общин — 242, 248

Джаро-Белоканский союз — 7, 86, 88, 176, 242, 243, 248—255, 258

Джаро-Белоканы — 180, 182, 242, 243, 245, 246, 248, 249

Джарская область — 182, 183, 196, 246

Джарская провинция — 182, 183

Джарская республика — 183

Джарская федерация — 248

Джарские лезгины — 247, 252

Джарский округ — 40, 242

Джарский союз — 95

Джарское (Чарское) вольное общество, Джарское общество — 83, 170, 172, 175, 176, 180, 184, 242, 244, 249

Джарцы — 170, 173, 177, 180, 182, 183, 249

Джахдиг — 132

Джег — 50

Джерах — 82, 132, 138, 151, 152

Джиджаварик — 132

Джилихур — 199

Джинджибахи — 250, 251

Джинних (Джиннихи, Джених) — 249, 250, 255

Джиннихское (Дженихское) общество — 243, 244, 245, 250

Джих-Джих — 197, 200

Джогдиль-дере — 230, 231

Джугуткент (Джауткент) — 47, 97

Джулдаг — 132

Джули — 71, 131, 133, 141, 234

Джурас — 131

Джурджанф — 132

Джуфу-даг — 29, 132

Диальский хребет — 25

Дигах — 49, 71

Диди — 249

Дизакское меликство — 111

Диндидагский перевал — 27

Диндинский перевал — 78

Дишных — 166

Докузпара — 16, 42, 77, 87, 92, 93, 95, 195, 196, 197, 204, 207, 208, 257

Докузпаринский район — 31, 49, 256

Докузпаринское наибство — 201

Докузпаринское общество — 85, 86

Дрич Табасаран — 137

Дубари — 124, 126

Дудания (Дудани) — 53

Дужних — 245

Дузлаг-Чул — 143

Дулдуг (Дюлдуг) — 81, 87, 190, 237, 240

Думуркил — 132

Дуртиль — 132

Дуруштул (Друштул) — 190, 237, 239, 240

Дустаир-оба — 49

Дчими — 50

Дырче (Дыре, Деро, Дрич, Дюрек, Дрич магьял, Дерчвар) — 132, 138, 154, 160, 228—232, 236

Дюбек — 62, 71, 73, 89, 132, 133, 142

Е

- Евреи — 32, 46—49, 56, 109, 190, 257
Европа — 41, 96
Егендаль — 138
Екрак — 47
Елджиг — 200
Елисуйский джамаат — 173
Елисуйское (Элисуйское) владение — 63, 170, 172, 177, 196, 204, 243
Елисуйское (Илисуйское, Элисуйское, Цахурское) султанство — 32, 95, 111, 120, 165, 168—173, 175, 176, 178, 179, 195, 243, 244, 246, 257, 258
Ельчи юл — 141
Ерайская отрасль — 24
Ергуч — 50
Ергюлиг — 132
Ергюнит — 132
Ерси — 47, 62, 71, 132, 133, 137, 138, 142, 162, 164

Ж

- Жваран мягъял — 231

З

- Загани — 249
Заграб-кент — 190
Закавказье — 47, 52, 96, 97, 100, 121, 130, 156, 168, 175, 204, 246, 248, 249, 258
Закаталы — 78, 243, 249, 250, 251
Закатальский округ — 169, 245
Закатальский район — 59
Закатальское ущелье — 182
Западный Табасаран — 42
Зарнэ — 171
Захит — 189, 220, 221
ЗахитИрин-даг («Захитская гора») — 77
Засулакская Кумыкия — 41
Засулакские княжества — 95
Зегит — 50
Зепак Ерум — 143

- Зиахур — 187
Зизик — 70, 71, 143, 217
Зизик-чай — 138
Зиль (Зыль) — 47, 133, 142, 155, 162
Зильдик — 132
Зирдаг — 132
Зрых — 199
Зуграб-кент — 191
Зухул-оба — 49

И

- Ибахло — 174
Икра — 69, 72, 190, 203, 217, 218
Илису (Елису, Элису) — 40, 77, 165, 167, 168, 169, 172 — 175, 180, 184
Илисуйское вольное общество — 166, 179
Илисуйское общество — 243
Имам-Кули-кент (Имам Куликент, Имангули-кент) — 78, 132, 143, 187
Ингилойцы (ингилой) — 169, 174, 179, 252
Индийцы — 75, 122, 205
Индия — 20, 21, 109, 119, 258
Иран — 33, 54, 79, 80, 81, 82, 86, 89, 92, 95, 96, 97, 99, 107, 114, 117, 118, 119, 120, 135, 171, 236
Иранское (сефевидское) государство — 172
Иран-Хараб — 88, 141, 198
Иранцы — 82
Испаган — 122
Испик — 71, 189, 190, 191, 203, 217, 220
Истал — 212
Исталяр — 212
Иудеи — 47
Ихир — 70, 197, 203
Ихор — 200
Ихрах — 199
Ихрек — 71, 178, 179
Ихрекский магал — 199
Ихрекское общество — 198
Ихрекокий союз сельских общин — 32
Ихрекское ущелье — 185
Ича — 199
Ичин — 77

К

Кабала — 76
 Кабарда — 78
 Кабардинские земли — 40
 Кабир, Кабирский магал — 91, 212, 225
 Кабир — 69, 87, 88, 187, 189, 218, 220, 223, 225
 Кабирек — 91, 225
 Кабуляр — 220
 Кавказ — 4, 5, 7, 15, 36, 40, 41, 52, 60, 68, 74, 79, 92, 96, 100, 109, 114, 123, 143, 156, 163, 170, 184, 185, 186, 188, 195, 200, 201, 211, 214, 223, 247, 254, 258
 Кавказская Албания — 192
 Кавказская линия — 185
 Кавказские восточные горы — 137
 Кавказские горы — 211
 Кавказские снеговые горы — 38
 Кавказский край — 169
 Кавказский снеговой хребет — 24, 211
 Кавказский хребет — 24, 25, 123, 169, 179
 Кадиляр — 221
 Кадучи (урочище) — 142
 Казаглар — 220
 Казахское султанство — 111, 120
 Казикумух (Казн-Кумух, Казн-Кумук, Кумук, Казыкумык, Газн-Кумух, Яхул-шагъар) — 37, 40, 74, 77, 78, 87, 180, 185, 186, 189, 203, 218, 222, 226, 227
 Казире — 218
 Казикумухская провинция — 186
 Казикумухское владение (Казыкумышское владение) — 38, 55, 102, 122, 186, 213, 227
 Казикумухское шамхальство (шамхальство Казикумухское) — 134, 222, 238
 Казикумухское ханство — 42, 79, 86, 95, 101, 134, 143, 188, 189, 191, 196, 199, 212, 213, 214, 223, 224, 228, 236, 238, 239, 243
 Казмалар — 173, 174
 Казыкумыки — 136, 228
 Каинлы-Кеби — 243
 Кайсарло — 173, 174
 Кайтаг — 40, 80, 83, 85, 88, 89, 90, 115, 116, 141, 143, 158, 159, 160, 224, 229, 231
 Кайтаги (Хайдаки) — 56, 73, 81, 89, 135, 136, 147, 228
 Кайтаго-Табасаранский округ — 14, 82

Кайтагское уцмийство (уцмийство Кайтагское) — 14, 31, 39, 41, 42, 78, 95, 134, 228, 236
 Кака — 185, 198
 Кала — 199, 206, 208, 217
 Каладжух (Каладжиг) — 70, 196, 200, 203, 205
 Калай-гьул — 131
 Калал — 250
 Калали — 244, 245
 Калар — 101
 Каласувар — 101
 Калентар-оба — 49
 Калуг-даг — 138, 229, 233
 Калук — 73, 90
 Къалухъар, къалукар — 131, 133
 Къалхъвар — 133, 231
 Калы-чай — 177
 Калькальский хребет — 25
 Кальял — 78, 166
 Каляк — 221
 Камах — 138
 Камахский хребет — 143
 Кандагар — 84
 Кандахи — 250
 Кандик — 71, 72, 132, 133
 Кандихсева — 243
 Канзыр — 132
 Канейли — 143
 Капанакчи — 250
 Капидара — 250, 251
 Капичай — 245
 Капут — 50
 Карабах — 111, 116, 120, 156
 Карабахское ханство — 120
 Каравансарайчай — 29
 Карагулуг — 138
 Карадаг — 111, 120
 Караджали — 123, 250, 251
 Карадулакский общинный союз — 169
 Карадулакское вольное общество — 166, 179, 243
 Каракайтаг — 141
 Каракайтаги (каракайтахи, народ каракайтах, карахайдаки) — 75, 135, 136, 137, 141, 228
 Каракайтагские горы — 24
 Кара-Койсу — 28

Карамеша (дер.) — 177
 Каракюре (Кара-Кюре) — 62, 70, 196, 199, 200, 203
 Карапалдурн — 249
 Кара-Самур — 58
 Карат-оба — 49
 Карасырт (Кара-Сырт) — 26, 132
 Карасыртская отрасль — 24
 Карачай — 103
 Каргилу — 250
 Картас — 189, 212
 Картасляр (Ягубхан) — 220
 Картасцы — 221
 Кархун — 50
 Карчаг (Керчаг) — 78, 138, 143, 190
 Каспий — 113, 138
 Каспийские ворота — 25
 Каспийское море — 4, 16, 24, 29, 36, 38, 39, 40, 51, 96, 100, 102, 121, 123, 124, 137, 143, 186
 Касумкент — 29, 70, 73, 77, 188, 189, 212, 217, 218, 220, 241
 Катаган-даг — 138, 229
 Катех — 243, 245, 250, 251
 Катехокое общество — 242, 244
 Катрух — 210
 Каттаган — 229
 Ках — 168, 78, 171, 174, 177
 Кахет — 33
 Кахетинское царство — 165, 179
 Кахетинцы — 168
 Кахетия — 166, 179, 243—247
 Кахский район — 59, 162
 Кахское моуравство — 168
 Кахул — 199, 203
 Качречь — 50
 Кашан (Кашан-дере) — 138, 154
 Кашнеш — 49
 Кашан-чай — 138
 Квардал — 237, 241
 Кеймури — 249
 Келез шегьер — 131
 Кемал — 155
 Кемиль — 50
 Кемахский хребет — 26
 Керач — 73, 230, 231
 Керен-дере — 62

Керенер (керенцы) — 61, 62
 Керим-оба — 49
 Кесерухи — 244, 245
 Кизляр — 125, 127, 128, 129, 162
 Кызылбаши, кызылбаши — 81, 82, 114
 Кикенхюр — 87
 Кимихур — 190
 Кина — 78, 199
 Киндергало — 249
 Кипчах — 174
 Кирка — 73
 Кирхляр-Кули — 162
 Кирчик — 73
 Китай — 258
 Китайцы — 75, 205
 Кича — 199
 Кичик-Котукло — 174
 Когалок — 36
 Койдурша — 107
 Койсу — 24, 39, 125, 137, 143
 Койсубулинский союз — 41
 Койсун — 70, 190, 203
 Коказ — 190
 Колих — 138
 Кологан — 143
 Комок — 190
 Корагани — 249
 Кора-Меше (хр.) — 138, 229
 Корчан — 230, 231
 Корчь — 250
 Коссар — 35
 Костековское владение — 118
 Котур-Кюре (Котуркюринский магал) — 212, 217, 220
 Котюр-кюринцы — 221
 Кохмадаг (Кокма) — 24, 29, 136, 143, 186, 211
 Кохмадагские отрасли — 25
 Кохмадагский хребет — 218
 Кочаг — 198
 Кочхюр — 217
 Кошан (магал) — 228, 236, 237, 240
 Кошан-дере (Кушан-дере, Гушандере) — 131, 236, 237, 238
 Кошанский союз сельских общин — 32
 Кошанцы (кушанар) — 61, 62
 Крегуриинцы (каракюринцы) — 200

Кр. Новые Закаталы — 243
 Крызцы-будухцы — 59
 Крым — 156
 Ксарах — 138
 Куба — 37—40, 74, 76, 77, 84, 90, 91, 100, 101, 104, 108, 116, 117, 119, 127—130, 143, 161, 180, 186, 187, 188, 201, 204, 217, 218, 222—226
 Кубачи — 41, 74, 141, 188, 203
 Кубачинцы (народ Кубачи) — 75, 141
 Кубино-Дербентское ханство — 63
 Кубинская округа — 50
 Кубинская провинция — 38, 39, 42, 50, 69, 107, 108, 123, 195, 202, 209, 218, 257
 Кубинский Дагестан — 37, 122
 Кубинский округ — 24
 Кубинский уезд — 40, 46, 51, 89
 Кубинский район — 49, 257
 Кубинское владение — 37, 38, 39, 44, 49, 100, 102, 104, 108, 122, 186, 211
 Кубинское ханство — 38, 39, 41, 43, 44, 69, 71, 76, 79, 83, 89, 92, 97, 101, 102, 103, 109, 111, 120—123, 127, 195, 204, 209, 210, 257
 Кубинцы — 50, 109
 Куваг — 132
 Куват — 133
 Кувиг (Кувик) — 131, 142
 Кудилал-чай — 103
 Кужник — 73, 133, 142
 Кузар-чай — 105
 Кул — 62
 Кулар — 47, 49
 Кулгат — 109
 Кулик — 131
 Кулиф — 132, 133
 Кулна-Тау — 26
 Кум — 171
 Кумуки — 37
 Кумухские горы — 24
 Кумык — 170
 Кумыки — 49, 53
 Кумыкня — 94
 Кунах-Кент — 50
 Кунахкентский район — 49, 257
 Кура — 25, 39, 55, 59, 82, 100, 136, 137, 210, 211, 212, 216
 Кураг — 69, 185, 188, 237

Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Кураган — 168
 Куралл (Курели) — 88, 210, 211, 224
 Куралли (куралинцы, куринцы, кюринцы) — 36, 84, 135, 223
 Куралікіштуу — 55
 К.р.к. — 54
 Куралинский уезд — 213
 Курасская провинция — 25
 Курасские горы — 24
 Курах — 26, 29, 51, 54, 72, 76, 77, 87, 92, 189, 190, 204, 211, 212, 214, 215, 217—221, 225, 226, 227, 239
 Курах-дере — 236
 Курахская область — 195
 Курахский магал — 91, 185, 212, 225
 Курахский район — 31, 49, 61, 62, 236, 237, 256
 Курахчай (Курачай, Кюрахавай, Арачал) — 25, 26, 30, 67, 131, 186, 187, 211, 212, 218, 257
 Кургани — 35, 36
 Курги — 210, 211, 213
 Курендаг (Куру-Даг) — 210
 Курдемури — 249
 Курдул — 78, 166
 Курды — 107
 Курегі — 24, 223
 Курегу — 55
 Куриноская область — 211
 Курия — 36
 Куркент — 70, 71, 215, 217
 Курли — 89
 Курмух-чай — 178
 Куруджнар — 220
 Куру Самур — 101
 Куруш — 27, 68, 70, 76, 196, 200, 202, 203, 204
 Кусар — 50, 102
 Кусарский район — 49, 257
 Куснет — 49, 50, 71
 Кусур — 250
 Кусури — 244, 245
 Курт Булак — 38, 102, 122
 Курук-вацI — 131
 Куткашенский район — 49, 257
 Куткашенское султанство — 111, 120
 Кутул — 190
 Кутур-Кюринский магал — 70, 91, 225
 Кух-оба — 49

Кухрык (Хъухрик, Когрын, Кухрук, Кухрикар, Кухрух, Кухрын, Кухурук мягъял) — 132, 133, 134, 153, 154, 164, 230, 231, 232, 234
 Кучкери (р.) — 145
 Кушан-дере — 60, 61, 62
 Куштыль — 131, 133
 Куярик — 78, 132
 Кхем — 197
 Кымыль — 49, 71
 Кыраг (Кырах, Кирах, Керах, Гъуннар) — 132, 137, 164, 230, 231, 236
 Кюлерджик — 132
 Кюра (Кюре) — 9, 27, 30, 37, 41, 51, 68, 79, 82, 87, 90, 162, 185, 186, 187, 210—219, 222—227
 Кюраx — 132
 Кюреллуар — 51
 Кюрек — 133
 Кюринская область — 218
 Кюринская провинция — 186
 Кюринцы, (куралі, куралері, куралинцы) — 51, 52, 54, 55, 86, 156, 190, 191, 210, 211, 216, 218, 222, 225, 226
 Кюрег — 133
 Кюринские магалы — 212, 213, 222, 224, 225, 226, 228, 236
 Кюринские союзы — 30, 32, 209
 Кюринский округ — 14, 89, 90, 91, 189, 190, 202, 224, 225
 Кюринское владение — 40, 46, 185, 215, 223—227
 Кюринское ханство — 13, 14, 32, 39, 42, 51, 95, 185—191, 194, 196, 214, 221, 225, 230, 238, 239
 Кюснет — 203
 Кючуг — 250
 Кябьяк — 28
 Кябьякчай — 29

instituteofhistory.ru

Л

Лагодехи — 245
 Лазги — 53
 Лака — 131, 132
 Лакз — 53
 Лакзы — 53, 58, 60
 Лакия — 74, 204
 Лакун — 199
 Лакцы — 51, 53, 61, 180, 190, 191, 213

Лалало — 249, 250
 Лалапаша — 250
 Ландес — 105
 Леварцы — 254
 Леги (леки) — 52, 53, 54
 Леджет (Леджит) — 49, 50
 Лезг (лезги, лезгияр, лакзы, ləzgi) — 49, 50, 52—55, 58
 Лезгинистан (Лезгистан, Лезгинстан) — 9, 37, 38, 50—53, 192
 Лезгинские магалы — 197, 230
 Лезгинны (лезгинцы, лезги) — 11, 32, 36, 37, 42, 43, 46, 49—55, 60, 68, 69, 73, 74, 75, 81, 83, 84, 87, 88, 89, 108, 109, 110, 126, 127, 141, 145—148, 160, 161, 165, 183, 184, 190, 191, 194, 200, 201, 203, 204, 209, 225, 226, 253, 254, 256, 257, 258
 Лекэти — 171
 Лидже — 71
 Лопхани — 243
 Луткун — 185, 198
 Лучек — 28, 76, 78, 199, 204
 Ляка — 132
 Ляха — 133
 Ляхла — 131, 133, 142

М

Магарамкент — 70, 187, 189, 190, 217, 220, 226
 Магарамкентский район — 30, 31, 49, 256
 Магу-дере — 61, 62
 Маджалис — 87, 116
 Мадмудкент — 49
 Маза — 29, 70, 198, 200, 203, 206
 Мазандаран — 57
 Майдан Булак — 141, 144
 Мака (Мага) — 70, 111, 120, 196, 200, 203
 Малакалыль — 123
 Малатия — 220
 Малый Дарбах (Меньший Дарбах) — 24, 136, 137, 141, 142, 144
 Малый Самур — 28
 Манатар (Малатар) — 220
 Манчарар — 220
 Марага (Маграга, Махраги) — 47, 62, 71, 78, 111, 120, 137, 138, 141, 143
 Марага-Камым — 143
 Марсань — 250

Маскат — 53
 Масрачи — 142
 Махачкала — 13, 96
 Махмуд-кент — 190, 191
 Махраги — 144
 Мацехи — 250, 251
 Межгюль — 71, 132, 133
 Мелишар — 220
 Мельхан — 190
 Мемрехи — 250
 Меньший Дарбах — 24
 Меташ — 155
 Мехти — 132
 Мехтулинское ханство — 41, 95
 Мешебаша — 168, 171, 174, 177
 Мидфаж — 198
 Микрах (Минраг) — 70, 196, 200, 203, 207
 Микик — 78
 Милукент — 124
 Миричар — 219
 Мискинджи — 62, 77, 79, 92, 196—200, 206, 208
 Мискинджинцы (маскенджинцы) — 200, 202
 Миси (Мисси) — 190, 237
 Митаги — 142
 Мишлеш — 78, 166, 250
 Мишлиши — 244, 245
 Михрех — 199
 Мограй — 155
 Монголы — 46
 Москва — 14
 Московская Русь — 98
 Мугалы — 169, 174, 179
 Муган — 119
 Муганло — 250
 Мугатырь — 155
 Мулла Кент — 108, 124
 Мулла Халил — 108, 124
 Мурад-Али-кент — 155
 Мурух-оба — 49
 Мускур (Мушкур, Маскур, Мюшкур) — 24, 34, 36, 37, 50, 98, 100, 119, 122, 257
 Мускурский округ — 37
 Муслух — 166
 Мусули — 249, 250

Мухах (Мухахи) — 78, 166, 243, 245, 249, 250, 255
 Мухахское общество — 243, 244, 245, 250
 Мушкаски — 255
 Мыхад (мегьед) — 58, 59
 Мыых — 167

Н

Набурли — 123
 Нагал-Емире (р) — 245
 Нагорный Дагестан — 10, 42
 Нагорный Карабах — 111
 Нахчевань — 111, 120
 Нарын-Кала — 115, 124, 125
 Небияр — 220
 Недрех — 24, 136
 Нижний Дагестан — 49, 50
 Нижний Кайтаг — 115
 Н. Катрух — 199
 Нижний Стал — 189
 Нижний Табасаран — 47, 66, 69, 139, 140, 141, 228, 229, 232, 233
 Нижняя Кахетия — 243
 Низабат (Низават, Ниязабад, Низова) — 33, 35, 37, 100, 102, 119, 122, 223, 257
 Нитриг (Нитрик, Нитрихьяр, Нитрихский союз) — 73, 131, 132, 134, 138, 154, 229—232
 Нитриг-герве — 138, 229
 Нитрикар (нитрихьяр) — 131, 133
 Нитрихский магал (Нитригский магал) — 153, 229
 Ничрас — 132, 133, 142
 Нудгуль — 190
 Нугды — 108, 124
 Нуказ — 87
 Нуха — 74, 76, 78, 204, 218
 Нухинская провинция — 245
 Нухинский уезд — 83
 Нютюк (Нудых, Нютюк) — 71, 190, 217

О

Округ Табасаранский — 228
 Онджало — 174
 Орта-оба — 49

Орта-Стал — 70, 71, 158, 217
Османская империя — 117, 118, 171
Османская Турция — 79

П

Падар — 108, 124
Падара — 249
Падары — 107
Палдарло — 250
Патара Лонджи — 249
Пенджик — 133
Пенчи — 137, 142
Перемешки — 97
Перситские независимые земли — 37
Персы (персияне) — 32, 46, 81, 107, 109, 122, 205, 248, 257
Персия — 4, 82, 85, 88, 89, 96, 103, 104, 107, 166, 168, 179, 188, 208, 227, 248, 249
Петербург — 163
Пилек — 137, 199, 230
Пилиг — 73, 132, 133, 142
Пиляки — 73
Пиркент — 197, 200, 205
Пирал — 71, 132
Пирляр (Перер) — 220, 221
Поласа — 143
Предгорная зона — 25
Прикаспий — 37, 82, 84, 117, 118, 223
Прикаспийская область — 201
Прикаспийский край — 99
Прикаспийский или прибрежный Дагестан — 42
Приморская низменность — 25, 26, 29, 30
Провинция Гильянская — 75, 127
Провинция Кура — 211, 214, 222
Пруссия — 244

Р

Рамазанар — 220
Рапак — 138, 229, 233
Растюмский округ — 37
Республика Азербайджан — 110, 115, 121
Республика Грузия — 13

Республика Дагестан — 12, 28, 49, 59, 115, 237
Рича — 61, 62, 69, 77, 78, 87, 190, 210, 213, 218, 236, 237, 239—242
Ричайские горы — 24
Ричейский магал (Ричинский союз) — 32, 236, 237, 242
Ричинский союз сельских общин — 32
Российская империя — 38, 222, 259
Российская федерация — 3, 110
Российское государство — 183, 227
Россия — 4, 7, 8, 14, 38, 41, 77, 79, 85, 86, 90—93, 97, 99, 109, 113, 118, 130, 156, 162, 163, 164, 170, 180, 181, 182, 184, 185, 187, 188, 208, 209, 222, 223, 225, 226, 236, 238, 258, 259
Руат — 221
Рубас (Рубас чай) — 24, 29, 30, 84, 100, 101, 101, 105, 122, 124, 131, 132, 136, 137, 138, 143, 144, 257
Ругуж — 132, 234, 235
Ругун — 190
Ружник — 132
Рук — 50
Рукал — 143
Рукаль (Рукал) — 34, 47, 97, 135
Рукъушар — 61
Русские (россияне) — 52, 53, 90, 126, 129, 130, 149, 159, 163, 165, 181, 183, 205, 224, 226, 255
Рустау — 37, 100, 121, 257
Рустов — 118, 226
Рутул — 31, 42, 50, 51, 58, 59, 62, 63, 71, 73, 77, 78, 95, 160, 195, 196, 197, 198, 199, 202, 203, 204, 207, 208, 236, 257
Рутульские земли — 67, 201
Рутульские магалы — 199
Рутульские отрасли — 25
Рутульские отроги — 25
Рутульский магал — 199, 200, 206
Рутульский район — 31, 49, 59, 256
Рутульский союз сельских общин — 32, 185, 199, 206, 222
Рутулы (рутульцы) — 7, 8, 11, 32, 46, 55, 56, 58, 59, 60, 67, 69, 89, 166, 180, 194, 248, 256, 257
Рутульское бекство — 95
Рутульское владение — 37, 38, 49, 122, 186, 211
Рутульское «вольное общество» — 95
Рутульское наибство — 201
Рутульское общество — 85, 86, 195, 198
Рушуль — 71, 78, 143

С

Сааданский округ — 37
 Сабнава — 97
 Сабнаво-Джалганский хребет — 26
 Садвал — 192
 Салават (Салават-даг) — 25, 50, 195, 212
 Салаватдагская кряжа — 212
 Салаватские горы — 196
 Салаватский перевал — 27, 78
 Салатавия — 95
 Салманар (Шейдаяр) — 220
 Сальянская провинция — 123
 Сальянское владение — 111
 Сальяны — 40, 46, 112, 123, 161, 187, 203
 Самур (Самбур, Къулан вацI) — 25, 27, 28, 29, 30, 32, 35, 36, 38, 41—44, 50, 51, 55, 58, 59, 64, 67, 87, 100—105, 113, 114, 122, 127, 137, 161, 163, 165, 166, 180, 186, 187, 195, 196, 197, 199, 201, 202, 204, 210, 211, 212, 213, 225, 257
 Самур-вилает — 195
 Самурская долина — 9, 12, 13, 15, 27, 28, 31, 32, 35, 37, 42, 68—72, 79, 83, 87, 92, 115, 194, 195, 197—202, 204, 205, 207—210, 212, 259
 Самурская провинция — 205
 Самурские вольные общества — 212
 Самурские лезгины — 51, 203
 Самурские магалы — 201
 Самурский округ — 14, 40, 46, 51, 200, 201, 202
 Самурский хребет — 26, 29, 64, 210
 Санкт-Петербург — 13, 16
 Сапинчо — 250, 251
 Сарабаш-Ках — 78
 Саратов — 126
 Свачар — 78
 Святой крест — 83
 Северо-Восточный Кавказ — 179
 Северный Азербайджан — 9, 31, 33, 34, 37, 42, 43, 59, 89, 96, 117, 218, 222, 257
 Северный Дагестан — 4, 32, 38, 39, 41, 42, 64, 137, 141, 142, 144, 211, 258
 Северный Кавказ — 77, 78, 98, 162, 163, 203
 Северный Табасаран — 132, 150, 154, 228
 Селим-оба — 49

Селин Азадли — 124
 Селип — 108
 Серир — 35
 Серир-ал-Дагаб — 105
 Сернер — 87
 Сериаллан — 35
 Сертиль — 132, 133
 Сефевидская держава — 117
 Сефевидский Иран — 98
 Сивриг — 132
 Сигнахский уезд — 245
 Синут — 132
 Смугул (Сумугул) — 198, 202
 Согратль — 78, 227
 США — 41
 СССР — 3, 110, 114
 Средний Восток — 257
 Средний Дагестан — 32, 38, 39, 41, 42, 64, 218, 258
 Средний Стал — 189, 220, 221
 Стал — 212, 213
 Стал-Чиле — 212, 213
 Стал чилейцы — 221
 Страна гор — 18, 22, 39, 256
 Сувагильский общинный союз — 169
 Сувагильское вольное общество — 166, 179
 Сувак (Суак, Суа, Сугъкар мягъял, Сувккар) — 131, 133, 134, 154, 230, 231, 232, 236
 Сувангандю — 51
 Сувуккар — 133
 Сулак — 41
 Сулантил — 132
 Сулевкент — 71
 Сулейман-Стальский район — 32, 49, 80, 210, 256
 Сумбатл — 226
 Сумганте — 25
 Сурфу-ял — 27
 Сыртич — 132, 133
 Сыртский магал — 50, 204
 Сюгуп — 50
 Сютюг — 143

Т

- Табасаран — 10, 11, 13, 14, 15, 26, 27, 29, 30, 32, 34, 35, 37, 38, 42, 46, 47, 48, 49, 51, 53, 56, 57, 62, 63, 65—69, 71, 76—80, 82, 84, 85, 87—92, 100, 103, 116, 124, 125, 132—150, 152—165, 186, 194, 202, 210, 211, 212, 224, 227—236, 257
- Табасарандашура — 56
- Табасаранская округа — 147
- Табасаранские горы — 24, 87
- Табасаранские магалы — 230, 231, 236
- Табасаранские отрасли — 24
- Табасаранский район — 26, 31, 48, 81, 210
- Табасаранский хребет — 24, 38, 97, 137, 141—144
- Табасаранское владение — 37, 40, 136, 186
- Табасаранское кадийство (кадийство Табасаранское) — 14, 32, 95, 131, 146, 148, 150, 152, 153, 194, 228, 236, 257
- Табасаранское майсумство (майсумство Табасаранское) — 14, 32, 42, 55, 62, 95, 131, 137, 148, 149, 150, 152, 154, 162, 194, 228, 236, 257
- Табасараншуй — 56
- Табасараны (табасаранцы) — 7, 9, 10, 14, 32, 46, 47, 48, 51, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 66, 68, 69, 73, 75, 80, 81, 84, 85, 88, 89, 90, 108, 129, 131, 133, 135—141, 143, 145—151, 156—163, 168, 194, 203, 227, 231, 256
- Таваспары (тавас-парк) — 56
- Тагир-оба — 49
- Таир — 187
- Тал — 83
- Талы — 243, 249, 250, 255
- Талыши — 114
- Тальское общество — 243, 244, 245, 250
- Талышское ханство — 111
- Тарки — 39, 125, 222
- Тарковское шамхальство — 36, 39, 40, 95, 118
- Тат — 154
- Татар-хан — 187, 226
- Татары (горские татары) — 46, 50, 75, 146
- Татиль — 71
- Таты — 49, 107, 109, 147
- Тахтанум — 174
- Ташилу — 155
- Тебриз — 110, 111, 120
- Теки-Пиркент — 196

Тел — 49

- Терек — 39, 40, 41, 44, 196
- Терекемейский магал — 90, 224
- Терекемейцы (терекемеи, туркоманы) — 49, 109, 136, 137
- Тинит — 132, 133, 142
- Тинский магал — 50
- Тител — 190
- Тифлис — 43, 184, 249, 251, 253, 254
- Тифлисская губерния — 40
- Тишик — 166
- Торжальцы — 202
- Тарпах-керни — 49
- Тосмало — 249
- Тпиг (Типиг) — 61, 62, 71, 72, 87, 190, 237, 240, 241
- Тра — 197
- Тураг (Тюрягь) — 71, 132, 133
- Турки (османы) — 80, 114, 157, 248
- Туркистан — 50
- Туруф — 132, 133
- Турция — 33, 79, 85, 86, 89, 92, 95, 99, 114, 118, 156, 208, 222, 236, 248, 249
- Тцанак — 143
- Тюрки — 46, 109, 147, 179

У

- Угур — 50
- Уджук — 132
- Уезд Рустау — 69
- Узден-оба — 49
- Узун-Тала — 174
- Укудеше — 242
- Укуз (Укуд) — 190, 237
- Укур-оба — 49
- Улзит — 133
- Улуз — 132, 133
- Улукатах — 212
- Улу Самур — 101
- Улус — 24, 138
- Улусский магал — 62, 85, 97, 102, 108, 124
- Улусский округ — 100
- Уна — 199, 206, 208
- Унсадальское общество — 252

Хошмязик — 143
 Хпеч — 190
 Хпюг — 178
 Хпюг-дере — 60, 236, 237
 Храх — 197, 234, 235
 Хрежв — 132
 Хриз — 50
 Хрюк — 199, 203, 206
 Хтун — 190, 191
 Худат — 83, 90, 116, 187
 Худатский район — 49
 Худиг (Худык) — 81, 237, 241
 Хужник — 132
 Хулют — 133, 199
 Хуля — 197
 Хунюк — 199
 Хуреатиль — 131
 Хурик (Хурук) — 71, 73, 81, 131, 132, 133, 137, 141, 142, 151, 230, 234
 Хурикцы — 133
 Хуртил — 132
 Хутарг — 220
 Хуткул (Хутхул) — 87, 238, 239, 240
 Хурцик — 132
 Хурши — 71
 Хучни — 26, 62, 71, 72, 78, 85, 138, 141, 142, 143, 151, 152, 154, 159, 164, 180
 Хывынбы — 61
 Хырак (Хырах) — 132, 230, 236
 Хюрак (Хюрякъ) — 132, 133

Ц

Цаблованы — 250
 Цайлахан — 78
 Цалах — 131
 Цанак — 47, 78
 Цандрисхеви — 250
 Цахайки — 60
 Цахур — 35, 40, 60, 62, 73, 74, 78, 81, 83, 166—172, 176, 178, 180, 184, 199, 203, 247
 Цахурский общинный союз — 169
 Цахурский союз сельских обществ — 172
 Цахурское владение — 166, 168—172, 177, 178, 222

Цахурское вольное общество — 166, 175, 179, 243
 Цахурское общество — 83
 Цахурское (Элисуйское) султанство — 95, 170, 176
 Цахуры (цахуры, цахи) — 7, 11, 32, 46, 55, 56, 58, 59, 60, 61, 67, 73, 110, 165—170, 174, 176—180, 184, 194, 244, 256, 258
 Целягун — 71, 217
 Целянг — 190
 Центральный Дагестан — 54
 Цинциль — 132
 Цирутил — 133
 Цирхе — 238
 Цмур — 77, 189, 220
 Цнал — 189, 220, 221
 Цугдиг — 71, 78
 Цудурский перевал — 27
 Цудух — 132
 Цуптила — 153
 Цуртил — 155
 Цухтыр — 143

Ч

Чагаджик — 103
 Чъалакк — 133
 Чердахи — 250
 Чекиль — 102, 103
 Чере — 71, 78, 132
 Чердахи — 255
 Чехе-Гетаг — 51
 Чечня — 13, 78
 Черное море — 78
 Чига — 123
 Чиле (Чилейский магал) — 212, 213
 Чираг (Чирах) — 77, 78, 87, 178, 213, 218, 226, 227, 239
 Чирахские горы — 24
 Чирахчай (Арахчай) — 26, 29, 30, 51, 67, 131, 132, 211, 239
 Чиокура — 196
 ЧиркӀулар — 133
 Чоборидаг — 27
 Чобанколи — 249
 Чокдул — 164
 Чорз — 34
 Чох — 180

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

Чувек — 132, 133
Чулак — 132
Чулат — 132, 133, 142
Чурдаф — 133
Чурдаф Шила — 132
Чуркул (Гуркул, Чиркул, Куркул, Чуркулар мягъял) — 132, 134, 154, 164, 230, 231
Чурмуты — 244, 245
Чуру гъул — 131
Чюрюхюр — 87

Ш

Шабран (Шабурани, Шебран) — 24, 33, 34, 37, 50, 80, 83, 103, 118, 122, 149, 157, 257
Шабранский округ — 37
Шагдаг — 25, 27
Шак — 197
Шалбрус — 25
Шалбуздаг — 27, 35, 196
Шамшадильское султанство — 111, 120
Шагдаг — 195, 201
Шахер-Юнан — 106
Шахляр — 174
Шеки — 40, 76, 78, 79, 83, 90, 111, 120, 123, 204
«Шекинская» («Анапская») дорога — 78, 204
Шекинская провинция — 50, 196, 202, 204, 243
Шекинский уезд — 46
Шекинское владение — 102
Шекинское ханство — 69, 78, 111, 120, 195, 197, 242, 243, 248
Шекинский магал — 170
Шемаха — 33, 35, 74, 75, 76, 80, 83, 84, 110, 123, 127, 128, 157, 170, 204, 249, 259
Шеш-Пара — 118
Шила — 73, 133
Шимихюр (Шемихюр) — 178, 190
Шиназ (Сыназыр) — 59, 71, 78, 199, 202, 204, 206, 207, 208, 211
Шиназский магал — 199
Шиназский союз сельских общин — 32
Ширакская степь — 243
Ширван — 34, 36, 37, 40, 43, 44, 74, 78, 79, 82, 83, 84, 86, 90, 98, 100, 101, 102, 111, 119, 120, 122, 123, 124, 137, 142, 144, 166, 170, 223, 249, 257

Ширвановка — 49
Ширванская область — 40, 172
Ширванская провинция — 50
Ширванский валайет — 34
Ширванский уезд — 46
Ширванское ханство — 41, 111
Шихи-Кент — 226
Шотавар — 168
Штул — 190
Шудуллу — 250
Шуша — 76

Э

Экендиль — 132
Элисуйский общинный союз — 169
Элисуйцы — 184
Эльбрус — 29, 35, 36
Энгияни — 249
ЭмиргъуьртIад — 77
Эндиреевское владение — 118
Эрфн — 50
Этег (Этегар, Этех) — 73, 87, 132, 133, 138, 154, 160
Эшме Дагестан — 38, 122

Ю

Юго-восточный Дагестан — 57
Юго-западный Дагестан — 59
Южный Дагестан — 3—16, 18—42, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 54, 55, 56, 58, 60, 62, 64, 65, 67—84, 86, 87, 88, 89, 92—96, 100, 108, 116, 117, 119, 122, 123, 129, 131, 136, 137, 141, 144, 150, 160, 162, 186, 192, 193, 194, 195, 209, 211, 218, 222, 228, 236, 239, 241, 242, 256, 257, 258, 260
Южный Табасаран — 66, 132, 147, 228
Южный хребет Кавказа — 65
Юхарибаш — 122
Юхари-Зейхур — 71
Юхари-мака — 190
Юхарибашский магал — 50, 204
Юхари-Стал — 70, 158, 217
Юхари-Тахирджал — 71, 202
Юхари-Ярак — 70, 71, 217

Ягдыг (Ягдиг) — 132, 137, 230
 Ягъянар — 133
 Якекех — 190
 Якуб-оба — 49
 Ялак — 198
 Ялама — 28, 101
 Ялджиг — 197
 Яраг (Ярагь, Ярак) — 31, 133, 142, 185, 217
 Ярак Верхний — 132
 Ярак Нижний — 132
 Ярги-Келядых (Высокая башня) — 221
 Яргил-чай — 138
 Ярей (магал) — 154
 Яркег — 237
 Яржкаршу — 55
 Яркут — 238, 239
 Яхаги — 243

**Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Актуальность. Историография. Источники	3
Глава I. ОБЩАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА	19
Глава II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА XVII — нач. XIX в.	94
1. Дербентское владение	96
2. Табасаранские майсумство и кадийство	131
3. Цахурское (Элисуйское) султанство	165
4. Кюринское ханство	185
Глава III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА	193
1. Союзы сельских общин Самурской долины	195
2. Кюринские союзы сельских общин	209
3. Союзы сельских общин Табасарана	227
4. Союзы сельских общин Агула	236
5. Джаро-Белоканский союз	242
Заключение	256
Библиография	260
Список сокращений	275
Именной указатель	277
Указатель географических и этнических названий	286

*Багомед Гадаевич Алиев,
Магомед-Салам Курбанович Умаханов*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ДАГЕСТАНА

XVII — нач. XIX в.

Книга II

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА)

Сдано в набор 12.01.2001. Подписано в печать 12.03.2001. Формат 60х84¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Уч.-изд. л. 21. Усл. печ. л. 20,75. Тираж 500 экз. Заказ 55.

*Издательство типографии
Дагестанского научного центра РАН*

ЛР № 040945

ПД № 10—13048

Типография Дагестанского научного центра РАН
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

118	11-я сн.	вхождение Дербента и Дербентского ханства в состав России	подчинение Дербента и Дербентского ханства России
134	2-я сн.	т.е. к востоку	т.к. к востоку
138	18-я св.	был покрыт снегом	бывает покрыт снегом
--	17-я сн.	из источника горы	из источника с горы
163	8-я св.	процарски	процаристски
--	8-я сн.	¹ Там же.	¹ Там же.С.187
182	13-я сн.	пока он: меча	пока он «меча
194	21-я св.	их состав	их состава, показать
212	7-я сн.	Гюджейский	Гюгджейский
218	6-7-я св.	торговоремесленными	торгово-ремесленными
--	15-я сн.	они «достаточествуя	они, «достаточествуя
219	18-я св.	наказывалось	наказывались
226	3-я св.	Соболевым	Савельевым
233	17-я св.	хлебопашенство	хлебопашество
237	2-я св.	Ричейский	Ричинский
242	17-я св.	находящихся	находящиеся
250	15-я св.	Мухахи	Мухах
--	4-я сн.	К Чарскому обществу придерживались	К Чарскому обществу примыкали
--	14-я сн.	Дженихскому обществу	Джинихскому обществу
253	10-я св.	пудов	пудам
--	14-я св.	2 тагары	2 тагара

Унчукатль — 203
 Урга (Ургья) — 131, 133, 142
 Урдо — 182
 Урмия — 120
 Урсих — 132
 Урсунч — 190
 Уруджба — 101
 Уруш — 199
 Усухчай — 28, 29
 Усть Чимесы — 36
 Урциг — 132
 Урчуг — 132
 Усуг (Усух, Усу) — 77, 218, 237, 241
 Усур — 198, 250
 Утух — 50
 Ухрах — 155
 Ухул — 197
 Ушнюг — 155

Ф

Ферган — 155
 Фий — 70, 198, 200, 203, 206
 Фийский перевал — 27
 Филасил — 196
 Фириджах — 197
 Филя — 69, 210
 Фистихло — 173
 Фите — 73, 190, 237
 Фия — 29
 Фурдаг — 131, 133

Х

Хазры — 71
 Хак — 132
 Хал — 198
 Халаг — 71, 132, 133, 142
 Халедар-даг — 25
 Халтан — 50
 Хамандар — 133
 Хамбутаево владение — 49
 Хамейды (р.) — 137

**Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Хаменди — 24, 137, 138
 Ханач — 71, 132, 133, 141, 142, 234
 Ханак — 132
 Ханалик (Ханалук) — 50
 Ханалыгский магал — 50
 Ханалыгская округа — 49, 50
 Хан-Магомед-Кала — 225
 Хан-оба — 49
 Хапиль — 132
 Хапит — 50
 Хараг — 73, 132, 133
 Хараг-Шила (Хараг-Шилли, Харагшилла) — 73, 132, 134, 138, 153, 164, 230, 231, 232
 Хараг-Шилли-даг — 138
 Харали-ар — 164, 230, 231
 Хьаран-кьил — 131
 Харахур — 190
 Хаси-кумыки — 223
 Хатан — 35
 Хатун-Гих — 25
 Хархни — 132, 133
 Хатаглу — 187
 Хатиль — 133
 Хаченское меликство — 111
 Хели — 47
 Хели-Пенджи — 47, 78, 143
 Херба-Куран — 151
 Хив — 71, 72, 131, 132, 133, 141, 142, 234, 235, 241
 Хивский район — 49
 Хиналарик — 87
 Хиналыхская округа — 108
 Хипиг — 190
 Хираг (Хирах, Хараг) — 134, 154, 230, 231
 Хиркьар (Хиргьар) — 133
 Хиналуг — 87
 Хинарик — 160
 Хкем — 68, 202
 Хнач — 166
 Хнов — 68, 198, 202, 205—208
 Хой — 111, 120
 Хорадж (Хоредж) — 77, 131, 133, 190, 237
 Хосрех — 77, 87, 227
 Хоца — 167
 Хочек — 166